Сказительница
Сказания Колдовского Мира

Сказительница
Сказания Колдовского Мира

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ANDRE

NORTON

Songsmith

Spell of the Witch World

АНДРЭ

НОРТОН

Сказительница

Сказания Колдовского Мира

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

Terra Fantastica
Санкт-Петербург

2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
Н82

Серия основана в 1999 году

Andre Norton

SONGSMITH

1992

SPELL OF THE WITCH WORLD

1972

Серийное оформление А. Кудрявцева

Перевод с английского Д. Арсеньева и Ю. Соколова

В оформлении обложки использована работа художника Т. Якобуса, предоставленная агентством А. Корженевского.

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Sternig & Byrne и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 25.10.01. Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 30,24. Тираж 15 000 экз. Заказ № 4205.

Нортон А.

Н82 Сказительница: Фантаст. роман; Сказания Колдовского Мира: Повесть; Рассказы / А. Нортон; Пер. с англ. Д. Арсеньева, Ю. Соколова. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. — 572, [4] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-011020-0 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-7921-0462-X (TF)

Андрэ Нортон — одна из самых популярных писательниц за всю историю мировой фантастики, более того, один из тех редких авторов, таланту которых в равной степени подвластны как жанр научной фантастики, так и жанр фэнтези, первая и пока единственная женщина, удостоенная Американской ассоциацией писателей-фантастов высокого титула Великого Мастера.

Однако в ряды классиков фантастической литературы нашего столетия Нортон вошла именно благодаря фэнтези — благодаря своей знаменитой эпической саге о Колдовском мире, мире могучих героев и могущественных волшебников, уникальном, бесконечно оригинальном мире, полюбившемся миллионам читателей...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

© Andre Norton, Ltd, 1972, 1992
© T. Jacobus, 2002
© Перевод. Д. Арсеньев, 2002
© Перевод. Ю. Соколов, 1992
© ООО «Издательство АСТ», 2002
® TERRA FANTASTICA

Сказительница

Эта книга посвящается Терезе Бигби,
другу и искусной наезднице.
Если кто-то может ездить
верхом на кеплианце, так это она!

© Перевод. Д. Арсеньев, 2001.

Пролог

Жизнь сказителя, сочинителя и исполнителя песен, кажется непосвященным (тем, кто никогда не пытался этим заниматься) беззаботной, полной путешествий, романтики и, может быть, легкой опасности (только время от времени в качестве приправы). Но, по правде говоря, жизнь поэта редко бывает такой замечательной, обычно это просто работа, как и все другие.

Нужно слушать, запоминать, извлекать из себя слова и музыкальные ноты, составляя что-нибудь вразумительное и надеясь, что результат вызовет улыбки, а не мрачные взгляды или, что еще хуже, зевки. Нужно научиться определять размер вечерней выручки по стуку монет в футляре арфы, отличая чистый звон серебра от гулких ударов бронзы и меди или (да будет благословенна удача) от редкого благозвучного шелеста золота. Спать под проливным дождем или холодным снегом, когда только небольшой костер отделяет от полной угроз ночи. Научиться нагревать воду из ручья и пить ее медленно, вместо настоящей пищи, пытаясь заглушить пустоту в желудке...

Нет, лорды и леди, собравшиеся в этой древней крепости, чтобы, прихлебывая вино, послушать сказителя. Жизнь барда редко бывает беззаботной.

Но случаются времена, когда песни и музыка дорогого стоят. В такие моменты струна скользит, как грива благородного коня под рукой, а слова сами приходят на уста певца. Сейчас такое время — после тостов и поздравлений, которые сопровождают праздничный день, здесь, в благородной крепости. И после того, как спеты старые, лучшие песни, настало время новой... Это история о музыканте, который пользовался особым почетом. А причины скоро вам самим станут ясны.

Итак... Начальный аккорд, подражающий ветру, который разгоняет холодный туман ранней весны в глухом переулке темного прибрежного района города, и новое сказание начинается...

1

Сильные ветра многие годы приносили соленые брызги, и крутой переулок, ведущий от верфей, покрылся коркой соли, на потемневших от времени камнях появились белые разводы. Переулок Рыбака с пустыми сетями был безлюден в последних лучах заката; только одна из его многих теней материальна.

Невысокий человек в темном плаще после двух месяцев пребывания в море с трудом держался на ногах, и резкий, холодный, с привкусом соли ветер едва не сбивал его с ног. Злополучный путник спотыкался на скользких булыжниках грязного, покрытого отбросами переулка, и от падения его спасала только длинная дубинка с ручкой в виде головы грифона, которая служила не только оружием, но и посохом. Путник на мгновение спрятался под древней аркой, чтобы укрыться от еще одного порыва непогоды; длинными пальцами он сжимал изношенный футляр арфы и залатанный дорожный мешок.

Впереди показался тусклый свет, обещая убежище от непогоды и надвигающегося снегопада. Человек с арфой направился к источнику света и увидел на стене темного угрюмого здания корабельный фонарь с мигающим от ветра огнем. Изнутри доносились

пьяные голоса, слышные даже сквозь шум ненастья. Путник опасливо осмотрел гостиницу вместе с прилегающей к ней таверной. Он видел, что «Танцующий дельфин» не из тех заведений, где люди с полным кошельком будут искать еду, а тем более ночлег. Под выцветшими буквами на раскачивающейся вывеске изображена была нелепая серая фигура среди высоких волн. Арфист поморщился, но вспомнил о своем почти пустом кошельке, упрятанном в поношенную, с пятнами от морской воды куртку.

С трудом — из-за сильного ветра — открыв дверь, сказитель вошел в бар. Хриплый смех и пьяные споры сливались в оглушительный шум. Отыскивая взглядом хозяина, путник в темном плаще осторожно ступал по полу, почти такому же грязному и неровному, как переулок снаружи,— из-за пролитого вина, пятен жира и разбросанных костей.

Хозяин таверны, худой красноносый человек с лысиной и заросшими волосами ушами, повернулся, когда его потянули за рукав.

— Прошу прощения, уважаемый,— сказал путник, указывая на арфу у себя в руках.— Не возражаешь, если я спою немного для твоих посетителей?

Хозяин разглядывал незнакомца. Наконец он кивнул.

— Если заплатишь за еду и ночлег, как все остальные, менестрель.

— Конечно.— Незнакомец отбросил капюшон темного плаща, обнажив коротко подстриженные черные вьющиеся волосы. На ушах маленькие серебряные сережки.— Я начну...

— Девка! И красивая, клянусь зубами пса! Где ты ее нашел, Милт?! — на плечо путницы легла рука, повернув девушку лицом к широкоплечему рыбаку с покрасневшим от ветра и эля лицом.

Грубый рывок распахнул плащ, обнажив серебряную подвеску на груди незнакомки. Как только

рыбак понял значение этого украшения, он отступил и опустил руку.

— Я не знал... не видел... — Он неуклюже и виновато коснулся пальцами лба. — Прошу прощения, госпожа...

Сказительница вежливо склонила голову, коснувшись пальцами знака своего призвания... трех переплетенных колец, каждое с приплюснутой стороной — стилизованное изображение пальцев, касающихся струны.

— Я начну немедленно, — сказала она хозяину, как будто ее не прерывали.

Положив футляр арфы на скамью у огня, девушка открыла его и извлекла подержанный инструмент старомодного образца, вырезанный из просушенного вишневого дерева, украшенный орнаментом из серебристо-голубого металла, тускло мерцавшего в свете очага. Положив арфу на колени, сказительница достала из внутреннего кармана своего красного платья три острых прищепки и надела на пальцы.

Потом начала настраивать инструмент. Услышав негромкие звуки струн, двенадцать рыбаков, восемь моряков-сулкаров и два поседевших сокольничьих, которые находились в зале, перестали разговаривать и с уважением, сохраняя тишину, собрались у огня.

— Подходите ближе, добрые люди! — громко пригласил Милт, хозяин таверны. — Послушайте бродячую сказительницу, которая согласилась подарить нам развлечение в канун бури. Обратите внимание на госпожу... — Он смолк, сообразив, что не спросил имени барда, и сказительница прошептала с сухой усмешкой:

— Эйдрис из Кар Гарудина.

— ...госпожу Эйдрис из Кар Гарудина! — торжественно закончил Милт. Воцарилась вежливая тишина.

Эйдрис начала с легкой веселой мелодии, разминая пальцы и настраивая аудиторию. Мужчины, в

большинстве рыбаки и моряки. Хорошо подойдут вначале морские песни, потом любовные, песни о сладкогласых сиренах и благородных деяниях. Может, в конце что-нибудь непристойное, чтобы они посмеялись, бросая монеты в футляр ее арфы...

— Послушайте, добрые люди, песню, которой меня научили на борту сулкарского корабля «Оспри»,— сказала Эйдрис, надеясь, что холод и влага предыдущих дней и ночей не отразились на ее голосе.— В песне говорится об отряде, собранном одним из ваших легендарных героев во времена войны с колдерами. Героя звали Саймон Трегарт. Послушайте «Пограничную песню».

Эйдрис запела, вначале негромко, потом постепенно голос ее разогрелся, яснее зазвучало чистое контральто, заполнив дымный тусклый воздух красивыми правильными нотами.

Мы поклялись беречь границы прекрасного Эсткарпа,
Мы, воины из отряда Трегарта,
Чтобы волшебницы, владеющие древними знаниями,
Смогли отомстить за зло, причиненное нашей земле.

Мы все, сокольничьи и Древняя Раса,
Все были связаны единой волей.
Мы должны были не пустить захватчиков на свою землю,
Рубить мечами и посылать убивать соколов!

Начиная третье четверостишие, молодая женщина быстро обвела взглядом лица. Все слушатели наклонились вперед, забыв о разговорах. Эйдрис успокоилась: она поняла, что здесь, в порту Элси, так же покоряются «чарам» летящих по струнам пальцев и поставленного голоса, как и жители Верхнего Холлека за морем или на ее родине, в окруженном заклинаниями Арвоне. Сказительница надеялась, что слушатели щедро поделятся с ней своими

монетами: почти все, что она заработала в Долинах Верхнего Холлека, ушло на оплату плавания на борту «Оспри».

Четвертый и пятый куплеты прошли еще лучше. Слушатели начали кивать в ритме песни. Эйдрис последним торжественным аккордом закончила балладу, и все одобрительно застучали кружками.

— Еще одну, менестрель! Еще одну!

Один из моряков-сулкаров, мощный и светловолосый, как все представители его народа, перекрыл голоса остальных:

— Сулкарскую песню, сказительница! Спой нам песню сыновей Сула!

К счастью, моряки с «Оспри» научили Эйдрис множеству своих песен: они постоянно пели за работой, и натренированному слуху легко было овладеть этими мелодиями. Закрыв глаза, Эйдрис начала перебирать струны, отыскивая нужный ключ... Вот, она его нашла.

— Хорошо, добрые сэры. Спою вам «Падение Сулкаркипа», песню, рассказывающую о великом герое Магнусе Осберике, который предпочел собственными руками уничтожить свою крепость, чтобы не отдавать ее в руки колдеров.

На этот раз мелодия была печальной, в миноре, как и подобает трагическому сказанию. Эйдрис начала:

Ветер и пламя, земля и волна,
Сулкаркип, гордый Сулкаркип!
Все были посланы копать могилу купца;
Сулкаркип, потерянный Сулкаркип!

— Мы будем охранять, — сказал гордый Осберик, —
Сулкаркип, сильный Сулкаркип!
И никто без нашего разрешения не войдет
В Сулкаркип, прекрасный Сулкаркип.

Девушка продолжала, погрузившись в музыку. Пестрое окружение поблекло, слушатели перенеслись в прославленную крепость, в ту трагическую ночь. Голос Эйдрис звучал похоронным плачем, когда она описывала отчаянную битву в обреченной крепости:

Но когда густой и липкий туман
Пополз на Сулкаркип, темный Сулкаркип,
Посланный коварством демонов колдеров
На Сулкаркип, проклятый Сулкаркип,

Купец понял, что судьба его близка
В Сулкаркипе, сильном Сулкаркипе,
Потому что с неба спускается смерть
В Сулкаркипе, обреченном Сулкаркипе.

Размахивая топорами и окровавленными мечами
В Сулкаркипе, просторном Сулкаркипе,
Воины сражались с огромной безмозглой армией
По Сулкаркипу, по всему Сулкаркипу.

Лицо рослого моряка стало печальным и мрачным, и Эйдрис подумала, может, и он в ту ужасную ночь потерял отца или дядю. Она словно видела могучего Осберика с шлеме в виде головы медведя, с его меча на древние камни крепости капает кровь. Голос певицы возвысился в последних печальных и торжественных строках:

А когда они достигли могучего сердца
Сулкаркипа, гордого Сулкаркипа,
Воины волшебниц и сулкары
Расстались в Сулкаркипе, обреченном Сулкаркипе.

— Собственными руками я уничтожу
Мой Сулкаркип, дорогой Сулкаркип! —

Сказал Осберик.— Уходите побыстрей
Из Сулкаркипа, утраченного Сулкаркипа!

И он высвободил могучие Силы
В Сулкаркипе, гордом Сулкаркипе,
И все камни расцвели пламенем.
О Сулкаркип, о Сулкаркип!

Она закончила, стих последний аккорд, и наступила долгая тишина; потом слушатели зашевелились, словно просыпаясь. Сулкар откашлялся.

— Отлично, менестрель! Никогда не слышал лучшего пения! — блестящая серебряная монета мелькнула в воздухе и приземлилась в футляре арфы. И словно это послужило сигналом: монеты посыпались вслед за первой.

Эйдрис благодарно кивнула, принимая подношения, и спела «Сделку жены Мосса». Потом последовали быстрые резкие ноты «Волшебника с одним заклинанием», и в зале воцарилось более веселое настроение. Отхлебнув освежающего эля из кружки, предложенной сулкаром (ей очень хотелось пить, но Эйдрис не решалась выпить больше глотка: в животе у нее урчало от голода, и ей нужна была трезвая голова для того, чтобы выяснить то, что она не решалась спросить впрямую), она запела «Не называйте мое имя в битве». Этой песне ее научил отец много лет назад...

«Не думай о нем,— строго приказала себе Эйдрис, чувствуя, как перехватывает у нее горло. Последний куплет дался ей нелегко.— Когда кончишь петь и соберешь денег для путешествия, сможешь вспомнить о Джервоне. Припомнишь и своих приемных родителей: госпожу Джойсану и лорда Керована. А потом подумаешь и об Обреде, и о своей каштановой кобыле Вьяр, о Хиане и Фирдуне, о самом Кар Гарудине, да сохранит Нив живущих за его стенами! Но до того времени ты должна петь и ни

намеком не выдавать своей цели, не говорить, зачем уехала так далеко от дома».

Справившись со своей печалью, она сыграла начальные аккорды «Гнева Кейлора», чувствуя, как ее, словно наброшенный в битве плащ, окутывает и ослепляет усталость. «Еще две песни,— пообещала она себе.— Еще только две, тогда я смогу прекратить, собрать деньги, зная, что мне заплатили полностью».

— А теперь, добрые люди,— сказала она несколько минут спустя, наигрывая заключительные аккорды «Гнева Кейлора»,— новая песня, вдохновленная историей, рассказанной мне о проклятом колдерами городе Сиппаре на острове Горм. Слушайте «Город, населенный призраками».

Голос Эйдрис зазвучал низко и загадочно. Она подумала о том, что Сиппар, вернее, то, что от него осталось, находится на другой стороне залива, всего в дне пути отсюда.

Ни один ребенок больше не спит в Сиппаре,
Ни один корабль не причаливает в его прекрасной гавани,
Ни один шаг не звучит на улицах и лестницах,
Потому что все в городе перепахано плугом смерти.

Когда колдеры пришли к богатому Сиппару,
Они выпили его жизнь, а потом похитили и чашу,
И когда время демонов кончилось,
Пустой город плакал, виня их.

Говорят, город был убит дважды,
В первый раз мечом, второй раз сознанием;
Нечистое оружие колдеров
Выпустило на улицы города лишенных души.

Вторая смерть постигла Сиппар,
Когда нанес удар Саймон Трегарт.

Удар заставил стихнуть владеющих Силой,
И нежить улеглась со вздохом.

Трупы лежали на тихих улицах,
Рабы высвободились наконец из своих тел,
И тела можно было похоронить:
Больше они не сражались, околдованные.

Ни один корабль не приходит в гавань Сиппара,
Потому что никто не живет на его берегах.
И хоть время разрушает все запреты,
Храбрые оставили Сиппар в тени.

Произнося последние слова в тишине «Танцующего дельфина», Эйдрис видела, как вздрагивали слушатели и потом слишком поспешно выпрямлялись. Тот тип, что пристал к ней, когда она вошла в зал, на самом деле оглянулся через плечо, как будто на него легла призрачная рука.

«Не нужно, чтобы они боялись темноты ночи, — подумала Эйдрис. — Немного непристойностей заставят их посмеяться и освободят от серебра. И мне не придется петь сказания Высокого Холлека, опасаясь, что они их не поймут... Непристойность — всюду непристойность».

— А теперь, добрые люди, — провозгласила она, — последняя песня вечера — «Приданое служанки».

И она начала песню о бедной молодой служанке, на добродетель которой покушался моряк (хотя он, конечно, заявлял, что намерен честно жениться). Песня продолжалась, сопровождаемая хохотом посетителей: служанка принимала от моряка похвалы своей красоте вместе с многочисленными дарами, но благодаря различным подстроенным недоразумениям и ловушкам умудрялась сохранить девственность. И однажды, вернувшись из очередного плавания, моряк обнаружил, что она вышла замуж. А на приданое пошли его подарки!

Заканчивая песню, Эйдрис и сама улыбалась:

О, она была прекрасна, эта девчонка,
Как прекрасен корабль в море,
Но увы! Я оплакиваю день нашей встречи:
Как эта девушка ограбила меня!

— Спасибо, спасибо всем за внимание.— Эйдрис встала и поклонилась. Потом отхлебнула эля. Все аплодировали ей и пили за ее здоровье. Новый поток монет устремился в футляр арфы. Когда слушатели разошлись, Эйдрис сосчитала выручку. Хватит, чтобы заплатить за отдельный номер на ночь, за ужин и завтрак, и еще можно будет купить еды на несколько дней пути.

Хозяин проводил ее в комнату, маленькую, чердачную, под самой крышей. Сунув арфу и дорожный мешок под деревянную кровать, Эйдрис смочила руки и лицо ледяной водой, которую нашла в кувшине, потом отправилась на поиски ужина.

К этому времени таверна опустела; остались лишь те посетители, которые будут в ней ночевать, так что Эйдрис сидела за столом одна. По ее просьбе хозяин принес ужин. Эйдрис приятно удивилась, обнаружив тарелку с горячим мясом омара, овощной салат и хорошее вино, и с аппетитом поела.

— Спасибо, уважаемый. Отличная еда.

Маленький человек кивнул.

— Мой собственный рецепт. Посетители прощают неудобства, если мясо хорошо приправлено, а пиво охлаждено. Можешь прожить еще день, сказительница. Редко кто может удержать моих посетителей целый вечер, как ты.

— Спасибо, но нет, утром я должна отправиться в путь,— ответила она, отхлебывая приятного вина.— Скажи мне,— спросила Эйдрис с деланным равнодушием,— а сколько дней пути до самого города Эса? Мне хочется посмотреть его.

— Пешком? — спросил Милт и ненадолго задумался. — Не менее четырех дней, может, все пять. Верхом полных два дня.

— Дорога хорошая?

— Да, и хорошо охраняется. Корис из Горма справедливый человек, но не терпит разбойников, и они в эти дни сторонятся больших дорог.

— Корис из Горма... Сын Хильдера, — сказала Эйдрис, вспоминая, что ей рассказывали на борту «Оспри». — Говорят, он со своей госпожой Дойз теперь правит Эсткарпом. А волшебницы ни во что не вмешиваются, думают только о восстановлении своей Силы.

Милт понизил голос, хотя они оставались в зале вдвоем.

— Это правда, — согласился он, — но об этом не принято говорить вслух. Много лет назад, во времена Великой Перемены, многие волшебницы погибли или превратились в пустую оболочку. Но некоторые еще сохранили Силу.

— А что за Великая Перемена? — спросила Эйдрис.

— Когда карстенский герцог Пагар попытался вторгнуться, пройдя горы, колдуньи собрали всю свою Силу и Могущество, чтобы перевернуть саму землю. Горы, разделяющие Эсткарп и Карстен, задрожали и обрушились, потом поднялись новые вершины. За одну разрушительную ночь все захватчики погибли, были уничтожены все дороги, ведущие в Карстен.

— Должно быть, это было ужасно.

— Да, это уж точно. Я тогда был еще мальчишкой, но хорошо помню тот день. Как будто тень легла на землю... тень, которую нельзя было увидеть, только почувствовать. Тень давила на все живое, словно кулаком. Этот кулак был такой тяжелый и вдавливал нас в землю... — Хозяин таверны взрогнул при этом воспоминании.

Эйдрис торопливо вернула разговор к интересовавшей ее теме.

— Но ты говоришь, что некоторые волшебницы еще сохранили свою Силу?

— Да, если рассказы, которые я слышал, правдивы. Но, как ты и сказала, они отказались от правления Эскарпом. Они больше не правят нашей землей. Правит Корис и его жена госпожа Лойз, а помогают ему друзья и боевые соратники, прежде всего чужеземец лорд Саймон Трегарт и его жена Джелита.— Хозяин нервно оглянулся, проверяя, одни ли они.— А ты знаешь, что она сама была колдуньей?

Эйдрис знала, но сделала вид, что удивилась и готова слушать дальше.

— Правда?

Хозяин почти умоляюще поднял руку.

— Правда. Прежде чем стать его женой, она была волшебницей. Когда они поженились, она родила своему мужу детей, так что брак у них настоящий... и все же...— Он опять оглянулся, потом наклонился, так что девушка ощутила его кислое дыхание, увидела черные поры на носу.— И все же она по-прежнему владеет Силой! Хотя и не девственница!

Эйдрис изобразила приличествующее удивление, хотя на самом деле не удивилась: ее собственная мать, Элис, тоже не утратила Силу с потерей девственности.

— Говорят, остальные волшебницы так и не простили госпоже Джелите за то, что она легла в постель своего лорда и при этом не утратила своей Силы. Они считали ее предательницей,— закончил Милт.

— Может, они ей завидуют,— предположила девушка.

Трактирщик хрипло рассмеялся.

— Не волшебницы Эскарпа, сказительница! Для них мужчины — это нечто такое, что с трудом можно переносить, но чего нельзя желать!

— Скажи мне, Милт... колдуньи когда-нибудь... помогают людям? — Эйдрис заставила себя собрать последние остатки мяса с тарелки.

— Говорят, помогают время от времени. Благословляют посевы и все такое, призывают дождь в засуху, успокаивают ветер и волны, чтобы корабли благополучно вернулись в гавань.

— А меньшее волшебство... лечение и тому подобное?

— Ну, это тоже. Лекарственные растения, настойки и мази, амулеты от лихорадки... — Он налил в кубок сказительницы остатки вина, потом собрал тарелки на поднос. — Хочешь еще, менестрель?

— Спасибо, нет, — ответила Эйдрис, допивая вино и вставая. — Спокойной ночи.

— Приятных снов тебе, сказительница.

Кивнув хозяину, Эйдрис направилась к лестнице. Шла она медленно: так устала за день, что даже несколько глотков вина Милта заставили ее чувствовать себя так, словно она опутана нарядными разноцветными рыбацкими сетями, которые украшают стены «Танцующего дельфина». Пол под ее поношенными кожаными башмаками как будто ритмично покачивался, она словно все еще плывет на «Оспри» в океане. Добравшись до своей комнаты, молодая женщина разделась и зарылась в грубые шерстяные одеяла, слишком уставшая, чтобы искать ночную сорочку.

Она уже засыпала, когда глаза ее распахнулись. «Забыла! Но, клянусь Янтарной Госпожой, я так устала...» Вздохнув, Эйдрис отбросила одеяло и протянула руку к посоху с головой грифона, лежащему на деревянных досках пола. В темноте подтащив к себе посох, она другой рукой отыскала у себя на шее амулет, который обычно прятала под одеждой. Янтарь и аметист показались ей теплыми и знакомыми, она провела пальцем по символу Гунноры — снопу пшеницы, перевязанному лозой.

— Госпожа,— прошептала она,— прошу твоей помощи в моем поиске. Молю тебя, защити тех, кого я люблю, кто живет в Гнезде Грифона. Защити госпожу Джойсану и ее лорда Керована. Защити их дочь и сына — Хиану и Фирдуна. Но больше всего молю тебя: защити моего отца! Помоги найти того, кто его излечит, чтобы Джервон после всех этих лет снова стал самим собой. И еще, госпожа...— Она помолчала в темноте.— Прошу тебя, помоги найти мою мать, леди Элис. Она так долго не с нами... Защити ее, где бы она ни находилась, ты, заботящаяся о всех, несущих жизнь...

Она крепко сжала символ, ожидая знака, знамения, но слова ее по-прежнему звучали пустыми звуками. Глаза грифона из кванской стали не вспыхнули: благословенный металл никогда не сверкал для нее. А янтарный амулет Гунноры был темен, как окружающая ночь. Так всегда было...

С усталым вздохом Эйдрис снова легла, отдаваясь сну, надеясь, что сегодня она так устала, что ей ничего не приснится.

Двухколесная телега скрипела на каменистой дороге.

— Тяни, Фэнси! — молодой фермер ударил ивовым прутом по круглому крупу своего малорослого гнедого мерина.— Вон там город Эс, сказительница,— бросил он через плечо.— Теперь уже недалеко.

Эйдрис осторожно передала жене фермера Прис, ее спящую маленькую дочь, потом приподнялась, чтобы выглянуть из телеги. Даже в свете полуденного солнца приближающийся город казался темным от старости; его круглые серо-зеленые башни пригибались к земле, как будто стоят здесь с тех пор, как сама земля была сотворена. Эс — большой город и предназначен быть не только столицей, но и крепостью. Высокая стена полностью охватывала его.

Когда телега фермера подкатила к воротам, два хорошо вооруженных стражника внимательно осмотрели и телегу, и людей. Убедившись, что под домотканными половиками, которые привезли на продажу Каткус и Леона, ничего не спрятано, разрешили проезжать.

Телега застучала по мощеным улицам, а Эйдрис с удивлением оглядывалась. В таком большом городе ей еще не приходилось бывать. Жители Верхнего Холлека не любят городов, а в своих странствиях по древнему Арвону Эйдрис сталкивалась только с деревнями.

Вблизи древние, поросшие мхом камни башен возвышались внушительно, их покрывала патина возраста, и девушка подумала, каково притронуться к ним рукой. Когда телега почти остановилась на крутом повороте, сказительница поднесла руку, потом отвела ее. Сами камни, казалось, отталкивают любопытную руку. Неужели она на самом деле ощутила волшебство, защищающее город?

— Мы приехали, менестрель,— объявил Каткус, натягивая поводья у входа на рыночную площадь.— Удачи тебе на твоем пути.— Молодой человек в прощальном приветствии поднес руку к краю соломенной шляпы.— Спасибо еще раз за то, что усыпила Прис, когда у нее вечером заболел живот.

— Спасибо вам за компанию и за то, что подвезли,— ответила Эйдрис, выбралась из телеги и попрощалась с Каткусом, Леоной и Прис.

Молодой женщине не нужно было спрашивать дорогу к замку: крепость волшебниц — самое заметное и внушительное здание города, с круглой башней, возвышающейся над всеми остальными сооружениями. Эйдрис прошла по улицам, полным народа; арфу и дорожный мешок она повесила на спину. По дороге она разглядывала встречных жителей города, тех, кто называет себя Древней Расой.

Они все необычно высоки и серьезны. Держатся гордо, ходят с прямой спиной, как солдаты. Волосы черные, как и у нее, но ни завитки, ни волны не смягчают жестких линий длинных овальных лиц с заостренными подбородками. Живые глаза преимущественно различных оттенков серого цвета. Лица гладкие, без морщин. (Даже в Долинах, в Верхнем Холлеке, хорошо известно, что люди Древней Расы не стареют, пока смерть не оказывается всего в нескольких временах года.)

Вид этих людей живо — и болезненно — напомнил Эйдрис о ее матери. Странно думать, что она их отдаленная родственница. Элис часто рассказывала дочери, как ее родители бежали из Эсткарпа, но причины бегства при этом никогда не обсуждались.

Стражник в чиненной, но хорошо начищенной кольчуге вышел из сторожки у ворот замка.

— Какое у тебя дело... — он пристально посмотрел на ее символ, — сказительница?

— Я хочу встретиться с кем-нибудь из волшебниц, — ответила она, напрягаясь под его равнодушным взглядом. — Несколько минут, не больше.

Он продолжал разглядывать ее.

— А по какому делу?

— Для лечения, — ответила Эйдрис после секундного колебания, пытаясь подавить нетерпение. «Я пришла так издалека! Благословенная Гуннора, дай мне силы!»

— Мне говорили, что я могу посоветоваться с колдуньей о лечении.

— Как тебя зовут?

— Эйдрис.

— Подожди здесь. — Он повернулся и исчез в огромных, почерневших от времени воротах. Вернулся он через несколько минут. — Завтра утром. Прежде чем солнце коснется стены города.

— Большое спасибо, — ответила она, сдерживая облегченную улыбку. — Я приду.

Этим вечером в «Серебряной подкове» она пела в основном веселые баллады, сказания о чудесных происшествиях, о добром волшебстве и любви. Трудно было настроиться, когда мрачный старый фермер попросил спеть печальную «Жалобу солдата». Эйдрис пела, а когда устал голос, играла на флейте. Когда посетители «Серебряной подковы» разошлись по домам, молодая певица подсчитала, что заработала достаточно, чтобы покрыть все затраченное за четыре дня пути.

Рассвет едва осветил восток, когда она проснулась, не в силах спать дольше. Позавтракав овсянкой и козьим молоком, Эйдрис надела на спину мешок и пошла по извивающимся улицам к крепости. Солнце едва поднялось над далеким горизонтом, а она уже ждала, спрятавшись в двери напротив поста стражника.

Два часа ожидания тянулись, как перетянутая струна, но наконец она встала, отряхнула плащ и перешла через уже оживленную улицу.

На посту стоял другой стражник, но, заглянув в список, он приказал ей оставить у него посох и указал на темный вход. Эйдрис потянула тяжелую, обитую кожей дверь и оказалась в длинном каменном коридоре. Перед ней стояла молодая женщина в платье туманно-серебристого цвета, с серебряной сеточкой на темных, как ночь, волосах. Ни слова не сказав, опустив серые глаза, женщина поманила сказительницу за собой.

Эйдрис пошла за девушкой — один взгляд на круглое лицо подсказал ей, что эта девушка на несколько лет ее моложе,— вначале по одному коридору, потом по другому и наконец по третьему. Все коридоры абсолютно пустые, стены из потемневшего от времени камня, все освещены рядами бледных шаров в металлической оправе.

Впервые увидев эти шары, Эйдрис едва сдержала удивленный возглас. Она уже видела такие фонари в

прошлом, но только в одном месте. Они свисали со стен и потолков ее дома, древней крепости Кар Гарудин. Зная о том, какая древняя эта крепость, Эйдрис оглядывалась с большим уважением и даже страхом. Очень древнее место.

Молодая волшебница остановилась перед другой дверью, гораздо меньшей. Открыв ее, она знаком предложила Эйдрис зайти и последовала за ней.

За столом, усеянным свитками, сидела женщина. Ее ястребиное лицо (лицо человека из Древней Расы) ничего не говорило о возрасте, но проницательный взгляд заставил молодую посетительницу поежиться. На женщине такое же платье, как на проводнице Эйдрис, но вдобавок на ее шее висел на цепи туманный камень лунного серебристого цвета.

Волшебница слегка отодвинула кресло и долго сидела молча. А когда наконец заговорила, в голосе ее послышался деревенский выговор. Однако повелительная манера держаться свидетельствовала, что деревенское детство давно ею забыто. Она не представилась, но это не удивило сказительницу. Назвать другому свое подлинное имя значит пробить брешь в своей защите и Силе.

— Сказительница Эйдрис,— сказала наконец женщина,— ты ищешь излечения? Для кого? Для себя самой? Мне ты показалась здоровой.

— Нет, не для себя,— ответила Эйдрис, стараясь себя не отводить взгляд.— Для одного человека из моей семьи.

— И ты пришла издалека? — Волшебница встала, вышла из-за стола, прошла по каменным плитам пола и остановилась непосредственно перед сказительницей. Эйдрис на полголовы выше ее, но в этой женщине чувствовалась привычка властвовать, которая устраняла эту разницу в росте.— Ты пахнешь морем, а башмаки твои видели немало земель. Разве в вашей области нет целителей?

— Да, у нас есть свои Мудрые Женщины, — призналась Эйдрис. — Но никто из них не сумел помочь, потому что больны дух и мозг, а не тело.

Волшебница слегка покачала головой.

— Действительно плохо, девушка. Мало кто из целителей может вылечить такое. Кто заболел и как это случилось?

Эйдрис глубоко вдохнула. Воспоминания обожгли ее.

— Это случилось шесть лет назад, я была еще подростком. Мы были... в поиске... и пришли к месту древней Силы. Говорят, это оракул, который позволяет увидеть то, что больше всего хочешь. Но когда Джервон заглянул в него, Сила ударила его. С тех пор он как малое дитя, ест, когда его кормят, идет туда, куда ведут...

— Он? — в глазах волшебницы сверкнула гневная искра. — Ты хочешь сказать, что мужчина пытался воспользоваться Силой? Хочешь, чтобы я помогла тому, кто вмешался в непостижимые для его пола дела?

— Да, я хочу помочь своему отцу Джервону. — Эйдрис запнулась, думая, где совершила ошибку. — Мне говорили, что вы умеете лечить...

Она замолчала, потому что волшебница схватила ее за подбородок и принялась разглядывать лицо, поворачивая его в разные стороны.

— Твои глаза... — словно про себя заговорила женщина, — голубые... и щеки шире... но все же цвет волос, подбородок... — Она пристально смотрела на молодую женщину. — Ты дитя Древней Расы — частично. Твоя мать изменила своему призванию, выйдя замуж, когда мы нуждаемся в каждом клочке Силы! Думаешь, я помогу мужчине, который лежал с одной из моих сестер, лишив ее тем самым волшебной Силы?

«Но она не утратила Силу! Она даже не родилась в Эскарпе!» — про себя возразила Эйдрис. Ее

встревожила неприкрытая ненависть в глазах колдуньи. Девушка, конечно, знала, что многие женщины ее народа замужеству предпочитают владение Силой, но ничего не подготовило ее к такому иррациональному гневу и ненависти.

Короткие сильные пальцы женщины крепче сжали подбородок сказительницы.

— А как ты? — негромко спросила волшебница.— Избежала испытаний, которым подвергают всех девочек? Есть в тебе Сила? Если есть, мы сейчас это увидим...— Отняв руку, она взяла свой камень и протянула сказительнице.— Коснись его! — приказала она.

Воля столкнулась с волей. Эйдрис попыталась отступить, уйти от этих сверкающих светлых глаз, в которых блестел огонек безумия.

— Нет!

— Коснись его!

Побежденная, молодая женщина протянула дрожащую руку, коснулась вначале руки волшебницы, потом прохладного и гладкого камня. Волшебница отвела взгляд, посмотрела вниз, и Эйдрис увидела, как лицо ее утратило оживление.

— Ничего...— прошептала женщина и снова посмотрела в лицо сказительнице.— Ничего, камень остается мертвым. Я была так уверена...

Почему-то рассердившись из-за новой демонстрации отсутствия у нее Силы, Эйдрис взглянула на камень. И продолжала смотреть, не в силах отвести взгляд. Показалось ли ей или в глубине туманного камня действительно вспыхнула искорка? «Это все твое воображение,— гневно сказала она себе.— На этот раз будь благодарна, что у тебя нет Силы. Иначе эта полубезумная женщина попыталась бы задержать тебя!»

Сказительница отступила назад, подальше от волшебницы.

— Значит, ты не можешь мне помочь, — сказала она. — Или не хочешь? Что именно, госпожа?

Женщина в сером пожала плечами, голос ее прозвучал еле слышно.

— Когда-то... до Великой Перемены... не знаю. Но сейчас... — Она покачала головой и ухватилась за резную спинку кресла, словно могла бы упасть без этой поддержки. И сделала жест, отпуская посетительницу. — Иди, сказительница...

— Но если не можешь помочь сама, не знаешь ли того, кто сможет? — спросила Эйдрис, чувствуя, как уходит надежда, поддерживавшая ее все эти месяцы. Жизнь и цвет словно уходили из мира. — Я должна найти того, кто его вылечит, должна! Понимаешь, я виновата в том, что он заболел... Мы искали мою мать, которую он любил больше... — Голос ее задрожал от рыданий, она отвернулась в стыду.

Но женщина как будто больше не замечала ее присутствия. Спотыкаясь, опустив плечи, Эйдрис вслед за молодой волшебницей слепо вышла из комнаты.

Они шли по тускло освещенным коридорам, и шаги их шепотом отзывались на древних камнях. Сказительница постепенно брала себя в руки. Она подавила слезы, хотя ей очень хотелось заплакать... однако мешок казался ей вдвое тяжелее, а арфа в футляре с глухим печальным звуком задевала за стены. «Что мне делать? — тупо думала Эйдрис. — Куда идти?» Невыносимо было подумать о возвращении домой, в Кар Гарудин, с пустыми руками, но она не видела другой возможности, кроме многих лет тоскливых блужданий по чужим землям.

Повернув за последний угол перед выходом, она едва не наткнулась на свою проводницу.

— Тише! — прошептала волшебница, со страхом оглянувшись. — Сюда, нам нужно поговорить.

Холодная рука, показавшись из рукава серебристо-серого платья, ухватила Эйдрис и втащила в

полутемную комнату. Немного погодя сказительница рассмотрела множество пыльных бочек и ящиков. Какая-то кладовая.

Сказительница видела, как молодая колдунья осторожно выглянула в коридор, проверяя, не заметил ли их кто. Потом закрыла дверь и прикоснулась пальцем к свече, которую достала из рукава. Сверкнула искра, свеча загорелась. В ее мерцающем свете девушки смотрели друг на друга.

— В чем дело? — начала Эйдрис, но девушка прижала палец к губам.

— Тише! — предупредила волшебница.— Послушай. Я знаю место, где тебе могут помочь, сказительница.

2

Эйдрис смотрела волшебнице в лицо, не смея надеяться, что встретила человека, который может ей помочь.

— Где это место? — спросила она наконец.— Где я смогу найти помощь, чтобы излечить того, что обожжен древней Силой?

— Есть Место знаний,— ответила девушка.— Древнее... может, древней самой крепости Эс. Я слышала легенды об исцеляющих камнях и о красной грязи, которая излечивает самые тяжелые увечья. Может, там, в записях, ты найдешь нужное средство.

— Где это? — нетерпеливо спросила сказительница.— Где эти камни? Где грязь?

— Не знаю. Может, в Эскоре... Многое из того, что мы считали легендами, оказалось правдой, когда Трегарты заново открыли землю, из которой когда-то бежала Древняя Раса. В том Месте древних знаний ты можешь найти ответ.

— Я не ученая,— с сомнением заметила Эйдрис.

— Но ученые живут там, и они тебе помогут: им больше нечем заняться. Возможно, в каком-нибудь древнем свитке есть и нужное тебе средство.

— Возможно,— повторила Эйдрис. Мысли ее смешивались.— Не очень большой шанс, кажется.

— Ты не похожа на человека, который упускает возможность, пусть самую ничтожную, — возразила волшебница.

Эйдрис вздохнула.

— Ты права. Где это место?

Девушка предупреждающе подняла руку.

— Не так быстро. Если ты поможешь мне, я объясню, как туда добраться. Поклянешься ли ты благословенной Гуннорой, амулет которой носишь, что сдержишь слово, если я тебе помогу?

Эйдрис поднесла руку к груди, где у нее спрятан амулет.

— Откуда ты о нем знаешь? — спросила она, подозрительно глядя на молодую женщину, пытаясь разглядеть ее лицо в тусклом свете.

— Сила моя невелика, но ее достаточно, чтобы узнать, что у тебя на груди спрятан амулет Гунноры, — нетерпеливо ответила волшебница. — Но здесь это неважно. Так поклянешься ли ты помочь мне в обмен на мою помощь?

— А какая помощь тебе нужна?

— Ты поможешь мне сбежать из крепости, из самого города, и вернуться в Кастрин, мою родную деревню. Там я открою тебе название древнего Места знаний и расскажу, как до него добраться. Кастрин находится на пути туда.

Эйдрис смотрела на молодую женщину, внимательно разглядывала ее узкое лицо с заостренным подбородком. Лицо красивое, хотя и худое и измученное. Видно, что, несмотря на свою молодость, эта девушка немало страдала.

— Я могу отыскать это Место древних знаний и без твоей помощи, — медленно сказала она. — Теперь я знаю, о чем расспрашивать. Если там живут люди, кто-нибудь о них знает.

Волшебница прикусила губу, утрачивая свое спокойствие.

— Я дура,— с отчаянием прошептала она.— Не умею плести интриги и с рождения всегда говорила прямо. Ты права. Если будешь долго расспрашивать ученых Эса, кто-нибудь расскажет тебе о Лормте и где он находится. Иди. Желаю тебе успеха в твоем поиске.

Она отвернулась, плечи ее под серым платьем поникли.

В груди сказительницы шевельнулось сочувствие; она вспомнила собственное отчаяние при мысли о том, что ее задержат в крепости эти женщины с пустыми, голодными глазами. Она мягко взяла девушку за плечо.

— Подожди. Расскажи мне больше. Ты одна из них, почему ты хочешь бежать?

Волшебница не повернулась и не посмотрела на Эйдрис.

— Меня заставили пройти испытание, как тебя сегодня,— тупо ответила она.— Но при моем прикосновении камень загорелся — всего лишь искра, но волшебницы в отчаянном положении.

— Это я заметила. А почему?

— Они видят, как власть постепенно уходит от них к другим — к Корису и его леди Лойз, к Саймону Трегарту (которого они ненавидят с тех пор, как он взял одну из них в жены) и его госпоже Джелите. И поэтому они забирают всех девочек, у которых есть хотя бы признаки Силы. Пытаются восстановить свою численность.

Голос молодой женщины задрожал.

— Два года я избегала испытания, потому что была единственной поддержкой своей овдовевшей матери. Но потом она умерла, и когда в следующий раз волшебница приехала в Кастрин, мне пришлось коснуться ее камня. Камень сверкнул, и меня забрали, привезли сюда... начали обучать.

— Волшебству?

— Насколько я могла научиться. Хотя научилась немногому. Я не тупая, но сердце влечет меня к другому. И потому я овладела только умением создавать некоторые иллюзии, немного изучила лекарственные травы и вообще мастерство излечения. Но эти другие женщины... для них Сила — это все: еда, питье и сам воздух для дыхания! Не думаю, чтобы ты поняла это, сказительница, но я никогда не стану такой, как они, никогда!

Эйдрис вспомнила собственное детство, проведенное в крепости, погруженной в колдовство... Оно пронизывало самый воздух, которым она дышала, и для всех окружающих пользоваться волшебством было так же естественно, как дышать. Но она такими способностями не обладала, унаследовала эту особенность от отца. Ее отец, пораженный чернейшей из забытых ныне Сил...

Горло у Эйдрис сжалось от сочувствия к этой девушке.

— Я понимаю больше, чем ты можешь подумать, — сказала она негромко.

Голос девушки дрогнул.

— Хуже всего, что я даже не успела ничего написать Логару!

— А кто такой Логар?

Девушка повернулась к ней лицом. В свете свечи глаза ее блеснули, она как будто с трудом сдерживала слезы.

— Логар — это мой жених. Он пограничник. У Псов частично выдернули зубы, но Ализон — по-прежнему кинжал, нацеленный в спину Эсткарпу. Уцелевшие Псы стали еще злее и постоянно нападают на нашу северную границу. Поэтому каждый здоровый молодой человек должен послужить в течение трех лет на охране границы. Служба Логана кончалась через месяц, сейчас он уже, должно быть, дома, а меня нет!

Рот ее дрогнул, потом сжался еще сильнее.

— Мы дали друг другу слово, что поженимся, когда он вернется. И ничего больше мне в жизни не нужно, только быть с ним! Но Логар не может освободить меня, для него бросить вызов колдуньям означало бы смерть. Но боюсь, он решится на такой безрассудный поступок... поэтому мне нужно бежать, прежде чем он что-нибудь сделает.

— Понятно,— сказала Эйдрис.— Но если мы приедем в Кастрин...

Молодая волшебница схватила сказительницу за руку.

— Мы? Ты поможешь мне бежать? Хотя у меня нет больше никакой платы?

— Да,— ответила Эйдрис серьезно, словно давая клятву.— Я помогу тебе, сестра.

Девушка обеими руками стиснула руку Эйдрис.

— Я буду тебе вечно благодарна! И пусть следует за тобой благословение Гунноры...— лихорадочно заговорила она.

Но сказительница покачала головой, прерывая выражения благодарности.

— Благодарность приму, только если мы достигнем успеха, сестра.

— Аврис,— застенчиво представилась волшебница. Глаза Эйдрис распахнулись. Девушка вызывающе кивнула, признавая удивление сказительницы, которой открыла свое имя.— Меня зовут Аврис,— повторила она, повторило гордо, словно открыто бросая вызов правилам крепости.— А тебя?

— Эйдрис. А теперь, как я уже начала говорить, если мы приедем в Кастрин, разве в крепости не поймут, куда мы направились, и не будут искать нас там?

— Они могут меня искать, но когда найдут, я буду для них бесполезна,— ответила Аврис.— Мы с Логаром поженимся, как только увидим друг друга,— она сухо улыбнулась,— а когда я стану его законной, настоящей женой, даже следы Силы оставят меня.

«Не будь так уверена в этом, — подумала сказительница; тоже сухо улыбнувшись, она вспомнила свою мать, госпожу Элис, и приемную мать, госпожу Джойсану. Обе женщины обладали Силой, хотя вышли замуж и принесли своим мужьям детей, точно как колдунья Джелита. Но сохранили свою Силу.— Но все же, учитывая ненависть волшебниц к мужчинам,— заключила Эйдрис,— Аврис, вероятно, права. После того, как она «осквернит» себя союзом с мужчиной, волшебницы не захотят видеть ее среди своих. И разрешат ей уйти».

— К тому же,— продолжала молодая колдунья,— мы с Логаром не станем задерживаться, чтобы встретиться с их гневом. Я уговорю его немедленно бежать, может, на восток, за горы, в Эскор. Там нашли убежище братья и сестра Трегарты. Почему бы не поискать там помощи Логару и мне?

— Ты давно все спланировала,— заметила Эйдрис.— И сейчас действуешь, не повинуясь порыву.

— Я мало о чем другом думала с тех пор, как меня взяли! — Аврис перешла на шепот.— Внешне старалась казаться покорной, смирившейся, училась как можно лучше, чтобы меня не заподозрили. Но все время думала, как бежать. Но у меня больше не осталось времени: через неделю меня отправляют в Место Мудрости для окончательной подготовки, а потом я должна буду дать Клятву. И должна уйти до того, как возврата не будет.

— У тебя есть план бегства из самой крепости?

Девушка колебалась.

— У меня есть план, но я не решаюсь его предложить, потому что в нем для тебя большая опасность. А у тебя нет ни следа Силы?

— Нет,— решительно ответила Эйдрис.— Но все равно расскажи мне, что ты задумала.

— Как я тебе говорила, моя Сила невелика,— сказала Аврис.— Но я считаю, что смогу скрыть

свои черты лица, создать иллюзию, чтобы миновать стражу. Я приму твою внешность. Стражник ожидает твоего ухода и потому не станет осматривать меня слишком внимательно. Но полная перемена внешности мне не подвластна, и я должна буду взять твою одежду, мешок и арфу.

— Ты примешь мою внешность, возьмешь одежду и уйдешь,— задумчиво сказала Эйдрис.— Изобретательный план, но мой отец — солдат, он учил меня тактике и умению действовать незаметно, и я знаю, что обычно самый простой замысел имеет наибольшие шансы на успех. А что будет со мной?

— В этом недостаток плана,— мрачно ответила девушка.— Тебя будут допрашивать, и если ты позволишь хоть слегка усомниться в твоих словах, они извлекут из тебя правду с помощью Силы.

— Я скажу, что ты заколдовала меня, сделала беспомощной своим волшебством,— ответила Эйдрис; слова у нее вырывались быстрей, чем складывались мысли.— А чтобы они поверили, ты должна будешь меня связать. Я останусь только в белье и сорочке. Может, разумно также лишить меня сознания.

— Я не могу причинить тебе вред! — возразила Аврис.

— Я тебе покажу, куда ударить,— ответила сказительница.— Удар лишит меня сознания, но особого вреда не причинит. Только несколько часов будет болеть голова.

— Но...

— Ты сделаешь то, что должна,— твердо сказала Эйдрис.— Помни, что меня не заподозрят, если найдут связанной и без сознания, с шишкой над ухом. Сомневаюсь, чтобы в таких обстоятельствах волшебницы заподозрили нас в заговоре.

— Но что если они заподозрят тебя? Вырвут у тебя правду?

Сказительница задумалась.

— Не думаю, чтобы со мной что-нибудь сделали за то, что я позволила украсть свою одежду и инструмент. Это не преступление, особенно учитывая, что у тебя есть Сила, а у меня нет. Они легко поверят, что ты меня заставила. И еще вот что: я не гражданка Эскарпа... могу искренне заявить, что местных законов не знаю. Это доказывает и тот факт, что я просила одну из колдуний помочь презренному мужчине.

— Да,— задумчиво согласилась волшебница.— И мужчины, и женщины, живущие в наших границах, конечно, знают обычаи крепости.— Она свела брови, озабоченно нахмурившись.— Но ударить тебя... нет, не смогу! Надо найти какой-то другой способ.

Эйдрис схватила девушку за плечи, сжала сильными пальцами до боли.

— Ты хочешь снова увидеть своего жениха?

— Да...— прошептала Аврис.

— Тогда будешь делать, что я скажу. Ты должна! Каждое мгновение задержки увеличивает риск раскрытия!

Плечи девушки поникли.

— Хорошо. Но тебя все равно будут допрашивать. Что ты скажешь?

Эйдрис невесело улыбнулась.

— Не забудь, что я сказительница. В моей профессии нужно быть и актрисой. Мне поверят. «По крайней мере, надеюсь на это», — про себя добавила она.

— Еще один вопрос,— сказала волшебница.— Почему ты так поступаешь? Я могла бы понять, если бы ты ничем не рисковала. Но так тебе грозит большая опасность. Не стоит легкомысленно относиться к гневу колдуний. Так почему ты помогаешь мне?

Эйдрис колебалась.

— Я тоже жила среди тех, кто распоряжается Силами, мне неподвластными,— сказала она наконец.— И никому не пожелала бы такой судьбы. И если ты действительно подскажешь мне дорогу к

месту знаний, к этому Лормту, где я нашла бы помощь в своем поиске... — Она пожала плечами. — Ничего во всем мире не значит для меня больше.

Аврис протянула руку, и после недолгого колебания Эйдрис взяла ее. Маленькие пальцы волшебницы холодны, но пожатие крепкое.

— Благодарю тебя... сестра.

Эйдрис осталась в маленькой кладовой, а Аврис принялась торопливо отыскивать все необходимое для создания иллюзии. Она вернулась с небольшой шкатулкой, полной трав и других снадобий, и они начали.

Потребовалось всего несколько мгновений на то, чтобы Аврис надела верхнюю одежду Эйдрис. Потом сказительница стояла, дрожа, а волшебница внимательно смотрела ей в лицо, запоминая его черты.

— Я могу это сделать... — прошептала она, словно про себя.

— Тогда прошу тебя — начинай, — сказала сказительница, стараясь не стучать зубами. — Пол такой х-холодный.

— Хорошо. — Аврис порылась в шкатулке, достала оттуда сухой лист и протянула его сказительнице. — Мне понадобится твоя слюна и несколько волосков — живых, выдернутых с корнем. Положи это все сюда.

Эйдрис давно привыкла к колдовству, хотя сама не могла им пользоваться, и потому не стала ни спрашивать, ни спорить. Она плюнула на лист, втерла слюну в коричневато-зеленую поверхность, потом вырвала несколько волосков и положила на середину.

— Вот, — сказала она.

Волшебница не ответила, только взяла листок и сосредоточенно закрыла глаза. Поднеся лист к губам, она подула на него, потом свернула в комок. Медленно начала проводить этим комком по своему лицу. И при этом пела негромко и монотонно. Эйдрис узнала

слова древнего языка, языка Силы, на котором еще иногда говорят в далеком колдовском Арвоне.

Музыка словно позвала ее. Эйдрис взяла свою арфу и начала негромко подыгрывать. Потом запела, голос ее слился с голосом волшебницы, и вдвоем девушки произвели причудливую странную мелодию, от которой волосы становились дыбом.

Арвис неожиданно на полуслове остановилась, и Эйдрис посмотрела на нее, вырванная из транса, в который погрузилась. Посмотрела на волшебницу и ахнула.

На нее смотрело ее собственное лицо, длинное, овальное, с загорелой и обветрившейся в пути кожей. У Аврис теперь были ярко-синие глаза, прямой нос, сильный упрямый подбородок и шапка мягких черных волос.

— Получилось? — спросила Аврис.

— Абсолютно,— ответила пораженная Эйдрис.— Хоть ты по-прежнему ниже меня, не думаю, чтобы даже твой Логар сумел нас различить. Лучшей иллюзии не видела. Твоя Сила, должно быть, больше, чем ты считаешь.

Волшебница пожала плечами.

— Наверно, я просто в отчаянии. То, что я не могу сделать для них, я сделаю, чтобы убежать от них. А стражник, я считаю, не заметит разницы в росте. Я просто закатаю рукава и штанины брюк.

Закончив приводить в порядок одежду, Арвис снова порылась в шкатулке и достала на этот раз пучок сухих веток, перевязанных красной нитью. Она попыталась прикоснуться ко лбу Эйдрис этими веточками, но сказительница отпрянула.

— Что это?

— Рябина,— ответила Аврис.— Волшебство, и темное и светлое, не действует рядом с ней. Это прикосновение поможет тебе выдержать допрос.

Эйдрис сжала губы.

— Мне кажется, я узнаю. Не хочу! Могу и сама выдержать допрос, без помощи какого-то злополучного дерева!

Аврис потрясенно посмотрела на нее, но быстро пришла в себя.

— Глуп солдат, который отказывается даже от слабого оружия перед битвой,— заметила она.— Я тебе поверила, доверишься ли ты мне? Я не хочу повредить тебе, Эйдрис.

Сказительница, устыдившись, опустила взгляд. Она почувствовала, что краснеет.

— Прости. Ты права. Действуй.

Но, несмотря на свою решимость, не смогла удержаться и не вздрогнуть, когда веточки скользнули по ее лбу — раз, другой, третий.

— Свяжи меня, как только я потеряю сознание,— приказала Эйдрис и продемонстрировала, как связать, чтобы нельзя было освободиться.

Наконец оставался только удар.

— Сюда,— сказала Эйдрис, показывая на место у себя за ухом.— И ударить нужно достаточно сильно, чтобы моему рассказу поверили. Ты мне не поможешь, если будешь сдерживаться. Оружие есть?

— Вот это,— сказала девушка, извлекая из-под сброшенного серого платья кинжал.— Подойдет?

Эйдрис провела пальцами по закругленному концу стальной рукояти.

— Да. Возьмись за ножны, чтобы ударить тупым концом. Вот так...— Эйдрис закутала кинжал в сброшенное волшебницей платье и ударила по стене. Удар прозвучал приглушенно.— Теперь ты попробуй.

Только в четвертой попытке волшебница ударила достаточно сильно.

— Хорошо. Вот так нужно. Сможешь?

Аврис провела языком по пересохшим губам, прежде чем ответить, но голос ее прозвучал уверенно:

— Смогу. Сделаю.

— Хорошо, — ответила Эйдрис. — Встретимся за городской стеной, в роще к югу от города. Спрячься получше и не показывайся, пока не услышишь мой свист, вот такой... — Она просвистела несколько тактов старинного марша Верхнего Холлека. — И не забудь на обратном пути забрать у стражника мой посох с головой грифона. Он будет ждать, что ты его попросишь.

— Понятно.

— Хорошо. — Сказительница повернулась, стараясь не напрягаться, заставляя себя стоять спокойно и не представлять себе удар. — Бей, когда будешь готова, — сказала она. — Но я не хотела бы ждать очень долго.

Боль и тьма обрушились сзади на ее голову. Эйдрис почувствовала, как подогнулись ее колени, начала падать. Позволила черноте поглотить себя, словно морскому левиафану из сулкарских сказаний...

Последующие воспоминания Эйдрис были нечеткими. Услышав голоса, она приподняла звенящую голову, почувствовала прикосновение рук к своему полуголому телу. Руки подняли ее, и она постаралась обвиснуть, как кукла без костей, набитая речным песком. Такими куклами играют дети племени кайоги.

Ее поместили на какую-то мягкую поверхность, в глаза ей ударил свет. Кто-то укрыл ее одеялом.

— Теперь приведите стражника, — услышала она холодный бесстрастный голос.

— Да, сестра, — послышалось в ответ. Хлопнула дверь.

— Госпожа? — В грубом голосе слышались страх и почтительность. — Сестра передала, что ты хочешь меня видеть.

— Да, Джарульф. Посмотри на эту девушку. Узнаешь ее?

Сдержанный возглас.

— Но... госпожа, это та самая молодая женщина, которая вышла незадолго до конца смены! Та самая!

— Понятно.— Голос стал еще холодней, но звучал спокойно.— Это все, Джарульф.

— Слушаюсь, госпожа.

«Сейчас я должна очнуться»,— предупредила себя Эйдрис и со стоном открыла глаза. Ей не пришлось изображать боль. От удара света по глазам она поморщилась.

— Что... что...

Волшебница (теперь Эйдрис видела ее серебристо-серое платье) передвинулась, глядя на девушку сверху вниз. Лицо ее оставалось таким же равнодушным, как камни стен. Она старше той, с которой сказительница встречалась раньше, черты лица у нее тонкие и аристократические, глаза кажутся отчужденными на овальном лице.

— Тебя нашли без сознания в редко используемой кладовой,— сказала волшебница.— Кажется, пропала одна из сестер. Мы не смогли отыскать ее. Расскажи, кто ты и как оказалась здесь.

Сказительница облизала губы.

— Воды,— прошептала она.— Можно мне попить?

— На столе. Можешь взять.

Со стоном, в котором не было ничего притворного, Эйдрис приподнялась, прижимая одеяло к груди. Увидев, как дрожат руки у молодой женщины, волшебница сама налила ей воды в чашку.

Сказительница отпила и поставила чашку.

— Меня зовут Эйдрис, я бродячая сказительница из далекой земли,— хрипло сказала она.— У меня была встреча с одной из вас, но ваша колдунья сказала, что не может мне помочь, потому что помощь нужна моему отцу. Она сказала, что вы не помогаете мужчинам. Поэтому я ушла. Помню, что шла вслед за молодой волшебницей, которая была моим проводником.

Шла по коридору с тяжелым сердцем... и больше ничего не помню.

— Больше ничего?

Сказительница поморщилась, дотронувшись до шишки за ухом.

— Ничего... она только вдруг повернулась ко мне, как будто хотела что-то сказать, и в руке у нее было что-то... что-то... — Эйдрис нахмурилась. — Не знаю что, только оно блестело, я увидела этот блеск...

— Ага, — сказала волшебница, пристально глядя в лицо молодой женщине. — И как ты думаешь, что произошло дальше?

Эйдрис начала качать головой и остановилась, поморщившись от боли.

— Не знаю, госпожа. Очевидно, кто-то ударил меня и забрал мою одежду... мою одежду! — Она оглядела себя, словно не веря собственным глазам. — Мой мешок... моя арфа! Мой кошелек! Меня ограбили!

— Действительно, — ответила волшебница, не отрывая от нее взгляда.

— Моя арфа... моя флейта! Мои инструменты... все украдено! Как я теперь буду зарабатывать на жизнь? — сказительница провела рукой по волосам. Только бы не переиграть. — У меня ничего не осталось, ничего!

Волшебница помолчала.

— Тебя ограбили на нашей территории, и я думаю, наш долг — постараться возместить тебе утерянное. Мы дадим тебе одежду, еду и денег на два ночлега. Если ты говоришь правду и действительно стала жертвой ограбления.

Эйдрис изобразила смятение.

— Правду? Конечно, я говорю правду! Зачем мне обманывать, госпожа?

— Я тоже об этом думаю, — ответила волшебница, глядя на Эйдрис так, словно у той неожиданно отросли перья или шерсть. — Зачем?

— Я не лгунья. — Эйдрис позволила своего голосу прозвучать гневно и одновременно испуганно. Было бы неестественно, если бы она по-другому реагировала на обвинения. — И у тебя нет права обвинять меня в этом.

Волшебница насмешливо подняла брови.

— Правда? Посмотрим, сказительница. Посмотрим.

Не сказав больше ни слова, она сжала в ладони свой туманный камень и посмотрела на него. На глазах у Эйдрис камень засветился, свет устремился в одном направлении и сосредоточился на лице сказительницы.

Понимая, что делает волшебница, Эйдрис сосредоточилась на том, чтобы излучать только честность, искренность... Она заставила себя забыть об Аврис, ожидающей ее в роще, сосредоточилась только на рассказанной истории, заполнила ею свое сознание. Перед ее глазами ярко разворачивались вымышленные образы...

— Что ты поешь? — с гневом спросила волшебница.

Эйдрис почувствовала, как кровь прихлынула к ее щекам.

— Прошу прощения, госпожа, — ответила она. — Это моя старая привычка, боюсь, раздражающая. Еще ребенком, испугавшись, я напевала колыбельную, которую пела мне мать.

Колыбельная... единственное, что досталось ей от рыбацкой деревушки Варк, в которой выросла мать. С ее помощью Эйдрис защищалась от страха. Сосредоточившись на мелодии и словах, она еще ребенком могла уходить от беспокойных мыслей. Ведь она выросла в стране, в которой даже дети обладали Силой.

Колдунья презрительно взглянула на нее.

— Понимаю. И сейчас ты испугалась?

— Волшебницы вызывают у меня благоговение и страх, — ответила двусмысленно Эйдрис. — Мне жаль, если я вызвала твое недовольство. Все прошлые годы я жила одиноко, а одинокие люди часто

приобретают привычку разговаривать с собой. Я пою. К тому же это сохраняет гибкость голоса.

— Ну, тогда помолчи! — резко сказала волшебница. — Я должна сосредоточиться.

И снова мысли колдуньи коснулись сознания Эйдрис, проверяли, прощупывали, пытались найти след лжи. Молодая женщина чувствовала, что все ее тело покрылось влажным потом: Сила расправляла свои щупальца, которые разоблачат ложь так же безошибочно, как собака отыскивает лисью нору. Эйдрис обнаружила, что мысленно продолжает повторять мелодию и слова колыбельной, снова и снова, как молитву, как мольбу не выдать правду.

Мир, мир, мой малыш,
Забудь о звуках бури.
Наша лодка приплыла в уютную гавань,
Сейчас мы в безопасности, и нам тепло.

Музыка заполнила ее сознание, она становилась все реальней.

Лежи спокойно, дорогой,
Не слушай звуков
Песни ветра и песни волн,
Таких страшных и громких.

Эйдрис забылась в сетях музыки, как всегда с ней происходило с самого детства, когда ей приходилось держаться за пальцы отца, чтобы не упасть при ходьбе. Музыка звучала в ней, прогоняя страх.

Песня ветра освободит тебя,
Песня волн научит тебя,
А моя песня принесет тебе любовь
Круглый год...

Спи, моя птичка, спи...

Камень волшебницы без всякого предупреждения потускнел.

— Кажется, ты говоришь правду, менестрель, — заключила женщина, хотя вгляд ее серых холодных глаз не смягчился. — Я прослежу, чтобы тебе принесли одежду и еду, а также деньги для оплаты нескольких ночлегов.

— Спасибо, госпожа, — покорно ответила Эйдрис, заставляя себя оставаться невозмутимой. Она не должна показать свое торжество. «Неужели я на самом деле это совершила? Не позволила ей увидеть правду?»

— Ты хочешь уйти немедленно, сказительница?

Эйдрис потянулась и вздохнула, подчеркивая свою усталость.

— У меня все еще болит голова, госпожа, — ответила она. — Если можно, я отдохну до середины дня, а потом уйду. «Не торопись убегать, — предупредила она себя, украдкой поглядывая на волшебницу. — Может, это еще одно испытание. — Она решила, покидая крепость, действовать с осторожностью разведчика. — Несомненно, она прикажет следить за мной».

Волшебница кивнула, взгляд ее оставался бесстрастным.

— Как хочешь, сказительница. — Она еще раз внимательно посмотрела на молодую женщину. — Ты говоришь, пришла из далекой земли? У вас женщины обладают Силой?

— В наших деревнях есть Мудрые Женщины, — осторожно ответила Эйдрис. — Они лечат больных травяными настойками, принимают роды у женщин и скота... А почему ты спрашиваешь?

— А тебя проверяли на присутствие Силы? — спросила волшебница, не обращая внимания на ее вопрос.

— Да, — ответила Эйдрис. Рот у нее неожиданно пересох, она с трудом глотнула. — Сегодня меня испытывала одна из ваших. У меня нет Силы.

— Как тебя испытывали? — продолжала допрос волшебница.

— Меня заставили коснуться камня, такого же, как твой, госпожа.

Волшебница взяла свой камень и задумчиво погладила его. Камень слабо засветился. На мгновение женщина в сером закрыла глаза, потом снова открыла их.

— Ошибки случались и раньше,— проговорила она, задумчиво глядя на молодую женщину.— Да, случались...

Эйдрис поняла, что над ней нависла большая опасность. «Что если она решит задержать меня, проделать другие, более сложные испытания? — Она вспомнила, как ей показалось, будто в глубине камня сверкнула искра.— Аврис говорила, что при ее прикосновении камень едва светился».

Как будто неожиданно открылась дверь. Мысли волшебницы стали ясны Эйдрис, словно она обладает Силой и может их услышать. «Даже сейчас она думает, что я могла бы занять место Аврис!»

От резкого стука обе подпрыгнули. Колдунья торопливо открыла дверь. Эйдрис узнала в вошедшей ту, с которой разговаривала раньше.

— Сестра? — спросила вошедшая.— Ты меня вызывала?

— Да,— ответила старшая волшебница.— Ты сегодня должна была испытывать эту девушку.

— Да, я ее испытала. Мне показалось, что я заметила с ней след Силы... но камень оставался темным.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

— Хорошо. Спасибо, сестра.

Младшая волшебница склонила голову и вышла. Та, что допрашивала Эйдрис, слегка улыбнулась.

— Кажется, ты опять сказала правду, сказительница. Теперь отдыхай. Я прикажу прислать тебе одежду. Когда проснешься, сможешь уйти.

Эйдрис облизала губы.

— Спасибо, госпожа,— сказала она, с усилием заставляя себя говорить спокойно.

— Не за что,— ответила волшебница.— Отдохни получше, сказительница.

Она вышла, закрыв за собой дверь. Эйдрис легла и закрыла глаза. «Испытание внутри испытания,— думала она, чувствуя, как страх в ней разворачивается, как змея.— Уходя, я должна оберегать спину. Она меня отпускает, чтобы я привела стражников к Аврис. И тогда они схватят нас обеих!»

Она нащупала амулет Гунноры. Погладила гладкий янтарь, провела пальцами по вырезанному символу урожая. «Янтарная Богиня,— мысленно взмолилась она.— Помоги мне уйти из западни. Прошу тебя, госпожа! Я должна быть свободной, чтобы найти лечение для отца!»

3

— И тебе просто позволили уйти? За тобой не следили? — Аврис, обхватив руками колени, по-прежнему сидела в укрытии, под корнями давно упавшего дуба. Она скептически взглянула на свою спутницу. — Не могу поверить!

Эйдрис, которая сидела выше ее на склоне и снимала высокие коричневые сапоги, весело улыбнулась.

— Когда я сказала, что пришла сюда незамеченной, это не значит, что они не старались. Выходя из крепости, я увидела три тени, и только одна из них была моя собственная. Но я без особого труда избавилась от обоих хвостов на рыночной площади. Они считали, что я не подозреваю об их присутствии, и потому были невнимательны.

Сказительница надела поношенную кожаную куртку поверх зеленого платья с длинными рукавами.

— Приятно снова надевать свою одежду, — сказала она, завязывая шнурки. — Я отказалась надевать юбку, а из стражников только один оказался подходящего роста. Но он не часто моется. — Она наморщила нос, скатывая сброшенную одежду в комок. — Завтра, когда будем передвигаться свободней, нужно будет это выстирать, смазать сапоги. Потом где-нибудь продадим. А как подходит тебе то, что я принесла?

Аврис нетерпеливо посмотрела на нее, приглаживая поблекшее красное платье.

— Как видишь, подходит хорошо. А теперь, заклинаю милостью Гунноры, доскажи свою историю!

Сказительница пожала плечами.

— Мало что осталось рассказать. Для надежности я затаилась на ночь и вышла из города на рассвете, когда открылись ворота. Там меня искали стражники, но я использовала последние монеты колдуний, подкупила старика фермера и спряталась в одеялах в его повозке. Он поставил на меня две корзины с курами, а рядом привязал бычка, только что отнятого от вымени. Бедняга так кричал, что мог поднять мертвеца из могилы, так что стражники проверяли повозку не очень тщательно. Велели побыстрее проезжать. — Эйдрис с гримасой заткнула уши пальцами. — До сих пор чувствую себя оглохшей!

— Значит, мы в безопасности?

— В данный момент — да.

Аврис возбужденно рассмеялась, выбралась из своей «пещеры» под корнями дуба и широко развела руки.

— Свободна! — Она радостно повернулась. — Я так о тебе беспокоилась... что только сейчас поняла. Я свободна! Свободна!

Эйдрис улыбнулась ей.

— Прекрасное чувство — свобода, когда перед тобой открыты все дороги. Но сдержись, сестра. Нас, несомненно, будут искать, и мы не должны дать поймать себя. Я думаю, тогда нам придется трудно.

Волшебница остановилась, кивнула, и глаза ее слегка потускнели.

— Ты права. Мне повезло, что у тебя есть опыт в таких делах. Как нам теперь быть?

— Я думаю, лучше передвигаться по ночам, пока не уйдем по крайней мере на два дня от города Эс. И направимся мы не прямо в Кастрин, потому что они

будут от нас этого ожидать. Обогнем город, переправимся через реку и день или два будем идти на северо-запад.

— Но как же мы доберемся до Кастрина?

— Потом повернем на северо-восток и придем в Кастрин с севера, а не с юга. Конечно, это добавит много дней пути, но так разумнее.

— Если бы у нас были лошади.

Эйдрис поморщилась, вспомнив о своей кобыле Вьяр.

— Да. Но лошади сделали бы нас заметней, а без них мы легко можем скрываться. Деньги у тебя есть?

— Несколько монет. В крепости мы живем как монашки, и деньги нам редко бывают нужны.

— А петь умеешь?

Аврис улыбнулась.

— Могу попробовать.— Она пропела несколько начальных строк «Пограничной песни». Голос несильный, но чистый. Сопрано.

— Подойдет,— кивнула Эйдрис.— Но нужно будет потренироваться, чтобы заработать на ужин.— Неожиданно сказительница широко зевнула, так что едва не затрещали челюсти.— А теперь мне нужно поспать. Всю ночь я не решалась глаз сомкнуть. Есть и спать будем по очереди и все время караулить. Выступим после заката. Согласна?

— Согласна.

Волшебница разбудила Эйдрис после полудня. Сказительница сразу проснулась, как научил ее отец. С проворством опытного воина она села.

— Ты дала мне слишком долго спать! — воскликнула она, видя, что солнце склонилось на запад.

— Я не устала, а тебе нужно было отдохнуть,— сказала Аврис.— Всю прошлую ночь я проспала, потому что очень устала от иллюзии. Пусть хоть все стражники рыскали вокруг рощи.— Она улыбнулась.— К счастью, их здесь не было.

— Ну, сейчас поспи, — ответила Эйдрис, доставая еду из сумки и отламывая кусок дорожной лепешки. — Я посторожу.

— Нет, я не устала. Сейчас, когда дышу свежим воздухом, мне кажется, я никогда не устану. — Девушки в дружеском молчании поели, потом Аврис снова заговорила: — Могу я задать тебе вопрос, Эйдрис?

— Спрашивай, — ответила сказительница, проглотив кусок сушеного яблока.

— Почему тебе так не понравилась рябина?

Эйдрис застыла, лицо ее превратилось в напряженную бесстрастную маску.

— Это длинная история, — сказала она наконец.

— Ты предпочитаешь ее не рассказывать? Если так, я понимаю, — сказала Аврис, и во взгляде ее были только дружба и сочувствие. — Но нам ждать еще больше часа, а спрашиваю я не из праздного любопытства, поверь мне, сестра. Я чувствую в тебе большую боль... а иногда такая боль становится легче, если рассказываешь о ней человеку, которому не все равно.

Эйдрис несколько минут сидела молча, забыв о еде, погрузившись в воспоминания. Наконец она шевельнулась.

— Это произошло много лет назад, — прошептала она. — Я никому не рассказывала. И когда услышишь, что я сделала, ты не захочешь называть меня сестрой.

— Сомневаюсь, — уверенно ответила Аврис. — Ты не можешь поступить нехорошо, Эйдрис. Я знаю это.

— Нет, — возразила сказительница. Голос ее звучал хрипло. Она откашлялась. — Ты должна помнить, что я выросла в далекой земле... за морем. Ты, вероятно, никогда не слыхала об Арвоне.

— Не слыхала, — подтвердила волшебница. — Это рядом с землей многих долин, той, о которой рассказывали пленные солдаты Ализона?

— Да, она западнее Верхнего Холлека,— кивнув, подтвердила Эйдрис.— За Пустыней. Арвон, как и Эскор, о котором ты говорила, очень древняя земля, не похожая на другие, заселенные людьми. В ней много странных опасных мест и необычных существ. Многие из них из легенд. Например, демоны, которых называют кеплианцами. Внешне они как прекрасные кони... И еще Летящие на паутине, многоногие существа, которые плетут паутину, потом пускают ее по ветру и сами летят на ней в поисках добычи...

— Я о них слышала рассказы из Эскора,— сказала Аврис.— А живут ли у вас фланнены, чешуйчатые женщины мха, и кроганы, водные люди?

— Нет, о таких я не слышала,— ответила Эйдрис.— Но у нас есть крылатые люди. У них птичьи головы, а тела человеческие. Если их кровь попадет на тело, это смерть. Даже с отрубленными головами они продолжают сражаться...

Аврис содрогнулась.

— Хвала Гунноре, я о таких никогда не слышала в Эскоре! Иначе эта земля не могла бы служить убежищем.

— К счастью, их немного и как будто становится все меньше,— продолжала сказительница.— Но этого не скажешь о фасах. Они всегда опасны.

— А кто такие фасы?

— Они живут в подземных туннелях. Фасы отвратительны...— Эйдрис содрогнулась от воспоминаний.— Маленькие крепкие туловища с раздутыми животами, покрытые жесткими, похожими на корни волосами. Но хуже всего...— Она помолчала и с трудом глотнула.— Хуже всего их лица... По ним можно подумать, что когда-то... они были людьми.

— Как ужасно! — воскликнула Аврис.— Да, теперь, когда ты их описала, я вспомнила, что слышала о них. Их видели... и чувствовали их запах... на окраинах городов в предгорьях. Логар в одном из пи-

сем рассказывал, что на них напало несколько таких существ, когда пограничники спали. Одного утащили под землю, и больше его никто не видел.

Сказительница покачала головой.

— Твоему народу надо получше охранять границы, — сказала она. — Эти фасы трусливы, но смертельно опасны. И такую тактику предпочитают открытым схваткам.

— Продолжай свой рассказ, — попросила волшебница.

Эйдрис поморщилась при этом напоминании.

— Я надеялась, ты забудешь.

— Если не хочешь рассказывать...

— Нет, просто мне трудно говорить об... — Она пожала плечами. — Так вот, я выросла в Арвоне, в древней крепости Кар Гарудин. Когда-то давно в этой крепости жил посвященный, и сами ее стены до сих проникнуты колдовством. Союз моих родителей был необычен: моя мать, Элис, дочь женщины из-за моря, из Эсткарпа, а отец, Джервон, был военным и привык приказывать людям, но не владел волшебством.

— Странное сочетание, — согласилась Аврис. — Но они любили друг друга?

— Больше жизни, — ответила Эйдрис. — Во многих битвах они защищали спины друг друга, сражались и с врагами-людьми, и с теми, кто порожден колдовством. Задолго до того, как узнать друг в друге мужчину и женщину, они стали товарищами и соратниками.

Эйдрис в последний раз откусила хлеба и передала лепешку Аврис.

— Мы жили в крепости Кар Гарудин с ближайшими друзьями моих родителей — лордом Кероваком и госпожой Джойсаной. Они для меня тоже как отец и мать, и я их очень любила. И жила с нами Сильвия, наш друг и учитель. Она из Старых Времен и обладала Силой, какую не знают с древности.

— Сильвия,— повторила Аврис, словно пробуя на вкус чуждые звуки.— Она тоже из Древней Расы?

— Частично. Но было в ней и другое, не человеческое начало. Она любила нас, детей, словно мы ее собственные.

— Детей?

— У Джойсаны и Керована было... есть... два ребенка. Хиана, дочь, она на год меня старше. Это была тихая глазастая девочка, обладавшая такой врожденной внутренней Силой, что вряд ли кто из волшебниц крепости мог с ней сравниться, даже когда она была еще совсем маленькой. Но она не любила показывать эту Силу и использовала ее только для помощи другим. Она видит на расстоянии, а ее предсказания будущего никто не оставлял без внимания.— Лицо Эйдрис потемнело, и она мрачно замолчала.

— А второй ребенок? — не успокоилась молодая волшебница, видя, что сказительница не собирается продолжать.

— Фирдун моложе меня на пять лет. Он тоже обладает Силой, но в Фирдуне нет ничего спокойного и тихого! Он был одним из тех детей, за жизнь которых приходится постоянно опасаться. Ты, наверно, знаешь таких. Если во всём саду есть хоть одно дерево с гнилой веткой, именно на него взберется Фирдун и именно на эту ветку он решит сесть.

Аврис рассмеялась.

— Это я знаю. У моей двоюродной сестры такая дочь. А у тебя есть братья или сестры, Эйдрис?

Сказительница покачала головой.

— Не знаю,— прошептала она.— Моя мать исчезла девять лет назад, когда мне только исполнилось десять.

Волшебница удивилась.

— Исчезла? Ты хочешь сказать, что она бросила тебя и твоего отца? Она еще жива?

— Не знаю, — повторила Эйдрис. — Она не добровольно оставила нас, ее похитили. Какая-то Сила с Левой Тропы подхватила ее прямо среди нас, когда она спала в своей комнате.

— Как это произошло? — спросила волшебница, внимательно глядя своими серыми глазами в глаза Эйдрис. Ее сочувствие сказительница ощущала, как лежащую на плече теплую руку.

— Это моя вина, — ответила она, преодолевая сухость в горле. — Моя вина. Понимаешь, когда мама обнаружила, что ждет ребенка, Хиана, которой тогда исполнилось одиннадцать лет, предсказывала ее будущее, потому что почувствовала предстоящие беды. Во время предсказания она увидела ребенка — она рассказала нам, что это мальчик, — и поняла, что он послужит последним звеном цепи, которая в Арвоне соединит всех идущих по Правой Тропе, и они вместе встанут против Тьмы. Хиана говорила, что исход этой борьбы для нее неясен, но мой еще не рожденный маленький брат должен стать решающей фигурой в смертоносной игре, первые ходы которой еще не сделаны.

Аврис, с широко раскрытыми глазами, кивнула.

— Поэтому мы постарались как можно лучше защитить мою маму. Она не выходила за пределы крепости без охраны и никогда не спускалась в долину одна. Она даже отказалась от поездок верхом на своей любимой дымчатой кобыле. Ее всегда сопровождали вооруженные отец, Джервон, или лорд Керован. Только в своей комнате она оставалась одна.

— А для тех периодов, когда она должна была отдыхать одна, Сильвия и госпожа Джойсана создали защитное заклинание, которое окружило ее комнату. Они переплели веревкой рябиновые ветки, прошив веревку алым шпагатом — цвета защиты. Потом вымочили веревку в валериане, мяте и коровяке, все время при этом напевая. Наконец поместили эту веревку в комнате, вокруг всего потолка, а над самой

дверью связали ее концы куском алого шелка. После этого в комнате не действовало никакое заклинание, туда не могла проникнуть никакая Сила.

— Но кто-то все-таки проник,— сказала Аврис.— Каким образом?

— Потому что у меня не было Силы,— ответила Эйдрис,— и я была слишком горда, чтобы признать, что не могу без нее обойтись. Родители маленького Фирдуна очень тревожились из-за моей матери, и мне велели за ним присматривать. Он проказничал, как обычно поступают дети. Мог затуманить мое сознание, и я смотрела на него и не видела. Однажды я пошла будить его и увидела на подушке свернувшуюся гадюку, с ее клыков капал яд. Но у меня на глазах гадюка исчезла, и на ее месте оказался смеющийся Фирдун...— Она покачала головой, вспоминая. Если бы я только признала, что не справляюсь с мальчиком! Но я была на пять лет старше его, и мне стыдно было сознаться, что не могу с ним совладать. Однажды я сидела, рассказывая ему предание о Голодном Источнике — это предание ему нравилось, потому что там героем выступал его отец,— потом отвернулась и увидела, что его нет рядом со мной.

Эйдрис ударила кулаком по колену.

— Мне нужно было пойти к его родителям, или к Хиане, или даже к моему отцу, к кому-нибудь, кто меня выслушал бы... Но я принялась искать его сама и нашла у дверей комнаты моей матери. Он смотрел на рябиновые ветки. «Не трогай, Фирдун!» — закричала я. Он озорно улыбнулся мне, потом стиснул руки, и его детское лицо напряглось от усилий. У меня на глазах веревка развязалась и упала. Защитное заклинание было нарушено.

— И что стало с твоей матерью?

— Я закричала, потому что понимала, как важна эта веревка. Через несколько мгновений тут же оказались мой отец и госпожа Джойсана. Они ворва-

лись в комнату и увидели, что моя мать исчезла... Исчезла без следа.— Сказительница глубоко вздохнула, с трудом подчиняя себе голос.— Остался только запах. Запах зла. Тебе приходилось его слышать?

Аврис покачала головой.

— Это такое зловоние, что я не могу даже описать его. Этот запах ни с чем не спутаешь...

— Вы искали твою мать?

— Конечно. Отец едва не сошел с ума от горя. Неделями он странствовал, едва останавливаясь для смены лошади, спал в седле, целыми днями забывал поесть. Лорд Керован и госпожа Джойсана ездили с ним, оставив Сильвию приглядывать за мной и Фирдуном. Хиана ушла в свою комнату и большую часть времени проводила в трансе. Все пыталась найти мою мать. Выходила оттуда истощенная и похудевшая... но ничего не могла узнать. Ничего. Мы искали больше года и ничего не нашли.

— Но то, что произошло, не твоя вина!

— Отец тоже говорил мне так,— с горечью ответила Эйдрис,— но если не моя вина, то чья? Нельзя винить в происшедшем пятилетнего озорного мальчишку. И даже Фирдун, хоть и маленький, понял, что сделал что-то ужасное. С этого дня он изменился, стал гораздо спокойней и послушней. Больше никогда не причинял мне беспокойства...— Она иронически скривила рот.— Но вред был уже причинен. И по моей вине.

— Я не согласна,— сказала Аврис.— Ты сама была еще ребенком.

— Слишком гордым ребенком. Я не обладала способностями других, не признавала своих ошибок, не позвала вовремя на помощь,— упрямо возразила Эйдрис.

— Но это не может быть концом твоей истории,— сказала Аврис, раздавливая пальцами скорлупу желудя.— Ты сказала, что твой отец заболел.

— Это произошло, когда мне исполнилось тринадцать, — ответила Эйдрис, устало кивая. — В хорошую погоду мы по-прежнему искали, переезжали от деревни к деревне, расспрашивали всех Мудрых Женщин и предсказателей, пытались уловить хотя бы слух... Искали людей, способных к гаданию. — Она уловила вопросительный взгляд Арвис и объяснила: — Ну, тех, кто может видеть прошлое, будущее или предметы на далеком расстоянии.

— Я слышала о таких людях, — согласилась Арвис. — Как это делают в твоей стране?

— Смотрят в чашку, полную жидкости — воды, молока, чернил...

— И подействовало?

— Не больше остального, — устало сказала Эйдрис, опираясь подбородком на поднятые колени. — Арвон обширная земля, но мы обыскали ее всю на неделю пути верхом в каждом направлении. Однажды даже решились забраться в Серые Башни и спросили у предводителя оборотней Хирона, не слышал ли он чего-нибудь об Элис.

Сказительница вздрогнула при этом воспоминании.

— Позволь заверить тебя, что в Арвоне мало кто решится приблизиться к мрачным стенам этой крепости, не говоря уже о том, чтобы войти в ворота. И особенно расспрашивать о волшебнице. Оборотни ненавидят женщин Силы.

— Почему?

— Только они знают причину этого предрассудка. — Эйдрис невидящим взглядом смотрела на стволы дубов, на дорогу, по которой они пришли. — Но отец расспрашивал их, и они отвечали. Даже оборотни, с их необычными способностями и Силой, живущие на грани Тьмы и Света, между людьми и животными, — даже они ничего не смогли сказать о судьбе моей матери.

Сказительница снова замолчала, подавленная воспоминаниями.

— Похоже, жизнь у тебя была нелегкая,— заметила наконец Аврис.

Эйдрис пожала плечами.

— Вероятно, но тогда мне так не казалось. Отец учил меня всему, когда мы были вместе, как раньше учил вместе с мамой... фехтованию, преданиям прошлого, подготовке к бою и руководству им. Как охотиться, рыбачить, как жить плодами земли. Если бы не причина нашего поиска, это были бы счастливые дни. Мы спали под открытым небом, я каждый день ездила верхом на своей кобыле...

Эйдрис сухо улыбнулась.

— Зимой, когда мы были вынуждены оставаться в Кар Гарудине, я возвращалась к урокам. И послушно училась, но заключение в четырех стенах никогда не было моим выбором. Я люблю путешествовать. Мне в этом повезло, потому что поневоле пришлось много странствовать.

Улыбка ее исчезла, девушка вздохнула.

— Но вот кончились и путешествия с отцом. Однажды он пришел ко мне. Я как раз играла на ручной арфе (отец как-то отыскал ее в старинной кладовой Кар Гарудина). Джервон был возбужден. Я уже давно его таким оживленным не видела. Он рассказал, что на севере есть Видящий Камень. Говорят, те, кто решится уйти в горы и заглянуть в этот камень, увидят то, что больше всего хотят отыскать. В тот же день мы отправились в путь. Поездка была долгой. Мы миновали несколько деревень, но чем дальше уезжали на север, тем все реже встречались поселения. Местность была возвышенной и там, где не протекали реки и ручьи, очень сухой. Отец сказал, что она похожа на Пустыню Верхнего Холлека, землю, из которой родом и он, и моя мать. Наконец показался последний поселок, небольшой городок, расположенный

вблизи старинного святилища Гарт-Хауэлл. Сюда приезжают обладающие Силой, чтобы научиться пользоваться своим даром.

— Как наше Место Мудрости.

— Да. Только в Арвоне считается, что не только женщины, но и мужчины могут обладать Силой. В качестве учеников принимают оба пола. Мы спросили, в каком направлении Гарт-Хауэлл, и нам указали на северо-запад. Но стражники у ворот предупредили Джервона, что Камень может быть опасен.

— Но он не послушался предупреждения,— догадалась Аврис.

— Конечно, нет. Мы выехали и два дня спустя добрались до Видящего Камня... большого утеса из осыпающейся охры. Подъехали мы к утесу , и он, казалось, навис над нами, живой и угрожающий. И странно...

— Что странно?

— Вначале я увидела обычный утес, но потом, когда по нему поползли тени, я заметила углубления и выступы... и я поняла, что некогда весь утес представлял собой гигантскую фигуру. Вероятно, женскую, потому что мне показалось, я вижу мощные груди, но лицо... оно было не женское.

— А какое?

— Не знаю,— негромко призналась Эйдрис.— Широкое, слишком широкое для человека. Мне кажется, безгубое. Намек на зубы... как будто она... улыбалась. Я не хотела бы видеть такую улыбку у живого существа, Аврис. Но самая заметная черта этого лица — глаз. Только один. Широкая темная яма над тем местом, где должен находиться нос. Не успела я остановить Вьяр, как отец соскочил с коня и принялся взбираться на утес. Я спешилась, побежала за ним, просила подождать... подождать... Но лицо у него было искажено, как у смертельно раненного, зубы он стиснул. Оттолкнул меня, приказал ждать его... и начал подниматься.

Эйдрис с дрожью перевела дыхание.

— Не знаю, как он отыскивал опоры на этом утесе. Но поднимался, как паук по каменной стене. Казалось, через несколько мгновений он достиг Глаза. Я видела, как он наклонился вперед, его голова и плечи почти исчезли в отверстии. Так продолжалось всего мгновение... — Эйдрис покачала головой. — Он выкрикнул имя моей матери... — Сказительница глотнула. — ...голосом, который я по-прежнему слышу в самых страшных кошмарах. Разжал руки и упал.

— Упал к подножию утеса? — ахнула Аврис.

— Нет. Тело его застряло на карнизе на уровне плеча фигуры. Там он застыл.

— Что же ты сделала?

— Сама взобралась на утес, забила несколько крюков и опустила отца в петле. Я ее соорудила из своего пояса и пояса отца. — Эйдрис отвела взгляд. — У него на голове была шишка, но думаю, не она причина его болезни. Все этот проклятый глаз, остаток древней Силы. Очнувшись, Джервон был уже таким, как сейчас. Разум его повредился. Если перед ним поставить пищу, он ест; если взять за руку и повести, идет; когда его кладут в постель, спит. Никогда не разговаривает, не улыбается... только еле заметно, иногда, когда я играю или пою для него. И такой он уже шесть лет.

— Ужасно! — прошептала Аврис. — О, Эйдрис, я молюсь, чтобы ты нашла в Лормте средство. — Она протянула руку и сжала пальцы сказительницы. — Но не вижу твоей вины в том, что случилось. Подняться на этот утес и в одиночку спустить отца!.. Ты очень храбра, и не просто храбра, сестра.

Сказительница серьезно взглянула на нее.

— Мало что мне это дало, — сказала она. — С тех пор я много раз думала, что лучше бы тогда отцу упасть и разбиться насмерть. Он был гордым и энергичным человеком, способным на многое. И возненавидел бы свое состояние. Видеть его таким день за днем — какая мука!..

Эйдрис покачала головой.

— Со временем я не смогла больше это выносить. Мне нужно было найти способ вылечить его. И скажу тебе, Аврис: я поклялась, что если не найду такой способ, вернусь домой и дам отцу быструю и милосердную смерть.

Долгий и утомительный путь в Кастрин прошел без происшествий. После многих дней ходьбы по дорогам, поиска таверн, в которых можно поесть и переночевать, а если таверн не находилось, ночевок на краю свежевспаханного поля две женщины пришли в Кастрин.

Эйдрис в предрассветной серости разглядывала спящую деревню.

— Она больше, чем я думала,— прошептала она.— Который дом Логара?

— Его отец — местный кузнец,— ответила Аврис.— Вон тот каменный дом, рядом с кузницей.— Она показала.

— Оставайся здесь. Пойду разведаю,— приказала сказительница.— Я думаю, они давно отказались от преследования, но лучше перестараться сейчас, чем потом горевать, верно?

Аврис прикусила губу. Она дрожала от нетерпения. Однако кивнула.

— Если мне можно подойти, свистни,— сказала она.

Эйдрис сбросила мешок и исчезла в тени, перебралась через ограду, прошла курятник, еще один забор. Прежде чем пересечь изрытую колеями дорогу, посмотрела в обе стороны. Прислушалась, не зазвенит ли кольчуга, не скрипнет ли кожа, когда игольное ружье достают из футляра.

Ничего.

Эйдрис обошла дом, осмотрела пустую кузницу, заглянула в окна первого этажа. Все комнаты пусты. Девушка ждала, прислушиваясь, пока не рассвело

настолько, что она могла различить оттенки ранних весенних цветов в горшках на подоконниках.

Потом прошла к входу и негромко свистнула.

Через мгновение Аврис оказалась рядом, она дрожала от возбуждения и радости. Постучала в дверь, негромко, но настойчиво.

Наконец они услышали сонное восклицание и шаги. Дверь распахнул молодой человек, с взъерошенными черными волосами, с обнаженным по пояс мускулистым торсом.

— Логар! — Аврис дрожащими руками откинула капюшон.— Это я...

— Аврис! — ахнул молодой человек.— Двадцать дней назад о тебе спрашивали! Когда ты после этого не пришла, я решил, что ты погибла! — Он смотрел на нее, как будто не веря своим глазам.

Аврис застенчиво улыбнулась.

— Ты не рад меня видеть?

С нечленораздельным возгласом Логар очнулся от своего остолбенения.

— Рад? — выкрикнул он.— Рад!..— с неожиданной радостью он обнял девушку.

Эйдрис отвернулась, оставляя из одних в их счастье. Глотнула, чувствуя странную боль, одиночество, не похожее на то, что она испытывала раньше. «У тебя есть дело,— сердито напомнила она себе.— И ты должна выполнить его одна...»

В тот же час Аврис и Логар поженились. Эйдрис стояла рядом с бывшей волшебницей, когда старейшая женщина деревни соединила руки молодых, потом дала им отпить из одного кубка и поесть с одной тарелки. Еще до полудня новобрачные погрузили свои вещи в запряженную быками повозку и приготовились отправиться за горы, в далекий Эскор.

— Эйдрис... сестра...— Аврис со слезами улыбнулась и обняла подругу.— Как отблагодарить тебя за то, что ты сделала?

— Не нужно,— ответила сказительница, в свою очередь обнимая новобрачную.— Ты указала мне дорогу в Лормт и знаешь, как много это для меня значит.

— Возьми по крайней мере это,— сказала Аврис, вкладывая в руки сказительнице небольшой мешочек.— Моя доля от наших заработков. Я думаю, там, куда мы направляемся, деньги мне не понадобятся. Тут достаточно, чтобы купить лошадь. Тогда ты сможешь продвигаться быстрее.

— Не могу! — возразила Эйдрис.— Ты заработала свою долю, как и я.

— Возьми,— повторила девушка, сжимая пальцами сказительницы кожаный мешочек.— Я настаиваю. Отец Логара сказал мне, что в следующем городке на север отсюда, Рилон Корнерсе, неплохая лошадиная ярмарка. Полдня пути — и ты там.

— Что ж...— улыбнулась Эйдрис.— Неплохо было бы снова сесть на коня. Спасибо, Аврис.

— Мы должны двигаться, дорогая,— сказал Логар, положив руку на плечо жены.— Первую свою дочь мы назовем в твою честь, Эйдрис,— пообещал он, мозолистой рукой сжимая плечо сказительницы. Потом легко посадил молодую жену в повозку.

Вся деревня провожала повозку, которая со скрипом двинулась по дороге на северо-восток.

Эйдрис отказалась от приглашения матери Аврис переночевать в их доме, но приняла сумку с продуктами. И вышла из Кастрина по северной дороге, направляясь в Рилон Корнерс, а оттуда — в Лормт.

Миновал полдень, когда сказительница добралась до города, но ярмарка была еще полна жизни. Девушка прошла мимо будок, где продавали упряжь и седла, подковы и лекарства для лошадей, щетки и прочую мелочь... все, что необходимо для лошадей, для их лечения, езды на них и украшения.

Эйдрис с улыбкой принюхивалась. «Здесь пахнет почти как дома»,— подумала она. Если закрыть глаза, можно вообразить, что она снова в лагере кайогов в долине Грифонов, вместе с Обредом и Гуретом «разговаривает о лошадях». Она вспомнила гладкую кожу Вьяр.

«Ни одно из этих животных не сравнится с лошадью кайога,— подумала она, разглядывая коней.— Но здесь я смогу найти что-нибудь подходящее для путешествия».

Эйдрис бродила в толпе, проводила рукой по крупам, поднимала ноги, осматривая копыта, раскрывала пасть животных, чтобы взглянуть на зубы.

Средства не позволяют ей купить одну из прекрасных породистых лошадей, поэтому ей пришлось перейти к второсортным. Осматривая предлагавшихся животных, она все больше и больше хмурилась.

Она только что закончила осматривать зубы поджарого серого мерина. Владелец, худой, как хлыст, с отсутствующими передними зубами («Не иначе как лошадь выбила»,— подумала Эйдрис), обворожительно улыбался ей.

— Нравится, бард? Всего семь лет, здоров, как каменная стена.

Сказительница мрачно улыбнулась.

— Ты хочешь сказать, несмотря на опухоль на передней ноге?

— Эта маленькая шишка? — возмущенно ответил он.— Ты называешь это опухолью? Да я съем его седло, если это хоть немного его замедлит. Съем, клянусь топором Вольта!

Эйдрис подула в ноздри мерина.

— О, конечно, он здоров, вполне здоров — пока не развеется вливание, которое ты ему сделал! Чем ты пользовался? Корой черной ивы?

Торговец сердито посмотрел на нее.

— Докажи!

— Могу показать следы на его зубах. Не очень хорошая работа, знаешь ли... даже слабоумный поймет, что ты сделал. Семь лет, как же! Да этой лошади вдвое больше!

Ни слова не говоря, торговец потащил мерина за собой и скрылся в толпе.

Эйдрис несколько мгновений сердито смотрела ему вслед, потом пожала плечами. Ярмарка будет и завтра. Может, стоит поискать у местных фермеров, попросить разрешения осмотреть их лошадей, а не рисковать покупкой у случайных торговцев. Всегда есть возможность наткнуться на хитрость, с которой она еще не знакома, и тогда она будет отягощена искалеченным или больным животным.

Все еще разглядывая лошадей, сказительница сняла арфу, раскрыла футляр и положила на землю к своим ногам. Пока можно заработать еще немного монет. Лучше побольше потратить, но получить хорошую лошадь. Она вспомнила слова Обреда: «Помни, девочка, корм для плохой лошади стоит столько же, сколько для хорошей. Покупай лучшую, какую можешь».

Эйдрис провела рукой по струнам, негромко напевая, чтобы проверить голос. «Что-нибудь подходящее для места и дня,— подумала она, мысленно перебирая песни.— Ага, нашла! "Скачки лорда Фарала" подойдут прекрасно».

Эйдрис негромко запела.

Бежали они по ночной дороге,
По широким блестящим просторам,
Пять прекрасных коней благородной породы,
И не золото, а жизнь — ставка этих скачек.

Головы начали поворачиваться, идущие останавливались и прислушивались. Подбодрившись, Эйдрис перевела дыхание и запела громче.

Под золотым светом Гунноры
Шесть коней скакали в ночи,
Против темного и страшного рыцаря
Света Тьмы! Черный рыцарь!
В полночь он явился в город...

Слушателей стало больше. Летающие пальцы сказительницы набрали темп, она запела громко и звучно:

Надвинув шлем на глаза,
Он высокомерным голосом бросал вызов,
Предлагал сделать другой выбор.

— Если вы победите, я уйду своим путем,
Но если вы проиграете, вы заплатите,
Ваша служба будет длиться вечно,
И служить вы будете мне.

Вперед выступил лорд Фарал, высокий и гордый,
Он поднял хлыст, успокаивая толпу.
— Да будет так! Начнем скачки,
Потому что это место защищено.

Мы живем под улыбкой Гунноры,
Наши лошади пьют из источника Госпожи,
Сразись с нами, если хочешь.
Скачи со мной, и ты проиграешь!

— Я не буду соревноваться с тобой одним, —
ответил тот.
Пять благородных лордов должны состязаться
со мной.
Тогда я призову своих четверых братьев,
Чтобы никто из рожденных здесь не стал твоим рабом!

В футляре зазвенела монета... другая... третья. Эйдрис продолжала:

Они скакали по древней дороге,
Сквозь серебристый туман.
Но Тьма ищет Тьму для победы,
А смертный ищет своей судьбы.

Одна лошадь пала, осталось четыре,
Одно сердце разорвалось, не выдержав,
И вот три бегут в ночи.
С темного хлыста сорвалась ядовитая искра,
И осталось только двое.
И мерин Мироча потерял подкову...

Теперь собралась небольшая толпа, и музыку арфы поддерживали хлопки и ритмичный топот. Контрапунктом звучал регулярный звон монет в футляре. Сказительница перешла к заключительным строфам, играя так, словно пальцы ее заколдованы:

Фарал и Темный Лорд продолжали скакать,
Голова в голову мчались они,
Но каким холодным и страшным стал туман,
И жеребец Фарала мотал головой.

— Сдавайся,— сказал Темный Рыцарь,—
Все твои братья мертвы.
— Лучше я лягу здесь в могилу,
Чем позволю моему народу стать твоим рабом!

Я поклялся служить Гунноре,
Служить рукой и сердцем, ногой и головой,
И не откажусь от клятвы,
Скорее расстанусь с жизнью!

Но вот вспыхнул яркий золотой свет
И приподнял Фарала, и послал его вперед,
Ноги его коня не касались земли.
А конь Темного застыл,

Превратился в сверкающий камень,
Темный Рыцарь упал с него,
Крича от боли,
И встретился со своей судьбой.

Потому что они прискакали к источнику Госпожи,
В святое место, о котором рассказывают легенды,
И здесь Госпожа подготовила
Ловушку, из которой Тьме не вырваться!

Сказительница закончила громким аккордом, и в футляр арфы посыпались монеты.

— Еще одну, менестрель!

Невысокий старик помахал ей потрепанной соломенной шляпой.

— Ты поешь сладко, как коричневая ворона, сказительница! Скажи, а знаешь «Призрачного жеребца Хатора»?

Эйдрис поколебалась.

— Мне кажется, да... Вот так? — она перебирала струны, наигрывая мотив.

— Точно! — воскликнул старик.— Не слышал уже...

Он замолчал, вскрикнув в ужасе, услышав топот копыт. Толпа разбежалась; показался большой черный конь, направлявшийся в промежуток между двумя палатками. Старик попытался убежать, но споткнулся и упал.

Эйдрис, не задумываясь, бросилась вперед и встала между стариком и скачущим животным. Жеребец резко затормозил.

— Спокойней, приятель! — сказала Эйдрис негромким успокаивающим голосом.— Спокойней!

Жеребец прижал уши к черепу, глаза его в заходящем солнце блеснули красным. С гневным криком он встал на дыбы, его смертоносные копыта просвистели над головой Эйдрис.

4

Двигаясь со скоростью отчаяния, Эйдрис бросилась в сторону от копыт. Едва не споткнулась об упавшего старика. Тот лежал, застыв от ужаса, раскрыв рот в беззвучном крике. Схватив старика за куртку из домотканого материала, Эйдрис оттащила его к толпе. И только тогда снова повернулась к коню.

Жеребец стоял в нескольких шагах от нее и фыркал, бил острым копытом по утрамбованной земле. Глаза его были окружены белыми кольцами. Шкура покрыта потом; острый запах пота донесся до Эйдрис. Она поняла, что гнев не единственная причина нападения: конь не только рассержен, но и испуган.

Порванный недоуздок свисал с шеи беглеца; черная кожа покрыта пучками толстых зимних волос. Похоже на мех, побитый молью. На мощной шее спутанная грива. Эйдрис осмотрела жеребца, отметила его сильные ноги, широкий мускулистый зад и могучие плечи. «Для спринтера не хватает роста и ноги не тонкие, — заключила она, — но, кажется, он способен бежать целый день. Интересно, какая это порода».

Голубые глаза сказительницы сузились. Что-то в этом животном показалось ей знакомым, пугающе знакомым.

Жеребец нервно фыркнул, потом покосился на толпу зрителей, которая теперь окружала его. При-

нюхался к ветерку, как будто искал что-то — или кого-то.

— Я запутаю ему передние ноги и повалю. Принесите веревку! — сказал коренастый человек в толпе.

Эйдрис видела, как напряглись мышцы под черной кожей. Жеребец попятился.

— Спокойней, сынок... спокойней, — прошептала она, делая шаг вперед и вытянув руку.— Если прыгнешь в толпу, кого-нибудь ранишь, поэтому... ну, вот так. Спокойно... спокойно...

Черные уши резко повернулись, чтобы ловить успокаивающий голос; Эйдрис сделала еще шаг, конь прижал уши, фыркнул. Это предупреждение. Зрители ахнули. Девушка остановилась. Потом, вспомнив, как успокаивала свою кайогскую кобылу Вьяр, негромко запела. Ту самую мелодию, о которой несколько минут назад вспомнил старик.

Черные уши медленно шевельнулись, конь слушал. Постепенно он перестал дрожать. Толпа стихла, и Эйдрис запела. Слова песни легко плыли в неподвижном воздухе.

Лорд Хатор и его конь
Погибли от руки предателя,
А теперь в темноте, в туман и дождь
Его жеребец летит над землей.

Душа его полна местью,
Глаза полны огнем,
Он пообещал отомстить предателю
Всей силой своего гнева.

Сказительница медленно приближалась к коню... один шаг... два... три...

Наконец, оказавшись рядом, Эйдрис протянула руку, почувствовала тепло дыхания; жеребец принюхался к ее руке. Она заставила себя стоять спокойно,

хорошо зная величину и силу его зубов, которые совсем рядом с ее телом. Но он не пытался укусить ее.

Лорд Хатор умер первым
В расцвете своей юности,
Но прежде чем закрылись глаза жеребца,
Конь поклялся отомстить.

Девушка подняла руку и погладила шею жеребца.

— Нет! Девушка, не трогай его! Он убьет тебя!

Отчаянный крик донесся издалека. Голос Эйдрис дрогнул, жеребец прижал черные уши. Сказительница торопливо возобновила пение. Она не поворачивалась, но краем глаза видела, что кто-то бежит со стороны кузницы и лавки седельщика. Пробираясь через толпу, бегущий замедлил свое продвижение.

Наклонив голову, Эйдрис осторожно подула в раздутые, окруженные красными ободками ноздри. Положила ладонь на горячую, потную шею, погладила, продолжая петь.

Из лунного света теперь его грива,
А кровь — из смерти,
Зубы его — проклятье предателя,
А ярость — его дыхание.

Каменные мышцы под ее рукой наконец расслабились, и сказительница решилась схватить оборванный недоуздок. Сунув руку в карман, она достала кожаную полоску, которой связывала куски шкуры. Все это время она продолжала негромко напевать.

И только когда смогла держать беглеца за починенный недоуздок, Эйдрис повернулась и посмотрела на того, кто выкрикнул предупреждение.

— Ты говоришь со мной, добрый человек? — спокойно спросила она.

Тот удивленно смотрел на девушку, которая, стоя рядом с жеребцом, продолжала негромко напевать. Молодой человек, среднего роста, стройный, он производил впечатление гибкости и силы. Волосы черные, как грива жеребца, глаза темно-серые. Лицо молодое, но есть что-то в нем глубоко древнее. Он явно Древней Расы... и все же...

... все же...

На мгновение Эйдрис почувствовала что-то иное в этом незнакомце... что-то такое, что выделяет его из толпящихся вокруг горожан и фермеров. Он казался более чуждым. Сказительница удивленно мигнула; но это беглое впечатление тут же исчезло. Перед ней всего лишь молодой человек, одетый просто, в небеленой льняной рубашке и кожаной куртке поверх нее, в кожаных брюках и изношенных сапогах для верховой езды с голенищами по колено.

Незнакомец сухо улыбнулся ей и слегка поклонился.

— Я сказал: спасибо за то, что поймала мою лошадь, сказительница.— Голос у него был низкий, приятный баритон, произношение как у образованного человека, в противоречии с грубой одеждой. В толпе послышался смех, и зрители начали расходиться. Больше ничего интересного не ожидалось.

Эйдрис улыбнулась, по-прежнему поглаживая коня.

— Не за что, добрый человек. Скажи, а как он убежал?

Молодой человек потер затылок, словно ему больно.

— Это моя вина,— признался он, сматывая с пояса кожаный ремень и прикрепляя его к недоуздку. Жеребец издал негромкий низкий звук.— Я был неосторожен. Оставил пастись на берегу реки, а двое бродяг решили, что проще украсть лошадь, чем честно купить.

— Они на тебя напали?

— Набросились, прежде чем я понял, что происходит. В одно мгновение повернулся, что-то услышав, а в следующее приходил в себя на земле, а моего коня нигде не было видно. Один из негодяев был мертв, второй убежал в лес, неся на весу руку, для которой потребуется гипс, если я правильно разглядел.

Незнакомец печально покачал головой и почесал у жеребца за ухом, а тот потерся о него головой, едва не сбив с ног.

— Этот парень приучен никому не позволять притрагиваться к себе. Я был уверен, что ты разделишь судьбу неудачливых воров. Но я ошибся. — Он внимательно поглядел на Эйдрис, и она почувствовала, что краснеет. — Даже Монсо не смог противиться такой красоте.

«Монсо. — Эйдрис пораженно смотрела на незнакомца. — На древнем языке это означает «быстрый, как ветер». Но... откуда он знает древний язык?»

Мысли ее мешались. Эйдрис подобрала лежавшую на земле арфу. Проведя пальцами по струнам и корпусу, уложила ее в футляр.

— Цела ли твоя арфа, сказительница? — с тревогой спросил молодой человек.

Эйдрис покачала головой.

— Все в порядке. Меня зовут Эйдрис, а тебя?

Он колебался долю секунды, потом снова поклонился.

— Мое имя Дакар, госпожа Эйдрис.

И снова сказительнице пришлось с трудом скрывать внешнюю реакцию на эти слова. «Дакар на древнем языке значит «тень». Кто этот человек? Неужели он из Арвона?»

Дакар погладил шею Монсо, провел рукой по широкой груди.

— Он все еще в поту... Мне нужно его выгулять, иначе у него затекут мышцы. Не хочешь ли... не хочешь ли походить с нами, леди? Я не успел тебя поблагодарить.

— Не за что, — ответила Эйдрис, но повесила мешок на спину и пошла вслед за Дакаром, который повел жеребца подальше от будок на открытый луг вблизи места для скачек.

Приближался вечер, солнце уходило за темный лес. Маленькие бело-золотые цветы «любовные узелки» начинали закрывать на ночь лепестки. Шум ярмарки стихал позади.

Дакар оглянулся: дорожку для скачек приглаживали тяжелым камнем, который тащили два быка.

— Скоро начнутся сегодняшние бега, — сказал он, положив руку на шею Монсо. Потрогал передние ноги коня, убедился, что жеребец остыл, и только тогда позволил ему пастись на зеленой, словно весенней, траве.

Юноша удобно прислонился к боку коня. Он был невысок: глаза Эйдрис почти на уровне его глаз, когда они стояли рядом.

— Что привело тебя на лошадиную ярмарку, госпожа? — спросил он.

Эйдрис в нескольких словах объяснила, что ей нужна лошадь для езды, но призналась, что кошелек не позволяет ей купить такую, какая ей нравится. Дакар сочувственно кивнул.

— Тут есть отличные лошади, но только для тех, у кого хватает серебра. К тому же трудно найти честных продавцов.

Эйдрис вздохнула.

— Ты прав. Я уже решила, что заработаю несколько монет на ночлег, а завтра попытаюсь снова. Но мне нужно быстрей в Лормт, и даже день задержки кажется мне вечностью!

— В Лормт? — он искоса внимательно посмотрел на нее. Очевидно, слышал об этом оплоте древних знаний.

— Ты знаешь Лормт? — оживленно спросила она. — Был в нем когда-нибудь?

— В нем самом ни разу, госпожа. Но я почти год работал проводником в горах, и мы часто ночевали у стен Лормта. Поили лошадей из деревенского колодца. Главный летописец Дуратан разрешал это моему спутнику.

— Ты встречался с тамошними учеными? С теми, кто знаком с древними списками, касающимися лечения?

Дакар покачал головой.

— Нет, я всегда оставался с лошадьми, а Джон... — Он помолчал, не глядя на нее. Рот его застыл. — А мой партнер тем временем разговаривал с учеными.

— Но ты знаешь дорогу туда. Правда ли, что южная дорога самая короткая?

Он кивнул.

— Правда. Но есть тропа через старый лес, которая может сократить путь на полдня. Вход на нее зарос, но сама тропа в хорошем состоянии. Ищи вход слева от себя, когда проедешь красный утес с ручьем у подножья.

— Спасибо, — сказала Эйдрис.

— Не за что. Я хотел бы оказаться полезным. Вижу, что твое путешествие... важно.

Сказительница отвела взгляд.

— Ты уже помог мне. Все, что ускорит путь, для меня большая польза. Я у тебя в долгу.

— Вздор, госпожа. Я в гораздо большем долгу за то, что ты остановила Монсо. Ты помешала ему ранить кого-нибудь или причинить ущерб чьей-то собственности. — Дакар задумчиво посмотрел на овальную гладкую площадку, где скоро начнутся бега. Потом повернулся и взглянул в глаза сказительнице.

— Если бы у меня были деньги, я бы отдал их тебе, — сказал он, и его приятный голос неожиданно зазвучал низко и напряженно. — К сожалению,

здесь, на юге Эсткарпа, гонки устраиваются редко, и в данный момент у меня едва хватает денег, чтобы заплатить вступительный взнос. Но если доверяешь мне настолько, чтобы рискнуть своим серебром, клянусь, ты не останешься в накладе.

Дакар достал из кармана щетку и принялся чистить жеребца. Сухой пот поднялся туманным соленым облачком.

— Мой конь, возможно, не так красив и ухожен, как местные красавцы, госпожа, но на такой дистанции никто не может держаться с ним рядом, тем более обогнать. Поставь на нас, и не проиграешь.

— Но от берега реки до ярмарки далеко,— ответила Эйдрис.— Сегодня он уже был в пене. Я видела гоночных лошадей. Это прекрасные породистые животные, а Монсо нет. Как ты сможешь их победить?

Монсо громко фыркнул и поднял верхнюю губу, как будто засмеялся. Дакар улыбнулся, садясь ему на спину.

— Согласен. Это кажется невероятным. Но я знаю, что говорю. Поставь на нас, Эйдрис, и тебе не нужно будет петь вечером, чтобы немного заработать.

Сказительница долго смотрела на коня и всадника. Потом кивнула.

— Скачи быстро, как скакал лорд Фарал, Дакар. Я пойду делать ставку.

Монсо снова фыркнул и наклонил голову, как будто все понял и совершенно согласен.

Час спустя Эйдрис заняла место у ограды, отделяющей ипподром от ярмарки. В кошельке у нее была дощечка, какими обозначаются ставки. Как она и подозревала, Монсо среди фаворитов гонки не было: слишком многие видели бегство жеребца на ярмарке. Лошадь, которая затратила столько сил, слишком устала, чтобы выиграть.

Сказительница прищурилась, пытаясь разглядеть всадников сквозь лучи заходящего солнца.

Вот они! Тускло-коричневое и черное пятно, выделяющееся на фоне разноцветных ярких шапок, шарфов и седел остальных жокеев. Дакар вывел Монсо на дорожку. У него легкое седло, какими пользуются военные курьеры. В отличие от остальных всадников с их безопасными седлами, у него укороченное стремя, он почти стоит во время езды.

Эйдрис про себя улыбнулась. Так скачут в гонках всадники племени кайоги... с короткими стременами, прижимаясь к загривку, а не давя на спину лошади. Молодая женщина по собственному опыту знала, что поза Дакара дает коню максимум свободы движений, одновременно значительно уменьшая сопротивление ветра.

Зрители, горожане Рилон Корнерса, тоже заметили необычную посадку незнакомца. Несколько оборванных завсегдатаев, которых она видела в палатке, где делаются ставки, принялись показывать пальцами и смеяться, предсказывая, что молодой человек разобьет голову о твердую землю, как только начнутся скачки.

Лошади заняли свои места за натянутой веревкой, появился официальный стартер. Это была жена мэра, седеющая полногрудая женщина, стоявшая рядом с судьями на помосте. В руке она держала красный шарф, который развевался на ветру.

Проходили минуты, лошади волновались и плясали, всадники заставляли их занять место на стартовой линии. Эйдрис заметила, что никто из всадников не приближал коня к Монсо: Дакар без споров занял позицию на дальнем краю, где коню приходится преодолевать большее расстояние — дополнительное преимущество других всадников. Эйдрис прикусила губу, думая о серебряных монетах, которыми заплатила за ставку... она не должна была этого делать.

Мгновение спустя линия лошадей застыла; красный шарф взлетел в воздух.

Упал веревочный барьер.

Толпа взорвалась возбужденным гулом: лошади устремились вперед, каждый всадник пытался занять позицию поближе к внутренней изгороди. В толпу полетели комки сухой грязи, отброшенные сильными копытами.

«Монсо! Где он?»

Эйдрис изгибала шею, отчаянно пытаясь разглядеть, но в толпе большинство мужчин выше нее. Сказительница втиснулась между хозяйкой с корзиной кур и наемником, дыхание которого свидетельствовало о хорошем знакомстве с местным элем. Встав на цыпочки, стиснув кулаки, она сумела расмотреть дорожку. Постепенно становились видны отдельные лошади.

Впереди серая... потом каштановая... третьей идет мышастая... рыжая голова в голову с темно-каштановой, затем гнедая. Вороной не видно!

Страх словно кулаком стиснул горло Эйдрис. «Монсо! Дакар! Где вы?»

Сказительница с тревогой посмотрела вдоль дорожки; она опасалась увидеть лежащих коня и всадника. Но на изрытой копытами почве дорожки никого нет. Удивленная, девушка вернулась к гонке.

Лошади, по-прежнему сбившись в тесную кучку, делали дальний поворот. Но когда они достигли противоположной стороны большого овала, Эйдрис разглядела, что рядом с каштановым, идущим вторым, словно приклеенная, держится черная тень.

— Вперед! — прошептала Эйдрис, не слыша собственного голоса в гуле толпы. — Беги, Монсо!

Словно услышав ее, Дакар направил своего черного коня опасно близко к внутренней изгороди; и вдруг перед ними дорога очистилась. Эйдрис ахнула. Монсо устремился вперед с такой скоростью,

словно только начинал бег. За одно мгновение он догнал серого лидера. Еще мгновение — и он его обогнал... на корпус... на два корпуса...

Эйдрис зажала рукой рот, видя, что Дакар держит коня на поводу, не позволяя ему бежать свободно и изо всех сил. Руки его постоянно двигались, он натягивал удила, прижимал сталь ко рту жеребца. А черный жеребец, двигаясь со скоростью бури, продолжал уходить вперед!

— Это противоестественно! — закричала женщина с курами. — Он прошел мимо Серой Стрелы Хаурела, как будто та впряжена в плуг. А ведь быстрее этого коня в нашем городе не видели уже много лет!

— Да, — согласился наемник и с треском разломил надвое свою дощечку с обозначением ставки. — Никакая лошадь не может так бежать. Никакая нормальная лошадь.

«Никакая нормальная лошадь».

Неожиданная мысль заставила Эйдрис закусить зубами губу, чтобы не крикнуть. Она поняла, где видела таких коней, как Монсо. Красная искра в глазах жеребца не была отражением солнца! «Это не обычная лошадь, как Серая Стрела! — подумала она. — Но... как? Как можно поймать и приручить кеплианца?»

Эйдрис вспомнила один-единственный случай, когда видела демонов-коней, посланных Тьмой, чтобы заманивать неосторожных путников. Это было вскоре после исчезновения ее матери. Она, Джервон и лорд Керован были в поиске и заночевали у ручья в долине, которая показалась им покинутой.

Эйдрис в предрассветном серебре выбралась из-под одеяла и увидела рядом с лагерем коня. Кеплианец походил на прекрасного черного высокого жеребца, он спокойно щипал траву. И Эйдрис, и Джервон вскрикнули от восторга при виде этой великолепной головы, тонких сильных ног... бегущих плавных линий шеи и всего тела.

Они с отцом одновременно двинулись вперед, очарованные неземной красотой коня. И оба могли бы погибнуть, если бы дорогу им не преградил Керован. Браслет на его руке слабо светился. И когда этот свет коснулся их глаз, они пошатнулись, возвращаясь к нормальным чувствам: древний талисман обладал способностью предупреждать о зле и защищать от него.

Керован предупреждающим жестом поднял руку.

— Уходи, злое существо! Уходи и не возвращайся!

Свет браслета коснулся кеплианца, тот фыркнул от боли и ускакал.

«Монсо — кеплианец. Это многое объясняет,— думала Эйдрис ошеломленно, почти не слыша разочарованный гул зрителей.— Но у него... нет той сверхъестественной красоты и правильности форм, как у того. Может, он помесь? Возможно ли, чтобы кеплианцы скрещивались с обычными лошадьми?»

Продолжая размышлять и не находя ответа на свои вопросы, сказительница пробилась через толпу к палатке, чтобы получить свой выигрыш.

Гонка была заключительным событием этого дня ярмарки; торговцы и купцы кормили лошадей, закрывали свои павильоны до утра, когда ярмарка откроется снова. Солнце быстро садилось, и к тому времени как девушка вышла с выигрышем, синие сумерки крались по земле, как вор, унося с собой цвета и жизнь.

Эйдрис улыбалась, ощущая тяжесть кошелька в кармане куртки. «Более чем достаточно, чтобы купить хорошую лошадь. Я окажусь в Лормте быстрее, чем думала!»

Проходя мимо опустевших палаток, она увидела Дакара недалеко от того места, где они впервые встретились. Юноша вел в поводу Монсо. Поправив мешок на спине, сказительница свернула к нему, собираясь поблагодарить.

При свете факелов в глазах жеребца снова вспыхнули тревожные красные искры. Эйдрис остановилась, глядя на эту невероятную пару. В конце концов, что она знает о Дакаре? Он ездит на кеплианце. И поэтому вполне возможно, даже вероятно, что он и сам с Левой Тропы, что он принадлежит Тьме. Легенды говорят, что Темные часто красивы, даже прекрасны... настолько же привлекательны внешне, насколько гнусны изнутри.

Она уже собиралась повернуть назад, как Дакар поднял голову, увидел ее и обрадованно воскликнул:

— Госпожа Эйдрис! Видела гонку?

Сказительница кивнула.

— Видела. Конь лорда Фарала не мог бы скакать так быстро! — и, подойдя ближе, добавила не так громко: — Теперь, благодаря выигрышу, я смогу добраться до Лормта в несколько дней. Я у тебя в долгу.

Молодой человек покачал головой.

— Ерунда. Мы все равно выиграли бы скачку, даже если бы ты и не сделала ставку. Но я рад, что ты сможешь продолжать путь на хорошей лошади.

Эйдрис не решалась спросить, куда направляются они с Монсо после окончания гонки. Но какой в этом смысл? Она больше никогда не увидит Дакара и его необычного жеребца. Сказительница вздохнула и решительно расправила плечи под тяжестью дорожного мешка.

— Тогда прощай, Дакар, желаю тебе завтра благополучного пути, — сказала она.

Он тоже как будто колебался, но наконец кивнул.

— И тебе благополучного пути... Желаю тебе найти то, что ты ищешь. — Он протянул руку.

Эйдрис обменялась с ним воинским рукопожатием, ощутила пальцами, привыкшими касаться струн, жесткие мозоли на ладони. Увидела, как слегка рас-

ширились его глаза от силы ее пожатия; но вот он улыбнулся и склонился к ее руке, как при дворе.

— Желаю удачи, госпожа Эйд...

— Отродье Тьмы!

— Обманщик! Это не обычный конь!

— Мошенник! Ты заколдовал мою Серую Стрелу!

Повернувшись, Эйдрис и Дакар увидели приближающуюся группу мужчин; их фигуры колебались и казались огромными в дрожащем свете факелов.

Хозяин Монсо успокаивающим жестом поднял руки; мужчины окружали его, не давая возможности уйти.

— Спокойно, господа, спокойно! Если вы считаете, что Монсо победил несправедливо, нужно было обратиться к судьям до того, как его официально объявили победителем. Но никаких протестов не было.

— Потому что мы были околдованы! — вперед выступил хозяин Серой Стрелы, высокий костлявый фермер со светлыми волосами сулкара.— Ты всех нас выставил дураками, но сейчас мы пришли в себя и требуем, чтобы ты возместил наши потери!

Монсо, фыркнув, опустил голову. Острое копыто вызывающе застучало о землю. Дакар схватил недоуздок жеребца, что-то шепнул ему, и черный конь слегка успокоился.

— Хорошо,— сказал его хозяин.— Я не хочу неприятностей. Не только для себя, но и для вас. Я отдам вам то, что получил.

Эйдрис протестующе подняла руку, но промолчала. Дакар медленно достал кошелек. «Пять... шесть...— считала она фигуры в мрачном кольце, заметив, что некоторые вооружены дубинами, а один даже мечом.— Слишком много, чтобы сразиться. И Дакар ведь действительно обманул... вряд ли можно назвать справедливым состязание кеплианца с обычными лошадьми. Но и это нечестно!» — в гневе подумала она, глядя, как молодой человек, взвесив кошелек в руке, бросил его к ногам Хаурела.

— Возьмите и оставьте нас в покое, — сказал он. Плечи его внезапно поникли от неожиданной усталости. — Я покину ваш город, и, уверяю вас, ничто не заставит меня вернуться.

Окружающие не пропустили горькую насмешку в его голосе. Оскорбленные, они придвинулись ближе, и Эйдрис узнала и других: кривоногого жокея Серой Стрелы... широкоплечего наемника, стоявшего рядом с ней в толпе (в его руке отшлифованная рукоять меча)... деревенского кузнеца... торговца, лошадь которого она отвергла. У шестого лицо скрывал капюшон плаща.

— Мы не будем слушать насмешки мошенника-мальчишки! — рявкнул кузнец, ударив дубинкой по мозолистой ладони. — И ты, и этот твой чертов конь заслуживают трепки, и вы ее получите!

— Подождите! — Дакар протянул ладонь, теперь он по-настоящему встревожился. — Не нужно! Вы будете убиты! Я не хочу кровопролития! Позвольте по крайней мере сказительнице...

— Вперед, парни! — закричал Хаурел, и в мрачном молчании мужчины устремились вперед. Эйдрис, пригнувшись, протянула посох — нападающий в плаще с капюшоном тяжело упал на землю.

Он лежал, с трудом глотая воздух, а Эйдрис нанесла ему расчетливый удар по затылку, и он вытянулся без сознания. Дакар держался за коня, выкрикивая команды, а кузнец размахивал дубинкой, пытаясь попасть по голове юноше и одновременно уворачиваясь от копыт жеребца.

Хаурел схватил Дакара сзади, одной рукой зажал ему рот, другой стиснул горло. Кузнец нацелил удар дубинки в голову жеребца.

Кеплианец с пронзительным яростным криком встал на дыбы, ударили его передние копыта. Глаза его сверкнули красным огнем в свете факелов. Конь-демон налетел, как развернувшаяся змея. Он схватил зу-

бами кузнеца за руку, подбросил в воздух, и зубы его до кости прокусили предплечье. Раненый закричал.

— Монсо! — крикнул Дакар, освободив рот от зажима Хаурела.— Нет! Не трогай их!

Монсо потряс кузнеца, как крысу, и бросил.

Окованный бронзой наконечник посоха Эйдрис ударил фермера-сулкара по голове, тот пошатнулся и выпустил Дакара. Юноша побежал к коню, вытаскивая на ходу кинжал. На него набросился с обнаженным мечом наемник. Дакар попытался увернуться и ударить в свою очередь, но Эйдрис было ясно, что он не очень опытный боец. Эйдрис бросилась к нему на выручку, но наемник уже выбил кинжал из его рук. Отбросив кинжал ногой, он приближался, искусно размахивая мечом.

Горожане с проклятиями отступили. Теперь они стали осторожней. Один нагнулся к человеку в капюшоне. Кузнец исчез. Не сводя глаз с противников, тяжело отдуваясь, Эйдрис обратилась к Дакару:

— Ты ранен?

Вместо ответа что-то большое задело ее за плечо. Эйдрис пошатнулась.

«Монсо!»

Жеребец устремился вперед, Дакар вцепился ему в гриву. И вот топот копыт затих вдали, всадник и конь исчезли, оставив девушку перед толпой нападающих.

С горькой гримасой: (Неужели я так и не научусь не вмешиваться в дела, которые меня не касаются?) — сказительница приготовилась встретить натиск.

— Что ж, менестрель,— усмехнулся наемник, обнажая меч,— ты, кажется, застряла. Твой ухажер оставил тебя одну.

Жокей Серой Стрелы в нерешительности поморщился.

— Я не дерусь с бардами,— сказал он.— Говорят, это приносит неудачу. Говорят, некоторые менестрели

могут проклясть песней. К тому же,— добавил он,— она женщина.

— Да заберет ее Тьма! Дерется она как мужчина, и обращаться с ней нужно, как с мужчиной.

— У нее тяжелый кошелек,— сказал человек в капюшоне, с трудом вставая. Капюшон он откинул, показалась загорелая кожа цвета древнего бронзового щита и седеющие волосы.— Я видел, как Норден отсчитывал ей выигрыш. Можем возместить убыток за ее счет.

Жилистый низкорослый жокей покачал головой.

— Я не стану рисковать проклятием певца. И не люблю краденое. Меня не считайте, парни.

Он повернулся и ушел во тьму. Остальные заколебались.

— Отдавай кошелек, менестрель,— сказал Хаурел.— И мы отпустим тебя всего с несколькими синяками.

«Помоги мне, Гуннора,— взмолилась Эйдрис.— Помоги прихватить с собой двоих». Она, не отвечая, покачала головой.

— Ты сама выбрала,— проворчал сулкар.

Эйдрис ухватилась за голову грифона и потянула. Из посоха показалось сверкающее лезвие.

Своим новым оружием девушка отдала приветствие противникам, мрачно улыбаясь их нескрываемому удивлению.

— Она знает, как этим пользоваться,— с тревогой сказал человек в капюшоне. Он все еще плохо держался на ногах.

— Ну и что? — спросил наемник.— Нас трое, и я не новичок в фехтовании. Я буду держать ее занятой, а вы обойдете сзади.

Они медленно начали выполнять его команду. Эйдрис подготовилась отразить нападение...

Неожиданно тишину ночи заполнил гром копыт.

— Сказительница! Приготовься! — кричал Дакар, скача к ней на Монсо. Человек в капюшоне по-

пытался ткнуть факелом кеплианца. И закричал, когда жеребец ударил его копытом. И вот они прорвались, сбив с ног Хаурела. Наемник отступал перед оскаленными зубами кеплианца.

Эйдрис уже убрала свой клинок в ножны. Подняла посох, схватила протянутую руку Дакара и взлетела на пляшущего коня. Она едва успела схватиться сзади за Дакара, как Монсо поскакал.

Первый же прыжок кеплианца едва не сбросил девушку на землю. И вот они уже несутся в темноте.

5

Эйдрис думала, что, миновав ярмарку, жеребец сбросит скорость, но кеплианец продолжал нестись. Теперь он скакал гораздо быстре, чем во время гонки; девушка чувствовала, как Дакар пытается овладеть им, но тщетно.

Эйдрис слышала песни о том, как кеплианцы заманивают неосторожных и потом уносят их на себе к неизвестной судьбе. И всегда удивлялась, почему несчастные не могут просто спрыгнуть со спины коня.

Теперь она знала почему: такой прыжок со спины несущегося галопом кеплианца означает почти верную смерть.

Девушка знала, что она сама хороший, даже отличный наездник, и тем не менее ей постоянно угрожала опасность упасть. Безлунная ночь так темна, что она не видела даже голову коня за плечом Дакара, и поэтому, когда жеребец неожиданно сворачивал или в нескольких случаях перепрыгивал через препятствия, это заставало ее врасплох.

Левой рукой Эйдрис прочно держалась за пояс спутника, но не решалась сжимать ногами чувствительные бока жеребца. Монсо может от этого взбрыкнуть, как необъезженный конь. Вместо этого она на-

прягала мышцы бедер, пытаясь сохранить равновесие на раскачивающейся спине животного.

Они с головокружительной скоростью спускались по склону. Сказительница закрыла глаза. Ее одолевало искушение бросить посох, чтобы держаться обеими руками. Девушка почувствовала, как Дакар наклоняется вперед; ветер донес до нее предупреждение:

— Держись крепче! Впереди ручей!

Эйдрис прижалась к нему, держась за пояс. Под ней двигались мышцы жеребца; на какое-то мгновение конь и всадники повисли в воздухе.

Приземлились с ошеломляющим толчком. Задними ногами жеребец задел воду; всадников окатили ледяные брызги. Дакар снова сражался с кеплианцем; Эйдрис чувствовала, как напряжены мускулы его спины. Но беглец фыркал и мотал головой, отказываясь подчиниться.

Сказительница закрыла глаза, понимая, что долго не продержится. Она слышала голос Дакара, но не разбирала слов. Они поднимались по склону, и Эйдрис чувствовала, как соскальзывает... соскальзывает...

Внезапно, так, что девушка окончательно потеряла равновесие, Монсо остановился на вершине холма.

Девушку швырнуло вперед, она болезненно ударилась носом о плечо Дакара; потом ее так же неожиданно отбросило назад. Она слетела с крупа кеплианца и самым нелепым образом приземлилась за демоном-конем.

От удара она потеряла способность дышать. Монсо нервно пятился, размахивая хвостом, и жесткие пряди ударили девушку по лицу. Боль привела сказительницу в себя настолько, что она осознала опасность и сумела выкатиться за пределы досягаемости копыт Монсо. Но кеплианец больше не двигался, он стоял, опустив голову, с шумом фыркал и снова на фоне звездной ночи казался самой обычной лошадью.

— Госпожа Эйдрис, ты ранена? Госпожа? — Дакар неуклюже соскочил, его движения утратили обычную гибкость. Эйдрис услышала его приглушенный возглас. Споткнувшись, он едва не упал. Потом наклонился к ней. — Госпожа Эйдрис...

Сказительница попыталась вдохнуть, и на этот раз ей удалось набрать полные легкие свежего воздуха.

— Дыхание... перехватило, — объяснила она.

Он помог ей сесть, прислонил к своему колену.

— Прости, скачка была трудной. Я не мог до сих пор его остановить.

Она кивнула, потом вздрогнула, чувствуя себя слабой и неустойчивой, как новорожденный жеребенок. «Реакция на опасности вечера», — поняла она, пытаясь дышать медленно, спокойно, ровно, чтобы успокоить бешено бьющееся сердце.

— Я подумала, ты бросил меня, оставил этим бандитам, — сказала она наконец.

— А что еще ты могла подумать? — с горечью ответил он. Девушка поняла, что эта горечь адресована ему самому. — Прости и за это. Но я должен был прихватить седло и припасы... и еще важнее — не дать Монсо причинить вред этим людям. Он убил бы их, и в нем самом это пробудило бы такое... что лучше не трогать. В его характере есть темная сторона.

— Естественно, — ядовито ответила Эйдрис, осторожно двигая руками и ногами, определяя, какой ущерб причинило падение. — В конце концов, он ведь кеплианец.

До восхода луны еще несколько часов; темнота ночи не позволяла разглядеть выражение лица Дакара, но девушка почувствовала, как он вздрогнул, услышала звук задержанного дыхания.

— Откуда ты знаешь?

— И не думай отказываться, — сказала она. — Мне приходилось видеть коней-демонов. И даже

фермеры поняли, что Монсо не обычный конь. Хаурел был прав: ты мошенничал, выставляя его против обыкновенных лошадей. Я удивлена, что именно жители Рилон Корнерса первыми разгадали тебя.

— Другие гонки я выигрывал не так... ярко, — сухо ответил Дакар. — Но сегодня Монсо был так возбужден попыткой украсть его, что его невозможно было сдержать.

— Теперь слухи об этом разойдутся. — Эйдрис с беспокойством провела руками по арфе и обнаружила, что — хвала судьбе! — она невредима. Потом, преодолевая сопротивление ноющих мышц, встала. Поворачивая голову, постаралась осмотреться. Ветер развевал ее волосы. Она мало что смогла разглядеть: темный склон холма, усеянный более темными пятнами, вероятно, кустами. — Тебе и твоему кеплианцу придется найти другой способ оплачивать дорогу в Эсткарп, — с отсутствующим видом добавила она. — В следующий раз меня рядом не будет, чтоб помочь.

Дакар тоже встал и остановился рядом с ней. Всмотрелся ей в лицо, как будто мог в темноте его увидеть. Но она знала, что он в ночи видит не больше ее.

— А почему ты мне помогла в этот раз? — негромко спросил он. — Если бы ты ушла до начала, тебе, несомненно, позволили бы.

— Потому что мне было очевидно: ты не сможешь себя защитить, — ответила Эйдрис. — Разве тебя никогда не учили сражаться?

— Нет, — ответил он печальным голосом. — До этого вечера мне ни разу не приходилось защищаться физически.

«Но судя по его манерам и поведению, он вырос в благородном семействе, — думала сказительница, нахмурившись. — А такое воспитание включает уроки владения оружием. Поистине этот Дакар — сплошная загадка!» У нее на языке крутился вопрос, почему Дакара никогда не учили фехтованию, но

Эйдрис сдержалась. Не нужно ей этого знать: она совсем не хочет ввязываться в дела других людей... у нее и своих трудностей хватает.

— Я должен поводить Монсо,— сказал ее спутник, снимая со спины кеплианца седло и упряжь.

— Наверно, придется здесь заночевать,— неохотно заметила Эйдрис.— Слишком темно отыскивать дорогу.

Он кивнул; она видела бледный овал его лица.

— Вон там,— сказал он, показывая,— кажется, несколько деревьев и большие камни. Они защитят от ветра. Ночь холодная, а перед рассветом станет еще холодней.

— Можно разжечь костер? — спросила Эйдрис.

— Сомневаюсь, чтобы Хаурел и его приятели решились последовать за нами,— ответил Дакар.— А кроме них, меня искать некому.— В голосе его звучала ирония.— Если ты можешь то же самое сказать о себе, госпожа, давай разведем костер.

Надевая на плечи мешок и беря арфу, Эйдрис подумала о колдуньях, но потом покачала головой. Они с Аврис почти месяц провели в пути; наверно, волшебницы давно отказались от поисков. Девушка осторожно начала пробираться по склону холма.

Теперь зрение ее адаптировалось к темноте, и она смутно видела рощу, о которой говорил Дакар. Вершина у холма довольно большая и ровная. «Трава очень короткая; должно быть, тут пасут скот... овец или коз,— решила она.— Мы должны уйти до рассвета, чтобы не столкнуться с рассерженным пастухом».

На удалении виднелись огни Райлон Корнерса; они казались дальше, чем звезды над головой.

Эйдрис разбила у кустов лагерь, разожгла костер за большим камнем, который прикроет огонь со стороны города. Завернувшись в плащ, она села на бревно и принялась греть руки у огня, благодарная за тепло.

Немного погодя вернулся Дакар и принялся кормить, поить и растирать Монсо. И только когда конь был подготовлен к ночевке, молодой человек угомонился. Он молча благодарно кивнул, принимая кусок лепешки с ветчиной, которую Эйдрис достала из мешка. Путники устало молчали за едой, потом разделили фляжку кислого вина, которую извлек Дакар.

Монсо покончил с овсом и принялся пастись.

— Ты его не стреножишь? — удивленно спросила Эйдрис.

— Он никогда не уходит от меня, — ответил Дакар. — Мы... товарищи, а не просто лошадь и хозяин.

Сказительница плотнее запахнулась в плащ.

— До сегодняшнего дня я поклялась бы, что никто не сумеет захватить, а тем более приручить кеплианца. Как тебе это удалось?

— Монсо не чистокровный кеплианец, — объяснил ее спутник. — Его отец — торгианский жеребец, мой первый конь, а мать — кеплианская кобыла. Мы нашли ее еще новорожденным жеребенком наутро после битвы в Эскоре. Серые убили ее мать. Кобыла была еще такой молодой, что темные посвященные, которые выращивают коней-демонов, не успели развратить ее.

— И ты сумел скрестить ее со своим торгианцем? — Эйдрис видела высоко ценимых торгианцев, породистых коней, которые обладают большой скоростью и выносливостью. — Но ни одна из лошадей в сегодняшних скачках не подходила к Монсо.

— Для многих в Эскоре пользоваться колдовством так же естественно, как дышать, — ответил Дакар. — Один такой посвященный с помощью своей Силы облегчил спаривание.

— Понятно, — ответила Эйдрис. — А ты хорошо знал его, этого посвященного, колдуна?

Дакар долго молчал, склонив голову. Сказительница разглядывала его лицо, угол наклона бровей,

щеки и подбородок, освещенные огнем костра. Остальная часть лица оставалась в тени и напоминала маску. Наконец Дакар кивнул.

— Хиларион для меня был почти как отец. Он и его госпожа, волшебница Каттея, раскрыли передо мной двери своей древней крепости, когда я был еще мальчишкой и бродил в одиночестве по пустыне. Моим спутником был только торгианец. В самом подлинном смысле их дом оказался для меня единственным настоящим домом.

— Каттея? — Глаза Эйдрис распахнулись. — Я слышала это имя. Разве она не дочь лорда Саймона Трегарта и бывшей волшебницы госпожи Джелиты?

— Она самая.

— Говорят, у них все три ребенка родились одновременно и все обладают Силой.

— Это правда, — сказал Дакар. — Когда возникает необходимость, эти трое объединяются, становятся Единым. Однако и каждый в отдельности обладает Силой. Лорд Киллан владеет животными, лорд Кемок искусен в древних знаниях и словах Силы, а леди Каттея — волшебница. Она всегда была самой могучей из них троих.

— Итак, ты вырос в доме, населенном волшебниками?

— У каждого из Трегартов собственный дом в Эскоре, — ответил Дакар. — Но они очень близки друг к другу. Могут общаться без слов, если необходимо.

Эйдрис, видевшая такую близость у членов своей семьи, легко ему поверила. Она кивнула, вспоминая.

— Я знаю, каково жить среди обладающих Силой.

— Ты тоже жила в таком доме? — Дакар внимательно смотрел ей в лицо. — В Эскоре?

— Нет, в другом месте. В земле, которая называется Арвон. От Эсткарпа ее отделяет море.

— Арвон... — прошептал Дакар. — Я слышал о нем. Хиларион рассказывал мне, что когда он внача-

ле жил в Эскоре, до того, как Древняя Раса пересекла горы, ограничивающие Эскор на востоке, существовала легенда о двух землях, некогда бывших одним целым. Это Эскор... и Арвон.

Эйдрис удивленно замигала.

— Этот Хиларион, должно быть, очень старый. — От удивления Эйдрис говорила резко. — Невероятно старый. В крепости Кар Гарудин есть древние свитки и несколько карт, на них к западу от моей земли только смертоносная пустыня.

— А что за пустыней?

— Кажется, никто точно не знает. Земля там проклятая, она смертельно опасна для жизни, и никто не решается в нее углубляться. Один посвященный записал, что он гадал о земле дальше на запад, и она еще больше обожжена и заканчивается оплавленными стеклянистыми берегами страшного моря, в котором живут странные существа.

— Это соответствует легендам, которые помнит Хиларион, — Дакар слегка улыбнулся. — Мой лорд не седобородый старец, каким он тебе представляется, госпожа. Он очень долго находился в заключении за Вратами, где время течет совсем не так, как в нашем мире. Слышала когда-нибудь о таком?

— Да, я знаю о Вратах.

Ее спутник колебался.

— Ты как будто много знаешь об использовании Силы. Ты сама Мудрая Женщина?

— Нет.

— Волшебница или колдунья? — настаивал он.

Она рассмеялась, но в смехе ее слышалась горькая нота.

— Нет, нет и нет! Я не больше тебя, друг Дакар, владею Силой. Из всех обитателей Кар Гарудина только мы с отцом не владели этим даром.

— Я знаю, каково быть не таким, как остальные, — сказал Дакар, глядя ей в глаза. — Но... госпожа... не

думай, что обладание Силой — это всегда дар. Меня заверяли знающие люди, что оно может превратиться в проклятие, лечь тенью на жизнь человека, у которого есть.

— Мне тоже об этом говорили,— согласилась Эйдрис.— Но когда я росла, мне казалось, что я словно слепая или глухая. Сестра, дочь моих приемных родителей, Хиана все время говорила мне, что это не так, но все же...— Она пожала плечами.— Ты знаешь, каково это, не мне тебе напоминать.

Спутник смотрел на нее сочувственно. Молодая женщина смущенно отвела взгляд, чувствуя, что покраснела.

— Луна скоро взойдет,— сказала она, заметив слабый свет на востоке.— Нам лучше лечь спать, чтобы встать на рассвете. Тот, кто проснется первым, должен разбудить второго.— Она поколебалась, потом торопливо добавила: — Я еще не поблагодарила тебя. Ты всем рисковал, когда вернулся, чтобы спасти меня. Прими мою благодарность, Дакар.

— Только если ты примешь мою,— ответил он, удерживая ее взгляд.— Мы с Монсо обязаны тебе жизнью.

Она улыбнулась.

— Ну, тогда все получили благодарность. Спокойной ночи, Дакар.

Сняв сапоги, Эйдрис забралась в спальный мешок, подложив под голову футляр арфы. Решив спать, она закрыла глаза.

И уже едва не уснула в тепле костра, когда ее спутник снова заговорил.

— Госпожа Эйдрис... насчет завтра. Ты отправишься в Лормт?

— Да,— ответила она, глядя на него из темноты. Глаза ее слипались от усталости.— Я должна туда идти.

— Но нас могут преследовать.

Эйдрис снова вспомнила о волшебницах.

— У них твой кошелек,— сказала она.— Это должно их удовлетворить.

— Может, нам лучше скрыться в этих холмах и проверить, нет ли преследования...

— Я не могу ни отдыхать, ни возвращаться,— ответила она, упрямо покачав головой.— От меня зависит жизнь дорогого мне человека.

— Понятно,— задумчиво сказал молодой человек.— Ну, так как по моей вине ты не можешь вернуться в Рилон Корнерс, чтобы купить себе лошадь, я с радостью отвезу тебя в Лормт. Я знаю дорогу. Мы быстро доедем. Монсо не возражает против двойного веса.— Он говорил осторожно, как будто готовился получить отказ.

Эйдрис приподнялась на локте и посмотрела на Дакара, лежавшего за углями догорающего костра.

— Ты это сделаешь для меня? Но почему?

— Это самое меньшее, что я могу сделать. Спасение жизни — не мелочь. Если бы не ты, тот наемник проткнул бы меня насквозь.

Она медленно кивнула.

— Я об этом забыла. Хорошо... Я с радостью поеду с тобой, Дакар.

Он сунул веточку в угли, проследил, как она начала тлеть, потом вспыхнула.

— И еще одно...— медленно продолжал он.— Меня зовут не Дакар. Я воспользовался этим именем, потому что... потому что не хотел сообщать свое настоящее имя тем, кто... может возненавидеть меня.— Он печально улыбнулся.— Ведь я действительно мошенничал, как ты справедливо заметила. И мне это показалось благоразумным. Но я не хотел бы обманывать... товарища по оружию.— Он встретился с ней взглядом.— Меня зовут Алон.

Первые лучи рассвета коснулись закрытых век Эйдрис... Нахмурившись, она беспокойно зашевелилась... Ей снился сон...

Во сне она увидела свою мать Элис, ни на день старше, чем в последний раз, когда Эйдрис ее видела. Волшебница лежала на матрасе из серого шелка. Она спала или была околдована. Только легкие движения груди свидетельствовали, что она жива. Вокруг ее неподвижного тела клубился свинцовый туман, попеременно то закрывая, то открывая ее лицо.

— Мама! — попыталась крикнуть Эйдрис, но ни звука не сорвалось с ее уст.

Она сумела шагнуть вперед, потом сделала еще шаг, но словно двигалась по дну океана; все движения давались с большим трудом. Посмотрев вниз, она заметила, что ноги ее погружены в серый туман. Он, словно гирями, тянул ее за ноги.

— Мама!

По-прежнему ни звука, но теперь девушка не могла двигаться дальше; руками она нащупала прутья решетки; она могла их касаться, но не видела.

— Мама! Мама, я здесь!

Она продолжала тщетно биться о решетку, а Элис, прижимая руки к животу с нерожденным ребенком, растаяла в тумане...

Эйдрис проснулась со слезами на глазах и увидела над собой лицо — огромное, золотоглазое нечеловеческое лицо с большим изогнутым клювом.

Сдавленно крикнув, сказительница села. Сердце ее отчаянно забилось. Мгновение спустя к ней вернулось ощущение перспективы, и она поняла, что видит не огромное чудовище, а сокола. Птица сидела на конце футляра от арфы, на котором лежала голова Эйдрис. И так близко была птичья морда, что клюв сокола едва не касался носа девушки.

Птица большая, с черным оперением, только на груди белая буква V. Эйдрис видела таких раньше: несколько моряков на борту «Оспри» были сокольничими. Но на лапе этого сокола нет яркой ленточки, какие обычно носят спутники сокольни-

чьих. Откуда же он прилетел? Дикая птица не может так себя вести.

— Кто ты? — прошептала Эйдрис, как будто надеялась на ответ. — Откуда прилетел? — «Из Рилон Корнерса? Конечно, нет. Я не слышала о деревнях сокольничьих в границах Эсткарпа!»

Крепость воинов в птичьих шлемах — Гнездо — погибла во время Великой Перемены. Может, сейчас немногие изгнанники действительно поселились в Эсткарпе. Но она во время своих странствий слышала, что этот странный народ, который ненавидит своих женщин и любит только соколов, пытается заново укрепиться в долине Морской крепости в Верхнем Холлеке.

Эти рассуждения никак не помогали объяснить присутствие птицы, которая продолжала задумчиво разглядывать девушку, вначале одним глазом, потом другим. При этом она поднимала и опускала голову.

— Он называет себя Стальной Коготь, — послышался голос сзади.

Повернувшись, Эйдрис увидела Алона. Он был одет и держал в руке кожаное ведро с водой.

— Он... твой? Но ты не сокольничий!

— Ты говоришь правду, — с готовностью согласился юноша. — Стальной Коготь никому не принадлежит, только самому себе. Его хозяин Джонтал был моим другом и партнером. Он... был убит. Вместо того, чтобы присоединиться к хозяину в смерти, как обычно у этих птиц, Стальной Коготь предпочел дожить до дня, когда он отыщет убийцу своего хозяина... и в тот день он страшно отомстит.

— Понятно, — сказала Эйдрис, разглядывая птицу, которая в ответ смотрела на нее горячими золотыми глазами, и в их золотистой глубине виден был разум — не человеческий, но тем не менее разум. — Значит, он странствует с тобой?

— По-своему, — ответил Алон. — Улетает и прилетает, когда захочет. — Он встал рядом с девушкой,

так что оба они оказались лицом к птице. — Стальной Коготь, это госпожа Эйдрис, — серьезно сказал он, представляя девушку, как в каком-нибудь благородном обществе, а не на туманном пастбище, усеянном навозом. — Мы с Монсо отвезем ее в Лормт, чтобы помогать ей в пути, поэтому сегодня и завтра она будет нашей спутницей.

Сказительница наклонила голову, как при знакомстве с человеком.

— Рада познакомиться, Стальной Коготь.

На мгновение взгляд яростных глаз встретился с ее взглядом, потом птица пронзительно крикнула. Взмахнув черными крыльми, поднялась с футляра и улетела, почти сразу скрывшись из виду. Эйдрис повернулась к Алону.

— Ну что? Одобрил он мое присутствие?

Спутник улыбнулся ей.

— А как же иначе? Это очень приличное существо.

Девушка снова почувствовала, что краснеет, и понадеялась, что еще недостаточно светло, чтобы Алон это увидел. Смутившись, она ухватилась за первое, что пришло в голову:

— Ты должен был разбудить меня на рассвете. Мы должны спешить, или нас застанут здесь пастухи.

Они быстро собрались, не задерживаясь даже для завтрака, и жевали лепешки в дороге.

Монсо как будто без усилий нес их обоих, хотя Алон заставил его идти гораздо медленней, чем накануне вечером — к большому облегчению Эйдрис. Ход у кеплианца был необыкновенно ровный, и спутник девушки разнообразил скорость с изменением местности. Жеребец переходил от шага к рыси и иногда на галоп. Добравшись до дороги, ведущей к Южному Велдингу, Алон повел коня легким галопом.

Эйдрис поражалась выносливости Монсо. Влажная глина дороги бесконечно уходила назад под не-

устанными ногами кеплианца, как вода вниз по течению. И ко времени остановки на дневную еду они, по подсчетам девушки, покрыли не менее десяти лиг.

Монсо пасся, а девушка, стоя рядом с ним, решилась коснуться его мускулистого черного плеча.

— Поразительный конь! Мало кто мог бы преодолеть такое расстояние, как он сегодня, неся одного всадника, не говоря уже о двоих. — Черный жеребец поднял голову, пучки зеленой травы торчали из его губ. Он шумно подул на девушку, и она засмеялась.

— А я нахожу поразительным, что он так легко принял тебя. — Алон лежал в тени высокой березы на берегу ручья. — До вчерашнего дня он никому, кроме меня, не разрешал прикоснуться к себе... и едва выносил присутствие Хилариона.

Эйдрис подошла к нему и села рядом, наслаждаясь прикосновением к свежей траве.

— Давно он у тебя? Сколько лет Монсо?

— Он родился в год Оборотня, — ответил Алон. — Когда мне было тринадцать.

«Значит, Алон родился в год Гиппогрифа, как и я», — сообразила Эйдрис. И, не подумав, спросила:

— А в каком месяце ты родился, Алон?

Он повернулся на бок, чтобы посмотреть на нее, и выражение его лица неожиданно стало серьезным.

— Не знаю, — ответил он. — И когда я сказал, что мне было тринадцать в году Оборотня, это мое предположение. На самом деле я не знаю.

— Ты сирота? — догадалась она, вспомнив его слова накануне вечером, что свой первый настоящий дом он нашел как приемыш Каттеи и Хилариона.

Он кивнул.

— Я считаю, что мне сейчас девятнадцать, но могу быть и старше. Правду я никогда не узнаю.

Эйдрис вспомнила, какое тепло и любовь окружали ее, когда она росла к Кар Гарудине, в годы, предшествовавшие исчезновению матери. «Может быть, —

подумала она, — есть и нечто худшее, чем расти без дара. Гораздо более худшее...»

Ей захотелось попросить Алона рассказать историю его жизни, но она подавила это желание. «Нужно избегать... осложнений. У меня есть долг, и ничто не должно отвлекать меня от него».

— А тебе сколько лет? — негромко спросил Алон.

— Я родилась в месяц Сокола... девятнадцать лет назад, — ответила девушка.

— А почему... — начал он и замолчал, как будто передумал спрашивать. Чуть погодя он поднял голову и улыбнулся. — Вернулся Стальной Коготь... с подношением. Сегодня мы хорошо поужинаем!

Эйдрис села и смотрела, как Алон направляется к ближайшему дереву. На низкой ветке сидел сокол. А на траве под веткой лежал окровавленный комок бело-коричневых перьев. Молодой человек поднял курицу и покачал головой.

— Опять грабишь птичники? Я тебе говорил, что это опасно! А что если бы у фермера оказалось игольное ружье?

Птица наклонила голову и издала звук, который даже Эйдрис показался полным презрения.

— Мы могли бы обойтись кроликами, — настаивал Алон. Внимательней разглядев добычу сокола, он нахмурился. — Неудивительно, что ты так легко ее поймал. Она повидала немало весен.

Сокол принялся чистить перья, не обращая внимания на слова Алона.

Юноша шумно вздохнул, потом посмотрел на Эйдрис и пожал плечами.

— Я мог бы с таким же успехом поговорить с ветром.

Он начал ощипывать курицу. Эйдрис присоединилась к нему.

— Вы действительно разговариваете?

— Не так, как соколы разговаривают со своими друзьями сокольничими,— ответил он.— Стальной Коготь понимает бóльшую часть того, что я говорю, но наш разговор обычно бывает односторонним. Я не могу разговаривать с ним, как Джонтал.

Сказительница посмотрела на сокола, вспоминая слышанные рассказы. Сокольничьи и их птицы неразрывно связаны, и смерть одного партнера почти неизбежно вызывает смерть другого, даже когда он не ранен и не болен. Она слышала, что иногда сокольничьи остаются жить после смерти своих крылатых собратьев, но не знала ни одного случая, чтобы такое пережил сокол.

«Месть...— подумала она.— Алон сказал, что сокол остался жить, чтобы отомстить убийце Джонтала...» У нее на губах вертелся вопрос, знает ли Алон убийцу своего друга, но она снова сдержалась.

«Скоро мы достигнем Лормта,— строго подумала она.— И там расстанемся навсегда. Побереги силы для собственного поиска!»

Позволив Монсо пастись еще с час, Алон снова оседлал полукровку, и они продолжили путь. Несколько раз Эйдрис замечала Стального Когтя, который летел так высоко, что казался черной точкой среди пушистых белых облаков, двигавшихся по весеннему голубому небу.

К тому времени как они достигли развилки, указывающей на путь к Южному Велдингу, солнце уже миновало зенит. Они не стали проезжать через город, а проехали мимо него по пастбищам, усеянным коровами, овцами и лошадьми. Через несколько миль они добрались до отметки, о которой говорил Алон,— ярко-красного глиняного холма, у основания которого вился ручей.

Отворот показался узким и заросшим, но как только они нырнули под низко нависшие ветви, Эйдрис заметила на земле несколько изумрудно-зеленых

листьев. Наклонившись, она разглядела множество следов подков на дороге. Здесь прошел целый отряд всадников.

— Посмотри,— сказала она Алону, указывая на землю.— Здесь прошло не меньше семи-восьми лошадей... вероятно, сегодня утром. Есть ли в этой местности разбойники?

— Встречаются,— с беспокойством ответил он.— Но маршал Корис хорошо относится к своим подданым, однако не любит тех, кто живет за счет других.— Алон некоторое время разглядывал утоптанную почву, потом распрямился в седле. Лицо его просветлело.— Гораздо вероятнее, что это отряд из имения какого-нибудь лорда. Они часто едут в Лормт в поисках семейных преданий. Со времени Великой Перемены там побывали представители многих благородных семейств.

— Понятно,— ответила Эйдрис, по-прежнему разглядывая следы. Нет отпечатков колес... нет более легких следов, которые означали бы, что лошади несут носилки. «Это всего лишь означает, что в отряде не было стариков и детей,— напомнила она себе.— Предположение Алона может оказаться верным».

— А почему после Великой Перемены? — спросила девушка.

— После того, как волшебницы перевернули горы, в Эсткарпе относительный мир. А в мирное время у людей есть возможность заниматься такими поисками. Изучение собственной генеалогии стало очень популярно.

Алон послал Монсо вперед. Они двинулись дальше.

Около часа ехали открытыми полями, огражденными полосами деревьев. Оба спутника вынуждены были постоянно следить за ветвями, потому что в этой местности после Великой Перемены, тридцать лет назад свалившей лесных гигантов, выросло множество молодых деревьев.

— Сколько еще, Алон? — спросила Эйдрис, отводя выступающую ветку от своих ребер. — Скоро стемнеет. Мы доберемся к тому времени до Лормта?

— Нет, но осталось немного. Мы меньше чем в дне пути от древней крепости знаний, — ответил Алон. — Завтра в полдень будем на месте, даже если поедем не торопясь. — Он низко пригнулся в седле, чтобы избежать еще одной ветки. Эйдрис прижалась к его спине и отчетливо услышала урчание в желудке Алона. Она рассмеялась. — Голоден, милорд? Я тоже.

Алон печально умехнулся.

— Умираю с голоду, госпожа. К сожалению, напоминаю тебе, что курица, которую украл для нас Стальной Коготь, бабушка, и ее долго придется готовить. Но получится неплохо. У меня в сумке есть несколько картофелин и чеснок. Добавим дикого лука и кое-каких кореньев, и получится вкусное...

Он смолк, потому что Монсо неожиданно остановился. Кеплианец предупреждающе фыркнул и нервно ударил копытом по земле. Бесшумно, как тени, из укрытий за деревьями показались вооруженные всадники.

Путники были окружены.

Засада хорошо спланирована, поняла Эйдрис. Она лихорадочно искала способы спасения и один за другим их отбрасывала.

Подлесок слишком густой, чтобы свернуть с дороги и попытаться воспользоваться превосходящей скоростью Монсо. Оглянувшись, Эйдрис увидела, что сзади дорога тоже перерезана.

«Разбойники», — подумала она и приготовилась дорого продать свою жизнь. Традиционная безопасность сказителей не соблюдается бандитами. Эйдрис знала, что ее не только ограбят; ей придется спасаться от внимания разбойников.

Но вот передний всадник выехал из тени, и девушка узнала форму стражника Эсткарпа. Это офицер,

судя по знакам различия на рукавах и шлеме. Девушка почувствовала огромное облегчение. Очевидно, Алон разделял ее чувства. Она видела, что он расслабился.

— Приветствую, лейтенант,— сказал Алон.— Мы приняли вас за разбойников. Уверяю вас, мы сами не разбойники. Мы направляемся в Лормт, чтобы встретиться с главным летописцем Дуратаном и целительницей Нолар.

Офицер не ответил на приветствие молодого человека, выражение его лица не изменилось. Не поворачивая головы, он спросил:

— Госпожа, это та девушка, которую ты ищешь?

Вперед выдвинулся еще один всадник. Тоже в кольчуге и шлеме, как остальные, но не стражник. Это женщина. Со страхом Эйдрис узнала в ней волшебницу, которая допрашивала ее в крепости.

— Да, это та, кого мы ищем,— резко ответила женщина.— Ее зовут Эйдрис.

— Верно,— согласилась сказительница, пытаясь сохранить хладнокровие.— Но знание моего имени не дает вам права меня задерживать.

— Ты арестована,— ответила волшебница.— Ты нарушила наш закон.

Девушка застыла.

— Это какая-то ошибка. Никакого преступления я не совершила.— Она заставила себя говорить возмущенно.— Наоборот, это со мной обошлись плохо. Вначале в крепости, где одна из вас меня заколдовала и ограбила, а теперь сейчас, когда меня ложно обвиняют в нарушении закона.

— Ты помогла беглянке,— неумолимо ответила волшебница.— Где она? Где девушка, сопровождавшая тебя?

Сказительница быстро соображала, потом решила, что нет смысла лгать о судьбе Аврис.

— Она ушла, госпожа. Сейчас она уже глубоко в горах, ограничивающих Эсткарп... Она вышла замуж

и уехала в сопровождении мужа.— Эйдрис слегка улыбнулась.— Если брак действительно лишает вас Силы, сомневаюсь, чтобы она теперь была вам полезна.

— Значит, ты признаешь, что помогла ей бежать?

— Признаю только, что была принуждена это сделать, но ведь всем известно, что вы, волшебницы, можете заставить человека выполнить вашу волю! — она пыталась говорить убедительно, решив воспользоваться полуправдой.

Волшебница смотрела на нее, ее глаза казались осколками зимнего льда. Она пыталась понять, правду ли говорит девушка. Наконец она насмешливо улыбнулась, и от этой улыбки в груди Эйдрис возник холодный комок страха.

— Понятно...— сказала наконец женщина.— Ну, что ж, потеря невелика. Мы ищем большую добычу и, кажется, нашли.

Одетая в кольчугу женщина изучающе смотрела на сказительницу.

— Нам пришлось погоняться за тобой, девушка. Хранительница хочет сама тебя испытать. Кажется, ты все-таки обладаешь Силой. Только пользуясь Силой, можно пригасить свет волшебного камня.

— Нет! — воскликнула Эйдрис, пытаясь подавить страх.— У меня нет Силы, госпожа! Я всего лишь бродячая сказительница, клянусь всеми богами, каких знает эта земля! Я должна попасть в Лормт, от этого зависит жизнь моего отца!

— Послушайте,— вмешался Алон,— Эйдрис не в вашей юрисдикции. Она не из этой земли! Она...

— Молчи, парень,— приказал офицер.— Ты рассердишь госпожу.

Волшебница, даже не взглянув на Алона, сказала:

— Его тоже прихватите. Вчера вечером шериф Рилон Корнерса отдал приказ о его аресте.

Эйдрис спрыгнула со спины Монсо и извлекла свой меч.

— Я не позволю тебе остановить меня, госпожа, — сказала она, занимая оборонительную позу. И мрачно улыбнулась. — Даже если бы у меня была Сила — а ее у меня нет, — ничего хорошего она вам не даст, если содержащий ее смертный сосуд умрет. Я должна попасть в Лормт, и если ты хочешь меня остановить, тебе придется меня убить.

6

Уловив холодную решимость в голосе Эйдрис, волшебница и ее солдаты остановились. Послышался шорох, звук удара сапог о землю, и Алон встал рядом со сказительницей. Вдвоем они противостояли солдатам Эсткарпа.

— Возьми,— сказала молодая женщина, передавая посох своему союзнику.— Если не хочешь сдаваться, боюсь, тебе придется сражаться рядом со мной. Защищай мне спину.

Алон послушался, подчинился, и они встали спина к спине. И тут сказительница услышала его шепот:

— Ты, должно быть, спятила! Их семеро против нас двоих!

Но сам не опустил оружие, которое она ему передала, держал его неловко, как палку. Девушка про себя вздохнула. «Если освободимся, я должна научить его драться. Как он мог прожить так долго без этого умения?»

— Ну? — обратилась она к противникам.— Что выберешь, госпожа волшебница? Предпочтешь убить нас или отпустишь с миром?

— Ты говоришь убежденно,— ответила старшая женщина, подув на свой туманный камень, который

она носила в серебряном браслете.— Остается проверить, правду ли ты говоришь.

Их взгляды сошлись, холодный серый и ярко-голубой, и Эйдрис неожиданно осознала, что вокруг наступила тишина. Лес затих, ни одна птица не пела, ни одно насекомое не жужжало. Даже лошади застыли неподвижно.

Волшебница испытывала ее волю, проверяла, трогала. Девушка попыталась защититься с помощью колыбельной матери. Слова... да, вот эти слова:

Песня ветра освободит тебя,
Песня волны научит тебя,
А моя песня будет любить тебя
Во все времена года...

Спи, моя маленькая морская птичка, спи...

Но как ни старалась, сказительница не могла оживить мелодию. Она помнила ноты, видела, как пальцы движутся по струнам арфы, но не слышала музыку.

Девушка дрогнула, оторвала взгляд, не в силах больше сопротивляться. А когда снова посмотрела, волшебница улыбалась, но в ее насмешливой улыбке не было веселья.

— Так я и думала, лейтенант,— обратилась она к командиру солдат,— в ее сознании нет того убеждения, что в словах. Нас семеро против двоих: ни один опытный боец не станет сражаться при таком соотношении. Можете взять ее.

Эйдрис в отчаянии закрыла глаза. «Отец, прости,— подумала она.— Я подвела тебя. А ведь мы так близки к Лормту!» Плечи ее опустились, голова закружилась от неожиданной усталости. Алон обхватил ее за плечи, поддерживая.

— Не все потеряно,— прошептал он.— Подожди. Вечером...

— Не разговаривать, вы двое! — приказал офицер, отталкивая их друг от друга. — Девушка, отдай меч и не пытайся схитрить. — Он протянул руку.

Эйдрис покорно отдала меч. На солнце вспыхнули глаза грифона из кванской стали, как будто животное протестовало против такого обращения.

Один из стражников схватил Алона за руки и так грубо завел ему их за спину, что юноша скривился от боли. С Эйдрис обошлись так же, ей грубо связали руки за спиной.

— Осторожно! — предупредила волшебница, услышав, как ахнула девушка. — Не причините ей вреда. Ясно?

Услышав пронзительный крик сверху, сказительница подняла голову и увидела, как спускается Стальной Коготь, вытянув когти. С криком отчаяния лейтенант прикрыл рукой глаза и бросился на мшистую почву.

Сокол взмыл вверх, несколько стражников подняли свои игольные ружья и выстрелили.

— Нет! — закричала Эйдрис, пытаясь вырваться.

Но ни одна стрела не попала в цель, а Монсо воспользовался тем, что внимание стражников было отвлечено. Без предупреждения жеребец встал на дыбы, оскалил зубы и бросился к лошадям стражников.

Те закричали от страха и разбежались перед напором кеплианца. И черный конь мгновенно исчез в подлеске. Не стало видно и сокола.

«По крайней мере, Монсо и Стальной Коготь свободны», — тупо думала Эйдрис, пока стражники, грубо подталкивая, вели ее по лугу к лагерю, в котором их ожидала волшебница. К этому времени солнце уже почти скрылось за деревьями; по мягкой почве наползала темнота.

Им с Алоном позволили завернуться в плащи: потом один из солдат дал им хлеба, сушеных фруктов и бутылку с водой. Эйдрис заставила себя поесть. Еда

означает силу — может быть, силу для бегства. Девушка не могла забыть слов Алона о надежде.

Когда пленники кончили есть, стражники связали их по рукам и ногам. Потом по приказу лейтенанта привязали к деревьям. К тому же Алона привязали далеко от Эйдрис, так что пленники не могли разговаривать. Но когда стражники наконец отошли и занялись едой, Алон повернул голову и встретился с девушкой взглядом. Подмигнул и намеренно отвел взгляд.

Лагерь жил обычной жизнью, одни солдаты караулили, другие, свободные от дежурства, заползли в спальные мешки. Девушка продолжала украдкой поглядывать на Алона. В темноте она едва различала его тело у дерева: сумерки уже миновали, а луна взойдет еще через несколько часов. На глазах у девушки Алон стал отодвигаться назад, неуклюже — ему мешали связанные руки и ноги,— пока не прижался спиной к стволу дерева. Теперь при свете костра Эйдрис видела его профиль.

Она видела, как к ней повернулось бледное пятно его лица. Он хотел убедиться, что она его видит. И, убедившись, нарочито широко и протяжно зевнул. Плечи его поникли, подбородок опустился на грудь. Алон явно собирался спать.

Чувствуя, как возбужденно бьется сердце, Эйдрис повторила его действия. Но по мере того, как тянулось время, она все чаще задумывалась над смыслом последних слов своего спутника. У Алона есть какой-то способ освободиться? Может, нож, зашитый в край плаща или в полу рубашки? А может, он скрыт в подошве? Она слышала, как отец говорил о таких местах, в которых можно спрятать небольшое оружие.

Но Алон как будто не шевелился.

Частью сознания Эйдрис прислушивалась к голосу лейтенанта, который осматривал посты. Потом прозвучали негромкие шаги часовых, слышалось

фырканье лошадей. Девушка устала, и скоро ее деланная дремота сменилась настоящей.

Сказительница пыталась держать глаза открытыми, но веки отяжелели, как якорь сулкарского корабля. Несмотря на все усилия, она уснула...

... и проснулась, ахнув, оттого что что-то тяжелое опустилось ей на ногу. Испуганная, она подогнула колени и в ужасе смотрела на бесформенную массу перед собой. С обиженным возгласом эта масса поднялась в воздух и перелетела на ближайшую ветку. Сказительница увидела блеск глаз и разглядела белое V на груди.

— Стальной Коготь! — прошептала она.— Что ты здесь делаешь?

Эйдрис оглянулась на Алона и увидела, что он сидит прямо и явно не спит. Юноша негромко свистнул — так кричит ночная ласточка, и Стальной Коготь неслышно перелетел к нему. Алон наклонился вперед, а сокол приземлился перед ним.

Девушка в лунном свете видела, как лицо Алона исказилось от боли. Она сочувственно прикусила губу, поняв, что клюв сокола сейчас рвет ремень и вместе с ним кожу на руках Алона.

«Неужели он все это спланировал? — удивилась она.— Он так может управлять действиями птицы? Или сокольничьи учат своих соколов освобождать хозяина от плена?» Она не знала.

Несколько минут спустя Алон дернул путы, они распались, и он наклонился вперед. Эйдрис смотрела, как юноша растирает руки, стараясь восстановить кровообращение. Потом он поднял колени и начал возиться с веревкой, которой связаны ноги.

Сказительница продолжала прислушиваться к звукам часовых, боясь, что те что-то заподозрят, но в темноте все было тихо.

Освободившись, Алон осторожно пополз по траве к Эйдрис и прижал палец к губам, призывая к молчанию.

Но, к удивлению Эйдрис, не стал ее развязывать. Напротив, прошептал ей на ухо:

— Потерпи. Скоро освобожу тебя.

Она пыталась выделить один вопрос из множества вертевшихся в сознании, как мякина на ветру, но он покачал головой и прижал палец к ее губам.

— Подожди,— прошептал он.— Смотри...

Сказительница услышала звук копыт, потом фырканье. Показалась темная тень, стремена свисали с пустого седла. Но вот еще одна темная тень опустилась на седло и сидела там, покачиваясь.

Монсо! Монсо и Стальной Коготь!

На глазах у Эйдрис кеплианец и сокол обошли лагерь по кругу, двигаясь очень медленно и осторожно.

Обошли раз...

Второй...

Третий...

«Волшебство,— поняла девушка, чувствуя холодок на спине. Она вспоминала времена, когда Керован или Джойсана пользовались Силой. Животные околдовывают лагерь!»

На мгновение ее охватил страх, но потом она поняла, что животные обходят лагерь справа налево, по часовой стрелке, а не наоборот, не против пути солнца по небу. Девушка успокоилась. Те, кто идет по Левой Тропе, не могут так двигаться.

Завершив третий круг, кеплианец остановился и громко фыркнул. Никто из спящих у костра даже не пошевелился.

— Хорошо,— прошептал Алон, потом встал и подошел к ближайшему стражнику. Мгновение спустя он вернулся с ножом в руке. Несколькими движениями перерезал путы Эйдрис.— Надо уходить побыстрее,— сказал он, не беспокоясь о том, чтобы понизить голос.— Тройной круг не выстоит против рассвета.

Сказительница перевела взгляд со спящих стражников на животных, стоящих в нескольких шагах.

— Они это сделали? — в волнении прошептала она. — Как могут конь и сокол использовать сонные чары?

— У зверей есть свое волшебство, — ответил Алон. — И не забывай: Монсо и Стальной Коготь не обычные животные.

— А что с часовыми? И с волшебницей?

— Все спят. — Он взял ее руки в свои и принялся растирать. Она была поражена тем, как распухли его пальцы. И когда в отчаянии воскликнула, Алон посмотрел на свои пальцы и осторожно согнул их. — Стражник был не очень нежен, — мрачно согласился он. — Мне дали ясно понять, что я не почетный пленник.

Мгновение спустя он встал и помог девушке распрямиться. Они потопали, поразминали пальцы ног, морщась от боли восстанавливающегося кровообращения.

Наконец Алон покрепче закрепил плащ на плечах Эйдрис.

— Пошли, — сказал он. — Мы должны торопиться.

Девушка последовала за ним в лагерь. Она с удивлением смотрела на спокойные лица спящих. Никто не пошевелился, пока они отыскивали свое добро. В лунном свете даже волшебница казалась другой, ее строгое лицо расслабилось и стало уязвимым во сне. «Так велика сила волшебства тройного круга животных, что у них не было времени даже насторожиться», — с благоговением подумала Эйдрис.

— Отыщи свое оружие, — сказал Алон с противоположной стороны лагеря. — Я соберу немного припасов. Двигаться будем быстро и налегке.

Сказительница отыскала свой меч и посох, потом, подчиняясь порыву, взяла меч и оружейный пояс лейтенанта, лежавшие рядом с его расслабленным телом.

— Вот,— сказала она, протягивая оружие спутнику,— надевай это.

Он взял и с сомнением надел пояс.

— Не так! Ниже, пусть опирается на бедра... вот так.— Она поправила пояс.— Когда будет время, начну учить тебя пользоваться этим.

В лунном свете она увидела, как он сухо улыбнулся.

— Ты считаешь, мне необходимо научиться солдатскому мастерству?

— Да,— твердо ответила она и осмотрела его, упираясь руками в бока.— Если нам еще предстоит ехать вместе, пусть хоть часть дня, я хочу, чтобы ты был вооружен. Я не могу вечно защищать тебя.

Он рассмеялся и взял сумку с едой.

— Да, конечно, не можешь, хотя накануне вечером ты очень хорошо это делала.— Он посмотрел на меч у себя на боку.— Не могу дождаться.

Отвязав лошадей стражников, освобожденные пленники помахали факелами и одеялами, и лошади с фырканьем разбежались, скрылись в темноте. Алон сел на Монсо и посадил Эйдрис за собой.

— В Лормт,— сказал он, поворачивая кеплианца носом на восток.

Эйдрис кивнула.

— В Лормт! — повторила она.— И пусть побережется тот, кто попытается снова нас остановить!

Езда в темноте конца ночи раздражала: беглецы не могли воспользоваться преимуществом в скорости. Большую часть пути они ехали частым лесом, а на открытых местах слишком велик риск: Монсо мог попасть копытом в нору какого-нибудь подземного жителя и сломать ногу. Путники вынуждены были двигаться шагом, когда все в них требовало бега.

Утомленная событиями дня, Эйдрис обнаружила, что у нее сами собой закрываются глаза. Ритмичное

покачивание кеплианца действовало усыпляюще. В убывающем лунном свете окружающий ландшафт стал казаться призрачным, нереальным. Глаза девушки закрылись...

Монсо остановился, и Эйдрис проснулась. Она поняла, что задремала, прижавшись щекой к спине Алона. И торопливо выпрямилась, чувствуя, как краснеет.

— Приехали?

— Нет, у нас еще примерно час пути,— ответил Алон.

Тьма рассеивалась, на востоке появилось слабое розовое свечение. Скоро рассвет.

Сказительница напрягала зрение, разглядывая местность впереди. Серые скалы, молодая поросль леса. Вдали виднелся дом с крытой тростником крышей. Вся местность выглядела странно дикой, смятой.

— Что так перемешало здесь все? Великая Перемена?

— Да,— ответил Алон.— Но сам Лормт был защищен. Древние, соорудившие его стены и башни, заложили в их основания шары из кванской стали — это синий металл, из которого сделаны глаза твоего грифона. Основание одной из башен разрушилось, и шар был утрачен, поэтому, когда земля поднялась, эта башня рухнула, прихватив с собой часть соседней башни и соединяющую их стену. Но остальные две башни устояли.

Монсо позволили попастись несколько минут, сами путники размяли ноги, немного поели и плеснули в лица воды из быстрого соседнего ручья. Вода, очевидно, стекала с гор, которые теперь виднелись на востоке, и была такой холодной, что у Эйдрис заныли зубы.

Она не могла удержаться и все время оглядывалась, напрягая слух, ожидая услышать стук копыт, хотя понимала, что сейчас их похитители только

еще просыпаются. Кожу на затылке девушки покалывало: она представляла себе ярость волшебницы, когда та обнаружит, что ее добыча снова сбежала.

— Сейчас тройной круг животных, наверно, уже не действует,— сказала Эйдрис.— Мы не должны задерживаться, Алон.

Он оставался спокоен.

— Мы их опередили на несколько часов, а когда снова двинемся, Монсо сможет скакать быстро.

— Но они знают, куда мы направляемся.— Девушка вспомнила холодный взгляд серых глаз волшебницы и с тревогой глотнула.— А эта волшебница... она так легко не сдастся.

Алон натянул повод коня, лицо юноши стало серьезным.

— Тогда нужно продолжать уходить от них. Не хочу провести остаток жизни в какой-нибудь темнице в Рилон Корнерсе.

Они снова сели в седло, Алон слегка наклонился вперед и ослабил повод.

— Вперед,— прошептал он, и кеплианец, фыркнув, поскакал.

Глаза Эйдрис заслезились, окружающая местность потеряла четкие очертания. Девушка отчаянно вцепилась в пояс Алона и напрягала все силы и все свое мастерство всадницы, чтобы сохранить равновесие и не упасть. Монсо скакал галопом, а Эйдрис пыталась заранее разглядеть препятствия и повороты, чтобы они не застали ее врасплох.

Солнце уже на ладонь поднялось над горизонтом, когда Алон натянул узду и Монсо остановился.

— Лормт,— объявил юноша, тяжело дыша от усилий, с какими сдерживал пляшущего кеплианца.

Эйдрис выглянула из-за плеча Алона и увидела реку, текущую мимо нескольких полуразвалившихся домов и одного здания побольше, должно быть, гостиницы. Сразу за этими домами виднелась высокая

каменная стена и массивные башни. Как и сказал Алон, угол этого сооружения превратился в груду камней, и в этой груде заметны были очертания еще одной башни, хотя и полуразрушенной.

Путники начали медленно снускаться по истоптанной тропе, которая переходила в главную улицу небольшого поселка. Эйдрис чувствовала, что их разглядывают из-за занавесей и в щели стен, но единственными жителями деревни, которые осмелились показаться, были несколько босоногих ребятишек, слишком маленьких, чтобы работать на полях или помогать в прядении.

Эйдрис подумала, что они начнут что-нибудь выпрашивать, но дети молчали. Двое, мальчик и девочка, пошли за путниками, а один мальчик постарше скрылся в дыре в стене. Очевидно, побежал сообщать об их появлении.

Ворота, обитые металлом, не были закрыты, створки их покосились, и путники беспрепятственно въехали на мощенный камнем двор. На ступенях одной из сохранившихся башен их ждали двое — мужчина и женщина.

Мужчина держался прямо, как человек, привыкший носить оружие и участвовать в боях. Он слегка выше среднего роста, явно принадлежит к Древней Расе, лицо у него гладко выбрито. Вместо мантии ученого, какую ожидала увидеть Эйдрис, на нем рубашка цвета ржавчины и кожаная куртка, пояс из лошадиной шкуры с оставленными на коже волосами, брюки для езды верхом и сапоги.

Женщина в простом платье коричневого цвета — цвета осени, на плечи наброшена легкая зеленая шаль: еще по-утреннему свежо. Волосы у нее забраны назад и связаны узлом на шее. Лицо сильное, с четкими чертами, но на одной щеке большое родимое пятно, портящее внешность.

Эйдрис заставила себя прямо посмотреть в глаза этой женщине; трудно было удержаться и не смотреть

на это безобразное пятно. Девушка ощутила сочувствие; она представила себе, как жестоки бывают дети, как они могут причинить боль, если видят какое-то бросающееся в глаза уродство или отличие.

Но спустя несколько мгновений Эйдрис поняла, что эта женщина давно свыклась со своей внешностью; ей не нужна жалость. Девушка не знала, с чего начать, а в это время Алон откашлялся и поклонился.

— Удачи этому дому и доброго утра вам двоим. Меня зовут Алон, а это сказительница Эйдрис.

Мужчина кивнул, не отрывая взгляда от лица юноши.

— Добро пожаловать в Лормт, Алон и Эйдрис. Я мастер Дуратан, а это глава целительниц госпожа Нолар. Чем мы можем вам помочь?

— Эйдрис хочет посоветоваться по вопросам излечения.

— Излечения? В этом я неплохо разбираюсь, — впервые заговорила Нолар — ясным мелодичным голосом. — Входите, пожалуйста. Можно поговорить в моем кабинете.

Дуратан вежливым жестом пригласил путников заходить.

— Я попрошу конюха позаботиться о вашей лошади.

Но Алон не сдвинулся с места, он только покачал головой.

— Лучше, если я сам присмотрю за своим жеребцом, мастер Дуратан. У него может быть... неустойчивый характер. Я присоединюсь к вам через несколько минут.

— Хорошо. Тогда я покажу тебе, где конюшня. — Дуратан пошел навстречу Алону, и сказительница заметила, что хоть держится он прямо и плечи у него широкие, но летописец при ходьбе заметно хромает.

Вслед за целительницей девушка прошла в древнее здание и сразу вспомнила крепость в городе Эс. Та же

аура древности окружала камни — нет, это место казалось еще более древним. Женщины проходили мимо множества комнат, заполненных полками; на каждой полке сотни книг и даже древних свитков в металлических и кожаных футлярах. Ученые в мантиях (и мужчины, и женщины) тихо проходили коридорами, неся охапки книг, свитков и свежеочиненных перьев.

Поднялись по лестнице в одной из башен; Нолар остановилась перед дверью и открыла ее. За дверью оказалось просторное помещение с окном, откуда открывался вид на восточные холмы. На каменном подоконнике стояли горшки с травами, стены покрыты завесами мягких цветов; это гобелены, но их изображения уже невозможно различить. Выбеленные стены уставлены шкафами, в которых тоже множество свитков в деревянных или украшенных бронзой футлярах.

Эйдрис вдохнула пыльный запах кожи и подумала, что здесь скорее всего сможет найти древние знания, которые помогут ее отцу.

Нолар осторожно передвинула рваный свиток, который, по-видимому, изучала, потом пригласила девушку сесть.

— Расскажи, зачем ты пришла, Эйдрис.

Набрав побольше воздуха, сказительница начала рассказ. И уже была на середине, когда в комнату вошли Дуратан и Алон. Рассказывая о событиях прошлого, девушка видела, что взгляд летописца не отрывается от лица юноши; Дуратан избегал смотреть открыто, но наблюдал исподтишка, как мог бы наблюдать Стальной Коготь за кроликом, слишком далеко отошедшим от своей норы.

«Почему мастер-летописец так заинтересовался Алоном? — удивилась Эйдрис. Потом ей пришла в голову возможная причина.— Дуратан, очевидно, читал о кеплианцах из Эскора и узнал Монсо. Конечно, его заинтересовал человек, который сумел приручить такое существо».

— ...и все эти годы Джервон оставался таким,— закончила Эйдрис.— Как малый ребенок... послушный, но нуждающийся в помощи в самых обычных делах: еде, мытье, одевании.— Она умоляюще посмотрела на целительницу.— Госпожа Нолар... знаешь ты что-нибудь, что могло бы помочь ему? Я не могу допустить, чтобы он продолжал так жить!

— И ты говоришь, что нет никакого шрама, никакого углубления на черепе, где он ударился головой?

— Нет. Джойсана, которая воспитывала меня после исчезновения моей матери, Мудрая Женщина и сама очень искусная целительница. Она сказала, что дело не в физической ране, а в мозгу и, может, душе. Как...— она поискала пример,— как река во время наводнения, которая оставляет свое русло и заливает берега. Так же и со связями в мозгу Джервона.

— Понятно...— ответила целительница. Она посмотрела на Дуратана.— Кажется, похоже на случай с Элгарет. Может быть, Камень...

— Камень? — переспросила Эйдрис.— Какой камень?

— Камень Коннард,— сказал Дуратан.— Это целебный камень большой силы. Он находится в пещере, в горах далеко отсюда. Осколок этого камня излечил тетку Нолар, мозг которой повредился во время Великой Перемены. Когда-то эта женщина была одной из волшебниц.

— Осколок? А мы можем его получить? — сердце у Эйдрис сильно забилось, как птица, попавшая в ловушку и пытающаяся спастись.

— Увы, у меня его больше нет,— сказала Нолар.

— Вскоре после излечения Элгарет осколок привлек меня к камню и там слился с ним,— добавила она немного погодя.— И поэтому у меня его нет больше. И не думаю, что за прошедшие годы был найден другой. А можешь ты отвезти отца к камню?

— Камень Коннард...— прошептала Эйдрис. Сердце ее упало. Она представила себе бесконечное утоми-

тельное возвращение в Кар Гарудин, потом поездку с отцом, вначале через горы, потом через пустыню, ограничивающую Арвон, потом по долинам Верхнего Холлека, через море, потом придется пересечь весь Эсткарп...

Эйдрис не видела возможности совершить такое путешествие. Джервон может идти целый день, но только если его ведут за руку. Он ездит верхом, но не может управлять конем, его нужно вести. Каждую ночь в его комнате ночует слуга или нянька, чтобы он не ушел куда-нибудь...

Сказительница глотнула, чтобы снять напряжение в горле. «Должен быть другой выход, — подумала она. — Боги не могут быть так жестоки, не могут требовать от отца такого опасного путешествия!»

Не говоря уже о том, что ей невыносима сама мысль — продемонстрировать отца в таком состоянии любопытным. Она поморщилась, представив себе сочувственные или презрительные взгляды, которые будут бросать на Джервона, спотыкающегося, с расслабленным ртом.

— Привезти его было бы исключительно трудно, я знаю, — сказала целительница, словно прочитав мысли девушки. — И должна предупредить, что путь к месту камня долог и опасен. После Великой Перемены в горах появились необычные опасные существа, они представляют серьезную угрозу для путников.

Сказительнице захотелось опустить голову и заплакать, но она заставила себя расправить плечи и прямо посмотреть в глаза Дуратану и Нолар.

— Я сделаю то, что должна, — сказала она. «Может, его можно будет переносить в крытых носилках...» — устало подумала она.

— Но тебе одной предпринять такое путешествие... — начала леди Нолар и смолкла, покачав головой.

— Я уверена, лорд Керован и госпожа Джоисана помогут мне привезти отца, — ответила Эйдрис и

добавила с горькой откровенностью: — Но одно заставляет меня колебаться. А что, если поездка к камню не поможет Джервону? Или он погибнет по пути туда?

Летописец и целительница кивнули ей, очевидно, понимая причины ее колебаний и отчаяния.

Неожиданно рядом шевельнулся Алон, о присутствии которого девушка почти забыла. Он откашлялся.

— Госпожа Нолар, — сказал юноша, указывая на свиток с рунами, лежащий на столе, — можно мне осмотреть этоту рукопись? Эти руны напоминают мне свиток, который есть в собрании моего лорда Хиларион. Он имеет отношение к исцелению, и если это его копия...

Дуратан распрямился, брови его удивленно поднялись.

— Хиларион? Я слышал это имя от своего друга Кемока Трегарта.

— Ты знаешь Кемока? — спросил тоже удивленно Алон.

— Мы вместе сражались на границе и стали не только соратниками, но и друзьями. После ранения Кемок приехал в Лормт, и я встретил его здесь незадолго до Великой Перемены. После того, как Эскор снова был заселен Древней Расой, мы стали переписываться. Посылаем письма с путниками или с почтовыми птицами.— Летописец задумался.— Кемок рассказывал о Хиларионе, муже своей сестры. И ты его ученик?

Алон нерешительно помолчал.

— Не совсем. Хиларион и его госпожа усыновили меня, когда я ребенком, лишенный в Карстене родителей и семьи, оказался в Эскоре. Хиларион многому научил меня... читать и писать, разгадывать древние записи, рассказал мне старинные предания.

Дуратан пристально посмотрел на него, но прежде чем летописец снова заговорил, Алон обратился к Нолар:

— Прошу тебя, госпожа... можно мне осмотреть свиток?

Целительница испытующе на него посмотрела, потом кивнула.

— Конечно,— ответила она.— Однако будь осторожен. Как ты, несомненно, знаешь, свитки бывают очень хрупкими.

— Я буду осторожен,— пообещал Алон, беря в руки металлический цилиндр. Медленными осторожными движениями юноша извлек старинный свиток и начал его разворачивать.

Эйдрис через его плечо смотрела на текст. Буквы выцвели так, что стали почти неразличимы, а рунические символы древнего языка казались необыкновенно архаичными. Сказительница разбирала лишь отдельные слова.

— Ага...— сказал Алон, рассматривая старинную рукопись.— Да, это действительно копия знакомого мне свитка. А вот здесь...— Он указал на абзац в самом конце,— вот здесь место, о котором я говорил.

Палец молодого человека коснулся выцветших строк, и они неожиданно стали четкими, ярко-фиолетовыми в пыльных лучах солнца.

Дуратан и Нолар ахнули, потом вскочили и недоверчиво смотрели на свиток.

— Что ты сделал? — спросила Нолар, первой обретя дар речи.— Это фиолетовый цвет, цвет великой Силы!

— Великая Сила? — Эйдрис широко раскрытыми глазами смотрела на Алона.— Ты...

Он, покачав головой, заставил ее замолчать.

— Я ничего не сделал,— сказал Алон.— На этой странице лежало заклятие.— Лицо его неожиданно осунулось от усталости, как будто прикосновение к рукописи отняло у него все силы.— Я слышал, как Хиларион об этом рассказывал. Старинное заклинание очищения. Если у ищущего очень большая необходимость, слова станут видны, даже когда чернила выцветут. Если бы ты коснулась рун, они тоже стали бы видны. Вот...

Стремительным движением он схватил руку Эйдрис и прижал ее пальцы к свитку. И снова руны ярко вспыхнули.

Эйдрис почувствовала, как при этом прикосновении что-то почти ощутимое пробежало по ее телу. Алон выпустил ее пальцы и смотрел удивленно, хотя сам же предсказал, что свиток будет реагировать на прикосновение любого, кто испытывает сильную необходимость знать его содержание.

— Значит, в нем говорится об излечении! — воскликнула Эйдрис, возвращаясь к тому, что для нее важнее всего. — Но что в нем говорится? Мы сможем перевести?

— Это очень архаичная форма Древнего языка, — медленно заговорила целительница, разглядывая рукопись. — Я такой старинной речи не встречала.

— Я могу прочесть, — заметил Алон. — Хилариан родился еще до Первой Великой Перемены, которая отгородила Эсткарп от Эскора. Свиток относится к тому времени.

Дуратан удивленно покачал головой.

— Так давно? Не могу поверить!

— У моего приемного отца были еще более древние свитки, — с отсутствующим видом говорил молодой человек, разглядывая страницу. После довольно долгого времени он заявил: — Я был прав. В свитке упоминается целебное место на краю Долины Зеленого Безмолвия.

Дуратан кивнул.

— Долина Морканты! Мне говорил о ней Кемок. Его брат Киллан женат на госпоже Долины Зеленого Безмолвия.

— В Эскоре ее называют Дахон, — сказал Алон.

— У нее много имен, — согласился Дуратан. — Говорят, в ее распоряжении есть методы лечения, даже более сильные, чем у Камня Коннард. Если раненый добирается до нее, смерть утрачивает власть над его плотью и костью.

— Но могут ли ее методы излечивать не только тела, но и души?— воскликнула Эйдрис, не смея надеяться. — И можно ли использовать ее методы без нее?

Алон покачал головой.

— В свитке об этом ничего не говорится. Но стоит спросить.

— Если бы я могла отыскать какую-нибудь целебную настойку или мазь и отнести к отцу! — воскликнула девушка, впервые за долгое время почувствовав, что ее поиск может увенчаться успехом.

Нолар выглядела задумчивой.

— Может, госпожа Долины Зеленого Безмолвия знает такие средства.

— Может, и знает,— согласился Алон.— Я слышал, что мало существует такого, чего она не знает.

— Но как мне к ней добраться? — вслух спросила Эйдрис, вспомнив темные горы на восточном горизонте.— Только чтобы подняться на горы, отделяющие Эскор от Эсткарпа, потребуется много дней.— Она ненадолго задумалась, потом спросила: — Алон, а ты знаешь дороги через эти горы?

Он не ответил на ее вопрос, и она, удивленная его молчанием, подняла голову и увидела, что Алон без всякого выражения смотрит на Дуратана. А главный летописец, в свою очередь, пристально смотрел на молодого человека. Эйдрис уже видела этот его взгляд.

— Я хотел бы поговорить с тобой о Хилларионе,— наконец медленно сказал Дуратан.— И о тебе самом, Алон. Не часто приходится встречать...

— Тех, кто жил в Эскоре,— прервал его молодой человек.— Да, знаю. Но боюсь, сейчас нет времени для таких разговоров, сэр. Я должен проводить леди Эйдрис в Долину Зеленого Безмолвия...— Сердце Эйдрис при этих его словах дрогнуло,— и мы должны выехать немедленно.

— Почему так быстро? — спросил Дуратан с мрачной улыбкой, как будто заранее знал ответ.

Алон криво улыбнулся.

— Определенные... осложнения... могут задержать нас по пути в Эскор. Эти осложнения и сейчас нас преследуют.

— Понятно... — сказал Дуратан, по-прежнему не отрывая взгляда от молодого человека. — Конечно, в таком случае вам нужно торопиться. Но когда вернетесь...

— Я с удовольствием поговорю с тобой, — пообещал Алон.

Встав, он взглянул на сказительницу и протянул руку, чтобы помочь ей встать.

— Нужно торопиться, — сказал он. — Если хочешь ехать.

Эйдрис сжала его пальцы и встала, чувствуя себя слегка неуверенно.

— Ты действительно хочешь провести меня через горы в Эскор? — прошептала она. — О, Алон... я... я никогда не смогу отблагодарить тебя.

— Я делаю это и для себя, а не только ради твоего отца, — напомнил он. — Не забудь, в Рилон Корнерсе меня ждет приказ об аресте.

— Да, но...

— В Эскоре я могу скрываться, пока волшебница и горожане совершенно обо мне забудут. И тогда мы с Монсо сможем вернуться на север Эсткарпа.

Эйдрис понимающе улыбнулась.

— Ты так говоришь, чтобы мы не поняли, как ты добр, помогая мне. Скорее предпочтешь, чтобы тебя считали озабоченным только сохранением своей шкуры. — Она серьезно посмотрела ему в глаза. — Но я знаю правду. Прими мою благодарность, Алон.

— У вас хватит припасов для пути? — спросила целительница.

Услышав ее слова, Эйдрис выпустила руку Алона. Оба путника повернулись к женщине.

— Может, немного хлеба, если у вас найдется, — сказала Эйдрис, направляясь к выходу. — И... госпожа Нолар... спасибо тебе. Спасибо вам обоим.

Через несколько минут они уже были во дворе. Алон упаковал продукты, данные целительницей, в седельные сумки. Он уже заканчивал, когда появился летописец, ведя гнедую кобылу. В руке он нес веревку и кучу тряпок.

— Какого размера у него подковы? — без всяких предисловий спросил летописец, кивнув в сторону кеплианца.

Алон посмотрел на тряпки, на веревку и на ноги кобылы. Потом с благодарностью улыбнулся.

— Размер подходящий,— сказал он.— Ты выбрал правильно.

— Как и все пограничники, я могу подковать лошадь,— заметил летописец, протягивая тряпки молодому человеку.

Эйдрис помогла Алону обернуть ноги Монсо тряпками, чтобы он не оставлял следов.

Когда они кончили, Дуратан сел на кобылу и протянул руку Нолар.

— Госпожа,— сказал он, и в его серых глубоко посаженных глазах мелькнула улыбка,— мне кажется, мы давно не навещали самые южные фермы. Там может понабодиться твое лекарское мастерство. Сегодня подходящий день для поездки.

Нолар рассмеялась.

— Только прихвачу сумку с лекарствами,— сказала она и ушла. Вернувшись, протянула Дуратану руку и легко села на круп кобылы.

«Хитро,— одобрительно подумала Эйдрис.— Теперь у кобылы будут глубокие следы копыт; они похожи на те, что оставил Монсо».

— А что вы скажете, когда они вас найдут? — с тревогой спросил Алон.

— Я отвечу — и скажу правду,— что все остальные наши лошади заняты,— серьезно ответил Дуратан,— и поэтому мы с госпожой должны были ехать вдвоем на одной.— Он улыбнулся Алону.—

Не забудь о своем обещании, парень. Я жду долгого разговора с тобой.

Алон кивнул.

— Не забуду.

— Ну, что ж... тогда...— Летописец приветственно поднял руку.— Благополучного пути вам обоим. Чтобы вы нашли то, что ищете.— Нолар прощально кивнула, Дуратан повернул лошадь и выехал со двора.

Эйдрис и Алон смотрели им вслед. Потом тоже пошли, ведя жеребца в поводу, чтобы еще больше запутать преследователей. И только когда под ногами началась каменистая тропа, они сняли тряпки с ног жеребца и сели верхом.

Сидя снова за спиной своего проводника, Эйдрис смотрела вперед, на склоны близких холмов, на горы за ними, многие вершины которых были покрыты снегом. Потом с тревогой оглянулась.

— Как ты думаешь, волшебницу и солдат обманет след Дуратана?

Алон вздохнул.

— Может, на время. Но как только они увидят Дуратана и Нолар, сразу поймут правду.

— И тогда волшебница погадает или сделает предсказание и узнает, куда мы пошли,— согласилась Эйдрис. Она указала на каменистую местность вокруг.— А на такой неровной поверхности скорость Монсо нам не поможет.

Алон молча кивнул. Немного погодя Эйдрис облизнула губы.

— Остановят ли ее горы?

Юноша покачал головой.

— А тебя они остановили? — просто спросил он.— Женщина так же хочет схватить тебя, как ты хочешь исцелить отца.

Эйдрис знала, что он говорит правду; пальцы ее конвульсивно сжали его пояс.

— Ты уверен, Алон, что хочешь ехать со мной? Ты можешь рассказать мне, как найти дорогу через горы, и...

— Нет,— решительно ответил он, повернулся в седле и посмотрел на девушку. Невозможно было обмануться в выражении его глаз.— Мы поедем вместе или не поедем вообще. Не забывай, я им тоже нужен.

Но Эйдрис прекрасно понимала, что если бы Алон покинул ее, стражники Эсткарпа и не подумали бы преследовать его, чтобы предать суду маленького городка. Им нужна она. Охота началась, и она — добыча.

«Я должна заставить его бросить меня,— решила Эйдрис, не обращая внимания на боль, которую вызвала эта мысль.— Чего бы это мне ни стоило».

7

Они ехали весь день и не останавливались, пока на летнем небе не загорелись звезды. Большую часть времени Алон вел Монсо шагом, но когда они добрались до высокогорных равнин, где идти стало легче, он пустил жеребца бегом. Остановились они высоко в холмах, а настоящие горы нависли над ними, как огромная крепость из неровных камней.

Спешившись, Эйдрис, как во сне, помогала Алону растереть жеребца, потом заставила себя поесть, зная, что тело ее нуждается в пище. И как только легла, сразу уснула.

Еще до рассвета путники проснулись от мелкого моросящего дождя. Съежившись под капюшонами плащей, они торопливо поели и выступили еще в темноте.

Шли они пешком, ведя кеплианца в поводу. Поднимались по крутому склону, тяжело дыша и скользя по грязи. Добравшись до вершины, Алон оглянулся и посмотрел на их след. Немного погодя кивнул и показал Эйдрис.

Девушка прищурилась и увидела наконец в туманном воздухе, на что показывал спутник, — красный отблеск лагерного костра далеко за ними.

— Мы их опередили почти на день, — сказала она, одновременно ощутив в горле комок страха, от которого едва не задохнулась.

— Сегодня они приблизятся к нам,— мрачно ответил Алон.— Пойдут по менее крутым склонам, а нам придется карабкаться до конца дня.

— А у нас нет другой дороги?

— Такой, по которой прошел бы Монсо, нет... еще на много лиг,— сказал он.— Однако... возможно, волшебница не сможет подняться в горы. У Древней Расы существует запрет, он наложен на эти горы и на Эскор. Первым его обнаружил лорд Кемок Трегарт. Теперь о нем в Эскоре знают все. Так что волшебница может и преодолеть древние чары, так как знает, что заклятие существует.

Вспомнив свое решение оставить своего спутника и Монсо до того, как их схватят, Эйдрис искоса взглянула на Алона.

— Если поблизости есть тропа, доступная только пешеходу, разумней тебе указать ее мне. А ты смог бы уйти по другой дороге с Монсо.

Алон замер. Юноша не смотрел на Эйдрис.

— Зачем?

Она глубоко вздохнула.

— С этого места Монсо только замедлит наше продвижение. Я знаю, ты его не бросишь, но и сама не хочу быть пойманной только потому, что решила остаться с вами двумя.

В неровном свете раннего рассвета небритое лицо Алона казалось еще более осунувшимся. Он пристально посмотрел на девушку.

— Не беспокойся,— ответил он наконец с легкой насмешкой.— Когда мы начнем тебя задерживать, ты пойдешь одна, госпожа.

Подавляя стремление извиниться, объяснить, что она делает это только ради его блага, Эйдрис кивнула, не в силах посмотреть ему в глаза.

— Хорошо,— ответила она, с трудом заставляя себя говорить холодно.— Но судить об этом буду я сама.

— Ты будешь и судьей, и судебным исполнителем,— ответил он по-прежнему насмешливо.— А сейчас нам пора идти.

Они продолжали идти в основном пешком по крутым склонам, поросшим пихтой и колючим утесником. Сказительница шла почти вслепую, не обращая внимания на окружающее, смотрела только под ноги. Замечание Алона ее встревожило. Она слышала в его голосе за насмешкой горечь и боль; ее слова ранили его больше, чем он показал.

«Он одинок»,— подумала она, вспоминая, с какой радостью рассказывал ей о Монсо и Стальном Когте. Вспомнив о соколе, девушка огляделась, но в небе не увидела черной точки.

— Где Стальной Коготь? — спросила она с трудом.— Я не видела его с тех пор, как они с Монсо сделали этот тройной круг.

— Сегодня утром, проснувшись, я видел его на ветке пихты,— ответил Алон.— Он редко летает в дождь, предпочитает догнать меня позже. Не сомневайся, он нас отыщет.

Эйдрис кивнула, жалея, что у нее нет такой возможности. Ручеек холодной воды потек по ее спине, и она вздрогнула.

Наконец примерно за час до заката дождь прекратился, показалось солнце. Алон сразу остановился у подножия изогнутого дуба. Выжав плащ, он развесил его сушиться.

Сказительница хотела попросить его продолжать путь, но ее ноги так болели от постоянного восхождения, что она промолчала, только поискала другое дерево, чтобы развесить свой плащ.

— Сможем мы развести костер? — спросила она.— Дерево промокло, будет много дыма.

Алон пожал плечами.

— Даже без костра волшебница знает, где мы. А я предпочитаю тепло.— Он снял промокшую куртку.

Потер подбородок и поморщился. — Не говоря уже о горячей воде для бритья.

Костер, как и предсказала Эйдрис, разгорался с трудом и сильно дымил. Сказительница тоже сняла куртку, чтобы просохло платье. Потом извлекла меч.

— Время твоего первого урока, — серьезно объявила она.

Увидев изумленное выражение Алона, она улыбнулась и концом меча указала на оружие юноши.

— Доставай. Упражнения тебя согреют и расслабят мышцы после ходьбы в дождь.

— Но... — Алон поколебался, потом пожал плечами и обнажил оружие.

Эйдрис опытным взглядом изучила его лезвие.

— Меч общего назначения, но кузнецы Эсткарпа знают свое ремесло. Обоюдоострый, с заостренным концом... тебе нужно научиться пользоваться и лезвиями, и острием. Прежде всего держи его перед собой... вот так.

Он послушался, а она осмотрела его руку, слегка прикоснулась к запястью, провела пальцами по предплечью.

— Сильная рука, — сказала она. — Неудивительно. Тебе приходится управлять Монсо... — Она заняла позицию, правая нога немного впереди, слегка присела. — Да, так правильно, чуть согни колени, вот так...

Сосредоточенно нахмурившись, он подчинился.

— Хорошо, — сказала Эйдрис. — Плечи немного вперед, правое выдвинь больше левого, смотри прямо перед собой... хорошо... — Она смотрела на юношу, держа меч. — Ты должен приучить свое тело думать за тебя, сохранять хладнокровие и обдумывать тем временем следующий шаг. Не смотри ни на что пристально, пусть твой взгляд регистрирует только общие очертания фигуры противника. Не только его оружие, но и движения головы, плеч, всего торса. Постепенно ты научишься видеть положение его тела,

не думая об этом, и сумеешь предвидеть движения противника по легким перемещениям корпуса или по движениям глаз. Глаза часто выдают следующий ход, когда тело и запястье еще об этом не знают.

— А что мне делать левой рукой? — спросил Алон, сосредоточенно стараясь держать меч правильно.

— Пока просто держи ее так,— она показала.— Она поможет тебе сохранить равновесие. Со временем я научу тебя пользоваться левой рукой, обернутой плащом, или кинжалом, чтобы парировать удары.

— Так ты сражаешься? Мечом и кинжалом?

— Да, я предпочитаю этот стиль,— сказала она.— Теперь убери меч в ножны.

Ее ученик почувствовал облегчение; легко отделался.

— Мы кончили?

— Мы даже еще не начали. Но я не хочу, чтобы ты порезал меня, если я не смогу парировать. Ножны — хорошая предосторожность.— Когда он спрятал меч, Эйдрис сказала: — Хорошо. А теперь... снова займи позицию.

Алон послушался, слегка поморщившись.

— У меня от нее затекут ноги.

— Несомненно,— согласилась она.— А теперь я покажу тебе основной удар и основной прием парирования, чтобы ты смог потренироваться вечером.

Она быстро переместила центр тяжести вперед, меч ее устремился подобно стальному ветру. Острие застыло, коснувшись груди Алона. С испуганным криком тот отпрыгнул, широко раскрыв глаза.

— Осторожней, прошу тебя! — запинаясь, проговорил он.— Ты... ты могла меня проткнуть!

— Конечно,— спокойно согласилась Эйдрис.— Но ведь не проткнула. Смотри еще раз.— Она опять продемонстрировала прием.— Ты должен чувствовать меч, его вес и положение, словно это часть твоего

тела, уметь точно контролировать его. Твое оружие движется первым, его двигает запястье и вся рука. Потом все остальное тело, и в последнюю очередь ты делаешь шаг вперед. Теперь попробуй...

Первые его попытки заставили ее укоризненно поморщиться.

— Сосредоточься, Алон. Сталь теперь — продолжение твоей руки, и ты так с нею и должен обращаться. Еще раз!

И еще.

И снова.

Наконец после двух десятков попыток учительница довольно качнула головой.

— Лучше! А теперь попытайся коснуться острием этого.— Она повесила мешок для кормления Монсо на ветку.— Целься в центральную пряжку.

Потребовалось девять попыток, чтобы точно коснуться цели.

— Хорошо! Гораздо лучше!

Алон широко улыбнулся.

— Когда на нас в следующий раз нападут солдаты, госпожа, ты не будет сражаться одна!

Эйдрис снисходительно улыбнулась его энтузиазму.

— Теперь разучим первый прием парирования. Скрести со мной меч, вот так.

Заняв позицию, сказительница сделала легкое вращательное движение запястьем, и рука Алона неожиданно опустела. Он посмотрел на свой меч, лежащий на земле, и вздохнул.

— Я вижу, мне еще многому предстоит научиться.

Она кивнула.

— Но для первого раза у тебя получается хорошо. Теперь... снова отражение. На этот раз держи запястье расслабленным, не напрягай его, чтобы можно было следовать за движением меча и удержать его. А потом попробуешь сам...

К концу урока быстро смеркалось, рубашка Алона потемнела от пота, а не от дождя. Он снял ее, чтобы просушить, и достал другую.

— Скоро вернусь,— сказал он Эйдрис, прошел назад по тропе и скрылся из виду.

Сказительница начала разбивать лагерь. Покачала головой, разворачивая спальный мешок. Промок, несмотря на плотную обертку. Открыв седельную сумку, она достала вяленое мясо и небольшой котелок. Если накрошить в горячую похлебку хлеба, получится сытно, хоть и не очень вкусно.

Алон вернулся уже в темноте. Эйдрис разожгла небольшой костер и поэтому разглядела только очертания его фигуры на фоне желтых звезд, обозначавших лагерь их преследователей.

— Они ближе,— заметила она, измеряя расстояние на глаз. Алон сел рядом с усталым вздохом. Негромко поблагодарил, когда она дала ему миску с едой.

— Если сумеют сохранить прежнюю скорость, завтра к этому времени почти догонят,— заметила сказительница, доедая свою порцию. Она неуверенно прикусила губу, потом заявила: — Завтра утром нам лучше расстаться, Алон.

— Нет,— ответил решительно ее спутник.— Завтра они нас не догонят. Скалы их задержат, как сегодня задержали нас.

— Ну, если не завтра, то послезавтра. Мы должны расстаться, чтобы я могла в одиночку идти быстрее!

Он повернул голову, глядя на нее, но в слабом свете костра она не могла разглядеть его лицо.

— Если завтра вечером они будут ближе,— спокойно сказал Алон,— я сделаю, как ты говоришь. Хорошо?

— Да,— ответила Эйдрис, чувствуя, как напрягается, словно струна арфы.— Алон... я... я тебе благодарна за то, что ты мне помог. Я... желаю тебе добра.

Он ничего не ответил.

К следующему вечеру они добрались до начала горного прохода, но Эйдрис это достижение не радовало. Им повезет, если завтра они сумеют пройти половину сегодняшнего пути, и стражники, которым не нужно вести лошадей по каменистой тропе, их быстро догонят.

Оглянувшись на горный склон, по которому они с таким трудом поднялись, Эйдрис озадаченно нахмурилась. Не видно ни следа волшебницы и ее отряда. Она сказала об этом Алону, и ее спутник предположил, что преследователи потеряли их.

— Но она может следить за нами с помощью своего колдовского камня,— возразила Эйдрис.— Ты сам так сказал.

— Использование Силы очень утомляет ее владельца,— ответил Алон.— Может, она наконец ослабла. Или не смогла заставить себя двигаться дальше на восток.

Сказительница медленно покачала головой, вспоминая одержимое выражение женщины из Эсткарпа.

— Она не сдастся, даже если ее потребуется привязать к лошади и везти. Вероятней, они просто заночевали в долине, а не на вершине хребта, где мы могли бы их увидеть.

— Они нас потеряли,— настаивал Алон.— Я сегодня часто оглядывался и ни разу их не увидел. Думаю, сегодня мы можем ночевать без страха.— Он отвернулся, бросив через плечо: — Скоро вернусь.

В этот день Стальной Коготь принес кролика, Эйдрис освежевала его и положила в котелок, добавив немного овощей и трав. Потом достала клинок из посоха и потренировалась, нанося удары и парируя удары воображаемого противника. Наконец, вспотев, тяжело дыша, она остановилась. Последние лучи солнца исчезли за горной вершиной.

Алон все еще не возвращался. «Наверно, задерживается сознательно,— с растущим раздражением

подумала Эйдрис. — Теперь уже слишком темно для урока».

Нахмурившись, она спустилась по склону, решив прочесть своему нерадивому ученику лекцию о важности ежедневных упражнений, если он хочет достичь хоть какого-то мастерства.

Но тут ей пришла в голову неожиданная мысль: «А что если его схватили, и я иду в ловушку?»

Сказительница пошла с осторожностью разведчика, стараясь не сдвинуть ни один камень, укрываясь за выступами и используя все другие возможности.

И неожиданно увидела своего спутника. Тот наклонился над каменистой поверхностью и негромко напевал. В одной руке у него был черный конский волос, и он проводил им над отчетливым отпечатком копыта на суглинистой почве. Напрягая слух, Эйдрис расслышала отдельные слова тайной формы Древнего языка.

Она продолжала молча наблюдать. Алон кончил петь и распрямился. Высоко поднял руки, и неожиданно отпечаток копыта, царапина на камне, сделанная подковой коня, груда помета — все это засветилось фиолетовым светом...

... и исчезло!

С земли поднялся туман и потек по склону вниз, устремился вдоль их тропы. Сказительница инстинктивно поняла, что этот туман скроет все следы их прохода.

Алон постоял немного, подняв руки. Потом громко вздохнул, плечи его поникли. «Волшебство, действительно, истощает», — горько подумала Эйдрис. Щекам ее стало горячо от стыда и ярости. Она вспомнила, как рассказывала ему о своем детстве в Кар Гарудине. «Как я могла не увидеть правду?»

Только на мгновение позволил себе молодой человек отдохнуть, потом торопливо, как могли нести ноги, начал подниматься по склону.

Эйдрис подпустила его к своему укрытию, потом вышла и преградила дорогу.

— Теперь я понимаю, почему ты был так уверен, что волшебница не найдет наш след,— сказала она негромко, несмотря на свой гнев.

Он остановился и долго смотрел на нее. Лицо его в сумерках казалось бледным. Наконец он сказал:

— Прости. Ты имеешь право сердиться.

— Еще бы, клянусь правой рукой Картена Справедливого! — ответила Эйдрис. От ярости она дрожала.— Я тебе поверила, а ты все это время исподтишка смеялся надо мной! Великий посвященный! Ты не просто деревенский мудрец, ты не новичок в тайных искусствах! Это я вижу! Посвященный, который пользуется своими знаниями, чтобы защитить бедную невежественную сказительницу...— Она глотнула, и вкус гнева походил на желчь.— Что ж, отныне я могу защищаться сама! Ты мне не нужен!

— Я это знаю,— спокойно ответил он.

Это признание застало ее врасплох.

— Ты ведь сама решила, что я не обладаю Силой, и меня не спрашивала,— напомнил он.— Я тебе не солгал.

— Ты позволил мне поверить в неправду,— вспыхнула Эйдрис.— Это одно и то же!

— Ты имеешь право,— устало повторил он.— Но... госпожа... к тому времени, как я осознал свою ошибку, я слишком запутался. Я знал, что ты рассердишься, и не хотел причинять тебе боль.— Он поколебался, потом негромко продолжил: — А вчера, когда ты сказала, что мы должны расстаться, я понял, что если ты узнаешь правду, мы действительно разойдемся... а я не хочу, чтобы это произошло.

Эйдрис услышала нотку в его голосе, которая тронула ее, несмотря на весь гнев. Лицо девушки снова вспыхнуло, но не от ярости; она чувствовала, как бьется сердце, как будто она бежит изо всех сил.

— Я не хочу, чтобы ты из-за меня попал в руки волшебницы,— неловко сказала она.— Это было бы недостойной платой за твою помощь.

— А моя скрытность — плохой ответ на твою откровенность,— ответил он и подошел к ней ближе в темноте.— Я могу только попросить прощения. Я ошибался, но мысль о том, что я больше никогда тебя не увижу...— Он колебался.— Я не хочу об этом и думать.

Эйдрис смущенно попятилась. Она пыталась найти ответные слова.

— Мне уходить? — печально спросил он.— Мы действительно расстанемся?

Справившись со своими смешанными чувствами, Эйдрис сумела достаточно спокойно ответить:

— Если ты уверен, что волшебница не сумеет нас найти, не вижу причины, почему бы нам не продолжать вдвоем путь в Долину Зеленого Безмолвия.

Он молча кивнул, и они вдвоем вернулись в свой лагерь.

Оттуда доносился заманчивый запах еды. Монсо щипал редкую траву меж камней. Алон покормил кеплианца, потом они занялись собственным ужином.

А когда поели, Эйдрис посмотрела на своего спутника и негромко сказала:

— Ты знаешь мою историю, Алон. Я считаю, что имею право знать твою. Как ты оказался на скачках в Рилон Корнерсе? Человек с твоими способностями...

Он поморщился и горько ответил:

— Правда, большинство посвященных заняты другими делами и в скачках не участвуют. Но поверь мне. До нашей встречи и пленения я больше года не пользовался волшебством.

— Значит, это ты усыпил стражников и волшебницу?

— Да, я направлял свою Силу через животных.

— Могла бы и догадаться, — сказала Эйдрис, потом в порыве откровенности признала: — Наверно, я даже догадалась, но просто не хотела видеть того, что у меня прямо перед глазами. Дуратан и Нолар... они знали?

— Мне кажется, да.

Сказительница пошевелила веткой угасающий костер, пока он снова не разгорелся, потом бросила ветку в огонь.

— По опыту своей жизни в Кар Гарудине я знаю, что невозможно забыть о своей Силе. Она все равно себя проявит. Почему ты отказался от использования волшебства?

— Потому что убил им своего лучшего друга, — ответил Алон.

Она потрясенно смотрела на него. Молчание продолжалось недолго. Алон вздохнул и сказал:

— Это долгий рассказ. Я не знаю, кто я на самом деле такой и кто мои родители. Меня воспитывал Парлан, который считал меня сыном своего погибшего родственника. Не знаю, правда ли это.

Он помолчал, и Эйдрис спросила:

— А почему ты в этом сомневаешься?

— Потому что Парлану об этом сказала Яхне, но других доказательств не было. А Яхне... — Он колебался. — Я ей никогда не верил, хотя она заботилась обо мне первые двенадцать лет моей жизни.

— А кто такая эта Яхне?

— Мудрая Женщина, в этом я уверен. Она пришла в имение Парлана со мной на руках и рассказала, кто я такой и где родился. Утверждала, что она сама была служанкой моей матери.

— И она обладала Силой?

— Да. Я думаю, она незаметно учила меня пользоваться ею с того времени, как я научился говорить и ходить. Но мне кажется, она меня не любила. В ней не было никакого теплого чувства. Она думала только о том, чем я смогу для нее стать.

Эйдрис подумала о том, какое печальное у него было детство — без семьи, без любви,— и почувствовала, как сжалось ее сердце.

— Может быть...— с трудом заговорила она,— эта... Яхне... она на самом деле любила тебя, только не умела показать. Разве не так бывает у некоторых людей?

Алон решительно покачал головой.

— Даже в двенадцать лет я знал правду. Она никогда не вела себя как мать, или тетка, или даже как добрая учительница. Учила меня, чтобы потом использовать, и я боялся того дня, когда это произойдет.— Он мрачно смотрел на желтые языки пламени.— Я учился у нее, но не любил ее, хотя она никогда не обижала меня и обращалась отчужденно, но заботливо. Она очень обо мне заботилась, но я всегда ее боялся.

— Ты боялся, что она причинит тебе вред?

— Нет...— Он колебался.— Но я не хотел быть ножом, который она оттачивает.— Алон сухо улыбнулся, но в глазах его видна была боль.— Однако я хорошо знаю, чем был для Яхне. Я был для нее всем.

— Так что же освободило тебя от этой мудрой женщины и Парлана?

— На нас напал враг, который был союзником могучего Темного. Все в крепости, кроме меня, погибли. Я сумел скрыться от нападающих.

— С помощью волшебства,— догадалась Эйдрис и не удивилась, когда он кивнул в знак согласия.— Все были убиты? — продолжала она.— Яхне тоже?

Он вздохнул и покачал головой.

— Я не видел ее тело, но у меня нет оснований считать, что она спаслась. Мне кажется, если бы она выжила, то обязательно пришла бы мне на выручку. В конце концов, я для нее был очень ценен,— с горькой гримасой закончил он.

— А потом что? — спросила Эйдрис, видя, что он молчит.— Что ты делал потом?

— Я добрался до Эскора и, как уже рассказал тебе, был принят Хиларионом и Каттеей. Но через несколько лет у них родился собственный ребенок, потом еще один. К тому времени я уже был почти взрослым, и Хиларион научил меня всему, что знал сам. Они хотели бы, чтобы я остался у них, но мне не терпелось увидеть землю, в которой я родился, если Карстен — действительно эта земля. Я ведь точно не знаю. К тому же я чувствовал, что мои приемные родители должны без помех воспитывать собственных детей. Поэтому я ушел с Монсо.

Поставив локоть на колено, он опустил голову на руку и пристально смотрел на гаснущий костер, как будто видел в нем события прошлого.

— Перебравшись через горы, я встретил Джонтала, хозяина Стального Когтя. В детстве у меня был знакомый сокольничий Нирель, и поэтому я заговорил с Джонталом, хотя избегал откровенничать с другими. Мы подружились и скоро стали проводниками, проводили группы путников из Карстена в Эсткарп и из Эсткарпа в Эскор. Джонтал занимался делами, а я сопровождал путников и защищал их от опасностей, которые высвободились после Великой Перемены... главным образом, от фасов и Серых.

— Я понимаю, почему отряд мог спокойно проходить под твоей защитой,— согласилась Эйдрис.— Неудивительно, что ты не научился фехтованию!

— Ты убедила меня в необходимости этого,— сказал Алон.— Сейчас нам можно не бояться преследования эсткарпцев, и я буду упражняться ежедневно.

— Хорошо,— ответила девушка.— Но прошу тебя, продолжай.

— Джонтал всегда предупреждал меня, что я слишком самоуверен.— Алон с усталым вздохом возобновил свой рассказ.— Но я смеялся над его страхами. Однажды мы обедали в закусочной в Карсе.

Мальчишка принес записку, в которой говорилось, что с нами хочет встретиться возможный клиент. Джонтал не хотел идти: вызывали нас в такой район города, куда даже стражники в одиночку не заходят, но я настоял. Нам нужны деньги, и чего нам бояться, говорил я. Моя Сила защитит нас.

Он негромко засмеялся, и горечь и боль в его голосе тронули сердце Эйдрис. Алон замолчал и сидел, повесив голову, и тогда девушка спросила:

— Но она не защитила?

— Да, ты права. Мы вошли в переулок, разыскивая третью дверь справа, и на нас набросились, прежде чем я понял, что случилось. Что-то помешало мне почувствовать их присутствие, хотя волшебство должно было бы предупредить меня. Наемные убийцы, четверо, все вооружены мечами. Джонтал схватился с одним, еще двоих я заставил уснуть. Четвертый убежал. Когда я повернулся к своему другу, то увидел, как меч разбойника устремился к его горлу. Я ударил всей мощью своей Силы, но Сила меня подвела. Я... — Впервые голос его дрогнул. — До сих пор не понимаю причины, но я допустил ошибку. Сила обрушилась на Джонтала, а разбойник остался невредим. Мой друг умер, не успев коснуться булыжников этого трижды проклятого переулка. — Алон неподвижно смотрел на свои руки. — Я убил его.

— Ты пытался спасти его, — заметила Эйдрис. — Если бы ты не ударил, он умер бы от меча разбойника.

— Может быть... а может, в последнее мгновение он отразил бы удар. Он был хорошим фехтовальщиком.

— Ты ведь ненамеренно повредил ему, — искренне продолжала девушка. — В битве бывает, что воин гибнет от удара товарища. Случаются ошибки. То, что произошло, не твоя вина, и ты не должен себя винить. — Она вздохнула. — Вина — тяжелое бремя.

Он внимательно смотрел на умирающий костер.

— Ты это знаешь лучше других, госпожа. Ты ведь и сама винишь себя в том, что не было твоей вины. — Алон задумался. — Я заключу с тобой сделку, Эйдрис.

— Что за сделку? — осторожно спросила она.

— Я постараюсь простить себя, если ты сделаешь то же самое. Ты не должна винить себя в исчезновении матери и болезни твоего отца. Ты гораздо меньше виновна, чем я.

Она прикусила губу, потом медленно кивнула.

— Хорошо. Я постараюсь не считать себя виноватой, если ты поступишь так же.

— Договорились, — ответил он и протянул руку, чтобы закрепить договор. Эйдрис протянула свою над углями, чувствуя кожей их жар, и они обменялись рукопожатием.

Так как преследования можно было не опасаться, на следующий день путники двигались неторопливо. Над ними возвышались покрытые снегами пики. До них было еще с полдня пути. По мере подъема камни под ногами покрыл иней, растительность осталась позади. Теперь видны были только серо-зеленые лишайники. Монсо не находил никакого подножного корма.

Отдуваясь в разреженном воздухе, Алон и Эйдрис остановились задолго до захода солнца и принялись разбивать лагерь на относительно ровной площадке. Алон сказал, что более подходящего места не будет. После отдыха и еды Алон настоял на упражнениях в нападении и защите. Эйдрис сидела, закутавшись в плащ, наблюдала за ним и делала замечания. Молодой посвященный делал большие успехи, и она сказала ему об этом.

Наконец Алон остановился. Несмотря на холодный воздух, он вспотел. Тяжело дыша, он опустился на свою постель.

— Хватит на сегодня, учитель?

— Конечно,— ответила она.— Завтра — если у нас еще останутся силы после перевала — я покажу тебе новый прием защиты, и ты будешь упражняться.

— А когда я буду готов сразиться с живым противником?

Эйдрис улыбнулась.

— При нынешнем темпе занятий? Ну... примерно через месяц.

Лицо у него вытянулось, и она торопливо добавила:

— Но ты учишься быстрее других, Алон! Если хочешь добиться успеха, нужно воспитывать в себе терпение.

Он нахмурился.

— Терпение никогда не относилось к числу моих достоинств.— Со вздохом он взял кусок лепешки. Здесь, выше уровня снега, дров не было, и поэтому пришлось довольствоваться холодным ужином.

Позже, когда они сидели рядом и следили, как сгущаются сумерки, он неожиданно спросил:

— Что это за песня? Очень красивая мелодия.

Эйдрис удивленно посмотрела на него. Она не сознавала, что негромко напевает.

— Не знаю,— ответила она, чувствуя себя глупо.— А как она звучит?

Алон воспроизвел мелодию. Услышав ее, сказительница почувствовала, что краснеет, и была признательна темноте. В ее памяти непрошенно всплыли слова песни:

Золотой свет солнца на холмах,
Серебро луны на море,
И хоть все это прекрасно,
Но не прекрасней моей любви!

Весел блеск танцующего ручья,
Сладки песни птиц,

Но мой милый веселей,
А его голос слаще.

Ни золото, ни серебро, ни ручей, ни птица,
Ни солнце, ни луна, как они ни прекрасны,
Не трогают мое сердце так, как его слова,
Не радуют меня, как его призыв!

— Это старинная песня Верхнего Холлека,— неохотно сказала она.

— Я подумал, что не слышал твоего пения с того дня, как ты на ярмарке пела серенаду Монсо. У тебя такой красивый голос... Не споешь ли для меня?

Эйдрис покачала головой.

— Забыла слова,— солгала она, скрестив пальцы за спиной. Этот жест неожиданно вспомнился ей из детства.

— Жаль... пожалуйста, напой еще мелодию, чтобы я ее запомнил.

Эйдрис послушалась, радуясь, что он не видит, как она покраснела. «У тебя нет времени на такие сложности!» — строго напомнила она себе.

Ночью они легли рядом, под одним одеялом, как бывает у путников в холодные ночи. Алон набросил свой плащ на спину Монсо, потом заставил жеребца подогнуть ноги, и они легли, укрываясь от ветра за телом коня. И, устав от долгого пути, оба сразу уснули.

Ночью Эйдрис проснулась оттого, что ей в лицо светила убывающая луна. Алон прижимался к ней под одеялом. Во сне он обнял ее рукой за пояс. Тепло его дыхания шевелило волосы у нее на шее.

Молодая женщина прикусила губу, думая, как бы отодвинуться от него и в то же время не разбудить. Она остро ощущала его тело, прижатое к своему, его руку, так близко от ее груди, даже под толстым слоем одежды. Каждый его вздох словно отдавался в ее теле.

Она колебалась, не решаясь пошевелиться, и тут ее взгляд уловил какой-то блеск на соседнем склоне. Эйдрис прищурилась, уверенная, что ей померещилось, но вот луна в последней четверти снова вышла из-за бегущих облаков, и опять показался яркий блеск. Он звал к себе сказительницу, манил белым чистым огнем в темноте.

«Что это?» — подумала она, чувствуя почти физическое притяжение. Ей казалось, что она слышит странную музыку, высокую, жуткую. Ни человеческое горло, ни знакомые ей инструменты не могут издавать такие звуки.

Осторожно высвободившись из-под руки Алона, она села. Зубы застучали от холода. Посвященный пробормотал что-то неразборчивое, пальцы его шевельнулись в поисках ее исчезнувшего тепла.

Блеск потускнел, поблек и совсем исчез, когда луна зашла за облако. Сказительница смотрела, не решаясь даже мигнуть, чтобы не потерять место. Но вот рваное облако пролетело, и снова появился блеск... яркий, манящий.

Сказительница услышала негромкое фырканье. Повернувшись, она увидела голову Монсо черным силуэтом на фоне скалы. Жеребец насторожил уши. В глазах кеплианца отражался свет странного маяка.

Снова услышав необычную, сверхъестественную музыку, Эйдрис повернулась к своему спутнику и нетерпеливо потрясла его за плечо.

— Алон! Вставай! Проснись поскорей!

Юноша проснулся сразу, как всякий путник, который хочет уцелеть в дикой местности.

— В чем дело? — спросил он, садясь, и негромко выбранился, когда холод добрался до его тела.

— Не знаю,— ответила сказительница, указывая на свет и стараясь сдержать дрожь.— Может, какая-то ловушка колдуньи?

Алон протянул ей плащ.

— Нет... Я почувствовал бы ее присутствие. Это что-то... большое. Гораздо больше. Не живое, но все же... это Сила.

— Какой тип Силы? Не может быть Сила Тьмы! — возразила Эйдрис. — Свет такой чистый, такой яркий!

— Не знаю, — ответил Алон. — Я почти ничего не чувствую. Но если он приводится в действие луной, то должен принадлежать Свету. И... он притягивает меня... у него есть способность... призывать.

— Да, — согласилась девушка. — Меня он тоже зовет. Алон, это важно, я знаю. Мы должны идти туда — быстро, прежде чем зайдет луна!

8

Дорога при свете убывающей луны оказалась опасной, путники спотыкались и скользили по замерзшей земле. Когда они добрались до горного склона, идти стало еще трудней, но вскоре они нашли тропу между камнями, покрытыми блестящим льдом. Эйдрис шла впереди, шла быстро и нетерпеливо, несмотря на трудную дорогу. Камень у нее под ногой перевернулся, девушка ахнула; Алон, схватив ее за руку, спас от опасного падения.

— Медленней,— сказал юноша.

— Но луна скоро зайдет...

— Верно, но если мы к ее заходу окажемся на дне ущелья со сломанными шеями, нам будет все равно, светит ли она.— Монсо фыркнул, как будто соглашаясь.— Пожалуй, стоит остановиться,— сказал Алон, разглядывая неровную тропу впереди.— Подождем дневного света.

— Нет,— ответила Эйдрис.— Без лунного света мы не найдем маяк. Я уверена, что на солнце он не горит. Ты видишь в темноте? — спросила она, вспомнив, что ее мать всегда могла видеть ночью. Она говорила, что этой способностью обладают многие владеющие Силой.

— Не так хорошо, как Монсо,— ответил Алон.— Но, наверно, лучше тебя.

— Тогда иди впереди.

Он осторожно обошел ее на узком карнизе.

— Держись за мой пояс.

Эйдрис послушалась.

— Быстрей, Алон!

Дальше нависающая скала еще больше затемнила путь. Сказительница вцепилась в пояс спутника, готовая слепо следовать за ним. Она слышала, что посвященный что-то негромко говорит. Его правая рука осветилась, фиолетовое сияние окружило пальцы. Расставив пальцы, он держал руку ладонью вниз, освещая почву под ногами.

«Долго ли он сможет это делать? — беспокойно подумала Эйдрис.— Или заклинание отнимет у него столько энергии, что он не сможет продолжать подъем? Может, следует остановиться и попробовать на завтра. Луна снова взойдет...»

Она едва не высказала вслух свои сомнения, но все же покачала головой и промолчала. Эйдрис не могла объяснить свое нетерпение, но ее что-то упорно тянуло вперед. Высокие звуки в голове звучали, как призыв сирены, и по спине у нее пробегал холодок, но не от холодного горного воздуха. Алон, по его словам, не слышал эти звуки.

Но, очевидно, Монсо их слышит. Кеплианец насторожил уши и поворачивал голову при каждом повторе.

Сказительница сощурилась, она проверяла посохом с головой грифона каждый шаг на предательском склоне. Путники медленно преодолевали подъем. Наконец, тяжело дыша и дрожа, они остановились, глядя на свою цель. Она совсем близко, но к ней ведет такая крутая тропа, что у сказительницы закружилась голова.

— Как мы туда поднимемся? — в отчаянии спросила она.

— Монсо может подняться,— ответил немного погодя Алон.— Держись за стремя.— Он встал по другую сторону от кеплианца.— Готова?

— Да! — ответила девушка. Во рту у нее пересохло от страха.

— Монсо, пошел! — воскликнул Алон, и черный жеребец устремился вперед. Он поднимался, напрягая мощные мышцы, цепляясь окованными сталью копытами за замерзшую землю. Эйдрис держалась за него, стараясь не нарушать равновесие. Она отталкивалась посохом, и каждый вдох обжигал ей горло.

Но вот последний рывок — и трое путников перевалили через край подъема.

Лунный свет падал на большой кристалл, выступающий из горного склона. Эйдрис смотрела на него, не в силах ничего сказать от усталости. Воздух продолжал обжигать легкие. Она прислонилась к вздымающемуся боку Монсо, чувствуя, как подгибаются колени. Наконец девушка почувствовала себя лучше; только тогда она смогла подойти к отражающей поверхности.

— Что это? — прошептала она, чувствуя странное нежелание говорить громко.

— Предмет Силы,— ответил сзади Алон. Говорил он тоже негромко. Собственные тени плыли перед ними, очерченные лунным сиянием.— Нас по какой-то причине призвали сюда... но кто призвал, я не знаю.

— Луна ярко отражается от этого кристалла,— выдохнула Эйдрис.— Это может быть только предмет Света!

— Я тоже так считаю,— согласился ее спутник.— Но в этом мире Свет и Тьма часто опасно уравновешены... и многие предметы Света имеют собственную тень Тьмы.

— А что ты...— начала сказительница и замолчала: облако закрыло луну, и их тени растворились, как снежинки в воде. Но кристалл не потемнел полностью; его поверхность продолжала неярко светиться, как будто внутри камня горел костер. На поверхности кристалла метались тени, они постепенно

прояснялись, и вот стало видно... большая каменистая пещера, ее стены покрыты текущей водой, которая тускло блестит в свете единственного факела.

— Что... что мы видим? — воскликнула Эйдрис.

— Точно не знаю,— ответил Алон,— но мне кажется... это... зеркало... на самом деле Врата, одни из тех, что ведут в другие места... может, даже в другие миры. Я считаю, мы видим то, что находится по другую сторону Врат.

У сказительницы перехватило дыхание. Не успел Алон замолчать, как в кристалле показалась фигура. Кто-то появился у входа в пещеру и стоял, опираясь на короткий посох для ходьбы. Вначале ничего не было понятно, кроме того, что это живое существо, кажется, человек. Света было мало, и потому ни внешность, ни возраст существа, даже его пол определить нельзя было.

Существо остановились; послышался его голос, низкий и повелительный. Факел ярко вспыхнул, с треском загорелся еще один.

Эйдрис сощурилась от неожиданного света. Но вскоре зрение ее приспособилось, и она смогла снова видеть. В пещере была женщина, одетая с изорванную серую мантию с капюшоном. Лица ее в тени капюшона не было видно, но, судя по морщинистым рукам, по палке, на которую она опирается, сказительница заключила, что женщине немало лет. Но женщина двигалась энергично, она ходила по пещере, что-то напевая без всякой мелодии, расставила свечи, достала из рукава прут и начертила им на каменном полу какой-то рисунок.

Линии чертежа вспыхнули.

— Пентаграмма,— выдохнула Эйдрис, узнав древний символ, который обязательно предшествует процедуре вызова.— Она волшебница из Эсткарпа?

— У нее нет камня,— заметил Алон,— но цвет ее Силы соответствует. Волшебницы владеют чародейством, которое помогает им овладеть волей, верой и

чувствами, необходимыми для их волшебства. Цвет их чародейства синий.

Женщина взглянула на пентаграмму, довольно кивнула и подняла руку. Черные свечи, которые она расставила по углам пентаграммы, вспыхнули. На мгновение женщина исчезла из поля зрения, но сразу же вернулась, неся сеть, в которой билось какое-то существо. Оно испускало пронзительные крики страха, пытаясь освободиться.

Алон содрогнулся, узнав это существо.

— Фланнен! — с ужасом прошептал он.

Эйдрис слышала об этих небольших существах, которые могут принимать облик птицы или крылатого человечка. В Арвоне и Верхнем Холлеке они превратились в легенду, но в Эсткарпе говорили, что их еще можно встретить вблизи Долины Зеленого Безмолвия, в которой живет Дахон.

Фланнены — ненадежные и капризные союзники: слишком у них непостоянный характер, но они никогда не поддерживают Тьму. Выкрикнув несколько коротких неразборчивых слов — услышав их, Алон со свистом втянул воздух,— женщина сунула руку в сеть. Потом волшебница (так теперь называла ее про себя Эйдрис) вытащила маленькое существо, держа фланнена за загривок. Фланнен был не в облике птицы; наряду с крыльями, безжизненно свисавшими со спины, у него были маленькие ручки и ножки. Существо перестало сопротивляться и теперь безжизненно висело в руке женщины. Оно было либо опоено, либо околдовано.

Сказительница с ужасом смотрела, как волшебница сунула руку за пояс и вытащила кинжал с черной рукоятью.

— Нет! — прошептала Эйдрис, пальцы ее впились в руку Алона. Волшебница поднеса нож к горлу фланнена и быстро и решительно перерезала. Хлынула кровь.

Эйдрис видела смерть и раньше, но всегда в честном открытом бою, и никогда так. Она прижала руку ко рту, чтобы сдержать крик, а волшебница, что-то негромко напевая, принялась обходить пентаграмму, держа слабо бьющегося фланнена. Кровь из его тела капала на пол пещеры.

По мере того, как кровь умирающего существа свертывалась на холодном камне, синий свет темнел, приобретал болезненный пурпурный оттенок. Желтое пламя черных свечей тоже потемнело, пока не стало того же цвета, что воск. Приближаясь к концу своего отвратительного занятия, сжимая уже мертвое тело существа, волшебница запела громче.

— Что она делает? — прошептала Эйдрис, борясь с желанием укрыться, зажать руками уши, перекрыть все звуки. Ей было физически больно слышать пение волшебницы.

— Какой-то вызов, — напряженным шепотом ответил Алон. Эйдрис взглянула на его лицо и в лунном свете увидела, что ему так же тошно, как и ей. — И властный призыв. Она пробуждает имя одного из самых смертоносных темных посвященных.

Завершив круг, волшебница запела еще громче, она размахивала посохом, высоко поднимая руки, так что рукава отпадали и обнажалась костлявая плоть. Над кругом поднялся черно-пурпурный туман, скрыв из вида пентаграмму.

С последним высоким торжествующим выкриком — Эйдрис ахнула и закрыла уши руками — волшебница смолкла. Долго стояла она неподвижно; потом радостно засмеялась. Кожа на шее у девушки заныла, как будто к ней прицепились пиявки.

В туманном круге, в пределах пентаграммы, что-то шевельнулось, вначале медленно, потом забилось в тщетных стремлениях вырваться. Послышался полный страха низкий мужской голос, потом грязные проклятия.

В пределах зачарованного круга вспыхивали языки Силы. Это Сила темно-пурпурного цвета, Сила Тени. С низким стоном волшебница протянула руки к кругу, и линии Силы устремились к ней, окутали ее запястья, поползли по рукам, извиваясь, как змеи, созданные из самой Тьмы. Они поползли по груди волшебницы, сошлись над ее сердцем и запульсировали, как будто наполняя своей сутью ее тело. Волшебница ахнула, пораженная болью или наслаждением, — невозможно было определить, чем именно.

Но невозможно было и усомниться в реакции фигуры, заключенной в туманный круг. Мужчина закричал от боли, когда линии начали переливать Силу в волшебницу. Крик пленника вздымался все выше и выше...

...и неожиданно смолк. Наступила тишина. Линии Силы растворились в теле волшебницы, туман медленно рассеялся.

Эйдрис увидела в пентаграмме высокого мужчину с красивым надменным лицом с чертами Древней Расы. Этот человек мог бы быть отцом или старшим братом Алона, так он на него походил. На незнакомце одежда охотника или лесника... короткий плащ, кожаная куртка, коричневые брюки и высокие мягкие сапоги. На поясе кинжал с богатыми украшениями, на боку более практичный короткий меч.

Последние клубы тумана рассеялись. Мужчина смотрел на женщину, стоявшую перед ним в темной пещере, и на лице его проступил ужас.

— Моя Сила... — сдавленным голосом начал он.

— Теперь она моя, лорд Динзил! — восторженно воскликнула волшебница.

— Но... почему? — ошеломленно спросил он.

Эйдрис по-прежнему не видела лица женщины, но в голосе той слышалась жестокая усмешка.

— Ты мужчина, а мужчине противоестественно владеть волшебством. — Она гордо подняла голо-

ву.— Единственные подлинные сосуды Силы — женщины. Много лет назад я утратила свою Силу, но теперь...— Она согнула пальцы, и на мгновение они вспыхнули пурпурным светом,— теперь я вернула себе потерянное... да и получила больше, гораздо больше!

— Динзил! — негромко прошептал Алон.— Мне следовало догадаться...

— Кто он? — спросила Эйдрис, взглянув на своего спутника.

Но тот покачал головой.

— Потом.

Неожиданно темный посвященный негромко застонал и пошатнулся. Поднес руку к голове, с криком отчаяния отдернул, широко расставив пальцы. И Эйдрис увидела, как кожа его покрылась венами и пятнами старости. На ее глазах она продолжала сморщиваться. Лицо посвященного стало похоже на сухую корку хлеба, вымоченную в похлебке. Морщины поползли по щекам, в черных волосах заблестела седина.

— Моя Сила...— шептал чародей,— моя Сила...

— Боюсь, только она сохраняла тебе молодость, милорд,— спокойно сказала волшебница.— Теперь, когда она ушла, твои годы возвращаются к тебе... а их много, этих годов, не правда ли?

Динзил ничего не ответил. Его высокое тело содрогалось, с каждой конвульсией он, казалось, съеживается. Волосы его стали седыми и поредели, лицо теперь казалось сделанным из пергамента, скомканного неосторожной рукой. Губы его разошлись, он ахнул от боли, и изо рта потоком вылетели зубы и застучали по каменному полу пещеры. Динзил протянул руку-лапу к волшебнице, и они услышали голос, больше не звучный и сильный, но резкий и задыхающийся голос из беззубого рта.

— Я бы проклял тебя, колдунья, если бы мог... проклинаю тебя последним своим дыханием!

Волшебница рассмеялась.

— Да, — прохрипел старик, который только что еще был Динзилом, темным посвященным, — смейся, пока можешь, колдунья. У меня нет зубов, чтобы укусить тебя, но мои проклятия тебя настигнут. Левая Тропа многого требует. Тьма берет тяжелую плату со своих слуг. Еще до смерти ты поймешь, что́ впустила в себя, и в этом мое проклятие. Пусть оно свершится поскорее!

— Это тебе следует беспокоиться о смерти, милорд, — насмешливо ответила волшебница. Она слегка откинула капюшон, и путники увидели, что лицо ее изменилось, стало молодым и сильным. Из-под капюшона выбился клок волос, волосы черные, как недавно у Динзила.

Небрежным взмахом руки женщина погасила свечи, потом указала на выход из пещеры.

— Наше дело закончено, милорд. Ты больше здесь не нужен, почему бы тебе не уйти? Думаю, местность вокруг пещеры будет тебе знакома... хотя у ее обитателей нет причин тебя любить.

С достоинством и мужеством, которые восхитили Эйдрис, хоть перед ней и темный посвященный, Динзил распрямился, как мог, и побрел к выходу.

— Эй, старик, тебе это понадобится, — насмешливо сказала ему вслед волшебница и протянула свою палку. Эйдрис показалось, что он швырнет палку в свою мучительницу, но Динзил ничего не ответил и не оглянулся.

Волшебница веткой быстро стерла следы своего колдовства, потом взяла мешок и надела на плечо.

— А теперь, — сказала она, — воспользуемся этим зеркалом.

Она повернулась лицом к зрителям, и они впервые смогли ее ясно разглядеть. Эйдрис увидела, что она тоже из Древней Расы, что это женщина средних лет, с сильными четкими чертами лица, слишком тонкими, чтобы казаться красивыми.

И тут же услышала, как ахнул Алон.

— Яхне! — прошептал он.— Но как... почему...

Эйдрис широко раскрыла рот. Мудрая женщина, которая первой учила его волшебству! Неужели это действительно она, по другую сторону зеркала-Врат, погруженная в темный ритуал? Она вспомнила, с каким лицом рассказывал о ней Алон, вспомнила его слова, что он никогда не хотел стать ее оружием.

Женщина направилась к ним, подняла свою ветку и произнесла несколько слов. В зеркале-кристалле заклубился пурпурный туман, болезненным сиянием озарив ее лицо. Неожиданно глаза женщины широко распахнулись. Она впервые заметила присутствие посторонних.

— Кто...— начала она, но тут же замолчала, глядя на Алона.— Да ведь это мой юный воспитанник, который совсем вырос,— сказала она немного погодя, потом улыбнулась, и от этой улыбки Эйдрис захотелось извлечь из своего посоха клинок.

— Молодой Алон, какая удачная встреча! Я собиралась отыскать тебя, хотя и не так быстро. Я должна сначала навестить других, прежде чем принять бывшего ученика Хилариона.

— Ты знаешь...— начал Алон и смолк, прежде чем Эйдрис толкнула его, чтобы заставить замолчать. Может, у этой женщины есть Сила и знания, но незачем сообщать ей то, чего она еще не знает.

— Знаю... я многое знаю, мой прекрасный юный посвященный. Гораздо больше, чем даже полгода назад, чему ты, несомненно, был свидетелем. А как ты здесь оказался, Алон? Случайно? Маловероятно. Может, тебя привлекли мои чары. В конце концов Сила притягивает Силу, верно?

Алон продолжал молчать, и волшебница впервые обратила внимание на Эйдрис.

— А кто твоя прекрасная спутница, Алон? Твоя супруга? Или что-то... менее формальное? Возлюбленная?

Сказительнице приходилось и раньше слышать насмешки в бою, и она не позволила себе реагировать на оскорбления Яхне, но Алон с проклятием шагнул вперед.

— Нет, Алон,— негромко сказала Эйдрис, схватив его за руку.— Она именно этого хочет.

— Проницательная девушка,— с улыбкой сказала волшебница. Глаза ее блестели, и Эйдрис показалось, что не только от пурпурного сияния по ту сторону кристалла. Молодая женщина глотнула, ей неожиданно стало страшно.— А что это за символ на твоем посохе? — спросила Яхне, задумчиво прищурившись. Чуть позже она рассмеялась.— О, очень хорошо! Действительно хорошо! Повелитель грифонов! Наследник Ландисла! Тебе его дал сам Керован? Кажется... да, следующим я навещу именно его!

— Зачем? — спросила Эйдрис, главным образом чтобы потянуть время, потому что ей казалось, что она уже знает цель этого посещения.

— Я должна навестить их всех, моя дорогая,— насмешливо-доверительным тоном заговорила волшебница.— Всех этих отвратительных противоестественных чудовищ, которые не имеют права обладать Силой. Мужчины! Самцы! — Она плюнула.— Они держат моих сестер в рабстве, заставляют выполнять свои похотливые желания, подвергают насилию. Мужчины с их незаслуженной Силой сделают меня самой могущественной волшебницей этого мира. Лорд Керован, это отвратительное чудовище-полукровка, будет следующим...

Перед ними появилось лицо, хорошо знакомое Эйдрис, черноволосая голова с янтарными слегка раскосыми, как у козла, глазами.

— А также его сын Фирдун.— В кристалле появилось изображение приемного брата Эйдрис.— Он молод, но мне сказали, что он станет одним из Семи, так что о нем стоит позаботиться...

— Кто сказал? И кто эти Семь? — резко вмешался Алон, но Яхне не обратила на него внимания. Глаза ее полузакрылись, она сонно разглядывала созданные ею изображения.

— Конечно, я не должна забывать Саймона Трегарта и его противоестественных ублюдков... — Появились три сильных лица, одно постарше, два одинаковые по возрасту и очень похожие. Ясно, что это братья. А потом ты, мой дорогой юный Алон, боюсь, следующим будешь ты... — Рядом с остальными появилось изображение Алона. — Я буду действовать быстро, мой дорогой, так что не бойся. Обещаю, что ты не будешь страдать. И если хочешь, я сохраню тебе жизнь, чтобы ты мог побыть с этой молодой госпожой. — Она ласково улыбнулась. — Может, ты станешь фермером, потому что волшебником быть уже не сможешь!

— Ты сошла с ума, — негромко сказал Алон, и впервые со времени их встречи Эйдрис уловила в его голосе страх.

— Конечно, нет! — с улыбкой ответила волшебница, отрываясь от своих мыслей. — Я все тщательно продумала. Самый сильный из этих противоестественных существ сам Хиларион, и мне понадобится и твоя Сила, чтобы справиться с ним.

В кристалле появилось последнее изображение — мужчина внешне почти молодой, но в глазах его мудрость веков.

— Яхне, — сказал Алон, и Эйдрис видела, что он с трудом сдерживает дрожь в голосе, — а как ты узнала это заклинание? Когда я знал тебя... раньше... ты им не владела.

Она улыбнулась ему.

— Ты не можешь измерить мои способности, мой дорогой. Но ты имеешь право спрашивать... Я не знала заклинание, пока меня ему не научили.

— Кто научил? — спросил он.

Но ее стремление к откровенности испарилось. Она покачала головой. Глаза у нее блестели, как у обезумевшего расти.

— Нет, молодой Алон. Это ты должен узнать сам. Если посмеешь. А сейчас... — Она быстро провела рукой по поверхности кристалла и негромко запела. — А теперь прощайте...

И когда последний звук замер на ее губах, она двинулась прямо к ним. Эйдрис в ужасе ахнула. Она умеет сражаться кулаками и сталью, но Яхне вне пределов ее опыта, и инстинкт заставил девушку отшатнуться. Она укрылась за Алоном, презирая себя за трусость, но не в силах справиться с собой.

А когда снова посмотрела, ожидая увидеть на карнизе рядом с ними волшебницу, увидела только пустую пещеру в кристалле.

— Но... куда она исчезла? — удивленно спросила сказительница. — Я подумала, она пройдет через Врата и будет здесь.

— Она привела в действие свою сторону кристалла, — с отсутствующим видом ответил Алон, стоя перед зеркальной поверхность и изучая ее, склонив набок голову. — Она прошла сквозь него куда-то в другое место. Вероятно, чтобы отыскать Керована, о котором говорила.

— Керована! Нет... о, нет! — Эйдрис закрыла лицо руками, стараясь усилием воли подавить страх. Наконец она смогла поднять голову и напряженно сказала: — Помнишь, я рассказывала тебе о лорде и леди, которые вырастили меня после исчезновения моей матери и болезни отца? Это были лорд Керован и его жена Джойсана! Алон, мы должны остановить Яхне!

— Если она овладела способностями Динзила, то стала могучим противником, — мрачно ответил он.

— А кто такой... этот Динзил?

— Сильнейший из Темных посвященных — из тех дней, когда Эскор попал под власть Тени, — ска-

зал Алон. — Он похитил и едва не совратил Каттею, мою приемную мать, когда она была девушкой. Совратил — не физически, а мыслью, так что она обратилась против своей семьи и против Света, перешла на сторону Тьмы. Ее спасла только храбрость ее брата Кемока, который посмел войти в Темную Башню и отыскал ее там. После поражения своих войск Динзил исчез. Мы всегда подозревали, что он ушел через какие-нибудь Врата собственного изготовления.

— И Яхне призвала его.

— Да. А этот Керован, он тоже волшебник?

— В прошлом Керован овладел волшебством повелителя грифонов Ландисла, — сказала Эйдрис. — Но он не может рассчитывать на Силу Ландисла. У него есть свои собственные Силы, но хватит ли их, чтобы справиться с Яхне... — Она содрогнулась. — Она сумасшедшая, Алон.

— Да.

— Если мы не сумеем ее остановить, нужно по крайней мере предупредить Керована об опасности!

— Согласен, — сказал Алон. — Но чтобы нам воспользоваться этими Вратами, потребуется большая подготовка. Я никогда раньше не открывал Врата.

— А Хиларион учил тебя этому?

— Он научил меня основным принципам. Но предупредил, чтобы я не пытался открыть Врата. Он сам это сделал однажды, попал в другой мир и оказался порабощенным там на много тысяч лет.

Эйдрис вспомнила, что Алон уже упоминал об этом, и прикусила губу.

— Но если есть возможность шагнуть из одного места в другое, далекое, за одно мгновение, мы должны рискнуть! Иначе нам никогда не поймать Яхне.

— Знаю, — тяжело ответил он. — Позволь мне подумать, как это осуществить. А сама приготовь еду посытнее. Использование Силы отнимает много энергии... пища хоть несколько ее восстановит.

Эйдрис кивнула и в серых предрассветных сумерках принялась готовить еду. Она обнаружила, что у нее самой нет аппетита, но заставила себя есть, не зная, когда удастся снова перехватить. Алон механически жевал и глотал, не отводя взгляда от входа, изредка бормотал какие-то непонятные слова, как будто пробовал их на слух.

— Эйдрис,— сказал он, когда солнце на востоке поднялось над заснеженными вершинами,— дай мне на время твой талисман.

— Талисман...— повторила она неуверенно; потом, следуя за его взглядом, взяла посох с рукоятью в виде головы грифона и с глазами из кванской стали.

— Существует много способов открывать Врата,— сказал молодой посвященный,— но так как эти сделаны из кристалла, я считаю, что их можно привести в действие звуком. Если по кристаллу ударить, он издает музыкальный звук.— Говоря так, он постучал по центру кристалла головой грифона. Воздух заполнил чистый звенящий звук — в нем слышалась та же призрачность и необычность, которая привлекла внимание сказительницы ночью.

— Мммммм...— пропел Алон, стараясь безуспешно повторить этот звук. Но голос его звучал слишком низко, да и слух подвел. Посвященный нахмурился, потом повернулся к спутнице.— Госпожа, ты можешь спеть эту ноту?

— Она высокая,— ответила сказительница задумчиво,— а у меня альт. Но возможно... Ударь снова, пожалуйста.

Он послушался, и Эйдрис повторила звук. Она чувствовала, что далека от успеха.

— Я много дней не пела,— пожаловалась она,— но, может, если разогреюсь...

— Постарайся,— попросил он.

Сказительница попробовала ноты, потом, через несколько минут, когда голос разогрелся, спела не-

сколько песен. Алон улыбнулся, слушая «Волшебника с одним заклинанием».

— Будем надеяться, что у меня найдется больше, — заметил он.

— Ударь по кристаллу снова, — приказала сказительница, и, когда он послушался, ее голос взлетел, точно повторив ноту.

Кристалл засветился фиолетовым светом, окутав им лицо и руки Алона. На его поверхности что-то сверкнуло, юноша удивленно вскрикнул. В его руках оказался правильной формы кусок хрусталя, прозрачный с одной стороны, аметистовый с другой. Эйдрис с изумлением увидела, что поверхность зеркала оставалась нетронутой!

— Что это? — спросила она. Алон разглядывал дар зеркала, пропуская через него, как сквозь призму, солнечные лучи.

— Наш ключ к Вратам, — ответил он. — Надеюсь, он подойдет. Монсо! — позвал он, и кеплианец, осторожно фыркнув, подошел к нему.

Алон протянул руку и схватил жеребца за длинную переднюю ногу, потом конским волосом привязал хрусталь ко лбу Монсо.

— Что ты делаешь? — с любопытством спросила Эйдрис.

— Я не оставлю Монсо, — сказал Алон. — Он нам понадобится, если мы хотим догнать Яхне.

Наконец он закончил. Дар зеркала свисал в сетке из конского волоса у Монсо меж глаз. Алон сел в седло, протянул руку девушке. Он по-прежнему держал в правой руке ее посох.

— Когда я вызову ноту, ты должна петь ее как можно дольше, что бы ни увидела и ни почувствовала. Прошу тебя, пой, не останавливаясь, иначе мы можем погибнуть!

— Понимаю, — спокойно ответила она.

Послав Монсо вперед, Алон протянул руку к зеркалу. Но кеплианец с фырканьем отшатнулся от него.

— Спокойней, спокойней, приятель, — уговаривал юноша жеребца. — Я знаю, это трудно и непривычно, но ты должен стоять неподвижно, когда я ударю!

Еще дважды посылал он жеребца вперед, и оба раза в самый последний момент тот отскакивал.

— Монсо! — строго приказал Алон. — Пошел!

Полукровка сделал неохотный шаг вперед и остановился перед зеркалом, которое запотело от его дыхания. Алон ударил поверхность зеркала головой грифона, а Эйдрис подхватила ноту и держала ее...

... держала...

...увидела, как меняется поверхность зеркала, светится, становится туманной... прозрачной.

— Вперед! — крикнул Алон, наклонился и сильно ударил жеребца по шее.

С громким ржанием Монсо устремился вперед, его неожиданный прыжок чуть не сбросил Эйдрис. Голос ее едва не дрогнул, но она заставила себя продолжать.

Передние ноги кеплианца исчезли в аметистовом тумане, потом исчезла морда, шея, плечи... Эйдрис закрыла глаза, когда туман коснулся ее лица. Она испытала головокружение и перестала ориентироваться в пространстве.

Но несмотря ни на что, она продолжала устойчиво держать ноту и чуть позже почувствовала, что копыта Монсо коснулись камня.

Они находились в пещере волшебницы.

Почти с рыданием сказительница наконец смолкла и в отчаянии огляделась.

— Где мы? Я думала, мы окажемся там, куда ушла Яхне!

Алон повернул Монсо, стараясь не задевать стены, посмотрел на зеркало в глубине пещеры.

— Чтобы сделать это, мы должны пройти через то зеркало, — сказал он. Голос его звучал так устало, что Эйдрис удивилась, как он умудряется не упасть с коня.

— Тогда пошли! — воскликнула она.

Он мрачно покачал головой.

— Не думаю, чтобы в данный момент это было самое разумное, — негромко сказал он.

— А почему нет? — спросила сказительница. Ей не терпелось предупредить приемного отца об опасности. — Мы должны спасти Керована! И не можем терять время.

— Не забывай, что мы поедем верхом, а она идет пешком, — напомнил Алон. — И я думаю, что после тяжелой работы — ведь ей пришлось открывать не одни, а двое Врат — Яхне целый день будет отдыхать. — Он устало вздохнул. — Но это не самые главные причины, почему мы должны ждать.

— А какие главные?

— Вот первая, — ответил Алон. Выпустив повод Монсо, он взмахнул в воздухе посохом и произнес какие-то слова. Эйдрис показалась, что он говорит на том же языке, что и Яхне.

Зеркало послушно ожило, засветилось болезненно-пурпурным свечением, и Эйдрис отвернулась и в отчаянии вскрикнула.

— Это зеркало представляет темную строну лунного кристалла, и для нас очень опасно пользоваться им, чтобы попасть в Арвон.

— Опасно для наших душ, — согласилась сказительница, почти не разжимая губ. Видя это призрачное свечение, она поверила, что Алон говорит правду.

— Вот именно.

— Но, Алон, нам все равно придется рискнуть! Арвон в сотнях лиг отсюда, за морем! Мы не успеем догнать Яхне!

— Ты права, — согласился он. — Но не забывай, что есть и вторая причина, почему нам нельзя отправляться немедленно...

— Какая? — спросила Эйдрис, чувствуя сама сильную усталость. Казалось, у нее нет сил, даже чтобы держаться за пояс Алона.

— Я тебе покажу.— Он повернул Монсо и вывел кеплианца из пещеры, провел по каменистой тропе, пока они не добрались до поворота и не остановились на горном склоне.

На востоке вставало солнце, и никакие горы не заслоняли его. Алон указал на окружающую местность.

— Мы в Эскоре, миледи. Если не ошибаюсь, отсюда не больше половины дня пути до долины Зеленой Тишины.

— Долина Дахон! — сказала Эйдрис, вспоминая разговор с Дуратаном и Нолар.— Место исцеления!

— Да. Я знаю об этой долине с ранней молодости, конечно, но не мог сказать тебе об этом, не выдав себя,— печально сказал он.— Поэтому пришлось «открыть» этот свиток в комнате Нолар.

— Ты все время знал! — сказала она, бросив на него насмешливый взгляд.— Но правда ли это? Может ли госпожа Дахон вылечить моего отца?

— Не знаю. На краю долины находится место исцеления. Там есть красная грязь, которая излечивает все болезни. Если жертву довезут вовремя, даже смерть не властна в том месте. Но излечит ли красная грязь Дахон болезнь мозга...— Он пожал плечами.— Не знаю.

— Но Керован... Яхне...— Девушка сделала беспомощный жест.— Она погубит его, если мы ее не остановим!

— Ты готова отказаться от своего поиска, пожертвовать шансами на излечение отца, чтобы спасти этого лорда Керована?

Эйдрис мрачно смотрела на пологие зеленые холмы Эскора. Ей казалось, что безжалостная рука стиснула сердце и вырывает его из груди. «Благословенная Гуннора, что мне делать? Я не могу выбирать между ними! Не могу! Госпожа, помоги мне!»

9

— Я не могу выбирать между ними, — тупо сказала Эйдрис. Она в отчаянии осмотрелась. — Никто не может сделать такой выбор!

— И никто не должен, — согласился Алон. — Я думаю, что есть возможность спасти их обоих. Если мы сегодня доберемся до долины Дахон, то соберем красной грязи и завтра вернемся к Вратам. Монсо быстр, и мы сумеем догнать Яхне до того, как она найдет Керована.

— Мы не знаем, сколько ей нужно пройти по Арвопу, чтобы добраться до Кар Гарудина, — ответила Эйдрис.

— Она может вообще не пойти туда, — предупредил Алон. — Я считаю, что она скорее отыщет место Тени и оттуда начнет посылать вызов, притягивать к себе Керована, как она поступила с Динзилом.

— В Арвоне много таких мест, — прошептала Эйдрис. — Это азартная игра, Алон. Если мы ошибемся, может погибнуть Керован, а Яхне приобретет такую Силу, что станет непобедимой.

— Да, игра, — согласился он. — Но я не могу покинуть Эскор, не предупредив своих. Не забывай, им тоже грозит опасность.

— А могут жители Зеленого Дола передать сообщение тем, кому угрожает волшебница?

— Да. У Дахон есть птицы, которые приучены переносить сообщения в город Эс и в самые разные места Эскора. К тому же Киллан соединен мысленной связью со своим братом Кемоком и сестрой Каттеей и может сам предупредить их.

Эйдрис распрямилась, чувствуя, как от этого движения заболели мышцы спины и шеи.

— Тогда пошли. У нас нет времени на ожидание.

Алон пятками толкнул бока Монсо, и кеплианец начал спускаться по склону. Путникам повезло: этот выход из Врат располагался гораздо ниже в горах, чем вход в Эскарпе. Не пройдя и мили, они наткнулись на извилистую звериную тропу, которая вывела в пологие холмы. По пути сказительница внимательно искала следы Динзила, но внезапно постаревшего чародея нигде не было видно.

Последний спуск оказался опасен: пришлось преодолеть крутой глинистый склон, и, когда они благополучно спустились, Алон дал Монсо возможность передохнуть. Эйдрис оглядывалась, но не видела ни следа живых существ, кроме небольшого стада рогатых антилоп, которые щипали весеннюю траву на соседнем холме.

— Как ты думаешь, что стало с Динзилом? — спросила она.

Алон закинул ногу на луку седла и повернулся к ней.

— Я не верю, чтобы Динзил мог жить жизнью обычного человека. Если он действительно лишился всей своей Силы, готов биться об заклад, что он сейчас на дне какого-нибудь ущелья, свободный от своего слабого старого тела.

Сказительница кивнула.

— Ты, вероятно...

Она вскрикнула и увернулась от чего-то черного, стремительно спускавшегося к ним с неба. Существо пронзительно крикнуло, и Эйдрис увидела белое V на груди.

— Стальной Коготь! — воскликнула она.— Он нас нашел!

Алон протянул руку, усевшись поплотнее, и птица, еще раз крикнув, опустилась на этот импровизированный насест. Посвященный поморщился: когти сокола впились в кожаный рукав. Сокол по очереди осмотрел людей, вначале одним золотым глазом, наклонив голову, потом другим. Затем Стальной Коготь снова крикнул, и его страшный изогнутый клюв оказался вдруг подозрительно близко к глазам Эйдрис.

— Мы о нем забыли,— виновато сказала она.— Он сердит на нас.

— Я не забыл,— ответил Алон, обращаясь скорее к соколу, чем к ней.— Я знал, что он нас найдет. Он долго пробыл со мной и может улавливать мои мысли, хотя я и не сокольничий. Эти воины умеют действительно обмениваться мыслями со своими крылатыми друзьями, но птице не нужно находиться рядом, чтобы узнать, где я.

Эйдрис обратилась к соколу, как будто птица могла ее понять.

— Крылатый брат,— сказала она,— прости, что мы не предложили тебе пройти вместе с нами через Врата. Но уверяю тебя, это было не очень приятное путешествие. Несомненно, полет над горами понравился тебе гораздо больше.

— Если он захочет сопровождать нас завтра, ему придется пройти через Врата,— сказал Алон.— Через два континента и океан он за нами последовать не сможет. Ведь это другой конец мира.

— Но сможем ли мы нести его? — спросила девушка, с сомнением поглядывая на острые когти и клюв сокола.

— Да, это будет трудно,— согласился Алон.— Я попытаюсь объяснить ему это вечером — с помощью Дахон. Она может обмениваться мыслями почти с любым существом.

Когда он кончил говорить, сокол захлопал крыльями, и Алон быстрым движением руки помог ему взлететь. Дыхание Монсо замедлилось и успокоилось, и они снова пустились в путь. Стальной Коготь кружил в небе над ними иногда так высоко, что казался черной точкой в синеве.

Теперь склоны стали совсем пологими и поросли густой травой, и Алон пустил кеплианца небыстрой рысью. Они движутся на север, поняла Эйдрис, определив направление движения по солнцу. Она расслабилась, приспособившись к ходу жеребца, легко удерживая равновесие на его мощном крупе, чувствуя ритмичные движения мышц. И вскоре едва не задремала.

Наконец они выехали на грязную дорогу, которой, судя по ее виду, пользовались часто.

— Уже близко,— сказал Алон, и девушка распрямилась.— Я пущу его ненадолго аллюром, так что держись,— предупредил юноша. Он ослабил узду, и Монсо сразу перешел на галоп. Кеплианец, фыркая, пытался освободить голову; шаги его становились все быстрее.

— Спокойней... спокойней, Монсо...— сказал Алон, но конь только еще больше увеличил скорость.

— Ты удержишь его? — воскликнула Эйдрис встревоженно, но ветер отнес ее слова назад.

Эйдрис вцепилась в пояс своего спутника, прижалась головой к его спине и полузакрыла глаза: мелькание местности кружило ей голову. Впервые она скакала на Монсо днем, и скорость полукровки одновременно возбуждала и пугала ее. Она чувствовала, как напрягаются мышцы спины Алона: он пытался сдержать жеребца. Алон негромко разговаривал с Монсо и прилагал все усилия, все свое искусство всадника, чтобы не дать жеребцу окончательно освободиться от контроля.

Наконец скорость бега слегка замедлилась, и Алон снова овладел положением. Он чуть повернул голову.

— Ты еще со мной, сказительница?

— Да,— сумела ответить Эйдрис.— Но когда он так скачет... я пугаюсь.

— Думаешь, я нет? — ответил юноша.— В его природе есть дикость, унаследованная от отца-демона...— Алон и сам тяжело дышал, сдерживая жеребца.— К тому же он чувствует, что мы торопимся.

Безумный бег кеплианца унес их далеко, теперь горы казались неровными силуэтами позади. А впереди расстилались зеленые поля с весенними побегами и разбросанные фермы. Эйдрис считала, что по сравнению с Арвоном Эскор очень слабо заселен, и вид этих ферм ободрил ее. Она вспомнила слова Алона о том, что эти две земли когда-то были одним целым. «Да, это было действительно очень давно»,— подумала она. Мысли ее мешались, когда она думала, насколько давно.

Дорога привела их к двум утесам, между которыми оставался узкий проход. Алон еще больше замедлил ход Монсо, и теперь они двигались неторопливым шагом.

Когда путники достигли узкого прохода, Эйдрис увидела на стенах утесов по обе стороны светящиеся символы. Некоторые из них напоминали руны Древнего языка, знакомые ей. Она негромко прошептала одно из этих слов, чувствуя, как ею овладевает ощущение мира и спокойствия. Это была могучая защита против Тьмы.

— Эйтайян...— выдохнула она.

— Да,— ответил Алон, не поворачивая головы.— До того дня, когда Динзил предал Дол, украв Каттею, никто из ее жителей не верил, что к ним может прийти зло. И для них было большим ударом понять, что их защита может быть преодолена.

— Должно быть, Динзил действительно был могучим посвященным,— сказала Эйдрис. Ее сильно встревожили слова спутника.

— Да,— ответил Алон и, очевидно, догадавшись о ее мыслях, добавил: — А теперь Яхне, обладая его силой, тоже может преодолеть защиту Дола.

Утесы кончились, дорога тоже. Последовал некрутой поворот, и Эйдрис увидела перед собой широкую долину.

Она такая зеленая! Обильная травами и цветами, затененными большими деревьями, долина казалась прекрасным сном, и усталой девушке подумалось, что она нашла второй дом. Вид Зеленого Дола словно облегчил тревогу сказительницы, как целитель мазью облегчает боль раны. Эйдрис обнаружила, что в сознании ее возникают слова и целые строчки, ей хотелось выразить красоту и привлекательность этого места в песне.

Всю долину усеивали жилища, хотя их вряд ли можно было назвать «домами», потому что они росли из самой земли, их круглые стены образовывали древесные стволы и густые кусты. А остроконечные крыши были из зеленой листвы. Путники неторопливо двигались по дороге, и из домов начали показываться люди. Многие махали Алону, он отвечал на их приветствия, но не останавливал жеребца, пока они не добрались до самого большого жилища. Здесь Монсо остановился, и тут же отодвинулась дверь, перевитая живыми растениями, и вышел мужчина, а за ним женщина. «Лорд Киллан и госпожа Дахон», — подумала Эйдрис.

На обоих мягкие рубашки и брюки цвета весенней зелени, с поясами и браслетами из светлого золота, усеянного сине-зелеными камнями. Киллан высокий и широкоплечий, у него вид воина, не раз вступавшего в битву. Чем-то он напомнил Эйдрис ее отца Джервона: у него тоже внешность человека, привыкшего приказывать. Внешне он явно принадлежит к Древнему народу, хотя подбородок шире и рот улыбчивый. Эйдрис вспомнила, что отец Киллана Саймон Трегарт — чужеземец, пришедший из какого-то далекого мира через одни из легендарных Врат.

Но когда вперед выступила госпожа Долины Зеленого Безмолвия, глаза девушки удивленно распахнулись. Она взглянула на женщину, мигнула и уставилась откровенно. Никогда ничего подобного она не видела!

Высокая и стройная, в своей зеленой одежде она казалась грациозной, как ива. Глаза Эйдрис не могли оторваться от ее лица. Волосы того же цвета светлого золота, что и браслет... нет, теперь они кажутся цвета расплавленной меди... нет, они черные, как у самой Эйдрис... нет, нет, зеленые, как свежая весенняя листва.

Чем внимательней смотрела сказительница, тем более расплывшимися и изменчивыми казались ей черты внешности женщины. В ней словно множество женщин... и все красавицы.

— Алон! — воскликнула Дахон и протянула обе руки в теплом приветствии.— Добро пожаловать! Ты вернулся к нам!

— Приветствую, госпожа... Киллан,— ответил посвященный.— Хотел бы я, чтобы это было простое дружеское посещение, но, по правде говоря, мы торопимся. У нас очень срочное и важное дело.— Он помог сказительнице спуститься с кеплианца, потом спрыгнул сам.— Но сначала, Дахон, позволь представить мою спутницу, сказительницу Эйдрис.

Леди грациозно и вежливо склонила голову и взяла руку девушки своими обеими руками.

— Добро пожаловать в наш дом, Эйдрис,— тепло сказала она.— Это милорд Киллан.— Когда госпожа Долины Зеленого Безмолвия коснулась руки Эйдрис, черты лица женщины застыли, перестали меняться, лицо стало овальным, глаза серыми, волосы черными. Теперь она, как и лорд Киллан, явно принадлежала к Древнему Народу.

— Удачи твоему жилищу, госпожа Дахон, теперь и всегда,— ответила Эйдрис, слегка изменив традиционное приветствие. Трудно назвать эту беседку из живых растений домом.

Леди выпустила руку гостьи, черты ее лица снова начали причудливо изменяться. Вперед вышел лорд Киллан, чтобы приветствовать сказительницу. Потом Трегарт повернулся к Алону, который держал в руке повод Монсо. Лорд чуть печально улыбнулся.

— Если бы это был обычный конь, Алон, я позаботился бы о нем, но, наверное, сейчас это неразумно.

Алон улыбнулся.

— Приемная мать рассказывала мне, что ты не любишь кеплианцев. Один из них как-то едва не погубил тебя. Я сам позабочусь о нем.

Дахон (на этот раз волосы ее были зелены, как трава) озорно улыбнулась своему лорду.

— Не забудь, что в тот день кеплианец принес тебе щедрый дар. Если бы не он, мы могли бы никогда не встретиться!

Киллан наклонил голову.

— За это я ежедневно возношу благодарности, госпожа. Но все же мне кажется, что есть более легкие возможности встретиться со своей будущей женой.

Повернувшись к гостю, леди сказала:

— Сними седло и узду, Алон. Монсо здесь будет хорошо. Верно, красавец? — она протянула стройную руку ко лбу жеребца, и глаза ее удивленно распахнулись. — Что это? — воскликнула она.

Алон расправлял пряди на гриве Монсо.

— Это кристалл, который я вплел, чтобы мы могли пройти Врата, — ответил он. — В спешке я о нем забыл. Но... но он изменился! Что?.. — Он удивленно замолчал, высвободив кусок хрусталя из гривы. — Смотрите! — воскликнул он и показал всем.

Теперь кристалл лежал не в сетке из черного конского волоса, а в тонкой серебряной паутине.

— Должно быть, изменился, когда мы проходили Врата, — прошептал Алон.

Дахон протянула руку, но не притронулась к кристаллу.

— Это сильный талисман, — сказала она. Повернувшись к своему лорду, она высвободила из воротника его широкой рубашки серебряную нить. Просунула нить сквозь паутину, так что кристалл превратился в подвеску. И торжественно надела Алону на шею, так что камень повис у него на груди поверх одежды. — Носи его всегда. Он предохранит от всех видов зла, — негромко сказала она.

Потом госпожа Долины Зеленого Безмолвия снова повернулась к кеплианцу.

— Оставь Монсо здесь, — повторила она. — Ему будет хорошо. — Черный жеребец фыркнул, потом наклонил голову, как будто кивнул в знак согласия.

Алон отпустил жеребца пастись, и путники вслед за хозяевами прошли в жилище.

Внутри были перегородки из живых растений; занавеси, сплетенные из перьев, образовывали комнаты, а пол был покрыт мягким живым мхом. Сквозь стены и потолок проходил зеленый свет, и поэтому внутри было приятно и легко. Алон готов был сразу начать рассказ, но Дахон остановила его быстрым движением руки.

— Твой рассказ подождет еще несколько минут, — сказала она и отвела Эйдрис в нишу. Лорд Киллан взял Алона за руку и провел в другую.

— Ты давно в дороге и должен отдохнуть, пусть недолго. К тому же мы хотим созвать разведчиков и вестников, чтобы они сами услышали рассказ, если понадобится.

Алон кивнул, хотя и неохотно.

Вслед за госпожой Эйдрис прошла в комнату, в которой оказались два бассейна, в одном вода с красной глиной, в другом прозрачная и чистая. Оказавшись в этой комнате, девушка от недостатка сна и отдыха едва не упала. Дахон указала на бассейн с красной грязью и сказала:

— Сначала в этот, Эйдрис.

Сбросив пропыленную дорожную одежду, сказительница благодарно окунулась в теплую воду. Дахон взяла ее брюки, рубашку и куртку, пообещала, что их к утру почистят, и вышла. Красная вода была благословенно горячей, и ее прикосновение так оживляло, что девушка почувствовала, как исчезают ее усталость и голод. «Должно быть, здесь те же целительные свойства, что у красной грязи, о которой рассказывал Алон», — подумала Эйдрис.

Окунувшись в бассейн с чистой водой, она надела одежду, оставленную хозяйкой. Мягкая рубашка, брюки и сапоги — все, как у самих хозяев.

Чувствуя себя обновленной и отдохнувшей, девушка вышла и увидела Алона. Он был одет так же, как она, и негромко разговаривал с человеком из Древней Расы, по имени Этатур. Лорд Долины Зеленого Безмолвия, как и Дахон, обладал способностью менять внешность, хотя и не в такой степени. На лбу его росли два маленьких рога цвета слоновой кости, почти совершенно скрывшиеся в густых завитках курчавых волос, постоянно менявших цвет.

Сказительницу представили, она села на один из поросших мягким мхом холмиков, которые служили здесь подушками для сидения. Вскоре вернулась госпожа. Дахон сопровождали два высоких подростка, которые несли еду и питье, и двое мужчин в поношенной обуви и кольчугах вестников или разведчиков. Один из мужчин оказался гигантского роста, он возвышался над всеми остальными.

Киллан представил их как разведчиков долины Йонана и Урика. Йонан был среднего роста и явно потомок сулкара. Гиганта звали Урик.

Подростки, мальчик и девочка (они казались лет на пять моложе самой сказительницы), были близнецами, детьми Дахон и Киллана. Девочка, Флона, унаследовала способность матери менять внешность. Когда Эйдрис смотрела на нее, та посто-

янно менялась, волосы ее становились то светлее, то темнее, хотя не в такой степени, как у Дахон. Керис, мальчик, походил на отца, и его внешность не менялась. Не было у него и рогов, как у зеленых людей.

Дахон указала на рассыпчатый свежий хлеб, сыр и различные фрукты и ранние овощи.

— Можем поесть за разговором.

Алон уже взял фрукт.

— Будем рассказывать по очереди,— сказал он.— Я встретил сказительницу, когда участвовал с Монсо в скачках в городке, который называется Рилон Корнерс...

Он рассказывал о встрече с Эйдрис, а сама девушка тем временем ела. Потом, когда дело дошло до причин ее поиска, он кивнул своей спутнице, и она быстро объяснила, что ищет средство излечить отца.

— Алон подумал, что красная глина, которую находят в вашей долине, может помочь,— заключила она и вопросительно посмотрела на леди.

Меняющееся лицо Дахон было серьезно, она задумалась.

— Не знаю,— наконец негромко сказала она,— излечит ли грязь душу, а не только тело. Ее никогда на это не проверяли. Но можешь взять с собой и попробовать.

— Спасибо, госпожа.

— Но поиск Эйдрис — только часть дела,— продолжил Алон, проглотив последний кусок пищи.— Вчера ночью ее разбудил странный шум, который я не слышал...

Он рассказал о необычном пути к древнему зеркалу-Вратам, о Яхне и ее заклинании, отнимающем Силу.

Лицо Киллана потемнело, когда он услышал имя древнего колдуна, побежденного волшебницей.

— Динзил! — воскликнул он.— Я считал, что он давно умер!

— Сейчас, может, так и есть,— сказал Алон и продолжил, рассказал Трегарту об угрозе, которая нависла над всеми мужчинами, обладающими Силой.— Она называет нас противоестественными существами и чудовищами,— закончил он.— Яхне намерена стать самой сильной волшебницей в истории нашего мира.

— Откуда она взялась? — спросила Дахон.

— Судя по некоторым ее словам, я думаю, она когда-то была колдуньей Эсткара,— сказала Эйдрис, и Алон согласно кивнул.— Она из тех, кто пострадал, когда превратил себя в канал Сил, осуществивших Великую Перемену.

— А когда она тебя воспитывала, говорила ли, что была волшебницей? — спросил Киллан у Алона.

Молодой чсловек покачал головой.

— Она, несомненно, Мудрая Женщина, но я готов был поклясться, что она не владеет искусством вызова, такого, какой мы видели,— задумчиво ответил он.— Я на своем опыте убедился, что открыть Врата очень трудно. Яхне, которую я знал раньше, умела гадать, чувствовать присутствие Тени, лечить, используя травы и прочее. В лучшем случае, легкое колдовство. Она не была волшебницей.

— Где же она узнала заклинание? — задумалась Эйдрис.— Она сказала, что ее научили... но кто?

— Может, солгала, а сама открыла его в каком-нибудь древнем свитке в Лормте,— размышлял Алон. Он вздохнул.— Неважно, где она этому научилась. Опасность для нас совершенно реальна.

— Я немедленно свяжусь с Каттеей и Кемоком,— сказал Киллан.— Завтра утром моя жена отправит птиц, чтобы они отнесли сообщение за горы, к моему отцу Саймону в Эстфорд.

— Если бы я обладала Силой,— негромко сказала Эйдрис.— Я могла бы сегодня же предупредить Керована.

— Завтра уже скоро, — успокаивала ее Дахон. — Солнце почти село... рассвет наступит раньше, чем ты думаешь.

Эйдрис кивнула, понимая, что госпожа Долины Зеленого Безмолвия пытается успокить ее, но продолжала тревожиться. Слишком хорошо подействовала на нее красная грязь... Она была полна энергии и не могла уснуть. Встав, она вышла и увидела пасущегося Монсо. Недалеко от жеребца на ветке дерева сидел Стальной Коготь. Несколько минут спустя вышел и Алон, он нес два оружейных пояса.

— Время моего урока, — напомнил он.

Эйдрис рада была чем-нибудь заняться, и они принялись разучивать выпады и приемы защиты. Потом Эйдрис продемонстрировала удар при отходе, и они разучили его. Прежде чем закончили, появился Киллан и сказал, что Йонан и Урик только что выступили. Они должны предупредить людей Древней Расы, которые жили в Карстене до того, как их объявили вне закона и они превратились в беженцев. Теперь прежние карстенцы прочно обосновались на этой новой — и в то же время древней — земле.

Передав новость, Трегарт задержался, наблюдая за уроком.

— Ты хорошая учительница, — заметил он, обращаясь к сказительнице, когда она и ее ученик остановились, переводя дыхание. — Он явно овладел этим приемом.

— К несчастью, этот прием единственный, которым я овладел, — печально сказал Алон, вытирая пот со лба. — Но один лучше, чем ничего, я думаю.

Передав свой меч Киллану, Эйдрис попросила его потренировать своего ученика. Тот согласился и показал себя опытным бойцом. «Вероятно, — подумала Эйдрис, — он равен по силе Джервону, каким тот был до несчастного случая».

Как бы отвечая на мысли девушки об отце и его болезни, в сгущающихся сумерках появилась Дахон,

она протянула сказительнице небольшую шкатулку, запечатанную воском или смолой. Хозяйка долины вложила шкатулку в руки Эйдрис.

— Немного целебной грязи,— сказала она.— До употребления не вскрывай печать.

Эйдрис дрожащими руками взяла шкатулку. Неужели это средство способно излечить Джервона?

— Госпожа,— сказала она прерывающимся голосом,— благодарю тебя... Я так благодарна...

— Это мы у тебя в долгу,— заверила ее Дахон.— Я молюсь, чтобы грязь подействовала. Размажь ее ровным слоем по лбу и голове и дай просохнуть, прежде чем снимать.

— Так и сделаю,— ответила девушка.— Еще раз спасибо, миледи.

Дахон улыбнулась ей.

— Я должна благодарить тебя за предупреждение, которое спасет моего лорда,— сказала она.— Будь уверена, что мы примем меры против Яхне и ее грязных чар. Сила по праву принадлежит только тем, кто пользуется ею ответственно. Не Яхне решать, кто может пользоваться Силой, а кто не может.

Эйдрис серьезно кивнула в знак согласия.

В предрассветной полутьме они покинули долину. Седельные сумки были полны продуктами из кладовых Дахон. Монсо энергично фыркал; казалось, ему не терпится снова пуститься в путь, и уже к середине утра они вернулись к пещере Яхне.

— Помнишь, как она открыла Врата? — спросила Эйдрис, когда они спешились у входа. Стальной Коготь подлетел и опустился на седло жеребца.— Помнишь, что она пела?

— Я слушал внимательно,— ответил Алон, нахмурившись, потом пожал плечами, как будто не был уверен в своей памяти.— Вчера вечером я записал, что запомнил, и изучил свои записи. Можем только

надеяться, что мои усилия не окажутся напрасными. Но пока не попробуем, не узнаем.

Войдя в пещеру, он достал из сумки короткую ветку.

— Бузина,— сказал он, показывая своей спутнице.— Используется для самых темных и могучих заклинаний.

Алон быстро начертил на полу пещеры пентаграмму, примерно такую же, как у Яхне.

— Но ведь ты никого не собираешься вызывать! — возразила Эйдрис.

— Правда, но я должен точно следовать ее ритуалу. Я не знаю, какой именно элемент заклинания открывает Врата,— объяснил Алон.— Она не произнесла заклинание открытия, как я, только последние слова, обращенные к зеркалу. Должно быть, что-то в ее чарах, победивших Динзила, открыло Врата.

Он быстро установил свечи, взятые у Дахон, взмахом руки зажег их.

— А что ты используешь в качестве крови? — спросила девушка.

— Мою собственную кровь.

— Но ведь ты ослабеешь!— возразила она.— Используй мою, Алон.

Он упрямо покачал головой.

— Не могу использовать для своих заклинаний кровь другого живого существа. Если я и воспользуюсь темными заклинаниями, то хочу это сделать чисто... иначе мой дух почернеет, и мне не очиститься.

— Алон, не будь дураком! Тебе нужны силы, чтобы открыть Врата! Используя мою кровь, ты берешь то, что я отдаю добровольно! Это тебя не очернит!

— Нет,— ответил он, и она видела упрямый блеск его глаз.— Я использую собственную кровь и ничью больше.

Эйдрис не стала спорить, она взяла нож, разрезала себе запястье и протянула руку.

— Вот.

Он сердито посмотрел на нее, но она потрясла рукой, и алые капли упали на пол.

— Не трать ее зря.

Больше не споря, он сжал ее запястье и начал негромко напевать, позволив крови очертить круг. Постепенно Эйдрис слабела от потери крови, но подавляла слабость. Однако когда они прошли две трети круга, она споткнулась. В ответ Алон зажал пальцами разрез на ее руке и что-то негромко произнес. Кровотечение замедлилось и прекратилось.

— Перевяжи рану,— приказал он,— потом подготовь Стального Когтя и Монсо. Не разговаривай со мной, пока все не закончится... Мне нужна полная сосредоточенность.— Достав свой кинжал, он глубоко порезал себе запястье и завершил кровавый круг.

Приближаясь к концу, он запел громче... Медленно, неотвратимо свечи начали темнеть. От пения Алона у Эйдрис закружилась голова. Ей хотелось зажать уши, как она это сделала, слушая Яхне. Губы посвященного дрожали, как будто слова, которые он произносил, имели вкус желчи.

Воздух в пещере тоже потемнел, сгустился, в нем появились неопределенные тени. Казалось, в этих тенях бормочут невидимые ужасы, но каждый раз как Эйдрис поворачивалась, чтобы разглядеть, она ничего не видела. И решительно приказала себе ни на что не обращать внимания.

Она быстро проверила крепление седельных сумок Монсо, прикрепила к боку коня под стременами свой посох, потом расстелила на каменном полу плащ.

— Пора, Стальной Коготь,— сказала она соколу, который сидел на луке седла.

С резким криком птица поднялась и села на плащ. Эйдрис взяла его за края, обернула плащом птицу, защищаясь от острых когтей и клюва. Держа на руках спеленутого сокола, она распрямилась и повернулась к Алону. Посвященный, откинув голову,

с лицом в тени, повторял слова, которые она помнила из призыва Яхне.

Этот звук ужасного призыва, исходящий от товарища, заставил ее отшатнуться и прижаться к боку Монсо. Кеплианец закатил глаза, он сильно дрожал.

Медленно, постепенно засветилась пурпуром поверхность зеркала. Врата открылись.

Алон посмотрел на это свое достижение с таким отвращением, что Эйдрис беспокойно вскрикнула. Потом отошел в угол пещеры, и его вырвало. Он словно физически освобождался от грязи, которую принесло заклинание Яхне. Наконец, дрожа, бледный, как свечи (краем глаза Эйдрис заметила, что свечи теперь совершенно черны, как абсолютно белы были раньше), он выпрямился и вытер рот рукавом.

Последний раз плюнул, потом, держась исключительно силой воли, подошел к Монсо и сел верхом. Мрачно протянул руку, взял плащ с соколом и прижал к груди.

— Сможешь сесть сама? — спросил он с виноватой улыбкой. — Сейчас у меня нет сил.

— Конечно, если Монсо не будет лягаться.

— Нет, он не лягнет тебя.

Встав за жеребцом, сказительница потрепала его по крупу.

— Спокойно, парень. — Потом отступила на несколько шагов, подбежала и вскочила на спину кеплианца, заняв привычную позицию за Алоном.

— Очень красиво, — заметил Алон с легкой улыбкой. — Этому я никогда не мог научиться.

— Меня научил Обред, кайогский пастух, — ответила девушка.

— А теперь мы направляемся в Арвон... я надеюсь, — прошептал Алон. — Держись крепче.

И послал кеплианца вперед.

С криком страха жеребец поджался под ними, протестующе изогнул спину. Алон отдал резкий приказ,

сжал ногами бока коня. Жеребец продолжал упираться, он мотал головой и с ужасом фыркал. Эйдрис ощутила резкий запах его пота.

— Вперед! — крикнул Алон и сопроводил этот приказ проклятием, от которого Эйдрис ахнула. Всадник снова сжал бока коня и сильно ударил его по шее.

С неожиданностью, от которой у Эйдрис голову потянуло назад, Монсо устремился во Врата.

Первый проход через Врата был достаточно трудным, но этот превратился в сплошную боль. Их, казалось, окутала глубокая тень, и они повисли в непроницаемой тьме. Эйдрис побоялась, что навсегда ослепла.

Дух ее дрогнул перед ощущением зла, неправильности этих Врат. Раскрыв рот, она безуспешно пыталась закричать, но ни звука не услышала. Как в худшем кошмаре, когда спящий тщетно пытается проснуться. Только она знала, что это не сон.

Долго ли продолжался их переход — минуты, годы, столетия,— она не могла сказать. Но наконец она услышала, как копыта Монсо со стуком ударились о твердую поверхность, и вокруг снова появился реальный мир.

На западе садилось солнце, а ведь в Эскоре сейчас полдень! Эйдрис осмотрелась, заметила разницу в цвете местности и в растительности, увидела очертания далеких год, вдохнула воздух.

— Мы это сделали,— негромко сказала она.— Это Арвон.

— Хорошо,— осунувшийся от истощения и усталости, ответил Алон. Он остановил Монсо, сполз с него, извиняясь за то, что стегнул.

— Прости, сынок,— прошептал он, потом наклонился и положил плащ Эйдрис на землю. Стальной Коготь высвободился, взлетел на ветвь ближайшего дуба, громко протестуя против такого способа передвижения.

Сказительница, у которой затекло все тело, сползла с коня и стояла, дрожа, смотрела, как Алон виновато гладит жеребца. Монсо с негромким ржанием прижался к нему носом.

— Это́ было ужасно, — прошептала Эйдрис, когда овладела голосом. — Я никогда не смогу снова это проделать... никогда!

— Я тоже, — серьезно согласился Алон. Он теперь казался гораздо старше, чем вчера. — Если бы не Яхнс, мы никогда не решились бы на такое отчаянное средство. Когда́ я ее догоню, она за это заплатит.

— А сможем ли мы догнать ее? И если догоним, сумеем ли лишить ужасного заклинания? — спросила Эйдрис, дрожа при воспоминании о Силе волшебницы.

— Не знаю, — мрачно ответил Алон. Глаза его холодно блеснули, и Эйдрис встревожилась. Голос юноши прозвучал как торжественная клятва. — Не беспокойся. Клянусь всеми богами, когда мы ее догоним, она больше ни для кого не будет представлять угрозу!

Эйдрис в ужасе смотрела на него.

— Ты ведь не хочешь... — начала она и увидела, как он мрачно кивнул.

— Конечно, — негромко подтвердил он таким холодным и жестоким голосом, что сказительница невольно попятилась. — Найдя, я убью ее. — Он предупреждающе посмотрел на свою спутницу. — И не пытайся остановить меня, сказительница.

10

Местность вокруг была дикая и пустая, без следов человека. Стальной Коготь поднялся в пурпурное вечернее небо, очевидно, отыскивая место для ночлега. Путники ехали по полям, поросшим жесткой светло-зеленой травой. Не было никаких дорог, кроме звериных троп. Эта часть Арвона казалась необитаемой по сравнению с той, что знала Эйдрис.

— Мы, должно быть, далеко на северо-западе от Кар Гарудина,— сказала она, откидываясь на крупе кеплианца, чтобы разглядеть вечерние звезды и с их помощью определить местонахождение путников.— Мы с отцом никогда не заходили далеко на северо-запад, потому что нам говорили, что там нет людей и поездка туда напрасна.

Не видно было ни ферм, ни деревень, ни далеких огоньков. На путников с любопытством смотрели стада антилоп и оленей, присутствие людей их не пугало.

— Люди не относятся к числу хищников, которые им знакомы,— заметил Алон.— Мы действительно далеко от всяких поселений. Как ты думаешь, далеко ли до Кар Гарудина?

— Четыре дня пути верхом, может, и больше, но это только догадка,— ответила девушка.— Если мои расчеты верны, завтра к вечеру или на следую-

щее утро мы достигнем земли клана Синего Плаща. Там поедем по дорогам и будем двигаться быстрее.

— Может, не стоит сразу ехать в Кар Гарудин. Сначала надо отыскать Яхне, — предложил Алон.

Эйдрис поменяла позу, бессознательно стараясь расслабить уставшие мышцы бедер и ягодиц, и глубоко вздохнула.

— Нет, — сказала она, немного подумав. — Сначала нужно ехать в Кар Гарудин.

— Почему? — спросил Алон. — Яхне представляет угрозу. Чем скорее я улажу с ней дело, тем в большей безопасности будет твой приемный отец.

Эйдрис сдержала дрожь, вспомнив, как именно он собирается «улаживать дело» с Яхне. Но заставила себя скрыть свои чувства и ответила спокойно:

— Потому что если мы доберемся до Кар Гарудина, там поблизости есть Место Силы, и Кероваи сумеет найти в нем убежище. Это место называется Сбор Королей. Насколько я знаю, если Кероваи будет там, призыв Яхне потеряет силу, и она не сможет привлечь его к себе. Он будет в безопасности.

— Если это место большой Силы, тогда верно, — неохотно согласился Алон.

— К тому же, оказавшись в безопасности, Кероваи поможет в нашем поиске Яхне, — добавила сказительница.

— Что за помощь? — скептически спросил посвященный.

— Моя приемная сестра Хиана, вероятно, сможет угадать местоположение волшебницы. Тогда Джойсана и Сильвия вместе с нами поедут к ней. Они Мудрые Женщины, и с ними нужно считаться.

В ответ Алон только нечленораздельно хмыкнул. Эйдрис прикусила губу, попутчик начинал ее беспокоить. Этот мрачный задумчивый человек казался совсем не тем ее спутником, которого она за последние шесть дней привыкла считать другом. «Неужели

только шесть дней? — ошеломленно подумала она. — Кажется, я всегда его знала...»

На ночлег они остановились, только когда стало так темно (луна взойдет много после полуночи), что Монсо и Алон с трудом различали дорогу, а Эйдрис уже давно ничего не видела. Заночевали они на лугу, с трех сторон окруженном лесом. Высокие кусты дикой розы защищали их от резкого северного ветра; аромат цветов, тяжелый и сладкий, наполнил воздух.

К тому времени, как распаковались и накормили кеплианца, путники так устали, что сами не хотели есть. Торопливо проглотили холодную еду, так как Эйдрис посоветовала не разжигать костер.

— Лучше не оповещать о нашем присутствии, — сказала она Алону, разворачивая спальный мешок.

— Почему? — спросил Алон. — Мы никого не видели. В каждой местности есть свои разбойники, но они никогда не заходят так далеко от поселений.

— Не знаю, — негромко ответила девушка. — Но мне кажется, что есть и другие... опасности. Арвон, как и Эскор, опасен для неосторожных. — Она огляделась. — Может, стоит дежурить по очереди.

— Монсо предупредит нас, если кто-нибудь покажется, — заметил Алон. — Если мы хотим завтра покрыть большое расстояние, лучше поспать. — Эйдрис согласилась, зная, что чувства животного гораздо острее, чем у нее.

Но хоть она и устала, хоть под одеялом ей было удобно и тепло, сон не шел к сказительнице, его отгоняли тревожные мысли и вопросы, на которые даст ответы только время. «Излечит ли красная грязь Дахон моего отца? Успеем ли мы вовремя предупредить Керована? Достаточно ли нашего предупреждения, чтобы спасти его, или Яхне все равно сумеет призвать его к себе, где бы он ни был и как бы мы ни старались его защитить?»

И наконец, самый тревожный из всех: «Алон меняется у меня на глазах. Он подозрителен и замкнут... он перестал быть самим собой. Почему? И что гораздо важнее: как мне остановить то, что происходит?»

Наконец веки ее отяжелели. Со вздохом Эйдрис сомкнула их...

Проснулась она от резкого фырканья Монсо. Казалось, спала она одно мгновение, но убывающая луна уже встала, залив луг бледным светом. Эйдрис лежала в одеялах, напрягая все чувства. Монсо снова фыркнул. Прошлогодняя трава и кусты зашуршали под его беспокойной поступью.

Сказительница медленно повернула голову на руке. Она делала вид, что по-прежнему спит, но глаза ее были открыты, она разглядывала отдаленный лес, окружающие поля. В темноте ничего не двигалось. Ничего... много ударов сердца ничего...

Но вот что-то мелькнуло на краю зрения. Встревожившись по-настоящему, Эйдрис села, напрягая глаза в неярком лунном свете. К лагерю приближалось множество слабо светящихся фигур. Их переносил ночной ветер. Сказительница тронула спутника за плечо.

— Алон! — прошептала она.

Он, вздрогнув, проснулся и сел.

— Что... что случилось?

— Вставай! Опасность!

Он потер глаза, еще не проснувшись окончательно, а Эйдрис тем временем отбросила одеяло, натянула сапоги и взяла лежавший рядом посох. Одним быстрым движением в руках ее оказался клинок. Она стояла наготове.

Снова попыталась разглядеть неярко светящиеся плывущие очертания. На фоне черного леса они казались болезненно-зеленоватыми, сквозь зелень просвечивали полосы бледного пурпура. Эйдрис приходилось видеть наросты на стенах пещер, они светятся так же. Но что это за летающие существа?

Монсо неожиданно издал резкий боевой крик, оскалил зубы, он готов был ударить передними копытами. Ноздри кеплианца широко раздувались. Он снова фыркнул, как будто ощутил какой-то ядовитый запах. Эйдрис торопливо застегнула повод на недоуздке жеребца и привязала его к соседнему дереву.

К этому веремени Алон был уже на ногах, обулся и держал наготове меч. На мгновение его плечо коснулось плеча девушки; Эйдрис захотелось прижаться к нему, взять его за руку. Ей хотелось получить поддержку при виде этих странных существ, которые все приближались, покачиваясь.

— Что это? — прошептал Алон.

Эйдрис указала на слабо светящиеся, подгоняемые ветром формы.

— Смотри туда. Пять... шесть... десять... не менее дюжины, а может, больше.

— Дюжина чего? — спросил он.

Она пожала плечами, зная, что Алон отчетливо видит ее в лунном свете, хотя девушка на месте его лица видела только бледное пятно.

— Не знаю точно... но мне кажется, это Летящие на паутине.

Он недоверчиво взглянул на нее.

— Но это только сказка... легенда! Я объездил весь Эскор и никогда их не встречал. Только в рассказах, которыми по вечерам у огня пугают детей.

— В Арвоне, как и в Эскоре, многие старинные сказки оказались реальностью,— напомнила ему Эйдрис.— И если это действительно Летящие на паутине... мы можем не дожить до утра, Алон.

В этот момент сказительница уловила слабый запах и поморщилась. Острое зловоние, как будто их гости давно умерли и разложились.

— Их запах говорит мне, что они пришли не с Правой, а с Левой Тропы.

Алон тоже принюхался. Эйдрис видела, как он начертил в воздухе какой-то светящийся знак. Со сдавленным проклятием отдернул руку, словно обожженный.

— Ты права. Несомненно, они опасны.

— Может быть, их послала Яхне?

— Возможно. Возможно также, что они обитатели этой земли. Наверно, поэтому здесь никто больше не живет.

Эта мысли заставила Эйдрис содрогнуться. Она видела, что плывущие фигуры приближаются.

— Ты хорошо их видишь? — шепотом спросила она Алона.

— Какие-то зеленовато-белые существа, плывущие в пурпурных нитях,— еле слышно ответил он.— Примерно в две ладони шириной со множеством многосуставчатых лап...

— Как пауки?

— Скорее, как помесь паука с крабом. Они кажутся полупрозрачными и легкими, как их паутина. Плетут свою паутину, потом садятся на нее, и ночной ветер их переносит.— Он, в свою очередь, содрогнулся.— У них есть клыки и клешни или когти. Я думаю, они ядовитые, как пауки.

— Ты описал Летящих на паутине,— мрачно сказала Эйдрис.

— Знаю.

Девушка осмотрелась, думая, смогут ли они здесь защититься, или лучше попытаться уйти. Дыхание застыло в ее горле, она с силой сжала руку Алона.

— Их больше... гораздо больше...— прошептала она.— Мы окружены!

Зловещие существа приближались, и теперь Эйдрис тоже могла их разглядеть. Их крошечные глазки казались в лунном свете красными точками. С клешней и челюстей капал яд. Может быть, они разумны?

Узнать невозможно. Но одно ясно: в темноте у них большое преимущество.

— Ты можешь призвать свет? — спросила девушка у Алона. — Достаточно, чтобы я могла видеть свой меч?

— Могу,— ответил он и сделал несколько жестов. Над утоптанной травой их лагеря вспыхнул тусклый фиолетовый свет. — Но мне кажется, что меч не лучшее оружие против них.

— А что тогда? — спросила она, передвигаясь так, что они встали спина к спине. Теперь Летящие на паутине были так близко, что передовые оказались на расстоянии удара мечом от границ лагеря. Казалось, эти существа полностью во власти ветра и не могут сами управлять движением своих плывущих сетей. «Единственное наше преимущество»,— подумала Эйдрис.

— Может быть, я смогу... — начал Алон и тут же замолчал: Монсо снова крикнул и бросился к приближающимся существам. Его повод с треском лопнул.

— Нет, Монсо! — крикнул Алон и бросился к жеребцу, пытаясь схватить его за недоуздок. Но кеплианец встал на дыбы и рывком головы сбросил своего хозяина на землю. Эйдрис услышала тяжелый звук его падения, услышала, как он тяжело дышит.

Сказительница устремилась за черным полукровкой, который с боевым ржанием несся к Летящим на паутине. Его передняя нога сбила одного Летящего. Монсо набросился на него, как кошка, и растоптал.

В этот момент Эйдрис сумела схватить недоуздок и остановить жеребца. Она удивилась его неожиданной покорности, но ей тут же стала ясна причина. Сделав шаг вперед, жеребец едва не упал, его передняя нога подогнулась. Сказительница посмотрела на нее, но свет был слишком слабый, и она ничего не увидела. Наклонившись, она провела опыт-

ной рукой по стройной мускулистой ноге и обнаружила, что над коленом быстро растет опухоль.

— Алон! — воскликнула она. — Его ужалили или укусили!

Посвященный уже неуверенно шел к ним. Опустился на землю рядом с кеплианцем.

— Надо немедленно сделать припарку, чтобы удалить яд, — выдохнула Эйдрис. — У меня травы и бинты в моей...

Алон покачал головой, заставив ее замолчать.

— Постарайся ненадолго удержать их, — приказал он.

Эйдрис распрямилась, держа меч наготове. Теперь Летящие на паутине окружили их, но ни один не пересекал границу сияния, которое зажег Алон. Одним глазом сказительница поглядывала на них, одновременно наблюдая и за спутником. Алон держал ногу Монсо обеими руками и что-то негромко говорил. Из-под его пальцев показался фиолетовый свет.

Уловив движение краем глаза, сказительница повернулась, заняв оборонительную позицию. И едва успела увернуться от светящейся фигуры, которая плыла к ее голове. На таком близком расстоянии Летящий на паутине больше напоминал краба, чем паука, его клешни злобно щелкали совсем близко от глаз девушки.

Она с отвращением ударила снизу вверх, разрубив существо надвое. Оно резко крикнуло, и от этого крика заболели уши. Эйдрис отскочила от умирающего существа, а из него брызнула светящаяся зеленоватая жидкость, и несколько капель попали ей на руку.

Когда «кровь» Летящего на паутине обожгла руку, Эйдрис закричала от боли. Ей показалось, что руку погрузили в жидкое пламя. Прикусив губу, она схватила одеяло и вытерла ядовитую слизь с кожи, но рука продолжала отчаянно болеть; от боли у девушки потемнело в глазах.

С трудом глотнув, она заставила себя согнуть пальцы, поднять выпавший меч. Может, оказала свое действие кванская сталь в рукояти, потому что боль слегка ослабла, хотя Эйдрис по-прежнему стонала, когда нужно было пошевелить пальцами.

Теперь Летящие на паутине приближались со всех сторон. Эйдрис закутала одеялом левую руку и с помощью этого импровизированного щита пыталась их отогнать.

Правой рукой она искусно работала мечом, пытаясь одновременно оказаться всюду. Но тут же поняла, что ее усилия спасут ненадолго: рано или поздно на нее нападут сзади, ужалят или укусят.

Довольно долго девушке удавалось сдерживать нападающих; она действовала с проворством и точностью, каких никогда не использовала в схватках с противниками-людьми. Неожиданно она почувствовала, как сзади что-то едва не задело ее волосы.

Подавив крик, она повернулась и увидела за собой Алона. Он рукой собирался ударить ее по голове. Эйдрис увернулась, думая, что он сошел с ума, но он со сдавленным проклятием схватил ее за плечо, удержал и голой рукой сбил с ее головы Летящего на паутине. Эйдрис отшатнулась, а Алон ее посохом прижал существо к земле. И тут же ударил окованным сталью концом в спину. Летящий на паутине содрогнулся и умер.

— Надо уходить! — крикнула сказительница, указывая на восток. — В лес, там ветер не сможет их нести! Как Монсо? Он может двигаться?

— Я выдавил яд, — с трудом ответил Алон, — но ему нужно... — Он замолчал, отбивая новое нападение.

— Можем мы уйти?

— Не нужно, — мрачно ответил он. — Сдерживай их, пока я не достану свою ветку...

Он быстро перевернул седельную сумку, высыпал ее содержимое и схватил ветку бузины. Вытянув ее перед собой, начал напевать, потом провел

пальцами свободной руки по воздуху, как будто расчесывал его или собирал что-то невидимое. Ветер усилился, бросил волосы в глаза Эйдрис, трепал широкий рукав платья.

Продолжая одной рукой делать эти движения сбора, Алон начал вертеть в воздухе веткой. Ветер стал еще сильнее, теперь он дул так сильно, что Эйдрис пошатнулась и напрягла все силы. Что-то длинное и тонкое коснулось ее лица, обожгло глаза, и на мгновение она с ужасом подумала, что на нее напал один из Летящих на паутине, но оказалось, это хвост Монсо. Эйдрис отвела его в сторону, поняв, что неожиданный порыв — дело рук Алона. Мигая, она поискала глазами Летящих на паутине.

Первый сильный порыв унес ядовитые существа от добычи. Эйдрис облегченно вздохнула и опустила меч, разогнула пальцы, взяв меч в левую руку.

Сказительница продолжала зачарованно наблюдать. Алон концом ветки принялся делать круговые движения, словно размешивая суп. Ветер начал кружить сбившихся в кучу Летящих на паутине, бросая их друг на друга. Каждое существо оказалось захвачено маленьким смерчем и не могло вырваться. Вскоре нападающие напоминали небольшой, болезненно-зеленый циклон.

— Хорошо! — Эйдрис перекрикивала ветер.— Долго ли ты сможешь их так держать? — Она думала, сможет ли сбить их на землю, пока они беспомощны. Кажется, на них действует холодное железо... но боль в руке предупреждала против применения меча на близком расстоянии.

«Если бы мы смогли уйти достаточно далеко, пока у него есть сила, мы спрятались бы в лесу, под защитой деревьев, и этой ночью они бы нам больше не угрожали»,— подумала она. Потом вспомнила, что у кеплианца ранена нога. Монсо не сможет их нести, придется уходить пешком.

— У меня другие планы относительно этих паразитов, — ответил Алон холодным голосом, в котором звучал сдержанный гнев. Говоря это, он закрыл глаза и сосредоточился. Пот выступил у него на лбу. Смерч с его светящимися обитателями стал еще ярче...

...и вдруг, без всякого предупреждения, вспыхнул!

Хотя она сама обдумывала, как убить эти существа, Эйдрис едва сдержала протестующий крик. Убить их — да, но сжечь живьем!..

Несколько мгновений существа бились в пожирающем их огненном аду, пронзительно крича высокими голосами. И вот, когда сказительница решила, что больше не вынесет и убежит с криком в ночь, наступила тишина. От нападающих не осталось ничего, кроме плывущего в воздухе пепла.

Эйдрис стиснула зубы: снова заболела рука, но не от боли у нее переворачивались внутренности. В тусклом лунном свете она увидела лицо Алона.

Посвященный улыбался.

До рассвета путники занимались своими ранами (у Алона на подбородке, куда попал яд, образовался рубец). Смазав ожоги и перевязав друг друга, они занялись кеплианцем. На ноге жеребца теперь виднелась только небольшая припухлость, но Алон постарался вытянуть оставшийся яд.

Пока опухоль не спадет, кеплианец не сможет их нести, но Алон решил, что можно оставить на нем сумки.

Наконец, завершив все дела, Эйдрис села на спальный мешок и с безжизненным равнодушием посмотрела на жемчужное небо. Она знала, что нужно встать и идти, но тело просило отдыха. Ей казалось, что даже если бы она пешком без остановок прошла от Эскора до Арвона, она бы не так устала.

— Мы должны идти, — сказала она Алону, который сидел рядом с ней, в изнеможении опустив голову.

Он поднял голову и потемневшими глазами посмотрел на нее.

— Монсо нужно несколько часов, чтобы оправиться от действия яда. Да и мы не можем идти без отдыха. Спи, Эйдрис. Я намерен поспать.

Чувствуя себя предательницей («Что, если как раз сейчас Яхне приближается к Керовану»?), Эйдрис тем не менее поняла, что ее спутник прав. Кивнула, упала на одеяла, натянула на лицо край плаща и больше ничего не чувствовала.

Поздним утром ее разбудило прикосновение Алона. Со стоном она перевернулась и села. «Ванна, — с тоской подумала она. — Если бы здесь были бассейны Дахон!» Она поморщилась, уловив запах еды. На небольшом, почти бездымном, костре кипел котелок.

— Вот, — Алон протянул ей миску с густой, приправленной сухими фруктами горячей похлебкой. — Попробуй. Тебе нужно поесть.

— Не могу... — возразила она, чувствуя, как выворачивается желудок. — Кажется, я больше никогда не смогу есть.

Он спокойно посмотрел на нее.

— Пища поможет твоему телу преодолеть действие яда. Если не поешь, будешь слишком слаба, чтобы идти. Помни, Монсо сегодня понесет только наши тюки. — Миска снова приблизилась к ней. — Попробуй... пожалуйста.

Она с сомнением взяла миску, осторожно глотнула. Но как только сделала первый глоток, жжение в желудке прекратилось. Мир вокруг приобрел устойчивость, прояснился, в тело возвращалась сила.

И когда нужно было выступать, девушка смогла встать и идти без посторонней помощи. Подлетел Стальной Коготь и сел на ветку. Сокол возбужденно закричал, забил крыльями. Алон остановился и внимательно посмотрел на него.

— Что он хочет тебе сказать? — спросила Эйдрис, когда юноша пошел дальше.

— Точно не знаю,— ответил посвященный.— Контакт между нами очень непрочен. Но он как будто считает, что его поиск подходит к концу. Он чувствует, что вскоре присоединится к своему хозяину.

Эйдрис через плечо оглянулась на птицу и увидела, как та поднимается в небо.

— Бедный Стальной Коготь...

Выражение лица Алона было мрачным.

— Мы не можем ему помочь. Лучше поможем себе и тем, кто от нас зависит.

Оставшуюся часть утра они шли, стараясь поддерживать равномерный быстрый ход, в полдень, не останавливаясь, пожевали хлеба и пошли дальше. Эйдрис с тоской вспоминала, как стремительно нес их кеплианец. Все мышцы ее тела болели.

Алон снова стал мрачен и задумчив, и, когда девушка встречалась с ним взглядом, его взгляд ей не нравился. Она видела, что мысли у него невеселые. Что-то усиливалось в нем, какая-то Тьма поглощала его дух, и сказительница боялась за него.

В начале вечера они поднялись по длинному пологому склону холма и остановились на вершине, чтобы передохнуть и осмотреть окрестности. Перед ними склон холма спускался в ущелье, усеянное камнями, заполненное слабой дымкой, несмотря на то, что над головой еще стояло солнце. Ущелье уходило в оба направления, насколько могла видеть сказительница.

— Наша дорога проходит прямо через это ущелье,— сказала она, с сомнением разглядывая его.— Но мне оно не нравится.

— Кар Гарудин в том направлении? — спросил он, показывая.

— Да. Но местность кажется труднопроходимой. Может, нам повернуть назад и поискать обход?

— На это потребуется много часов ходьбы,— справедливо заметил Алон.— Ущелье не больше полумили шириной. Если пойдем меж камней медленно, опасности не будет.

Ведя Монсо, он начал спускаться. Эйдрис пошла следом, но ее все больше отталкивало это странное узкое ущелье. Она все время хотела крикнуть Алону, что не нужно идти дальше, но заставляла себя молчать, вспомнив, какое срочное у них дело.

«Нужно всего полчаса, чтобы пересечь его,— подумала она, разглядывая местность впереди и пытаясь утешиться этой мыслью.— Алон прав, поиски обхода задержат нас на полдня или дольше...»

Впереди нее Алон миновал участок, заросший травой, и вступил на голую землю. Он помахал рукой.

— Тут прочно. Иди вперед!

Сказительница заставила себя переступить через границу. Сделала несколько шагов и ахнула: участок почвы, который казался абсолютно устойчивым, вдруг перевернулся и обхватил ее лодыжку. Она спаслась, только быстро пустив в ход посох. Прыгнула вперед и почувствовала, как еще один участок у нее под ногами переворачивается.

— Алон! — крикнула она.— Подожди!

Он споткнулся, едва не упал, но уцепился за гриву Монсо и посмотрел. На лице его отразилось выражение недоверия и растущей тревоги. Эйдрис заковыляла к нему; потом, в свою очередь, принялась разглядывать окружающую местность.

Зеленые склоны холма растаяли. Перед ними — и за ними — в бесконечность уходило усеянное камнями ущелье. Солнце над головой исчезло, горящее небо медного цвета заставляло всю землю мерцать от жары. Живой растительности не было. Торчали мертвые стволы деревьев, стояли высохшие кусты призрачного серого цвета. По потрескавшейся обожженной почве тянулись и сворачивались темные стебли

вьющихся растений. Они не живые, в них ни следа зелени, и скорее они похожи на давно погибших змей.

И тут под ногами путников почва задрожала, оба вскрикнули и вцепились в Монсо, который поднял голову и в ужасе заржал. В земле открылась длинная трещина. Но вот дрожь прекратилась, и под ногами снова была устойчивая поверхность.

— Алон...— Слова замерли на устах Эйдрис. Она могла только молча стоять, понимая, что страх ее написан на лице.

Он кивнул, плечи его тяжело поникли.

— Я был дураком. Если бы не так устал, почувствовал бы...— Рот его мрачно сжался.— Все это место... заколдовано. Это дело Яхне. Ее ловушка. И я привел нас прямо в нее.

11

— Но где же мы? — спросила Эйдрис, заставляя себя говорить спокойно. Ей хотелось закричать на Алона, проклинать его за то, что он привел их в эту ловушку, но что хорошего это даст? С усилием, от которого заныли мышцы челюсти, она сдержалась.

— Точно не знаю,— негромко ответил он, и горечь в его голосе подсказала девушке, что он сам проклинает себя еще более сильно, чем она.

— Как ты думаешь, мы по-прежнему в Арвоне? — Она осмотрелась, но увидела только причудливо освещенное небо и странный ландшафт, уходящий во всех направлениях без видимого горизонта. В ней поднялся страх.— Или мы прошли через какие-то Врата, когда ступили на эту проклятую землю?

— Не думаю,— ответил он, с отсутствующим видом поглаживая талисман, который повесила ему на шею Дахон, как будто это прикосновение помогало ему рассуждать.— Я считаю, что мы по-прежнему в том загадочном ущелье, в которое спустились несколько минут назад.

— Но как это возможно? Здесь нет солнца... и нет горизонта. Мы не видим склоны холмов, которые нас окружали.

— Знаю. То, что мы видим, это иллюзия,— ответил он.— Многие иллюзии я могу рассеять, призвав ис-

тинное зрение.— Он показал на неровный камень у них на пути. Призрачная серая лиана с цветами песочного цвета обвивала его, как гадюка.— Вот это, например. На самом деле это не камень, а зияющая расселина в земле, полуприкрытая сухими растениями.

Эйдрис посмотрела на камень. Если бы она продолжала идти, то упала бы через край. Она облизала пересохшие губы.

— Иллюзия... А ты не можешь снять это заклинание, Алон?

Он тяжело вздохнул и устало прислонился к плечу кеплианца.

— Не могу.— Это признание далось ему нелегко.— Волшебство Яхне слишком сильно.

Девушка от удивления широко раскрыла глаза. Она не ожидала, что он признает поражение, даже не попробовав сопротивляться.

— Откуда ты знаешь, если не пробовал?

Черное отчаяние отразилось на его лице.

— Знаю,— спокойно, но настойчиво повторил он.— Для меня это слишком сильно.

Сказительница раскрыла рот, собираясь спорить дальше, но промолчала и только вздохнула. «Заклинание не только в иллюзии,— поняла она.— Оно и в безнадежности». Она чувствовала и на себе действие чар... они подрывали ее волю и решимость, как расти, грызущий дно закрома.

«Без веры Сила ничто,— подумала девушка, вспоминая сведения о магии, которые усвоила от матери и Джойсаны. Если Алон не поверит, что сможет преодолеть заклинания волшебницы, у него ничего не получится».

— Что же нам делать? — спросила она, пытаясь не показать свой страх.

— Нужно пересечь ущелье,— ответил он.— Яхне не могла заколдовать весь Арвон. Если, вопреки иллюзии, мы найдем дорогу, выйдем к реальнос-

ти... Но будет нелегко. — Он покачал головой, было ясно, что он не уверен в успехе. — Здесь неосторожных поджидают ловушки внутри ловушек. Один неверный шаг, и мы погибнем.

— Но ведь ты видишь сквозь иллюзию, Алон? — спросила Эйдрис. Страх, который она ощутила, оказавшись в этом месте, все усиливался. Что, если они навсегда здесь застряли и не смогут спастись?

— Да, сквозь самые простые, несложные. Но Яхне сейчас очень сильна. — Он мрачно сжал рот. — Простые иллюзии уничтожить легко, но то, что нас сейчас окружает, совсем не простая иллюзия... Она многослойная, подробная. Иллюзия внутри иллюзии.

— Понимаю, — прошептала девушка. Краем глаза уловив движение, она повернулась, но, как и раньше, все было неподвижно... неподвижно, как смерть. И все же сказительница не могла избавиться от убеждения, что где-то рядом, на краю поля зрения, кто-то подсматривает за ними, перебегая от одного укрытия к другому. Откуда-то послышался слабый вой, порыв горячего воздуха коснулся щеки.

«Призрак ветра»? — подумала она, поднимая увлажненный палец. Словно прочитав ее мысль, Алон кивнул.

— Иллюзия, — сказал он. — Заклинание не просто сложное, оно затрагивает не одно зрение. Мы не только видим, но слышим и чувствуем.

Эйдрис с детства знала только простые иллюзии, которыми иногда развлекала ее Элис. И поэтому девушка была застигнута врасплох. Она знала, что иллюзия рассеивается при прикосновении. Если проверить реальность иллюзии, прикоснувшись к ней рукой, она рассеивается. Сказительница содрогнулась.

— Нам действительно нужно быть осторожными.

Алон задумчиво кивнул и огляделся.

— Еще одно, — тяжело добавил он. — Инстинкт подсказывает мне, что это заклинание изменило даже течение времени... или наше восприятие времени.

— Как это?

— Время тянется медленней. Пересечение ущелья продлится долго — если мы его вообще пересечем... — Рот его дернулся. — Но сколько бы это ни продолжалось, нам покажется еще дольше.

— Но... — Эйдрис прижала пальцы к левой стороне груди, чувствуя ровное биение сердца. — Но мое сердце бьется, я дышу... я не чувствую никакой разницы!

— Ты не изменилась, госпожа, физически не изменилась. Иллюзии действуют на сознание, хотя их воздействие кажется совершенно реальным. — Алон посмотрел на опустошенную голую землю. — Где-то тут настоящая дорога, замаскированная иллюзией, и мы должны ее поискать.

— И найти ее будет нелегко, — закончила за него Эйдрис.

Он кивнул.

— Но ты можешь ее найти... — настойчиво продолжала она, ища уверенности на его мрачном лице — и не находя ее. — У тебя есть истинное зрение!

— Да, — согласился он. — Но постоянное пользование истинным зрением утомляет... это труднее, чем сражаться с десятком солдат. Надеюсь, оно не откажет мне совершенно.

— Я сделаю все, что могу, чтобы помочь тебе, — пообещала Эйдрис. — И лучше пойти, пока не началось новое землетрясение. — Она отвернулась, потом искоса взглянула на него. — Или землетрясение тоже иллюзия?

— То, которое мы испытали, было совершенно реально, — ровно ответил Алон. — И если мы упадем в одну из открывшихся щелей... нас ждет смерть. — Только глаза выдали его истинные чувства — страх, такой же, как у нее.

Эйдрис глотнула, решительно подавив ужас, который стремился овладеть ею, заставить с криком бежать сломя голову.

— Понимаю. Так... в какую сторону? Солнце нам не помогает, и все направления кажутся одинаковыми.

— Сюда. — Алон показал на промежуток между двумя высокими красноватыми шпилями. — Иди за мной и не ступай в сторону.

Он передал ей повод Монсо и повернулся, собираясь идти. Неожиданно остановился.

— Можно мне взять твой посох? Кванская сталь в голове грифона может предупредить от неверного шага.

Она молча протянула ему посох. Алон перевернул его, так что голова грифона нацелилась вниз. И пошел.

Эйдрис следовала за ним, не поднимая взгляда от земли, ступала на те же места, что и он. Монсо она держала на коротком поводу, заставляя кеплианца идти рядом. К счастью, рана мешала жеребцу делать его обычные длинные шаги.

Но даже крайняя осторожность не спасала от ошибок. Поверхность была усеяна камнями, которые, казалось, сами пододвигаются ей под ноги, чтобы она споткнулась и упала. Еще одним препятствием оказалась серая мертвая растительность, она цеплялась за ноги, замедляла движение, как ни старалась девушка ее избежать. Несколько раз Эйдрис едва не упала. Однажды только повод Монсо спас ее от падения с крутого утеса.

Скоро сказительница начала пошатываться, она морщилась при каждом шаге. Глаза болели от горячего медного сияния сверху, но девушка мигала только тогда, когда боль становилась невыносимой: она боялась, что если хоть на мгновение закроет их, потреряет верную тропу.

Даже со своим истинным зрением Алон справлялся не намного лучше. Его сапоги предназначались для верховой езды, а не для долгой ходьбы пешком. Даже и без иллюзии это помешало бы ему. Скоро он захромал.

Молодой посвященный делал несколько неуверенных шагов, потом останавливался и разглядывал неровную обожженную местность впереди, посохом ощупывал землю под ногами.

Несколько раз он негромко говорил что-то, протягивал руку, и Эйдрис видела, как с его пальцев срывается фиолетовое свечение, собирается в тонкий луч и устремляется вперед, прокладывая дорогу, но исчезает в десяти-пятнадцати футах. «Если он сможет и дальше так обозначать истинную тропу, мы выйдем из этого лабиринта», — с облегчением подумала она.

Но скоро поняла, что использование силы для поиска дороги опасно ослабляет ее спутника. Каждый раз, как он призывал свечение, круги вокруг его глаз становились темнее, рот западал, кожа на щеках натягивалась, и вскоре перед ней была только тень человека, которого знала Эйдрис. Пот проделал дорожки в пыли, покрывавшей его лицо; тонкая рубашка промокла и прилипла к телу.

Сказительница подавила чувство жалости, холодно напомнив себе, что именно он завел их в это опасное место. Краем сознания она поражалась собственной черствости, но с гневом заставляла себя ожесточиться, чтобы продолжать переставлять одну ногу за другой, все снова и снова, бесконечно.

Они двигались медленно, и постоянные остановки, когда Алон отыскивал верную дорогу, их еще более замедляли. Над головой медное небо не менялось; жар давил на них, как плотное одеяло. Жажда вскоре превратилась в пытку.

У путников было три фляжки с водой; этого вряд ли достаточно для дня пути, учитывая, что Монсо тоже нуждается в воде. Но в заколдованной земле Яхне вода встречалась только в грязных пенных лужах с таким отвратительным запахом, что ни одно живое существо не решилось бы пить из них. Иногда попадались ключи, бьющие из глубины земли, испуская обжигающие пары серы.

Наконец, после перехода, длительность которого измерялась только возрастающей жаждой и болью в ногах, Алон остановился.

— Немного отдохнем... — прохрипел он. — Воды...

Колени его медленно подогнулись, он опустился на землю и сидел неподвижно, опустив плечи, повесив голову от усталости.

Сказительница тоже остановилась, достала сумку с продуктами и воду. Протянула фляжку Алону. Тот смотрел на нее покрасневшими и помутившимся от усталости глазами, словно не видя.

— Возьми, — сказала она, вытаскивая пробку. — Вода. Попей, Алон.

Уловив запах воды, кеплианец негромко заржал, раздувая ноздри. Посвященный поглядел на фляжку, глубоко вздохнул, и глаза его приобрели осмысленное выражение. Он покачал головой и вернул воду Эйдрис с попыткой сделать широкий вежливый жест.

— Сначала ты, леди, — произнес он хриплым, еле слышным шепотом.

Не в силах спорить, она послушалась, почувствовала, как теплая вода течет по горлу, как вкуснейшее вино со стола высокого лорда. Проведя языком по потрескавшимся губам, чтобы поймать последние капли, Эйдрис снова протянула фляжку спутнику.

Но Алон по-прежнему отказывался пить.

— Эй, парень.. — сказал он, подтаскивая кеплианца за повод, так что тот остановился прямо над ним. — Ты тоже хочешь пить...

Алон взял свою кожаную куртку и расстелил на коленях, так что образовалось углубление. Потом осторожно вылил половину фляжки в это импровизированное корыто. Монсо с шумом принялся пить. И только когда жеребец слизал последние остатки жидкости, Алон поднес фляжку к губам и немного попил.

Посвященный вылил последние капли из опустевшей фляжки жеребцу. Потом покормил его хлебом. Явно заставляя себя, и сам проглотил несколько кусочков, стараясь широко не раскрывать потрескавшийся окровавленный рот. Мрачно жевал и глотал. Но когда протянул кусок сказительнице, она покачала головой.

— Не могу. Хлеб такой сухой.

— Ну, тогда немного фруктов, — сказал он, увидев пакет, который дала им Дахон. — Тебе понадобятся силы, Эйдрис.

Слишком уставшая, чтобы спорить, она пожевала сладкий плод. Это не улучшило ее настроение, но силы постепенно возвращались в измученное тело.

С тупым удивлением она смотрела, как Алон открыл вторую фляжку и щедро налил воды коню. Когда Эйдрис сделала легкое протестующее движение, он покачал головой.

— Мне приходилось бывать в таком положении, госпожа. Слишком суровое ограничение принесет больше вреда, чем добра. Лучше попить сейчас, используя оставшиеся силы, чем беречь воду, пока она нам вообще не понадобится.

Вспомнив, что отец как-то говорил ей что-то подобное, сказительница кивнула, взяла вторую фляжку и отпила. По ее настоянию он тоже сделал несколько небольших глотков, потом тщательно заткнул пробку.

— Далеко ли мы прошли? — прошептала девушка, стараясь без необходимости не двигать пересохшими губами. — Сколько еще до конца этого места?

Алон мрачно пожал плечами.

— Мы прошли дальше, чем Яхне считала возможным, — ответил он. — В этом я уверен. Путь проходит через этот холм. — Он указал. Эйдрис видела, что его рука дрожит, несмотря на усилия юноши сдержать дрожь.

— Какой холм? — прошептала она.

— Ты его не видишь?

— Конечно, нет. — Прежний гнев заставил ее голос прозвучать резко. — Вижу только заросли сухих кустов, переплетенных колючими лианами. Они так сплетены, словно это гобелен на стене большого зала крепости.

Алон задумчиво посмотрел на нее.

— Заросли — иллюзия.

— Поверю тебе на слово. — Голос ее по-прежнему звучал резко, хотя Эйдрис сама не понимала, что ее раздражает. Может, заклинания волшебницы заставляют ее испытывать раздражение и беспомощность? Или гнев на Алона, который завел ее в ловушку Яхне? Она не знала. Под его внимательным оценивающим взглядом она вызывающе сжала рот и отвернулась, разглядывая растительность, которая, как утверждает Алон, вообще не существует.

— А мы почувствуем эти колючки? — шепотом спросила она, со страхом глядя на острые шипы. — Или иллюзия действует только на зрение?

— Боюсь, она более ощутима, — ответил посвященный. — Монсо я могу завязать глаза, но ты... — Он покачал головой.

— Если попытаюсь пройти, меня освежуют живьем... — пробормотала она, глядя на злые острия. — Может, если мне тоже закрыть глаза... — Она вопросительно посмотрела на спутника.

Он снова мрачно покачал головой.

— Для тебя иллюзия — это реальность. Видишь ты ее или нет — безразлично. Пока в твоем сознании ложь принимается за реальность, ты почувствуешь результаты.

— А обойти нельзя? — Она посмотрела в обе стороны.

— Вряд ли. Там... — он указал влево от зарослей, — большие камни, они лежат так тесно друг к

другу, что даже собака не проберется между ними, не говоря уже о Монсо. А там... — он показал направо, — один из парящих омутов. Разве ты не чувствуешь его вонь?

Ноздри Эйдрис дернулись, она поморщилась. До нее определенно доносились ядовитые пары, подтверждающие справедливость его оценки.

— Значит, это единственный путь? — сознание ее боролось с паникой. Может, если завернуть лицо и руки в обрывки одеял и идти очень медленно, она избежит серьезных ран...

— Это единственный правильный путь, — подтвердил он. — Смотри сама. — Встав, он что-то прошептал, потом поднял обе руки. Пурпурный свет медленно окутал его пальцы, с болезненной медлительностью капал на землю, собрался там и образовал светящуюся стрелу, такую же, какие она видела раньше. Стрела двинулась вперед, к центру зарослей, обозначая дорогу. Но на этот раз свет быстро погас, рассеялся, едва Эйдрис успела его увидеть. Алон пошатнулся, ахнул и оперся о плечо Монсо.

— Указатель... — пробормотал он. — Ты его видела?

— Да, я видела, куда он показывает. Наверно, мне просто придется идти медленно.

Алон покачал головой, прикусил нижнюю губу и распрямился.

— Нет, — сказал он. — Это не подействует.

— Но я не могу...

— Можешь! — он посмотрел на нее гневно, как никогда раньше. — У меня нет ни времени, ни сил, чтобы позволить тебе цепляться за собственные успокаивающие иллюзии, госпожа. Ты должна увидеть реальность сама.

Она, не понимая, смотрела на него.

— Но я не владею Силой! Ты это знаешь! — возразила она наконец резким голосом.

— Я знаю, что ты веришь, будто не обладаешь Силой,— ответил он.— И знаю, что именно эта вера удерживает тебя.

— А тебя не удерживает вера в то, что заклинание Яхне слишком сильно для тебя? — холодно спросила она.— До сих пор я не считала тебя трусом, Алон. Как ты смеешь сначала завести нас в ловушку, а потом обвинить меня в отсутствии способностей, которых у меня никогда не было? — Резкость собственного обвинения заставила его поморщиться, как будто она его ударила.

Рот его застыл, плечи, только что сгорбленные, распрямились.

— Ты обладаешь «даром», как ты это называешь, Эйдрис. Я знаю это с первой нашей встречи. Но я видел также, что ты боишься правды, и потому позволил тебе держаться за свою ошибочную веру. Но теперь ты должна посмотреть в лицо правде.

— Не говори глупости,— рявкнула Эйдрис.— Жара повредила твой рассудок!

— Нет, это не так. Только твое неверие мешает тебе разглядеть реальность за этой иллюзией. Только отсутствие веры в твою собственную Силу держит нас в плену. Как ты думаешь, почему волшебница из Эсткарпа преследовала нас так упорно? От страха ты не позволила себе увидеть правду, но теперь пора это сделать — использовать твою Силу!

— Нет! — Эйдрис подавилась от ярости.— Ты лжешь!

Ослепнув от гнева, она вскочила и набросилась на него, била, пинала, но он избегал ее ударов и, в свою очередь, схватил ее за плечи. Повернул, продолжая крепко держать. Руки, которые могли сдержать Монсо, сжали ее плечи так, что она не могла вырваться, не могла сопротивляться. Эйдрис ахнула от боли.

— Смотри! — приказал он. Он приблизил рот к ее уху, и она слышала его, хотя теперь он не говорил,

а хрипел. — Здесь нет зарослей! Эти заросли — ложь! Смотри, сказительница, ты должна смотреть сквозь иллюзию, должна отличить правду от лжи, увидеть холм!

Не в состоянии вырваться, она покорилась, мрачно посмотрела на светло-серые кусты.

— Я вижу только заросли, — пробормотала она.

— Ты не стараешься! — гневно заявил он. — Ты должна стараться! Сосредоточься! Увидь холм!

Она остановила взгляд на одном месте, чувствуя, как горят ее глаза от жары и сияния сверху. Очертания кустов начали слабо мерцать — или это ее воображение?

— Не могу... — Теперь она дрожала, чувствуя, как ее снова охватывает страх.

— Ты должна поверить! Ты можешь, клянусь своей жизнью, можешь это сделать!

Она сосредоточилась, смотрела пристально, слезы боли ослепляли ее, но она заставляла себя не мигать. «Увидь холм — здесь есть холм»! — твердила она про себя. Растительность перед ней поплыла, сквозь нее что-то начало просвечивать... показалось что-то красноватое.

— Вижу... — Она вынуждена была мигнуть, и все исчезло. Эйдрис осела, прижалась к груди Алона, ослабев от сознания своего поражения. — Не могу, Алон! — взмолилась она.

— Можешь! — настаивал он, поддерживая ее, хотя она чувствовала, что и он дрожит от усталости. — Эйдрис... попробуй петь, когда смотришь.

Она повернула голову и недоверчиво посмотрела на него, но он решительно кивнул.

— Давай... попробуй.

Эйдрис снова повернулась к путанице колючих ветвей и запела, едва сознавая, какую мелодию выбрала. Серость плыла перед ее ослепленными глазами, она помигала, чтобы прочистить их, сосредоточилась...

И, как будто он всегда был здесь, — увидела холм и тропу, ведущую через него, прямую тропу, проходящую между камнями.

Эйдрис ахнула, пение прервалось, и сразу вернулись серые кусты.

— Алон! — прошептала она. — Я увидела!

— Хорошо, — ответил он, не удивившись, и выпустил ее. — Твой дар связан с музыкой, Эйдрис. Приручая Монсо, ты пела. Когда дурачила волшебницу в городе Эс, тоже напевала, верно?

Она попыталась вспомнить события, которые, казалось, произошли не дни, а годы назад.

— Да, — согласилась она немного погодя. — Пела колыбельную мамы... — Она в замешательстве посмотрела на него. — Но... Алон... как это возможно? Я никогда не слышала о таком даре.

— Я тоже, — признался он. — Но теперь, когда я об этом думаю... многое в волшебстве зависит от звуков: заклинаний, заговоров, даже песен. Помнишь хрустальные Врата? Они открывались, когда звучала правильная нота.

Эйдрис в замешательстве кивнула.

— Это открытие объясняет... многое, — медленно сказала она.

— Сейчас нам прежде всего нужно уйти из этого места и выследить Яхне, — напомнил Алон. Быстро снял рубашку и при помощи рукавов обвязал ею глаза Монсо. — Если не увидит, куда идет, я думаю, иллюзия на него не подействует, — объяснил Алон сказительнице. — На нас это не подействовало бы, потому что у нас более сложно устроенный мозг и его не так легко обмануть. Ты готова, госпожа?

Эйдрис решительно кивнула.

— Готова.

— Ты видишь холм?

Она запела, не раскрывая губ, потом кивнула: перед глазами ее снова возникла тропа.

— Тогда, за тобой... госпожа,— хрипло сказал Алон. Он поклонился и сделал вежливый жест. Контраст между его официальными манерами и внешностью заставил Эйдрис покачать головой. Лицо его, с ярким рубцом от яда Летящих на паутине, было обожжено и покрыто волдырями от жары, голая грудь и плечи покрыты пылью и грязью, промоченными потом. На мгновение ей показалось, что он сошел с ума. Он явно кажется безумным.

Но нет, глаза у него нормальные. Он верит в нее. И самое малое, что она может сделать, это поверить в себя. Глубоко вдохнув, Эйдрис запела, и они пошли по длинной каменистой тропе. Сказительница постаралась заполнить свое сознание музыкой. Она так сосредоточилась на своем занятии, что не почувствовала дрожь земли, пока не пошатнулась и ахнула...

... и мгновенно оказалась окруженной колючими кустами. Тысячи шипов устремились к ней. Только удача уберегла ее глаза.

— Сосредоточься! — услышала она за собой крик Алона.

Она уже снова запела, и заколдованная растительность исчезла. Эйдрис шагнула вперед, не встретила никакого препятствия, сделала еще шаг и только тогда решилась открыть глаза. Перед ней лежал холм.

Эйдрис медленно поднялась на вершину холма, чувствуя новые толчки, отбрасывая с дороги камни и напевая, как сошедшая с ума муха.

— Можешь остановиться и передохнуть,— услышала она хриплый шепот Алона.— Мы миновали иллюзорные заросли.

Сказительница остановилась, разглядывая руки и про себя благодаря Гуннору за то, что не запаниковала. Руки были покрыты десятками царапин, из которых сочилась кровь. Грязными пальцами она осторожно ощупала лицо, обнаружив еще несколько порезов.

— Для иллюзии это было слишком реально, — сказала она подошедшему Алону. И протянула руку.

Он мрачно кивнул.

— По крайней мере мы прошли. Ты сегодня получила ценный урок, госпожа. Если производишь заклинание или противозаклинание, смертельно опасно нарушать сосредоточенность. Первый год обучения подмастерья чародеев учатся сосредоточиваться и не отвлекаться. Тебе пришлось усвоить этот урок за несколько минут.

— Будь уверен, я его не скоро забуду.

Он встал с ней рядом, и они вместе поднялись на вершину холма. Они очень устали, и подъем занял у них много времени, а поднявшись, они тяжело дышали. Остановились и посмотрели вниз, на то, что открылось их взглядам.

Немного впереди обожженная земля неожиданно кончалась. Она обрывалась в такую глубокую пропасть, что Эйдрис не могла разглядеть ее дна. Снизу как будто поднималась стена густого серого тумана, она катилась словно по ветру, хотя никакого ветра девушка не чувствовала. Туман закрывал видимость, он тянулся во всех направлениях.

Они добрались до конца своего пути... дальше идти невозможно.

Слезы отчаяния заполнили глаза сказительницы, она опустилась на колени, прижала руки к разбитым губам. Рыдания сотрясали ее тело. Пройти так далеко и кончить этим! Пройти всю дорогу впустую!

Алон вздохнул и сел рядом с нею. Наклонил вперед обнаженные плечи, тоже закрыл лицо руками, очевидно, потрясенный не меньше.

— Придется возвращаться, — прошептала Эйдрис немного погодя. Либо умереть здесь, а она... не совсем готова умереть. — Может, существует другой путь...

Алон покачал головой и с ощутимым усилием расправил плечи. Сняв рубашку с головы Монсо, она надел ее, застегнул дрожащими пальцами.

— Не можем,— сказал он.— Наша дорога проходит здесь.— Он указал на пропасть.— Этот туман скрывает настоящий Арвон. Нужно найти способ пересечь пропасть...

Эйдрис смотрела на него, убежденная, что он рехнулся.

— Но... как?

— Надо сделать мост.

— Это невозможно! Нам не из чего его построить, даже если бы можно было перекинуть мост через пропасть... Но я в это не верю!

— Это единственный выход,— упрямо сказал он.— Арвон — реальный Арвон — там.— Он показал.— Я чувствую его, я чувствую его запах. А ты разве нет?

Она искоса взглянула на него, увидела, что он пристально смотрит на нее, и принюхалась.

— Пахнет...— прошептала Эйдрис.— Я чувствую запах цветов! И воды! Это еще одна иллюзия?

— Нет,— ответил он.— Это реальность. Здесь есть и другие холмы. Мы должны пересечь пропасть, чтобы добраться до них, Эйдрис. Мы должны сделать мост.

— Из чего? У нас ничего нет!

Он не ответил, только отцепил с седла Монсо последнюю фляжку с водой.

— Пей,— сказал он, держа фляжку и пакет с едой.— И ешь. Заставь себя. Для того, что последует, тебе понадобятся силы.

Удивленная, она послушалась. Чувствуя запах воды, Монсо жалобно заржал, но на этот раз Алон покачал головой.

— Прости, старина,— сказал он, сочувственно потрепав кеплианца,— но если у нас получится, ты скоро утолишь жажду.

— А если не получится? — спросила Эйдрис, искоса посмотрев на него. Она не могла представить себе, что он задумал.

— Если не получится, — мрачно ответил он, — ни жажда, ни голод не будут нас мучить, так что результат будет тот же самый.

Они поели и осушили вдвоем последнюю фляжку, потом спустились по склону и прошли небольшое расстояние до края пропасти. Убедившись, что прочно стоит на земле, Эйдрис взялась за повод Монсо, наклонилась вперед и заглянула вниз.

Насколько она может видеть, отвесная красная скала, скрывающаяся в клубящемся сером тумане.

Алон взял камень, наклонился над пропастью и выпустил его. Камень упал...

...и все падал...

... все падал. Они так и не услышали, когда он ударился о дно.

Эйдрис смотрела на стену тумана перед собой. Она примерно в два роста Монсо высотой.

— Ты считаешь, что если мы пройдем туман, то освободимся от заклинания и окажемся в реальном Арвоне? — спросила она наконец.

Алон кивнул.

— Но как нам пересечь пропасть? — спросила девушка, стараясь говорить ровно, как будто они обсуждают проблему, решением которой не является быстрая и несомненная смерть.

— Мы должны сделать мост, — повторил он.

— Из чего?

— Из себя, — ответил он. — Из моей Силы. Из моей крови. Из твоей музыки.

Она смотрела на него широко распахнутыми глазами.

— Ты сошел с ума, — прошептала девушка.

Алон предупреждающе покачал головой.

— Ты уже поняла цену веры, Эйдрис. И теперь нуждаешься во всей вере, какую сможешь призвать. Не позволяй вмешиваться сомнению. Я в здравом уме, не сомневайся. Это, — он указал на пропасть, —

наш путь. По другую строну находится Арвон, который мы покинули.

Эйдрис снова уловила слабый аромат цветов. Монсо принюхался; потом ноздри кеплианца раздулись, он заржал, забил копытом.

— Он чувствует воду, — сказал Алон.

Сказительница прикусила губу, перевела дыхание. В конце концов, какой у них выбор?

— Хорошо, — негромко сказала она. — Я верю. Как мы это сделаем?

Он коротко одобрительно кивнул.

— Нам потребуется объединить нашу Силу. Создать собственную видимость. Такую сильную, что она приобретет прочность, материальность. Будет нелегко, — предупредил он. — Но можно сделать.

— Я готова, — решительно ответила она. — Скажи, что мне делать.

— Прежде всего ты должна сконцентрироваться. Если на этот раз задрожит земля, ты не должна отвлекаться, понятно?

Она кивнула.

Посвященный достал кинжал из ножен, протянул девушке.

— Когда я кивну, режь. — Он указал на свое запястье. — Режь глубоко, чтобы кровь текла свободно, но не настолько глубоко, чтобы нельзя было потом остановить кровотечение. — Эйдрис колебалась, потом взяла кинжал. — Я сделал бы это сам, — виновато сказал Алон, — но мы при этом должны соединить руки. Что бы ни случилось, не вынускай мою руку.

— Поняла, — сказала девушка, разглядывая голубые вены на его руке и планируя, где лучше сделать разрез. — А что потом?

— Ты должна петь. Почувствуешь, как Сила оставляет тебя и вместе с кровью создает мост. Используй музыку, чтобы увеличить свою Силу — и укрепить наш мост. Пой и ни за что не останавливайся! Как

только мост станет прочным, ты должна будешь послать на него Монсо, потом провести меня. У меня глаза будут закрыты, я мысленно буду держать заклинание и не смогу видеть, что я... что мы сделали.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Если Гуннора улыбнется нам, когда я увижу тебя в следующий раз, мы вернемся в Арвон.

Эйдрис коснулась символа Янтарной Госпожи, который носила на шее. Потом быстро проверила, все ли припасы укреплены на Монсо.

— Мы готовы, — сказала она Алону.

Он торжественно расстегнул левый рукав, закатал его, обнажив руку. Протянул обе руки к девушке. Эйдрис крепко взяла его правую руку своей левой, подняла нож.

Алон закрыл глаза, сделал несколько глубоких вдохов, потом кивнул.

— Сначала музыка, — сказал он.

Эйдрис негромко запела... Выбирая мелодию почти наобум, она была ошеломлена, поняв, что это «Призрачный жеребец Хатора», песня, которую она пела при их первой встрече. Услышав слова песни, Алон сжал ее пальцы.

— Пора, — прошептал он.

Собравшись, Эйдрис коснулась ножом его запястья. «Легче было бы порезать себя, — подумала она, заставляя себя продолжать петь. — Янтарная Госпожа, помоги мне! Не дай мне сильно порезать его! Позволь нам уйти из этого места! Молю тебя!»

Она решительно провела лезвием по коже. Потекла струйка крови, и Эйдрис заставила себя разрезать глубже... еще глубже. Кровотечение усилилось, кровь закапала на землю... потекла потоком.

Сказительница и раньше проливала кровь, но так — никогда. Она почувствовала, как у нее темнеет в глазах, и только крепкое пожатие его пальцев удержало ее от обморока или тошноты. Она пела, не пропуская ни ноты.

Алон хрипло заговорил, запел на языке, который она не узнала; кровь потекла на край пропасти. Эйдрис неожиданно почувствовала, как вытягивает ее внутреннюю Силу. Кровь Алона — только внешний показатель того, что здесь происходит. От девушки к нему устремилось течение, поток, и она едва не запнулась. Собрав всю силу воли, всю решимость, сказительница стояла твердо, пела и смотрела в пропасть.

А из потока алых капель что-то начало возникать. Глаза Эйдрис рапахнулись, когда она увидела, как это нечто приобретает очертания... моста! Настоящий мост пролегал над пропастью, он вначале был как тень, но постепенно становился все материальней. Красный... цвета крови... пульсирующий в такт их обоим сердцам... и с каждым биением он становился все прочнее.

Лицо Алона побледнело под густым загаром, но голос его звучал все громче. Кровь лилась. Эйдрис тоже пела громко, произносила слова отчетливо и сильно, заставляла себя верить в то, что видит.

Мост алой дугой перекинулся через пропасть в сером тумане. Стараясь не выпустить руку Алона, сказительница подняла ногу, коснулась моста. Он прочный, выдерживает ее тяжесть. Но выдержит ли жеребца?

— Пошли, Монсо,— пропела она, вплетая этот приказ в свою песню. Одной рукой схватила повод кеплианца и потянула вперед, через край пропасти. Потянула, показывая, что хочет, чтобы он пошел.— Вперед, парень! — пропела она музыкальный приказ.— Вперед!

Жеребец ударил копытом по мосту, очевидно, в нерешительности, но запах воды и ощущение прочности творения Алона под ногами убедили его. Фыркнув, полукровка устремился вперед. Копыта его застучали по мосту, и он исчез в тумане, в последний раз махнув хвостом.

«Упадет ли он»? — подумала Эйдрис, но решительно заставила себя забыть о такой возможности. Повела Алона через пропасть, заставляя себя обеими ногами ступить на алую поверхность. Вместе, под бормотание посвященного и пение Эйдрис, они двинулись вперед.

Мгновение спустя сказительница услышала удивительную музыку, перекрывшую звуки ее пения. Это большими жадными глотками пил воду конь.

— Спасибо, Янтарная Госпожа! — пропела Эйдрис, стараясь не смотреть вниз. Она повела Алона быстрее.

Они находились на середине моста, когда девушка ощутила, как обвис Алон. Бросив на него беспокойный взгляд, она увидела, как посерело его лицо. Глаза закатились, видны были только белки. Колени подгибались, он шатался. Алая поверхность у них под ногами задрожала.

Эйдрис свободной рукой обхватила Алона за талию, прижала к себе. Мост дрожал и таял. Решительно закрыв глаза, Эйдрис устремилась вперед, прыгнула в туман, потащив за собой Алона.

На мгновение она почувствовала, что падает... падает...

12

Бесконечные секунды Эйдрис падала сквозь клубящуюся серость. В горле ее рвался крик, пытался соскользнуть с губ. Но прежде чем успела крикнуть, она коснулась прочной поверхности, ударилась так сильно, что воздух вырвался из легких. Покатилась, переворачиваясь, и запах свежей растительности заполнил ноздри.

Когда мир наконец перестал головокружительно вертеться, девушка увидела голубое небо, усеянное белыми облаками. Солнце уже миновало зенит. Подняв голову, Эйдрис увидела, что на нее смотрит Монсо, насторожив уши. С его морды еще капала вода; у ног жеребца струился ручей.

Кто-то застонал. Этот болезненный звук сразу заставил ее прийти в себя. Эйдрис встала на четвереньки.

— Алон?

Посвященный лежал рядом с ней на склоне холма. Глаза его были закрыты, звук собственного имени не поднял его. Рядом с ним на траве виднелись ярко-алые капли, они пропитали почву. Это зрелище заставило сказительницу проползти вперед, схватить запястье юноши и сжать.

Наконец кровотечение остановилось. Эйдрис откинулась, ее окровавленные руки дрожали. Она по-

пыталась собраться с силами, чтобы помочь своему спутнику. Алон лежал без сознания, кожа его посерела, губы посинели. Несмотря на теплое солнце, он дрожал под тонкой рубашкой, которая теперь проржавела от засыхающей крови.

«Одеяла... питье».— Медленно вспоминались уроки излечения, которые ей давала Джойсана. Встав, хотя ноги первое время дрожали от слабости, Эйдрис прошла к кеплианцу и подвела его к Алону. Сняла сумки, потом расседлала жеребца и отпустила его пастись, считая, что он не уйдет далеко от хозяина.

Закутав Алона в оба плаща, она набрала дров, чтобы развести небольшой костер, принесла воды из ручья. Дожидаясь, пока вскипит вода, развязала небольшой сверток, который так давно приготовила для нее Джойсана. От острого, иногда сладкого запаха трав дергались ноздри, в голове возникали отрывки сведений.

«Восстановительное... вербена! Заварить вербену...»

Уловив знакомый запах, девушка раскрыла нужный пакетик и положила в кипяток сухие листья. Когда настой был готов, она процедила его и, положив голову Алона себе на колени, заставила его выпить. Веки его задрожали, он очнулся настолько, чтобы выпить травяной чай, но полностью в сознание не пришел. Дрожь его прекратилась, и сказительница была благодарна за это.

Прежде чем заняться раной на его запястье, она сама выпила чашку чая. Ей казалось, что она уже несколько дней обходится без еды и питья. Но знала, что подобная усталость — нормальное состояние после использования Силы. И тут ей в голову пришла мысль, одновременно горькая и сладкая.

«Я использовала волшебство»,— подумала она, сама себе не веря. Хотя это произошло только что, воспоминание уже таяло, слабело, как будто произошло с

другим человеком, а не с этой, нынешней Эйдрис. Девушка вздохнула, покачав головой, снова представила себе мир, окутанный иллюзией, подумала, как ей удалось сбросить эту ложь и обнажить правду. «Неужели я это сделала? Или волшебство Алона как-то на меня подействовало? Возможно ли, что я на самом деле обладаю Силой»?

Определенных ответов на эти вопросы не было, не было и времени раздумывать над ними. Склонившись к быстрой воде, Эйдрис вымыла лицо и руки, протерла концы пальцев и ногти белым речным песком со дна ручья. Джойсана часто говорила, что держать рану в чистоте так же важно, как применять нужные травы и заговоры для лечения.

Промыв рану прокипяченной водой, в которую она бросила щепотки шафрана и тысячелистника, чтобы ускорить заживление, девушка рассмотрела поверхность разреза. Нужно наложить швы, какие делала ее приемная мать. Но здесь, в дикой местности Арвона, нет ни иглы, ни прокипяченных ниток.

Эйдрис решила было просто перевязать рану, но она была слишком глубокой, и девушка подумала, что рана в любую минуту может снова открыться, и тогда возобновится кровотечение. А в теперешнем состоянии Алона дальнейшая потеря крови крайне опасна, возможно, даже смертельна.

Она колебалась и в это время увидела запечатанную шкатулку Дахон с красной грязью из долины Зеленого Безмолвия. «Нет! — подумала она, прикусив губу. Ей пришла в голову мысль, но она не хотела ее обдумывать.— Дахон велела не открывать шкатулку! Эта грязь для Джервона, это последний шанс на его излечение!»

Она с неожиданной враждебностью посмотрела на Алона. «Я не стану тратить на тебя лекарство Джервона. Не стану!» В ней вспыхнул гнев. Какая-то малая часть сознания говорила, что этот гнев неразумен, но она не слушала.

— Нет! — яростно прошептала она. — Джервон — мой отец! Ты ничто для меня, ничто, слышишь?

Гнев жег ее огнем, лишал самообладания. «Стоило бы бросить тебя сейчас! Ведь это ты привел меня в эту трясину колдовства! — свирепо думала она. — Я должна оставить тебя здесь, оставить умирать!»

Молодой человек беспокойно зашевелился, как будто и без сознания ощутил ее гнев. Эйдрис опьянела от ненависти. Рука ее потянулась к кинжалу; но вот она встала и, не оглядываясь, пошла прочь.

Взяв свой мешок, надела его на спину и начала подниматься по склону холма. Монсо заржал, беспокойно забил копытом, но девушка не обратила на жеребца внимания. Дрожа от ярости, она вспоминала, как они спаслись из мира иллюзий Яхне. Она ненавидит Алона за то, что он дал ей открыть в ней самой. Мне не нужна Сила! — в ярости думала она. — В ней слишком много опасности, риска! Он не имел права делать это со мной!

Без предупреждения с неба обрушилось нечто черное, устремилось прямо к ее глазам. Послышался резкий крик. Эйдрис пригнулась, кончики крыльев задели ее голову.

Когда девушка выпрямилась, существо снова устремилось к ней, целясь когтями в лицо. Сказительница отшатнулась, утратила опору на склоне и упала так, что из глаз посыпались искры и зашумело в ушах. Мигая, она оглядывалась широко раскрытыми глазами. Существо, которое нападало на нее, село на ближайшее дерево. Это был сокол, и когда девушка на него посмотрела, он снова закричал.

— Стальной Коготь! — воскликнула Эйдрис и вдруг, потрясенная и дрожащая, поднесла руку к голове. Что я делаю? Покидаю Алона? Оставляю его умирать?

Она ощутила невероятный ужас, вспоминая события последних нескольких минут. Если бы не Стальной

Коготь, она могла бы не прийти в себя. Что это со мной? — подумала она. Вспомнила жестокую улыбку Алона, когда он сжигал летящих на паутине. — Почему мы так себя ведем? Что с нами происходит?

В смущении, подавляя панику, она вернулась к тому месту, где лежал Алон. Стальной Коготь перелетел на луку седла и с любопытством наблюдал, как сказительница кинжалом вскрывает шкатулку. Шкатулка открылась, в ней была свежая красная грязь. Взяв большой комок грязи, девушка обмазала ею рану. И сразу закрыла шкатулку, потом с помощью свечи запечатала ее воском, отчаянно надеясь, что грязь не утратит своих целебных свойств.

Как только рана покрылась слоем грязи, морщины боли на лбу Алона разгладились. Мышцы его расслабились, и он как будто погрузился в глубокий естественный сон. Медленными осторожными движениями Эйдрис сняла грязную окровавленную рубашку, потом тряпкой, смоченной в теплой воде, омыла грязь и запекшуюся кровь с лица, рук и груди юноши.

К тому времени как она закончила, солнце высушило и согрело его. Алон был бледен, но цвет его лица улучшился. Укрыв его плащом, Эйдрис села и выпила еще одну чашку чая. Потом съела кусок хлеба, а другой накрошила в воду и приготвила нечто вроде похлебки. Посмотрев на Стального Когтя, она заговорила вслух, и собственный голос показался ей странным и незнакомым.

— Он потерял много крови и нуждается в свежем мясе, крылатый. Можешь принести что-нибудь?

Сокол пронзительно крикнул и устремился вверх, над холмами. К тому времени, как Эйдрис выстирала рубашку своего пациента и осторожно переодела его в свежую, сокол вернулся. Стальной Коготь покружил над нею, держа что-то в когтях, потом бросил, и его ноша упала в десяти шагах.

Эйдрис подобрала небольшого жителя нор. Подняв зверька за длинные уши, она сказала:

— Спасибо, Стальной Коготь!

Освежевав зверька и нарезав мясо мелкими кусочками, насколько позволяло лезвие ножа, она бросила его в котел. Ожидая, пока сварится, Эйдрис занялась ногой кеплианца.

Увидев, что опухоль почти спала и рана закрылась, Эйдрис приободрилась. Оставив котелок на огне, она пошла вдоль ручья, пока не нашла небольшую заводь. Разделась и вымылась. От холода захватывало дыхание, но ощущение чистоты и свежести подбодрило девушку. Она замочила в ручье свои брюки и рубашку, протерла их песком и набросила на куст сушить. Надев чистую одежду, сама вернулась к Алону.

Мясо было готово. Охладив его немного, она приподняла Алона и заставила глотать. И сама выпила чашку навара, сытного, хотя и безвкусного. Эйдрис пожалела, что у нее нет ни тимьяна, ни мяты.

Потом, зная, что больше ничего для Алона сделать не может, и так устав, что местность расплывалась у нее в глазах, напоминая об иллюзиях Яхне, Эйдрис приподняла плащ, заползла под него и прижалась к Алону, стараясь не затронуть его раненую руку. «Всего несколько минут, — подумала она. — Я только подремлю несколько...»

Несколько часов спустя ее разбудило влажное горячее дыхание Монсо. Кеплианец фыркал, пытаясь добраться до мешка с зерном, который она подложила под голову. Протерев глаза и зевнув так, что челюсть едва не разорвалась надвое, сказительница села и увидела, что солнце уже заходит.

Покормив жеребца, она приложила ладонь ко лбу Алона, чтобы проверить, нет ли жара. Кожа слишком теплая, но цвет у нее хороший. Девушка заметила, что красная грязь высохла. Дахон предупредила, что она

должна совсем высохнуть и затвердеть, прежде чем ее можно будет снимать. Эйдрис обмотала запястье пациента лентой, чтобы удержать руку на одном месте.

Снова подогрев похлебку, она приготовилась кормить Алона, но когда притронулась к нему, посвященный открыл глаза. Хотя и удивленные, они казались ясными.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила его девушка.

— Мы... вернулись? — хрипло прошептал он.

Она кивнула.

— Заклинание моста подействовало.

— А Яхне?

— Ни следа и никаких новых заклинаний. Стальной Коготь и Монсо предупредили бы. Обработав твою рану, я так устала, что не могла держаться на ногах.

Он попытался приподняться на локте, но она помешала, положив руку ему на грудь.

— Осторожней, Алон. Ты еще слаб. Ты потерял много крови.

Посвященный ненадолго покорился, но выражение его лица говорило Эйдрис, что долго слушаться ее он не будет.

— Мы не можем здесь задерживаться, — сказал он более сильным голосом. — Надо снова начинать поиски.

— Мало хорошего нам принесет, если мы найдем Яхне, когда ты еще слаб, — возразила девушка. — Даже если у меня и есть Сила, я не ровня волшебнице с ее способностями.

Рот его в мрачной гримасе застыл.

— Я и сам не уверен, что смогу победить ее, — признался Алон. — Это заклинание, которым она захватила нас... Я такое не смог бы создать.

— Но ее Сила краденая, — заметила сказительница. — Может, ей не хватит знаний, хотя способность

есть. Вот,— сказала она, зачерпывая из котла,— поешь немного. Это тебя подкрепит.— Она осторожно усадила его и дала в руки чашку. Густая жидкость плескалась, руки Алона дрожали. Сказительница молча помогла ему держать чашку. Он начал есть, вначале осторожно, потом все более уверенно.

Еда отняла у юноши все силы. Он пришел в явное отчаяние от собственной слабости.

— Как Монсо? — спросил он.

— Его рана быстро заживает. Кажется, он уже совсем здоров.

— Он всегда быстро оправлялся,— сказал посвященный. В голосе его послышалась горечь.— Хотел бы я, чтобы со мной было так же!

— Тебе нужно время для выздоровления,— ответила Эйдрис.— Я была истощена и могла только поддерживать тебя.— Она покачала головой.— Да и крови я не потеряла столько, сколько ты. Тебе нужны отдых и еда.

— Мне нужно найти Яхне,— резко ответил он,— чтобы я мог отплатить ей за все, что она нам причинила! Но сейчас она может быть где угодно.

Неожиданно резко крикнул Стальной Коготь, он явно привлекал к себе внимание. Алон повернулся и внимательно посмотрел на птицу, и они без слов стали общаться. Посвященный «послушал», и плечи его расслабились.

— В чем дело? — спросила Эйдрис.

— Если я правильно понял Стального Когтя, он сказал, что та, за которой мы последовали во Врата, в половине дня пути от нас — и что она не торопится.— Рот его сардонически скривился.— Это меня не удивляет. Не удивительно, что, создав такую массовую иллюзию, волшебница утомилась! — Он задумчиво посмотрел на сокола.— Что-то еще... что-то окутанное гневом, и я не совсем понимаю. Стальной Коготь очень сердит на Яхне.

— Потому что она причинила тебе неприятности в Арвоне? — вслух высказала догадку Эйдрис.

— Стальной Коготь не испытывает ко мне таких сильных чувств,— ответил Алон.— Он любил Джонтана. Сокольничьих и их птиц связывают любовь и верность.

— Но вы провели вместе столько времени,— возразила сказительница.— Я вижу, что Стальной Коготь любит тебя. Когда я сказала ему, что тебе нужно свежее мясо, чтобы восстановить силы, он вернулся, как мог быстро.

— Может быть...— ответил он и вздохнул.

— Ты устал,— сказала девушка.— Ложись и отдыхай.

Он посмотрел на солнце, которое совсем низко висело над далекими холмами. Облака на западе стали алыми и желтыми.

— Я могу отдыхать верхом на Монсо. Если пойдет шагом, я думаю, он сможет нести меня.

Эйдрис открыла рот, собираясь возражать, но остановилась, видя, как он покачал головой.

— Я знаю, что ты собираешься сказать, но я не смогу отдыхать, пока мы близко к околдованной Яхне земле. Что, если она захватит нас снова?

Эйдрис с тревогой оглянулась на слабо светящееся ущелье.

— Это может случиться?

— Не знаю. Ее заклинание превосходит мои способности... Не могу судить. Знаю только, что лучше отдохну на спине Монсо, удаляясь от этого места, чем лежа рядом с ним.

Сказительница вздохнула и сдалась. По правде говоря, теперь, когда Алон сказал, что заклинание снова может захватить их, она и сама не могла бы отдыхать здесь.

— Хорошо,— сказала она.— Я поведу Монсо, и мы пойдем — но только на час, понятно?

Он кивнул.

— Я умею спать на лошади. Мне приходилось это делать и раньше.

Опираясь на Эйдрис, он прошел небольшое расстояние до ручья, опустил руки и лицо в холодную воду и напился. Потом, пока Эйдрис седлала кеплианца и упаковывала припасы, Алон выпил еще порцию укрепляющего настоя.

Когда они были готовы, девушка поставила жеребца рядом с Алоном, но ниже по склону холма. С ее помощью он вдел ногу в стремя и взобрался в седло, крякнув от усилий. А когда сел, она увидела, что он прикусил нижнюю губу и пот покрыл его лоб.

Неловко, оберегая раненую руку, Алон закутался в плащ, и они пустились в путь. Солнце светило им в спину.

К счастью, путь пролегал по пологим лугам, и Эйдрис достаточно видела, чтобы идти до наступления полной темноты. Они оставили между собой и ловушкой Яхне несколько холмов. Поднявшись на вершину третьего такого холма, девушка остановилась, тяжело дыша, но чувствуя, как улучшается настроение: они снова движутся к цели. Эйдрис отказывалась думать, что может ждать их в конце пути.

Глядя на Алона в усиливающейся темноте, она видела, что глаза его закрыты и он дремлет в седле. «Если бы я могла пройти еще немного,— подумала она, оглядываясь на слабо светящееся на западе небо.— Монсо, как и все лошади, хорошо видит ночью, и его не нужно направлять. Если бы у меня была Сила и я могла видеть в темноте, как Алон!»

Но тут же неожиданная мысль заставила ее остановиться.

— Но у меня есть Сила! Может, я сумею ее использовать, как он!

Глотнув из фляжки, чтобы смочить пересохшее от ходьбы горло, она широко раскрыла глаза, пред-

ставляя себе, что видит в темноте; потом негромко запела.

Слева... да, это куст. Эйдрис сосредоточилась, и его очертания стали яснее. А это... это небольшой овраг, вырытый сильными весенними дождями. Справа старое дерево, его голые ветви кажутся костями скелета в том необычном зрении, которое у нее появилось.

Снова взяв повод Монсо, негромко напевая, сказительница пошла дальше.

К полуночи она спотыкалась от усталости, горло у нее пересохло, и она не могла произнести ни звука. Однако девушка обнаружила, что если удерживает мелодию в сознании, слыша ее про себя, она способна применять то небольшое волшебство, которым располагает.

Но у всего есть своя цена. Именем Янтарной Госпожи! Каждый, кто пользуется волшебством, должен заплатить. Впервые Эйдрис по-настоящему поняла, поняла каждой мышцей и каждым сухожилием, почему Джойсана и Элис, Алон и Хиана всегда после применения волшебства дрожали от усталости и голода. Несколько раз она сама на ходу принималась жевать высушенные фрукты.

Наконец, когда уже начала качаться от усталости и держалась за гриву Монсо, чтобы не упасть, сказительница остановилась. Ноги под ней подогнулись, и она опустилась на траву.

Должно быть, на несколько минут она задремала, но наконец фырканье Монсо привело ее в себя. Затекшие мышцы молча протестовали, когда она вставала. Алон по-прежнему был на коне, хотя и прилег на шею Монсо.

Когда девушка попыталась разжать его руки, она обнаружила, что они мертвой хваткой вцепились в гриву кеплианца. Ей пришлось один за другим разгибать его пальцы.

Потом она потянула его на себя, пока он не упал. Со стоном она приняла на себя его тяжесть. Он не-

намного выше ее, но гораздо тяжелее. Напрягаясь, она сумела благополучно опустить его на землю. Торопливо укрыла плащом и оставила спать. Еда и вода подождут. Еще Эйдрис смогла только расседлать Монсо и пустить его пастись.

Потом, завернувшись в свой плащ, она растянулась на земле и больше ничего не чувствовала.

Спустя какое-то время она проснулась, услышав фырканье жеребца. Монсо нервно бил копытами землю. Ночь подходила к концу, ущербная луна лила слабый серебряный свет. «Завтра новолуние», — подумала Эйдрис, приподнимаясь на локте и гадая, что вырвало ее из такого глубокого сна. Ответ она нашла сразу — Монсо. Полукровка стоял поблизости, не пасся. Он был явно возбужден.

— Что случилось, приятель? — негромко спросила она.

В ответ кеплианец фыркнул так громко, что девушка подпрыгнула.

Сказительница призвала ночное зрение, напевая про себя мелодию, и отчетливо увидела Монсо, его черный силуэт на фоне черноты весенней ночи. Конь смотрел на север, уши его были так подняты, что едва не соприкасались концами, шея изогнута, черный хвост задран. Кеплианец снова фыркнул и без всякого предупреждения закричал — издал вызов одного жеребца другому.

На удалении послышался ответ — свистящий звук, который не принадлежит ни одному существу, знакомому Эйдрис.

Встревожившись, сказительница выбралась из-под плаща и протянула руку к посоху. И когда извлекла клинок, его сталь слабо замерцала в свете убывающей луны.

Алон что-то пробормотал во сне, но не проснулся. Эйдрис подумала, не разбудить ли его, но, вспомнив, как он слаб, решила: пусть спит, пока возможно. Может,

Монсо бросил вызов вожаку табуна диких лошадей. Известно, что в отдаленных местах Арвона еще бродят такие табуны. Расстояние или форма поверхности могли исказить ответ, сделали его таким странным.

Но когда она встала и посмотрела на север, эта слабая надежда исчезла. К ним приближались три всадника. Сердце сказительницы дрогнуло.

Она быстро привязала кеплианца к прочному кусту. Деревьев поблизости не было, но она решила, что один или два рывка узел выдержит. Если эти всадники пришли с миром... «Прошу, Янтарная Госпожа, пусть они не причинят нам вреда»! Ей совсем не хотелось, чтобы кеплианец набрасывался на мирных путников.

Всадники приближались, и Эйдрис пыталась их разглядеть. Тот, что в центре, высок и едет на рослом черном коне. Заметив красноватый отблеск глаз коня, девушка поняла, что он чистокровный кеплианец. И у нее пропала всякая надежда на мирный характер встречи.

Два коня по бокам, на первый взгляд, были светло-серым и белым. Но когда они приблизились, Эйдрис увидела, что они вообще не похожи на лошадей.

Головы у них длинные и узкие, шеи тоже, как и туловища и ноги. На них не конский волос, а кожа, покрытая чешуйками! Когда всадники на некотором расстоянии натянули поводья, животные оскалили острые зубы. Эйдрис заметила, что на ногах у них не копыта, а когти, похожие на соколиные.

«Словно какая-то неестественная помесь лошади и ящерицы,— подумала девушка.— Как те звери, о которых рассказывала мне Сильвия, те, на которых ехали верхом Малерон и его охотники в песне «То, что гонит всадника»...»

На двух всадниках черные латы, лица их закрыты шлемами, и сказительница их не видела.

Но главным был тот всадник, что на кеплианце, в сверкающей кольчуге, поверх которой наброшен тем-

но-красный плащ с гербом. Эйдрис смотрела на этот герб. Она была уверена, что где-то уже его видела... змея, вернее, голый змеиный череп, увенчанный короной, и от него исходят темные лучи Силы...

Где она видела такой герб? Эйдрис отчаянно пыталась вспомнить. Она была с Джервоном... да, он там был, и этот самый герб был изображен... он был вырезан... на столбе ворот!

Она вспомнила! Это ворота крепости Гарт-Хауэлл, куда обладающие силой приходят учиться волшебству!

Воспоминания вспыхнули в сознании Эйдрис так ярко, что она ахнула. Она вспомнила день, когда они с отцом пришли в то место, чтобы спросить о Видящем Камне. Аббат, худой смуглый человек с бледным асктическим лицом, вежливо объяснил им, как добраться до места Силы, где бывают видения. Но прежде чем они уехали, молодая послушница отвела их в сторону и торопливо прошептала несколько предупреждающих слов.

— Берегитесь Камня.— Эйдрис, словно въявь, снова услышала ее голос.— Он дает истинное видение, но требует за него ужасную плату!

А за головой девушки был столб ворот, и на нем, глубоко высеченный в граните, тот самый герб, который она сейчас видит перед собой. Жители Арвона боялись места, где собираются владеющие Силой, не меньше, чем Серых Башен оборотней. Это место открыто не служит Левой Тропе, но многие годы говорят...

Эйдрис хотелось схватиться за меч, но она заставила себя стоять неподвижно. Всадники остановились перед ней. Тот, что сидит на кеплианце, без шлема, и она своим усиленным зрением увидела, что он красив, у него сильный подбородок и правильные черты лица. «Красота может быть грязной,— вспомнила она предупреждение Сильвии.— Мой брат Марелон был красив».

«И Динзил тоже», — неожиданно вспомнила Эйдрис. Она держала голову высоко поднятой, меч — нацеленным острием вниз, но колени ее были чуть согнуты, она была готова к отражению нападения. Сказительница молчала, ожидая, пока вновьприбывшие заговорят первыми.

Центральный всадник наклонился в седле, пристально посмотрел на нее.

— Хорошая встреча, сказительница, — произнес он культурным вежливым голосом. — Ты и твой спутник проезжаете наши земли.

«Земли Гарт-Хауэлла», — подумала она, но не показала, что узнала герб на плаще. Так как герб не был изображен на свисающих с башен знаменах, она решила, что он тайный.

— Если мы нарушили ваши границы, сэр, прошу прощения. Это просто по неведению, — ответила она тоже спокойно и вежливо. — Мы направляемся в земли клана Красного Плаща и за них.

— Мало путников проходит здесь, — сказал всадник, и своим усиленным зрением она заметила, как он оценивающе посмотрел на нее, на все еще спящего посвященного и на Монсо. — Наши земли далеко от известных дорог. Как вы оказались здесь?

«Он меня ловит», — подумала девушка, но продолжала отвечать небрежно и вежливо.

— Мы едем уже много дней. — Она говорила абсолютную правду, не уточняя, где именно едут. — Недавно мы пересекли обширную пустыню к западу от этих холмов и оказались здесь.

Спрашивавший не мог скрыть удивления. Глаза его недоверчиво сузились... он имел право на недоверие. Сама Эйдрис ни разу не слышала, чтобы кто-нибудь утверждал, что пересек большую пустыню, которая расположена к западу от Арвона. Она улыбнулась ему, думая в то же время, зачем он и его солдаты («А люди ли они? У них какой-то странной формы руки».) явились сюда.

— Удивительная новость,— негромко сказал всадник.

Монсо снова вызывающе крикнул, и конь предводителя поднял голову. Он был слишком хорошо обучен, чтобы ответить, но глаза его сверкнули красным.

— И конь у тебя удивительный,— продолжал всадник, помолчав совсем немного.

— Не удивительней твоего,— с улыбкой ответила Эйдрис.

Он тоже улыбнулся; улыбка, растянувшая губы и оскалившая зубы, не сделала его более человечным — напротив.

— Мой конь чистокровный, а твой — нет. Я считал такое скрещивание невозможным.

— Очевидно, ты не прав,— заметила она,— потому что он стоит перед тобой.

Он захихикал, и от этого звука по коже сказительницы поползли мурашки, словно к ее обнаженному телу прикоснулись ледяные руки. Один из боковых всадников издал приглушенный звук, и Эйдрис показалось, что она разглядела у него во рту ряды острых зубов. Или у него под шлемом не лицо, а морда? Она не могла сказать точно...

— Превосходно! — провозгласил темный предводитель.— Ты сама — исключительное и крайне интересное создание, госпожа. Не говоря уже о том, что прекрасное.— И он, сидя в седле, поклонился.

— Благодарю тебя, лорд,— умудрилась она ответить, почти не разжимая губ. Страх ее перед темным посвященным — а теперь она считала всадника именно таким — все усиливался, и ей все труднее становилось держаться спокойно и небрежно.— Могу я попросить об одолжении?

— Конечно! — он как будто обрадовался. С каждой минутой усиливалась окружающая его аура неправильности.

— Можем ли мы пересечь твои земли и добраться до дороги? Прими еще раз наши глубочайшие извинения за невольное нарушение границы.

— «Наши»? — удивленно переспросил он, потом, словно впервые увидев, посмотрел на Алона. Тот продолжал лежать неподвижно.— У тебя есть спутник! Может, он делит с тобой не только дорогу, но и постель?

Не обращая внимания на то, что Эйдрис, сжав губы, отрицательно покачала головой, он продолжал с деланной насмешливой печалью:

— Увы, кажется, у меня есть соперник... мое сердце разбито, сказительница.— Он прижал руку в перчатке к груди, где все более отчетливо становился виден герб. На востоке загорелся жемчужный свет: вскоре взойдет солнце. Эйдрис отвлеченно подумала, могут ли эти существа выдержать встречу с дневным светом — многие создания Тени его боятся,— но ни всадники, ни их предводитель, казалось, не встревожились.

Темный посвященный еще раз посмотрел на бледное лицо Алона под не слишком чистыми волосами и глубоко вздохнул.

— Должен сказать, сказительница, что не могу похвалить твой вкус. Ты могла бы найти кого-нибудь получше.

Гнев вспыхнул в Эйдрис, с каждым мгновением он усиливался, и, махнув головой, она отбросила нелепые попытки сохранять внешность легкого флирта в этой насмешливой беседе.

— Ты не ответил на мой вопрос, лорд,— резко сказала она.

— На какой вопрос, прекрасная госпожа?

— Можем ли мы пересечь твои земли?

— Правильно, не ответил.— Темный пристально разглядывал ее.— Прошу прощения. Ответ мой таков. Ты поедешь со мной в нашу крепость, чтобы поговорить с лордом аббатом. Именно к нему ты долж-

на обратиться. Я уверен, он даст тебе разрешение на проезд через наши земли.

— А далеко ли ваша крепость? — спросила девушка.

— Меньше дня пути,— легко ответил он.— Такая небольшая задержка не очень тебя опечалит, не правда ли?

Эйдрис чувствовала, как в ней пылает горячий гнев. Она чувствовала, как напрягается воля, решимость, которыми призывают — Силу. Сказительница не позволяла себе думать о способностях, которыми обладает этот темный посвященный, о том, что он, вероятно, прекрасно владеет волшебством. Вместо этого она только невесело улыбнулась.

— Боюсь, это очень неудобно. Сожалею, но я должна отклонить твое предложение.

Его красивое лицо отвердело, он положил руку на рукоять меча и высвободил оружие.

— А я боюсь, что вынужден настаивать.

Она рассмеялась и увидела, как он удивленно вздрогнул.

— Тогда свое мнение я буду отстаивать,— воскликнула она, сознательно рифмуя свой ответ. В мозгу ее, как Монсо, скачущий галопом, промелькнула идея — идея, построенная на поколениях традиции и на Силе, которую она в себе почувствовала. Строки и мелодии теснились в ее сознании.

— Этим? — придя в себя, он мрачно улыбнулся и показал на ее меч.

— Нет...— ответила Эйдрис и сознательно медленно спрятала свой меч в ножны. Взяв в руки футляр арфы, она извлекла инструмент, провела по струнам, вызвав звучный аккорд.— Вот этим!

Сила заполняла ее. Она заиграла и запела.

Ты хочешь оскорбить меня, лорд.
У менестреля есть свои права:

Пусть твое яркое лезвие ослепит тебя,
Чтобы ты не видел, куда оно упадет,
Пусть биение собственного сердца заполнит тебе слух,
Чтобы ты не услышал призыв на помощь.
Пусть все колючие кусты свяжут тебя
И бросят на землю,
Пусть не ответит тебе девушка,
Когда ты будешь искать ее внимания.

Она увидела, как двое всадников-нелюдей суеверно отъехали подальше от своего предводителя. Они со страхом смотрели на нее. Голос сказительницы заполнял воздух, она чувствовала, как ее переполняет сила, срывается с ее арфы. Древние сказания утверждают, что тот, кто обидит барда, будет проклят и осужден на смерть.

Эйдрис изливала в песне весь свой гнев, все раздражение, всю ненависть к Яхне. «Волшебница, наверно, стоит за этим,— подумала она, чувствуя, как ее слова вылетают изо рта, пропитанные ядом.— Силы Тьмы, которые помогают ей, хотят задержать нас. Ну, посмотрим!»

Мозг ее работал быстро, она извлекала звучные аккорды, на мгновение пожалев, что не надела на пальцы прищепки. Струны из кванской стали обжигали пальцы. Слова становились на место, она торопливо сочиняла продолжение своей сатиры. Быстрый рокот струн, и она продолжила, возвышая голос при каждой ноте:

Так посмеешь ли ты обнажить против меня свой меч?
Зачем тебе это, лорд?
Пусть луна вселит в тебя безумие,
Поведет по извилистым путям иллюзий,
Пусть переживешь ты своих детей
В вечности дней,
Пусть трус победит тебя,

Когда ты будешь храбр,
И пусть сгниет твое тело
В безымянной могиле!

Кеплианец закричал: железо жестоко вонзилось ему в бок. Боковые всадники еще дальше попятились от предводителя. Из их искривленных ртов, которые различала сказительница под шлемами, полились гортанные нечленораздельные звуки. Этот язык Эйдрис никогда прежде не слышала, но все равно не могла не услышать страха в их голосах.

Черты лица темного посвященного исказились от боли. Пальцы Эйдрис перебирали струны, извлекая музыку, направляя ее вместе с гневом прямо во всадника. Девушка знала — без легенд, без преданий, без инстинкта — знала самим мозгом костей, что в словах ее Сила и правда. Ее проклятие осуществится. Она пела судьбу темного посвященного, окутывала его своим собственным волшебством.

— И пусть сгниет твое тело в безымянной могиле! — она выкрикнула последние строки, видя, что они обрушились на него, как удар кулака. С бессловесным рычанием предводитель повернул коня и направил его назад, в том направлении, откуда они появились. Остальные всадники последовали за ним, но медленно, держась подальше от него, как будто опасались, что проклятие Эйдрис затронет и их, если они подойдут близко.

И как раз в тот момент, когда пылающий край солнца показался над горизонтом, они исчезли на лесистом склоне, направляясь на север.

Эйдрис смотрела им вслед, наслаждаясь своей победой. Она чувствовала себя сильной, торжествующей, пламя ненависти горело в ней. Она вспоминала выражение лица темного посвященного, вспоминала, какую судьбу предрекла ему. Сказительница откинула голову и расхохоталась — смеялась долго и

громко... смеялась, пока не стало дыхания и нне понадобилось глотнуть воздух. Каким-то краем сознания она понимала, что нехорошо радоваться падению другого, пусть даже Темного, но она не обращала внимания на эти уколы совести.

— И пусть сгниет твое тело в безымянной могиле! — прошептала Эйдрис, улыбаясь лучам солнца, упавшим на ее лицо.

13

Когда смех сказительницы стих, растаял в тишине, она услышала голос:

— Хорошо сделано, менестрель.

Она повернулась и увидела, что Алон сидит и внимательно смотрит на нее.

— Давно ты не спишь? — спросила девушка, чувствуя, как оживает вчерашний гнев на него.

— Достаточно долго, — ответил он, — чтобы понять, что тебе не понадобилась помощь, чтобы победить этого. — Он кивнул в сторону исчезнувшего темного посвященного. — Поздравляю.

Она сердито нахмурилась.

— А ты мне и не помог! Я считала, что ты слишком слаб, чтобы сидеть без помощи, иначе разбудила бы тебя, чтобы ты имел дело с нашим гостем. — Поток Силы слабел, опустошив ее, оставив тело таким слабым, что ей неожиданно потребовалось сесть, иначе она упала бы. Голова у нее отчаянно заболела... плоть, казалось, отрывается от костей.

Алон беззаботно пожал плечами.

— Я тебе не нужен. И теперь, может быть, ты поверишь, что сама обладаешь Силой. — Он невесело улыбнулся. — Я бы никогда не подумал использовать сатиру. Ты ведь знаешь, все это с ним и случится. —

Он искоса посмотрел на сказительницу, как будто спрашивая, что у нее на уме.

Девушка покачала головой.

— Я хорошо знаю стихи,— сказала она и довольно улыбнулась. Снова пришла мысль, что нехорошо радоваться поражению Темного, но она легко отбросила угрызения совести.— Что теперь? — спросила она.

Он подтащил мешок с провизией.

— Сначала поедим и попьем, потом двинемся дальше,— просто сказал он.— Нужно уходить отсюда как можно быстрее. Там, откуда он пришел, есть кое-кто еще.

После еды Эйдрис проверила состояние его раны. Грязь под повязкой затвердела и растрескалась, поэтому девушка ногтем счистила ее. На месте разреза виден был только белый шрам. Эйдрис удивленно смотрела на него. «Если бы такое чудо произошло и с отцом»! Но тут же надежда ее ослабла: она вспомнила, что вскрыла шкатулку Дахон.

Рана Монсо тоже почти залечилась, хозяин жеребца снова прочел над ним целительное заклинание, втирая в ногу пасту, которую достал из своих припасов. Когда Эйдрис заняла свое привычное место у головы коня, посвященный указал на стремя.

— Сегодня ты поедешь верхом,— сказал он.— Твое волшебство потребовало многого от тела. Я пойду.

Она посмотрела ему в лицо, все еще бледное под многодневным загаром.

— Ты еще недостаточно силен.— Эйдрис знала, что говорит правду.

— Вчера я весь день проспал,— напомнил он ей.— А ты почти не отдыхала. Садись,— приказал он, указывая на седло.

Эйдрис колебалась, но, чувствуя слабость, поставила ногу в стремя. Алон помог ей сесть на спину

кеплианца. Девушка сдержала стон: болели затекшие мышцы.

Странным казалось сидеть на середине спины Монсо, а не сзади. Полукровка беспокойно переминался, оглядываясь на нее, потом прижал уши. Эйдрис напряглась, почувствав, как заходили под ней его мощные мускулы. Кеплианец фыркнул, в гневе забил копытом.

— Я первая, кроме тебя, кто сидит на нем верхом? — спросила она, сдерживая дрожь в голосе. Воспоминание о тех стремительных гонках, когда Монсо выходил из-под контроля, заставило ее глотнуть.

Посвященный кивнул.

— Не зажимай его ногами,— предупредил он и напомнил то, что она сама знала по многим годам знакомства с кайогами, которым помогала пасти коней.— Если ты напряжена, он это чувствует.— И принялся успокаивать жеребца.

Сказительница кивнула и заставила себя расслабиться в седле. Постепенно горб на спине кеплианца сгладился. Алон пошел вперед, ведя полукровку. Вскоре прилетел Стальной Коготь, прокричав хриплое приветствие.

Через час недостаток сна и напряжение вчерашнего дня сказались на Эйдрис: она задремала в седле, автоматически подстраиваясь под ритм ходьбы Монсо.

Она неожиданно проснулась, когда Монсо резко остановился и замотал головой, словно его кто-то неожиданно ужалил. Эйдрис села, мигая, потом протерла сонные глаза. Во рту у нее пересохло, и горечь заставила ее поморщиться. Голод грыз внутренности. Судя по положению солнца, полдень уже миновал.

Впереди тянулась первая встреченная ими дорога. Эйдрис посмотрела на Алона и увидела, что он тяжело прислонился к плечу Монсо, как будто только эта опора держит его на ногах.

Сказительница глотнула, пытаясь протолкнуть слова через сухую глотку.

— Алон,— прохрипела она.— Что случилось? Ты заболел?

Он покачал головой, не пытаясь выпрямиться. Эйдрис слезла с седла, схватила его за руку и посмотрела в лицо. Он вспотел и был бледен.

— Что случилось? — обеспокоенно повторила она.

— Подвернул ногу,— ответил он.— Сейчас...

— Ты слишком долго шел.— Девушка поднесла к губам фляжку с водой, сполоснула рот, потом напилась. Протянула фляжку ему, смотрела, как он пьет, затем сказала: — Теперь ты поедешь. Я пойду.

— Нет,— ответил он, возвращая фляжку. Тон его говорил, что он не ждет возражений.— Поднимайся. Я могу идти.

— Идти? — голос Эйдрис звучал презрительно.— О, конечно. И еще бежать! Не будь дураком!

Взгляд его серых глаз стал жестким, глаза теперь напоминали камни.

— Я сказал, что пойду.— Кивком он указал на пустое седло кеплианца.— Поднимайся. Немедленно.

— Ты не можешь мне приказать,— заявила она холодным тихим голосом.— И будешь совсем дураком, если попытаешься.

Посвященный гневно вспыхнул.

— Следи за языком, сказительница! Он у тебя слишком свободно болтается.

— Что я говорю, куда иду — и как достигну цели,— она тоже сердилась все сильнее и стискивала кулаки,— это мое дело, а не твое!

Рот его превратился в мрачную линию, воздух вокруг головы Алона словно замерцал и засветился. Сказительница почувствовала страх и сделала торопливый шаг назад, прежде чем взяла себя в руки и остановилась.

Алон открыл рот, собираясь что-то сказать — и, судя по его выражению лица, это не были бы приятные слова,— но они так и не прозвучали. Без предупреждения гневно закричал Стальной Коготь. Монсо прижал свою большую голову к груди хозяина и едва не сбил его с ног. Посвященный выругался: больная нога под ним подогнулась. Он едва устоял. К тому времени, как он восстановил равновесие, Эйдрис взяла себя в руки.

Показав на ногу кеплианца, она сказала:

— Он почти здоров. Если пойдем медленно, можем оба поехать верхом.

Ее спутник колебался. Она видела, что он старается незаметно опираться больше на правую ногу и сдерживает болезненную гримасу. Наконец Алон кивнул.

— Хорошо! — выналил он.

Хромая, он подошел к жеребцу и сел на него, потом неохотно повернулся в седле и протянул руку сказительнице. Она сделала вид, что не замечает этого предложения помощи, и самостоятельно прыгнула на круп.

Мрачно хмурясь, Алон послал Монсо вперед, и кеплианец пошел по дороге. Но когда они добрались до земляной тропы, Алон повернул жеребца на юго-восток. Эйдрис подтолкнула его.

— Кар Гарудин в том направлении,— сказала она настойчиво, показывая на восток, слева от них.

Он не обратил на это внимания.

Сказительница потянула его за руку.

— Ты не туда движешься!

Он упрямо покачал головой.

— Алон! — Она легко ударила его по плечу.— Стой!

Когда он ответил, голос его звучал, как ворчание.

— Нет!

— Алон, мы должны двигаться на восток, не сюда! Чего ты надеешься этим достичь?

Наконец он остановил кеплианца, повернулся и посмотрел на нее.

— Смерти Яхне,— решительно ответил он.— Волшебница там.— И он указал на юго-восток.

— Но... но...— Сказительница запиналась, гнев ее сменился страхом. Он говорит серьезно.— Мы ведь уже решили, что лучше сразу направиться в Кар Гарудин. И не можем свернуть с пути! Не забывай о Кероване. Мы должны спасти Керована!

— Когда Яхне умрет, она больше никому не сможет угрожать в этом мире,— ответил он, и от злобы в его голосе у Эйдрис перехватило дыхание.— Стальной Коготь говорит, что она направилась в эту сторону и опередила нас не более чем на полдня пути.

— Я не пойду! — воскликнула Эйдрис.— Пойду одна и предупрежу Керована!

— Иди,— огрызнулся он.— И унеси с собой мое проклятие!

В ней самой кипела ярость, но взгляд Алона заставил ее промолчать. Она переместилась так, чтобы слезть со спины Монсо.

— Я ухожу,— прошептала она.

Стальной Коготь неожиданно нырнул, резко крикнув. Монсо заржал. Если бы кеплианец переместился вправо, Эйдрис оказалась бы в воздухе и упала бы на зеленую траву. Но Монсо, напротив, сместился влево, и сказительница обнаружила, что по-прежнему сидит у него на спине.

Инстинктивно она схватила Алона за пояс, а жеребец стремительно понесся вперед.

— Нет! — закричал Алон, пытаясь восстановить контроль. Ноги посвященного сжали бока коня. Алон пытался задрать голову жеребца, он наклонился вперед, держа узду, стараясь вырвать удила изо рта кеплианца...

...и это ему удалось слишком хорошо. Монсо задрал голову. Тяжелый загривок жеребца с ощетинив-

шейся гривой ударил всадника по лицу. Посвященный осел. Он упал бы, если бы его не держала Эйдрис.

Даже легкий прыжок теперь сбросил бы всадников, но Монсо, по-видимому, оставил усилия избавиться от пассажиров. Шаг его начал удлиняться. Жеребец перешел на быстрый галоп.

Эйдрис обеими руками ухватилась за луку седла и перевалилась, сев на седло сразу за Алоном. Она выхватила из рук юноши поводья и, глядя через его плечо, начала рвать рот жеребца.

Монсо не обращал внимания на ее усилия. Он бежал длинными прыжками, какие использовал при максимальной скорости.

— Монсо! — закричала Эйдрис навстречу ветру. Глаза ее слезились, окружающее сливалось. — Спокойней, парень! Стой! — Одно черное ухо повернулось, ловя ее слова, но никакой другой реакции не было.

Теперь они двигались на восток, в направлении Кар Гарудина, скакали по мягкой дороге со скоростью лесного пожара. Алон опасно раскачивался в седле, сказительница изо всех сил удерживала его от падения. При такой скорости падение будет смертельным.

Зажатая в седле, сама Эйдрис не боялась, что упадет, потому что Монсо бежал ровно и прямо, его движения были такими плавными, что всадница легко их предугадывала. А вот что касается контроля над кеплианцем... жеребец ее совершенно не слушался. Как будто на голове у него не узда, а недоуздок, так мало внимания он обращал на удила или попытки девушки остановить его.

У Эйдрис от страха кружилась голова. Монсо бежал так быстро, что само время, казалось, сливается в пятно. Бежит ли кеплианец минуты? Или часы? Она не могла сказать.

Собрав все силы, она попыталась запеть, как сделала в тот день, на лошадиной ярмарке. Но слова ее относил ветер. Она мрачно тянула за узду, надеясь

направить жеребца по кругу, но усилия ее снова оказались тщетными.

Рядом с ней зашевелился Алон, потом застонал, к нему возвращалось сознание.

— Держись! — крикнула ему на ухо Эйдрис. — Не двигайся, или мы оба упадем!

Она знала, что он ее услышал, потому что мгновение спустя он положил руки на узду поверх ее рук. Вместе они пытались остановить Монсо — и опять бесполезно.

Впереди что-то показалось... слева, в стороне от дороги. Странная фигура, похожая на гигантский гриб с серой ножкой и зеленой шляпкой, поставленный на вершине холма. Мимо всадников промелькнула черная тень, Эйдрис услышала резкий крик сокола. Монсо неожиданно свернул с дороги, еще больше увеличил скорость и поскакал на вершину.

Эйдрис закрыла глаза и молча взмолилась Гунноре, чтобы скачущий кеплианец не наткнулся на нору грызуна или логово горностая — или на остатки изгороди — на такой безумной скорости.

Крутизна склона не замедлила жеребца. Монсо двигался так быстро, что Эйдрис чувствовала себя словно верхом на Стальном Когте. Она летит, а не скачет по земле.

Когда они поднялись на вершину, Эйдрис замигала: неожиданно она отчетливо увидела гигантский гриб. Это оказалась круглая роща из больших деревьев со светло-серыми стволами. Перистые зеленые листья росли только на самом верху стволов. Монсо двинулся по периметру рощи, и скорость его бега стала меньше.

Деревья располагались по кругу так симметрично, что становилось ясно: их кто-то посадил, это не природное образование. Слуха сказительницы достиг громкий резкий звук, и она поняла, что это ржет Монсо. Дыхание жеребца вырывалось со скрежетом железного напильника. Белая пена покрывала его шею.

— Ты можешь теперь остановить его? — крикнула девушка на ухо Алону.

— Пытаюсь,— мрачно ответил он.

Но кеплианец продолжал скакать вокруг стены из стволов, представлявших естественную преграду, настолько близко друг к другу они росли. Всадники находились на восточной стороне холма и двигались по кругу.

Эйдрис посмотрела на густую зеленую траву под ногами.

— Может, спрыгнуть?

— Прыгай,— приказал Алон, натягивая узду, так что взбугрились мышцы на плечах.— Но я останусь с...

Он замолчал, потому что мимо них с пронзительным криком снова пролетел Стальной Коготь. Монсо немедленно затормозил и остановился. Всадников бросило вперед, они столкнулись.

Алон начал бранить жеребца, затем в гневе ударил его концом узды. Эйдрис поразила свирепость его голоса, резкий звук ударов о вспотевшую черную кожу.

Снова крикнул Стальной Коготь.

Кеплианец сделал большой прыжок вперед и встал на дыбы, как одержимый конь-демон. Эйдрис упрямо держалась, выдержала один прыжок, два, три, потом почувствовала, что соскальзывает. Монсо задирал ноги и извивался в воздухе, как змея, бьющаяся со сломанной спиной.

Эйдрис бросило в воздух. Она почувствовала ветер от собственного полета. Следуя инстинкту, выработанному за годы странствований с кайогами, она свернулась в клубок, пригнула голову, чтобы защитить ее. Монсо ревел от ярости, и девушка только надеялась, что он не ударит ее копытами во время одного из своих безумных прыжков.

Ударившись о землю, Эйдрис покатилась, давая возможность мягкой траве поглотить энергию удара. И все равно ахнула: как будто гигантская рука сжала ее грудь и спину.

Ошеломленно она подняла голову и увидела Алона, который упрямо держался за седло. Но было ясно, что посвященный проигрывает битву. Из его ноздрей текла кровь; он забыл о гордости и одной рукой держался за луку седла, а другой все же старался задрать голову Монсо и остановить коня.

Эйдрис лежала, пытаясь вдохнуть; и вдруг почувствовала, что ее левой руке странно тепло. Боясь худшего, она повернула голову. Но пальцы слушались приказов, не было ни кровотечения, ни переломов. Сказительница заметила, что прыжок Монсо отбросил ее в единственный разрыв в стене необыкновенных деревьев. В этом проходе лежала ее левая рука, и от нее исходило странное ощущение.

Тепло... комфорт... исцеление... свет. Все это и еще гораздо больше. Много больше. Свет проникал в нее, распространялся, заполняя ее ощущением мира, прогоняя гнев, неправильность, которая так пугала ее последние дни, когда она чувствовала, что постепенно покоряется ей. Ощущение, что она выздоравливает от опасной болезни души, было таким сильным, что девушка, пораженная, смотрела на свою руку, забыв об Алоне, забыв о сражении между конем и его хозяином, которое разворачивалось за ней.

Она осторожно приподнялась на руках. Голова по-прежнему кружилась от падения, в ушах стоял гул, но стремление отогнать Тьму заставило ее ползти вперед. Эйдрис ползла медленно и не останавливалась, пока все ее тело не оказалось в проходе в это странное место.

Ее окутали тепло и свет, успокаивая тело и душу. И постепенно росло понимание, знание того, что с ней произошло, причина странного поведения и ее, и Алона. С тех пор как они прошли через темные Врата, в них росла злая тень, тьма души, которую сейчас разгоняет свет и жизнь этого святого Места Силы.

Исцеление... ее тело и душа сейчас исцеляются.

Спустя какое-то время — Эйдрис не знала, сколько именно прошло, но впоследствии сообразила, что не больше одной-двух минут,— девушка вздохнула, распрямилась и приподнялась. К ней возвращались силы — не черные силы гнева и ненависти, которые переполняли ее раньше, но спокойные силы исцеления, которыми это Место Силы поделилось с ней, дар, который невозможно оценить.

Ушибы перестали болеть, она чувствовала себя освеженной... обновленной.

Оглянувшись в проход, она успела заметить, как встал на дыбы Монсо. Его передние ноги резали воздух. Он постоял так, как какой-то первобытный дух-конь, глаза его сверкали алым цветом свирепой ярости, из открытой пасти летели полоски красноватой пены. И вот в безумии гнева жеребец бросился на спину. Эйдрис беспомощно прижала руки ко рту, уверенная, что Алон погибнет.

Но в самый последний момент посвященный спрыгнул с седла и приземлился на полпути между сказительницей и своим конем. Монсо перевернулся и встал на ноги, голову он низко свесил и тяжело, порывисто дышал.

Его хозяин медленно сел.

— Алон! — воскликнула Эйдрис, но он смотрел на нее пустыми глазами, не узнавая. Девушка ощутила новый страх: она увидела, что серые глаза Алона приобрели странный мертвый серебристый оттенок.

Она бросилась к нему, но он стряхнул ее руки, не обращая на девушку внимания, потом встал и направился назад, к коню. На лице его было мрачное выражение, которое не предвещало ничего хорошего для Монсо. Пурпурная молния — пурпур — это цвет Тени, с чувством ужаса вспомнила Эйдрис — с треском пробежала у него меж пальцами.

Эйдрис поняла, что он намерен убить кеплианца. Тень, которая росла и в ней, полностью им овладела.

«И не удивительно, — подумала она, с трудом идя за нами, — он не только прошел через черные Врата, он создал черное заклинание, которое их открыло! Та Тень, которая росла во мне, на него подействовала гораздо сильней. Работая с черным волшебством, посвященный принял в себя Тень, впустил ее, отравился, как если бы поел испорченного мяса!»

— Беги, Монсо! — крикнула Эйдрис. Она схватила Алона в тот момент, когда фиолетовое пламя сорвалось с пальцев посвященного. Столб пламени устремился вперед, но кеплианец отпрыгнул, и пламя пролетело мимо него. Жеребец был явно смущен: привычка к повиновению столкнулась с ужасом, который он испытывал к хозяину. Кеплианец начал медленно пятиться. Алон пошел к нему, его окровавленное лицо потемнело от ярости, глаза сверкали холодно и остро, как серебряные клинки. Он протянул руки вперед, согнул пальцы, готовясь к новой попытке.

Эйдрис плечом ударила Алона в спину, толкнув его вперед и вниз. Сверкнула пурпурная молния, оставив в траве почерневший след.

Алон перевернулся, вслух произнес проклятие. Увидев его лицо, сказительница поняла, что теперь страшная опасность нависла над нею. «Надо втащить его в Место Силы, — подумала она. — Может, оно и его исцелит!»

Стиснув зубы, ненавидя себя за то, что ей предстоит сделать, она кулаком ударила Алона в подбородок, когда он попытался встать.

Юноша упал, оглушенный, а она торопливо схватила его за ногу и потащила к исцелению и свету.

— Прошу тебя, Янтарная Госпожа, — шептала она пересохшими губами. — Прошу, помоги ему...

Вторая нога Алона, тяжелая, в сапоге, ударила ее по руке, рука сразу онемела. Эйдрис закричала и выпустила его ногу, не в силах удержать ее. Он откатился, начал вставать, чтобы убежать — убежать от Места Силы. Лицо его исказилось от страха.

«Это Тень, которая внутри него... — подумала девушка. — Она не хочет его отдавать!»

— Алон, нет! — закричала она и бросилась за ним. Он успел добежать до кеплианца, когда она догнала его и сильно толкнула здоровой рукой. Алон повернулся, снова упал, но сразу вскочил, двигаясь с удивительной скоростью, говорящей об отчаянии.

Но пальцы сказительницы уже сомкнулись на посохе, который был прикреплен к боку кеплианца. Девушка лихорадочно высвободила его.

— Алон, — с трудом выговорила она, стараясь не выпускать его взгляда, пробиться сквозь поглотившую его Тьму, — ты... должен... пойти... со мной.

Он не ответил, только попятился. С его пальцев снова сорвался пурпурный свет, и она поняла, что он собирается убить ее — убить с легкостью.

— Не нужно... — взмолилась она. — Вспомни Джонтала...

Он замигал, смешавшись, и на мгновение его глаза снова стали темно-серыми. Но вот они затвердели, посветлели, и сказительница поняла, что проиграла.

Он неожиданно прыгнул к ней, ударил по посоху. Она не смогла удержать его онемевшими пальцами, и оружие вылетело из ее руки. Кулаком левой руки Алон ударил ее по голове, возле уха, а пальцами правой стиснул горло.

В глазах ее вспыхнули красные круги, но она реагировала, как научил ее Джервон, устремилась вслед за движением нападающего, поддалась, использовала против него его превосходящую физическую силу. Эйдрис позволила себе упасть, перевернулась на спину, изогнув ее, и в то же самое мгновение подняла колени. Они сильно ударили Алона в живот, и она услышала, как воздух вырвался из его легких.

Она быстро оттолкнула его и сильно ударила маленьким мозолистым кулаком в челюсть. Ударила

раз... два... Глаза его закатились, и Эйдрис увидела, как погас в них свет. Алон потерял сознание и осел.

Дыша тяжело, как Монсо, она схватила его за руки, перевернула и потащила к входу. На полпути туда посмотрела вперед, отметила разрыв между деревьями — и это едва ее не погубило.

Алон неожиданно пришел в себя, вырвался. Повернувшись, он ударил ее по ногам.

Эйдрис упала и сильно ударилась. А он тут же вскочил и побежал, но не к Монсо, а на запад, туда, откуда они пришли. Рука сказительницы легла на посох, и прежде чем девушка смогла даже обдумать свою мысль, она стояла на одном колене, вытянув здоровую руку. Плечо отчаянно заболело, но Эйдрис бросила окованную бронзой палку вслед убегавшему.

Голова грифона летела, поворачиваясь в воздухе, летела низко и параллельно поверхности. Она попала Алону в ногу. Посвященный снова упал и на этот раз лежал неподвижно.

На мгновение девушка чуть не разрыдалась. «Янтарная Госпожа, что я наделала? — сказительница тут же встала и побежала.— Если я убила его...»

Эйдрис добежала до Алона. Опустилась на колени и осторожно перевернула его. Лицо посвященного превратилось в ужасную маску, оно было покрыто синяками и кровавыми царапинами. Эйдрис коснулась пальцами его горла, почувствовала удары пульса. Набрала воздух в болящие легкие, слезы полились по ее лицу, но на этот раз слезы облегчения.

Быстро, прежде чем к Алону вернется сознание, сказительница снова потащила его к входу и остановилась, только когда втащила его в проход между деревьями. Потом опустилась рядом с ним на колени, сжала его холодную руку, не смея надеяться. И впервые заглянула в проход, за стволы, чтобы увидеть, что находится за древесной стеной.

Круглое пространство внутри поросло мягкой травой, усеянной весенними цветами. Алые и голубые, янтарные и светло-желтые, фиолетовые и розовые... никогда не видела она такого многообразия. В середине груда камней. Очень тихо, и Эйдрис отчетливо слышала журчание ручья.

«Вода... — Эта мысль заставила ее задрожать от жажды. — Вода, чтобы напиться и промыть раны Алона... вода для Монсо...»

Неуверенно двигаясь, она подошла к кеплианцу, сняла с него седло, потом вылила воду из фляжек и повесила их через плечо. Спотыкаясь, вернулась в Место Силы. Навстречу ей поднимался густой аромат диких цветов, подобный благовониям. Она пошла по цветочному ковру.

Ручей тек в углублении под большим камнем. Эйдрис закатала рукава и села на нагретый солнцем камень, глядя вниз.

Чистая, холодная, как будто светящаяся внутренним светом, вода поднималась из глубины. Девушка протянула руки, благодарно окунула их в прохладу, сложила ладони, поднесла сверкающую жидкость ко рту и принялась пить.

Вода, как холодное благословение, устремилась вниз по ее горлу. Эйдрис напилась, потом смочила лицо, вымыла руки, смыла грязь и пот, чувствуя, как с каждым проходящим моментом все больше оживает. Боль от ушибов и напряженных мышц прошла.

Оглядываясь и дивясь действию воды, сказительница снова подумала, что это за место. Очевидно, Место Силы... И неожиданно она вспомнила сказания, слышанные когда-то.

Храм Нив.

Говорили, что он расположен в северо-западной части этой древней земли. Темное колдовство не входило в храм, не могло существовать в нем. Неудивительно, что внутренняя тьма, которая росла в Эйдрис,

совершенно рассеялась, когда девушка пересекла границы храма. Нив... Нив — одна из Древних. Нив — это все естественное, доброе и плодотворное.

Даже сейчас во время свадеб в Арвоне новобрачные поднимают тост в честь Нив, каждый по очереди отпивает из свадебной чаши, чтобы союз был верным и плодовитым.

Храм Нив. Наверно, это он.

— Благодарю тебя, о Нив,— негромко и искренне произнесла Эйдрис.— Благодарю тебя...

Ее заполнило ощущение мира, спокойного благословения. Немного погодя она вернулась к своим делам, наполнила водой фляжки.

Потом, неся их, пошла к выходу, но на этот раз быстро и уверенно. Проходя мимо, посмотрела на Алона. Он лежал неподвижно, но морщины страха и боли на его лице разгладились. Казалось, он спит естественным сном.

Выйдя за пределы храма, девушка негромко свистнула и увидела кеплианца недалеко от себя. Жеребец щипал траву. Эйдрис подошла к Монсо, сначала осмотрела его рану и обрадовалась, что она не открылась. Почувствовав запах воды, он толкнул ее носом и негромко заворчал.

Она не позволила ему пить много после такого длительного бега, дала несколько глотков из источника Нив, используя для этого свой малый кухонный котел. Конь вылизал воду большим бледно-розовым языком. Он в этот момент походил на кошку. Смочив край плаща, Эйдрис протирала его черную кожу, пока та не отмылась от пота и не размякла.

К тому времени, как она закончила, Монсо снова стал пастись. Убедившись, что источник Нив снова проявил свое исцеляющее действие и что кеплианец не упадет от истощения, она вернулась к Алону.

Скрестив ноги, села с ним рядом, положила его голову к себе на колени, потом вытерла его лицо и

руки. При прикосновении холодной воды его синяки побледнели, припухлость опала, и вскоре почти не осталось следа от первоначальных ран.

Прижав к себе его голову, девушка поднесла фляжку к его губам, негромко уговаривая попить. Алон сделал один глоток, другой. Глубоко вздохнул, и последние морщины боли на его лице разгладились. Немного погодя он открыл глаза. Эйдрис про себя возблагодарила судьбу: взгляд у него стал прежним, темно-серым, мягким и в данный момент удивленным.

— Что случилось? — прошептал он.

Она поднесла палец к губам, делая знак, чтобы он молчал.

— Чуть позже,— пообещала она.— Попей еще немного, Алон. Ты, должно быть, очень хочешь пить.

Он вздохнул, кивнул, не отводя взгляда от ее лица, снова попил, на этот раз большими глотками.

— Мы в безопасном месте,— сказала ему Эйдрис, когда он кончил.— В Месте Силы. Монсо понес... ты помнишь?

Алон повернул голову, посмотрел на кеплианца, мирно щипавшего траву.

— С ним все в порядке,— заверила Алона Эйдрис.— Немного погодя я еще попою его. Вода из источника восстанавливает силы. Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо... сейчас. Но не могу вспомнить, как я здесь оказался. Помню, как мы бесконечно долго шли по мертвой земле... и ты пела... помню мост из крови. Помню Темного... которого ты победила. Или мне все это приснилось? — неуверенно прошептал он.

— Это не сон,— просто ответила она.

Он повернул голову и положил ей на колени, увидел вход в храм, цветочный ковер, камни, окружающие источник.

— Где мы? — наконец прошептал он.

— Это храм Нив,— ответила Эйдрис.— Так я считаю.

— Место Силы...

— Да. А как ты себя чувствуешь сейчас? — снова спросила сказительница.

— Хорошо,— ответил юноша.— Боль прошла. Я как будто был... болен. Я был болен? — спросил он почти в детском изумлении.

— Да. Но теперь выздоровел,— заверила его Эйдрис.— Мы здесь в безопасности.

— Я... очистился,— сказал он немного погодя, как будто только что осознав это. Он внимательно посмотрел ей в глаза.— Мы оба,— добавил Алон.

— Да. Здесь не может существовать Тень. Это защищенное место.

— Прошлые дни...— Он схватил ее за руку, сжал, и она увидела, как к нему возвращается память.— Я был... болен. Отравлен Тенью. Я говорил...— Он замолчал, едва не подавившись, глаза его в тревоге распахнулись.— Эйдрис... я собирался... убить Яхне!

— Знаю,— мягко ответила она.— Но ты не был собой. И я тоже, когда прогоняла Темного.

— Я не мог бы причинить ей вред,— тупо продолжал он.— Она вырастила меня... заботилась обо мне. И даже если не испытывала ко мне любви, все равно это не уменьшает моего долга. Я вспоминаю, что планы ее убийства делали меня...— Он замолчал, и сказительница видела, что он вспоминает. Посвященный резко, со свистом вдохнул.— Эйдрис... Я пытался убить Монсо!

— Ты не повредил ему,— быстро ответила она.

Он резко сел, глаза его были полны ужаса. Она видела, что его начинает трясти, словно в лихорадке.

— Клянусь Янтарной Госпожей, Эйдрис, я все вспоминаю... Я пытался убить тебя!

— Со мной все в порядке,— с улыбкой ответила она, неожиданно испугавшись возникшей напряженности.—

Как ты видишь сам, Алон... — Она глотнула: у нее неожиданно перехватило горло. — Алон, ты был не в себе. Никто из нас не остался нетронутым, но ты... Ты создал заклинание, которое открыло Темные Врата, и был затронут сильнее меня. Если бы не храм, мы оба погибли бы.

Он схватил ее за плечи и крепко сжал.

— Эйдрис... смотри на меня. Смотри на меня. — Он ждал. Немного погодя она подняла глаза и покраснела, увидев его взгляд. — Если бы с тобой что-нибудь случилось... — Он искал слова, голос его дрожал и звучал неуверенно. — Я бы не смог... без тебя... ничего нет... — Он с трудом перевел дыхание. — Ничего, понимаешь?

Она сама не могла найти ответных слов, могла только смотреть на него широко раскрытыми глазами, чувствуя на щеках его дыхание.

Алон ли первым наклонился к ней? Или она? Или оба двинулись одновременно? Эйдрис никогда этого не узнала. Знала только, что руки его передвинулись с ее плеч и взяли ее лицо, знала, что их губы встретились.

Это была легкая, пробная ласка, простое соприкосновение губ. Хотя сама она была в этих делах неопытна, Эйдрис мгновенно поняла, что Алон еще больше неискушен, и это понравилось ей, хотя она не могла бы сказать, почему.

Немного погодя он отодвинулся, посмотрел ей в лицо, его пальцы осторожно, неуверенно коснулись ее щек, погладили завитки на висках, откинули их за уши. Эйдрис пыталась заговорить, но Алон строго покачал головой, коснулся пальцами ее губ, заставил молчать.

Встав на ноги, он протянул руку. Как зачарованная (волшебство другое, не то, что ей известно, но не менее сильное), девушка вложила свои пальцы в его руку. Он поднял ее, обнял и крепко прижал.

Ничего пробного не было в их втором поцелуе. Эйдрис, потрясенная, вцепилась в него. Новые чувства,

желания, ощущения просыпались в ней, заставляя впервые прямо посмотреть в лицу знанию, которое она давно уже ощущала в себе. До сих пор она старалась о нем забыть, отказывалась признавать свое стремление, прогоняла его, пыталась как можно глубже погрузить в себя. Но теперь все это позади. Теперь она не может отрицать... и не хочет.

Наконец он чуть откинулся и вопросительно посмотрел на нее. Эйдрис прижалась лбом к его плечу, прислонилась к нему, и он стал гладить ее спутанные волосы. Молчание продолжалось долго. Наконец Алон нарушил его.

— Вот это да! — услышала она его шепот. Улыбнулась, покачав головой и сдерживая желание рассмеяться.

— Это все, что ты можешь сказать? — ласково и слегка насмешливо спросила она.

— Я могу сказать тысячу вещей,— ответил он, прижимаясь губами к ее виску.— Не могу просто решить, что сказать сначала.— И негромко рассмеялся.— Может, ты начнешь?

Она покачала головой, улыбаясь чуть печально.

— Не могу. Слишком многое нужно сказать.— Эйдрис подняла голову, посмотрела на него, потом прижалась щекой, чувствуя легкое покалывание небритой щетины.— Если только начать говорить, что я хочу тебе сказать, на это уйдет весь остаток дня... не меньше.

— Можешь говорить весь день, а я себе возьму ночь,— ответил он по-прежнему легко, но посмотрел на нее так напряженно, что у нее перехватило дыхание. Сердце ее колотилось так сильно, что она подумала, слышит ли он его. Смутившись, но одновременно испытывая радость, какой никогда не знала, Эйдрис отвела от него взгляд и застыла.

Солнце уже низко на западе. Ночь, о которой он говорил, наступит очень скоро. Она вспомнила, почему

они так торопились, и, когда Алон проследил направление ее взгляда, она поняла, что он тоже вспомнил.

— Я хочу... — медленно сказала она. — О, Алон... хочу! Но, дорогой мой... мы не можем задерживаться здесь. От нас зависит жизнь Керована.

Лицо его отвердело, он кивнул.

— Яхне нужно остановить. Я подумаю о способе остановить ее, не причинив вреда. Сейчас... — Взгляд его снова на мгновение стал нежным. — Сейчас я чувствую такую силу, что способен на все.

Он вздохнул, обнял ее сильнее, и она ответила на его объятие. Потом оба медленно сделали по шагу назад, не сказав ни слова, не закончив ласку.

Услышав за собой хруст, Эйдрис оглянулась и увидела Монсо. Жеребец катался по траве, болтая в воздухе ногами. Алон подошел к нему, осмотрел его грудь и плечи, потом рану на ноге.

— Теперь его можно напоить, — сказал он, схватил узду кеплианца и повел его к источнику.

Но когда они подошли к проходу в деревьях, ведущему в храм, полукровка остановился, глаза его закатились, уши прижались, он попятился.

— Что с ним? — спросил Алон, глядя на испуганного жеребца. — Животные не могут сюда войти?

Эйдрис посмотрела на храм, увидела сидящего на камне у источника Стального Когтя.

— Мне кажется, я знаю, — сказала она. — Стальной Коготь может войти в это место, потому что он естественное существо. Монсо — полукровка, он создан при помощи волшебства и потому неестествен. Ничто относящееся к Тени не может войти в храм Нив.

— А Монсо отчасти... отчасти конь-демон, — медленно сказал Алон. — Но... тогда откуда он знал, что нас нужно привести сюда, чтобы мы очистились... исцелились?

— Не знаю, — так же серьезно ответила Эйдрис. Она задумчиво посмотрела на сокола. — Если только ему сказал Стальной Коготь...

Оба замолчали, вспомнив, как неожиданные крики сокола приводили в действие жеребца. Наконец Алон покачал головой.

— Если даже бедный Монсо не может войти в храм, то пить воду из источника он может?

— Может, — заверила Эйдрис. — Я ему немного уже дала. — Они снова сделали из куртки Алона импровизированную поилку; потом одну за другой опустошали фляжки, и посвященный позволил жеребцу напиться досыта.

Наконец кеплианец утолил жажду. Алон покормил его зерном, а тем временем Эйдрис и Алон растирали его кожу, пока она не заблестела в лучах заходящего солнца.

Подлетел сокол и сел на луку седла. Работая, Алон все время поглядывал на Стального Когтя, как будто птица что-то ему сообщала. Видя такое и в прошлом, Эйдрис не удивилась, когда на лице Алона появилось озабоченное выражение.

— В чем дело? — негромко спросила девушка.

— Стальной Коготь видел волшебницу. Она по-прежнему направляется на юго-восток, к месту, которое мой крылатый друг описыват как «мертвое место, место больных деревьев, место, в котором Сила держит в плену». Я считаю, что Яхне обнаружила место, противоположное этому. — Он кивком указал на храм. — Я считаю, что она им воспользуется, чтобы овладеть Керованом.

— Далеко оно?

— Несколько часов отсюда — пешком. — Он смотрел на восток, очевидно, напряженно размышляя. — А далеко ли Кар Гарудин, по твоей оценке?

Эйдрис задумалась.

— Мне кажется, до Кар Гарудина примерно двадцать лиг, — сказала она, указывая на восток. — Если я правильно припоминаю легенды о расположении храма Нив относительно земель клана Красного Плаща. Мой дом как раз на границе этих земель.

Алон сделал шаг вперед, взял девушку за руки.

— Если понесет двоих, Монсо не сможет преодолеть это расстояние к вечеру, Эйдрис. И кто-то должен идти за Яхне.

Она посмотрела на него, и дыхание замерло у нее в горле.

— Что... что ты предлагаешь?

— Мы разделимся.— Теперь он говорил настойчиво и убедительно.— Я пешком пойду за Яхне. Я молод, и храм Нив восстановил мои силы. Нога у меня залечилась. Стальной Коготь приведет меня к волшебнице... я постараюсь сделать все возможное, чтобы помешать ей воспользоваться Местом Силы.

— А я? — спросила Эйдрис, чувствуя, что страх застревает в ее горле, как черствый хлеб.— Что я должна буду сделать?

Он глубоко вздохнул.

— Эйдрис... ты должна на Монсо добраться до Кар Гарудина. Ты одна знаешь дорогу... твоя семья прислушается к тебе, а чужаку не поверит.

Сказительница мимо Алона смотрела на пасущегося жеребца. Она вздрогнула. В одиночку ехать на коне-демоне, преодолеть многие лиги, скакать в безлунную ночь? А если Монсо сбросит ее, обратится против нее? Она вспомнила его ужасную скорость, и во рту у нее пересохло.

— Алон... не думаю, что я могу,— прошептала она.

Он схватил ее за плечи, затряс, пока она не оторвала взгляд от жеребца и не посмотрела на него.

— Ты должна,— сказал он.— Ничего больше нельзя сделать, Эйдрис! Ты должна взять Монсо и скакать так, словно все Тени мира гонятся за тобой... впрочем, может, так и есть. Это единственная возможность вовремя предупредить Керована!

Она прикусила губу, потом глубоко вдохнула и кивнула.

— Помоги мне оседлать его,— сказала она.

14

Путники оставили сумки, спрятав их среди ветвей березы на краю луга. Исключение сделали только для арфы Эйдрис. Помогая привязывать сумки, девушка думала, не напрасны ли их старания. Очень велика вероятность, что ни один из них не вернется за своим имуществом.

Закончив, она привязала свой посох к седлу, потом извлекла клинок с рукоятью в виде головы грифона. Сказительница протянула его своему спутнику.

— Я хочу, чтобы ты взял его,— сказала она.— Не могу оставить свою арфу, но не буду отягощать Монсо тем и другим. К тому же тебе может понадобиться оружие.

Он поколебался, потом протянул руку, коснулся головы грифона. Пасть животного была открыта, и из нее высовывался тяжелый голубоватый кристалл, служивший противовесом. Синие глаза из кванской стали, казалось, понимающе смотрят на посвященного.

Алон провел пальцами по телу грифона. Оплетенный серебряной проволокой для лучшей хватки, он образовывал узкую часть рукояти над гардой. Взяв оружие, посвященный взмахнул им, проверяя баланс.

Лучи садящегося солнца упали на лезвие, и по нему пробежала алая рябь. Алон улыбался, его движения и взмахи становились все уверенней.

— Прекрасно сбалансировано,— с восхищением сказал он.— Он почти как живой отвечает на мои желания.

— Так делаются лучшие мечи,— ответила Эйдрис.— Я хочу, чтобы ты взял его с собой, Алон. Он послужит тебе лучше твоего,— закончила она, и у нее перехватило горло. И девушка про себя взмолилась Гунноре, чтобы ему не пришлось пускать его в ход. Алон все еще далеко не лучший фехтовальщик, и самое хорошее оружие в мире этого не изменит.

Он повернулся и серьезно посмотрел на нее, потом покачал головой и вернул оружие.

— Спасибо, но я собирался оставить свой меч вместе со всем остальным,— сказал он.— Невозможно бежать, когда меч мешает делать шаги. А чтобы поймать Яхне, я должен передвигаться быстро.— Он печально пожал плечами.— Дело обстояло бы по-другому, если бы я мог им хорошо воспользоваться.

Эйдрис умоляюще посмотрела на него.

— Мы подвесим его тебе на спину, и ты сможешь нести его, как носят свои большие мечи сулкары.— Взяв его пояс, она продемонстрировала, как его можно надеть через плечо. Спрятав свой меч в его старые ножны, девушка надежно устроила его на спине Алона.— Видишь? Весит он не очень много и бежать не помешает,— настаивала она.

Он все еще колебался.

— Алон...— прошептала она, глядя ему в глаза.— Прошу тебя, возьми его. Возьми и помни все, чему я тебя научила.

Он печально улыбнулся.

— Один выпад и два приема защиты,— сухо заметил он.— Я готов сразиться с любым противником.—

Но, видя выражение ее синих глаз, посерьезнел и кивнул.— Хорошо, дорогая. Я возьму его. И не забуду.

Эйдрис облегченно вздохнула. Она не могла сказать, почему это так важно для нее; знала только, что очень важно. Сказительница была так уверена в этом, как будто она, как ее сестра Хиана, умеет предсказывать будущее.

Вместе они вернулись к Монсо, который стоял, оседланный и готовый, у входа в храм. Арфа Эйдрис была закутана в ее плащ и прикреплена к седлу. Сказительница и посвященный поменялись обувью. На Эйдрис теперь были высокие сапоги Алона для верховой езды... они ей чуть велики, но она заложила в носки тряпки. А посвященный надел ее старые разношенные походные ботинки.

— Возьми,— сказал он, снимая свою кожаную куртку.— Она тебя защитит от подлеска.

Девушка надела куртку и кожаные перчатки. Примерив стремена, укоротила их на несколько дыр. Монсо повернул голову и принюхался к ней, а сказительница тем временем прикрепляла к седлу фляжку с водой из источника Нив. Эйдрис потрепала кеплианца по шее.

— Мы с тобой остаемся вдвоем, сынок. Если ты позволишь.

Наконец она сунула шкатулку Дахон в карман куртки Алона, застегнула карман, чтобы шкатулка не выпала.

— Я готова,— объявила она.

Алон молча подставил сведенные руки ей под ногу. Быстро, чтобы не успеть передумать, Эйдрис взяла узду в левую руку и поставила левую ногу на руки Алона. Короткий рывок... и она в седле.

Монсо фыркнул и забил копытом.

— Так говоришь, двадцать лиг? — спросил Алон, посмотрев на темнеющий восток.

— Может, двадцать пять,— ответила она.— На последнем участке пути придется оставить дорогу

и двигаться напрямик через земли кайогов. Есть только один вход в долину Ландисла.

Он откинулся, посмотрел на нее и положил руку поверх ее руки в перчатке, державшей узду.

— Ровным галопом доберешься к полуночи. Ты должна будешь держать Монсо в руках, управлять его скоростью. Сама знаешь, что случится, если он понесет.

Она это слишком хорошо знала.

— Я буду осторожна, — серьезно заверила девушка. — К тому же, — она заставила себя говорить оживленно, — этот парень устал после сегодняшней скачки к храму. Может, вода Нив подействовала на него так же успокаивающе, как на нас. Отныне он будет покорен, как детская лошадка, верно, Монсо? — спросила она, приглаживая гриву нервничавшего жеребца.

Алон не обратил внимания на ее попытку пошутить, он продолжал внимательно смотреть на Эйдрис. И сжимал руку почти до боли.

— Пусть Янтарная Госпожа убережет тебя, любовь моя, — прошептал он. — Молюсь, чтобы мы снова увиделись. А до тех пор... прощай.

Эйдрис не могла говорить: она понимала, что не может доверять своему голосу. Поэтому только наклонилась вперед и поцеловала Алона в висок, прежде чем Монсо, которого тревожил новый всадник, не отскочил в сторону.

Алон повернулся, с мечом на спине, и помахал рукой, подзывая Стального Когтя.

— Будь моим проводником, крылатый воин! — крикнул он и пошел по склону. Птица кружила над ним.

Монсо изогнул шею и переступил ногами. Набрав полную грудь воздуха, сказительница немного ослабила узду... еще немного. Кеплианец шагнул вперед и пошел за хозяином, все убыстряя шаг.

Эйдрис привстала в стременах, пальцы ее перебирали узду, дергали удила во рту кеплианца... рывок, остановка, рывок, остановка...

Она осторожно расслабила узду, и Монсо поскакал по склону, в два прыжка обогнав Алона. Когда они добрались до того места, где оставили дорогу, левая рука Эйдрис потянула узду, правая нога прижала бок коня. Кеплианец послушно повернул налево, вернулся на дорогу.

Сказительница оглянулась, прежде чем кусты не закрыли видимость, и увидела, как Алон прощально машет ей рукой со склона. Потом ветви зелени закрыли посвященного, и осталась только дорога, пустая и красная в свете заката, манящая на восток.

Все еще стоя в стременах, чтобы лучше уравновешивать тяжесть тела, Эйдрис еще больше отпустила узду, и кеплианец пошел галопом.

Галоп... галоп...

Дорога превосходно подходила для скачущей лошади — не настолько твердая, чтобы вызвать ушибы, не пыльная. Видя перед собой пустую дорогу, Монсо с надеждой потянул удила, но Эйдрис держала его в руках. Сказительница чувствовала, как ее охватывает возбуждение. Распоряжаться такой скоростью, такой силой! Опьяняющее ощущение.

За ними сгущались сумерки, но по-прежнему им никто не встретился. Монсо сказал с быстротой, на какую не способно большинство обычных коней.

Вскоре Эйдрис понадобилось ночное зрение, и она мысленно стала напевать мелодию. Потом запела вслух, и сразу местность вокруг приобрела четкие очертания. Девушка увидела, как поворачиваются черные уши, ловя ее голос. Она запела громче и поняла, какую песню поет кеплианцу — песня в данных обстоятельствах казалось очень подходящей:

Бежали они по ночной дороге,
По широким блестящим просторам,
Пять прекрасных коней благородной породы,
И не золото, а жизнь — ставка этих скачек.

Она спела всю «Гонку лорда Фарала», а Монсо продолжал поводить ушами, словно наслаждался ее пением.

Шло время... В такую безлунную ночь трудно решить, сколько его прошло, но теперь Эйдрис видела проносящиеся мимо обработанные поля и изредка дома фермеров. Они находились в более населенных районах Арвона.

Однажды они проскакали через городок. Подковы Монсо выбивали искры на мощенных булыжником улицах, и звуки быстрого конского топота удваивались и утраивались, отражаясь от домов и магазинов. Над входом в ратушу висел плащ клана; усилив зрение, сказительница разглядела синий цвет.

— Мы в землях клана Синего Плаща, Монсо, — пропела она, не обращая внимания на открывшуюся сзади дверь таверны, на вопросительные крики встревоженных горожан, которые быстро стихли позади. — Уже проскакали не меньше десяти лиг. Если бы остались на этой дороге, вскоре оказались бы на земле клана Красного Плаща. Ты устал?

Черный полукровка фыркнул, словно в насмешку над такой мыслью. Эйдрис вслух рассмеялась, и они продолжали скакать.

Снова по обе стороны потянулись поля и фермы. Под копытами Монсо простучал каменный мост. Эйдрис слышала плеск воды об устои моста и провела сухим языком по обветренным губам. Мимолетно подумала об остановке, передышке, о том, чтобы попить немного воды из источника Нив, но решила, что еще немного продержится.

«Когда будем в землях клана Красного Плаща, — пообещала она себе. — Брод у Глубокой Воды. Там немного передохнем»...

Но к этому времени у нее заныли ноги: приходилось все время стоять в стременах. Эйдрис опустилась в седло, хотя по-прежнему наклонялась вперед,

чтобы облегчить давление на спину кеплианца. Теперь они скакали к какому-то темному пятну на дороге, похожему на гигантского зверя, готового проглотить их своей пастью.

Напрягая ночное зрение, Эйдрис разглядела деревья. «Конечно, — вспомнила она. — Лес. Мы у леса Синего Плаща. Почти на границе земель Красного Плаща».

Кеплианец углубился в лес, и они оказались в такой полной темноте, что даже ночное зрение Эйдрис теперь не помогало. Монсо тревожно фыркнул и неожиданно перешел на неуверенную рысь. Понимая, что зрение жеребца должно приспособиться к лесной темноте, сказительница не подгоняла его.

Темнота под деревьями напоминала тьму в подземных пещерах, она была почти абсолютной. Эйдрис сосредоточилась, запела вслух и разглядела дорогу, которая тянулась перед ней, как черная сатиновая лента на черном бархатном платье. Ход Монсо выравнивался, по мере того как глаза кеплианца приспосабливались к темноте между деревьями. Но они по-прежнему шли рысью, не решаясь переходить на галоп.

Эйдрис пригнулась к загривку Монсо, она дрожала от холодного ветра, который касался ее спины как пальцами мертвеца. Вот ветер подул снова, сильнее, холоднее, толкая девушку в спину, развевая волосы.

Сказительница напряглась, ноздри ее расширились. Ветер принес с собой запах... резкий, но знакомый. Эйдрис поморщилась. Откуда она знает этот запах? Она оглянулась, отыскивая его источник. Порыв зловония ударил ее по лицу, словно грязным дыханием.

Ветер нес больше двух десятков призрачно светящихся в темноте Летящих на паутине. Они направлялись прямо к девушке и к Монсо.

Ядовитые существа так близко, что Эйдрис могла разглядеть их клешни. С их челюстей капал яд, па-

дая на поверхность едва видной дороги; комки болезненно зеленоватого света обозначали путь существ. Еще один порыв ветра почти бросил их на жеребца и всадницу. Через мгновение они нападут.

Эйдрис, вскрикнув от ужаса, наклонилась вперед, чувствуя, как этот неестественный ветер давит ей в спину.

— Вперед, парень! — закричала она, вонзая пятки в бока Монсо.— Вперед! — Оглянувшись, она увидела перед самыми глазами клешни.— Беги! — закричала она и ударила кеплианца уздой по шее.

На этот раз и Монсо уловил запах преследователей. Кеплианец не нуждался в том, чтобы его подгоняли. Он устремился вперед, как игла из ружья, и понесся по темному лесу.

Темнота закрыла все. Эйдрис пыталась сохранить свое ночное зрение, опасаясь, что в любой момент может разбить голову о какую-нибудь низко нависающую ветвь. Но существ за собой она боялась больше смерти и потому не делала попыток сдержать Монсо, только плотнее прижалась к шее кеплианца, вцепившись обеими руками в его гриву.

Теперь деревья поредели, и она изредка могла что-то разглядеть. Осмелев, сказительница оглянулась и увидела, что Летящие на паутине отстают. Но неестественный ветер по-прежнему дул ей в спину.

«Волшебство,— поняла она.— Ветер кем-то послан, как и эти существа. Но кем? Яхне? Посвященными из Гарт-Хауэлла? — Она не могла этого знать.— Мы обгоняем не Летящих на паутине,— поняла девушка,— мы соревнуемся с ветром. И если он усилится»...

Теперь они скакали так быстро, что деревья сливались в полосу, они казались близкими друг к другу, как колья в изгороди.

И без предупреждения вылетели из леса, поскакали по склону холма вниз, к мерцающей реке.

«Глубокая Вода»! — поняла Эйдрис. Она пыталась сохранить равновесие, кеплианец продолжал стремительно лететь по дороге. «Если он споткнется и упадет на такой скорости, я погибну», — подумала она.

Оглянувшись, она увидела, что, ветер разбросал ядовитые существа, как только они вылетели из леса. Всадница теперь быстро удалялась от них.

Эйдрис взялась за узду.

— Монсо... спокойней, сынок... теперь можно пойти чуть медленней...

Но жеребец не реагировал на ее приказ. Полукровка несся по склону к реке со скоростью атакующего сокола. Эйдрис умоляла, пела, тянула изо всех сил за узду, так что заболели руки, — бесполезно.

Она продолжала пытаться сдержать коня, когда жеребец на полной скорости влетел в разлившиеся весенние воды брода. Кеплианец встал на дыбы, пытаясь прыгнуть в воде. И поэтому сошел с каменного брода в сторону, на глубину. Теперь река достигала ему до брюха. Он пошатнулся, стараясь сохранить равновесие на скользком илистом дне. Вода перекатилась через его плечи.

Эйдрис почувствовала, как задние ноги коня уходят из-под него; Монсо падал. Черная вода поднялась и поглотила жеребца и всадницу.

Эйдрис успела вытащить ноги из стремян, опасаясь, что конь утащит ее под воду и она утонет. Она ушла с головой под воду и отчаянно забилась. Подавившись, глотнула ледяной воды, но сумела подняться на поверхность, потом заставила руки и ноги двигаться. Кашляя, била по воде, пока не восстановилось дыхание, и поплыла, чувствуя, как ее уносит течение. Эйдрис замигала, тщетно стараясь стряхнуть воду с глаз. Ночное зрение исчезло, его больше не поддерживали сосредоточенность и мелодия.

Рядом двигалось что-то большое, громко фыркая. Монсо! Кеплианец пришел в себя и сильными греб-

ками плыл к противоположному берегу. Эйдрис устремилась за ним, почувствовала, как что-то скользнуло по руке, схватилась и поняла, что поймала узду.

Она быстро подтянулась к жеребцу, перебирая руками, потом сумела ухватиться за луку седла. Монсо стремительно плыл, таща за собой девушку.

Эйдрис знала, что у нее есть всего несколько мгновений, прежде чем жеребец коснется ногами дна и убежит в ночь. Оглянувшись через плечо, она увидела, что Летящие на паутине больше их не преследуют. Их фосфоресцирующие тела бесцельно плыли у дальнего берега Глубокой Воды.

«Конечно, — подумала Эйдрис. — Как большинство созданий Тени, они не могут пересечь текучую воду».

Неожиданно ноги Монсо коснулись твердого дна, и кеплианец, фыркая, снова устремился вперед. Вода потоками стекала с его могучего тела. Эйдрис обеими руками схватилась за недоуздок.

— Монсо, вперед! — приказала она, откинувшись, упираясь пятками в илистый берег. — Вперед, сынок!

Полукровка покачал головой, но послушался. Выбрался из воды, таща за собой Эйдрис. Сказительница на секунду присела на берегу, отвела мокрые волосы с глаз; потом, встав на ноги, призвала снова ночное зрение и с облегчением увидела, что арфа по-прежнему на месте. Придется ее хорошо просушить, чтобы не покоробилась. Девушка осмотрела окрестности, ища место, где можно сесть верхом.

Ночной ветер резал сквозь промокшую одежду, как лезвием меча, и Эйдрис пошатнулась и задрожала. Найдя небольшой камень с плоской вершиной, она остановила рядом с ним дрожащего потеющего Монсо. Погладила его, успокаивая; потом поставила ногу в стремя и с громким хлюпаньем села в промокшее седло.

Повернув коня и направляя его вверх по берегу, Эйдрис чувствовала, что усталость тянет ее вниз сильнее течения Глубокой Воды. Она потрогала карман,

нащупала шкатулку Дахон. «Выдержала ли моя импровизированная печать? — лихорадочно думала она.— Или лекарство для Джервона смешалось с речным илом»? Она боялась взглянуть, да и не могла на это тратить время. Прикусив губу, сказительница послала кеплианца вперед.

Несколько минут она продвигалась вперед осторожно, пока не нашла дорогу, потом снова послала жеребца рысью. Ее терзала мысль о времени, потерянном у брода... Что, если как раз сейчас Яхне готовит ловушку для Керована?

Эйдрис высвободила узду, и они снова поскакали галопом.

Земли клана Красного Плаща. Теперь дорога хорошо ей знакома, девочкой она много раз ездила по ней в город вместе со всей семьей. Примерно через лигу от дороги отойдет тропа, которая ведет через территорию кайоги.

Монсо больше не нужно было сдерживать, и это беспокоило Эйдрис. Она знала, что переправа черз реку отняла у жеребца много сил. Он явно устал. Сказительница думала, хватит ли у него сил на оставшуюся часть пути да Кар Гарудина.

По крайней мере от Летящих на паутине они отделались. Эйдрис решилась еще раз оглянуться и увидела только темноту. Пошлют ли те, кто отправил к ней эти существа, новую угрозу? Она не могла знать.

Спустя немного времени сказительница перевела Монсо на рысь, глядя направо. Они миновали небольшой ручей. И мгновение спустя девушка увидела — вот она, тропа, уходящая через луг. Ее можно было принять за звериную, но Эйдрис знала, что это не так. Натянув поводья, она повернула на тропу кеплианца.

Кайоги не из тех, кто оставляет хорошо заметные дороги, ведущие на их пастбища. Выходя за пределы своей территории, они пользовались узкими

извилистыми тропами, такими, как эта, и старались не оставлять заметных следов.

Эйдрис проскакала по лугу, но когда тропа углубилась в лес, ей пришлось снова сбросить скорость. И когда тропà повернула, неожиданно перед ними оказалось темное пятно. Оно словно присело, и сказительница на мгновение приняла его на готового к прыжку зверя. Но нет, это только небольшой овраг, размытый дождем и полный мусора от весеннего разлива. Пригнувшись к шее кеплианца, Эйдрис послала его вперед.

Монсо взлетел в воздух и перескочил через углубление. На мгновение Эйдрис ощутила себя летящей в воздухе; затем почти без толчка конь опустился на противоположной стороне.

— Хороший мальчик! — потрясенно воскликнула она. «Алон хорошо его выучил», — подумала она, снова увеличивая скорость и переходя на галоп. Теперь ей приходилось сражаться с собственной усталостью и холодом, и использование так недавно обретенной Силы истощало ее даже сильнее ночной гонки.

Еще дважды приходилось перепрыгивать через упавшие на дорогу деревья. Первый ствол был небольшим, всего по лодыжку стоящей Эйдрис. Второй показался из-за поворота. Вначале Эйдрис даже показалось, что среди тропы просто падает тень деревьев.

Но когда подъехали ближе и поздно было тормозить, Эйдрис с ужасом поняла, что ночное зрение подвело ее. То, что она приняла за тень, было материей. Толстый ствол доходил до подбородка рослому мужчине. Инстинкт требовал остановить кеплианца, но Эйдрис сразу поняла, что останавливаться поздно. Жеребец скакал слишком быстро и обязательно столкнется с препятствием. Подавив крик, Эйдрис сжала ногами его бока, прижалась к черной шее и закрыла глаза. Прыжок кеплианца едва не сбросил ее.

Эйдрис затаила дыхание, ожидая удара о ствол. Но жеребец каким-то образом перескочил, хотя она услышала, что он задел за дерево. Они, казалось, на целую вечность повисли в воздухе; но вот перелетели и падали, падали... Конь и всадница приземлились тяжело, едва не потеряли равновесие — но были в безопасности.

Жеребец снова поскакал; теперь он дышал тяжело, рывками. Сказительница цеплялась за его шею, ослабев и едва не всхлипывая от облегчения.

— Спасибо... спасибо, Монсо...— запиналась она.

Немного погодя они выехали из леса и двинулись по просторному, постепенно понижающемуся полю. Монсо по-прежнему дышал тяжело. На противоположной стороне поля они остановились, и тут же Эйдрис услышала оклик, который ждала с того момента, как свернула с дороги.

— Ты! Всадник! Стой! Ты на земле кайогов! Остановись, назови себя и сообщи, какое у тебя дело!

Зная, что часовой вооружен острым копьем, Эйдрис села в седле прямо и натянула узду, заставив Монсо остановиться. На этот раз жеребец как будто рад был возможности передохнуть и восстановить дыхание.

Немного погодя дыхание его выровнялось. Уловив запах коня кайога, жеребец вызывающе крикнул. Сказительница услышала испуганный ответный крик. Ночное зрение помогло ей разглядеть всадника на серой кобыле. Потом кайог зажег факел. Эйдрис заслонила глаза от неожиданного ослепляющего света.

— Это я, Эйдрис, дочь Джервона,— крикнула она.— Кто из всадников кайогов сегодня на страже?

— Эйдрис? — В голосе кочевника звучало подозрение.— Если ты госпожа Эйдрис, докажи это. Скажи, как зовут твоего мышастого мерина.

Девушка устало рассмеялась. Глаза ее приспособились к свету, и она наконец узнала усатого всадника.

— У меня каштановая кобыла, Гурет, как ты знаешь и сам. И зовут ее Вьяр.

— Эйдрис! — воскликнул Гурет. — Что ты здесь делаешь? Ты ведь уехала далеко! И возвращаешься посреди ночи... — Он подвел ближе свою серую кобылу, управляя ногами, и заставил стоять неподвижно, несмотря на то, что она боялась Монсо. — И на таком коне! Где ты его взяла?

Сказительница вздохнула и покачала головой.

— Это долгая история, друг мой, и мне некогда рассказывать. Могу только сказать, что лорд Кероваи в большой опасности и я тороплюсь предупредить его. И как только сообщу свою новость, я сама и, наверно, не одна сразу же поеду из долины. Я оставила друга, возможно, в очень опасном положении, и должна вернуться, чтобы помочь ему.

— Друга... — сказал Гурет, очевидно, уловив нотку в голосе Эйдрис, о которой она сама не подозревала.

— Это тот, кто вырастил и воспитал Монсо, — ответила Эйдрис, потрепав кеплианца по покрытой пеной шее.

— Должно быть, превосходный всадник, — заметил кайог. — Приручить и вырастить кеплианца...

— Я расскажу тебе все подробно... или расскажет сам Алон, как только можно будет, — пообещала Эйдрис, — но не сейчас. Гурет, я проехала сегодня за ночь пол-Арвона. И должна как можно быстрее добраться до Кар Гарудина.

Кайоги кивнул.

— Я помогу тебе, госпожа. Но подожди еще немного. — Одной рукой он снял роскошно расшитое одеяло, которое набросил на плечи для защиты от ночного холода. Потряс длинными волосами, расправляя их. — Вот, надень это. Ты выглядишь, как едва не затонувший жеребенок, — сказал он, протягивая одеяло.

Сказительница с благодарностью накинула его на голову, радуясь сохранившемуся теплу тела Гурета. Кайог ткнул вперед пальцем.

— Поезжай, госпожа. Я позову смену, потом сам поскачу в долину, чтобы приготовить лошадей.

Она благодарно улыбнулась ему.

— Приведи и Вьяр, — сказала она. — Этот парень заслуживает отдыха. Благодарю тебя за помощь, Гурет.

Эйдрис послала Монсо вперед. Жеребец споткнулся, и Гурет оценивающе взглянул на него.

— Он дойдет? Хочешь поменять его на Такалу?

— Нет, Гурет. — Она потрепала Монсо по плечу. — Даже уставший, он легко перегонит твою кобылу. Мне дорого каждое мгновение. Еще раз спасибо за помощь.

Всадник приветственно поднял факел, девушка повернула коня и уехала.

Выехав за круг света, отбрасываемый факелом Гурета, Эйдрис сразу должна была вернуть ночное зрение. Но надеялась в основном на глаза Монсо, который выбирал путь, идя легкой рысью.

Много минут спустя сказительница увидела знакомый ориентир — большой гранитный выступ. Она перевела Монсо на шаг, огибая гигантскую скалу. Когда скала раскололась и через нее прошла узкая тропа, Эйдрис свернула на нее. На полпути, посередине узкого ущелья, стояли два столба из кванской стали, увенчанные крылатыми шарами.

Вход в долину. Она почти дома.

С благодарным вздохом, который звучал опасно похоже на всхлипывание, сказительница направила Монсо к входу. За ним все было полно клубящимся туманом, это еще одна защита, которую некогда установил у своей долины Ландисл, могущественный грифон, который когда-то здесь жил.

Но Монсо, попытавшись миновать барьер, остановился и замотал головой. Отшатнулся, как и от входа в храм Нив.

«Конечно, — подумала Эйдрис. — Защита долины. Монсо отчасти существо Тени и не может пройти...»

Но если она оставит кеплианца и пойдет пешком, ей потребуется больше часа, чтобы добраться до замка на горном склоне! Эйдрис решительно посмотрела на преграду, потянулась к своей Силе, которая, как уверял Алон, у нее есть. Она запела, вкладывая в песню бессловесную просьбу, представляя в сознании раскрывающийся вход, прося свободного доступа.

Голос ее заполнил узкий разрез, и вот крылатые шары начали медленно пульсировать в такт ее мелодии. Решительно удерживая в сознании картину открытого входа, Эйдрис снова послала Монсо вперед.

Медленно, оберегая ногу, раненную Летящими на паутине, кеплианец прошел между столбами.

Чары, всегда окружающие того, кто въезжает в долину, посылали клубящиеся фантастические изображения, но Эйдрис, подолжая петь, вела Монсо вперед, и через несколько шагов туманные образы неожиданно исчезли. Эйдрис посмотрела вправо и увидела на фоне тьмы голубоватую вершину горы, отрога Кар Гарудина. На древнем языке это означает «Гнездо Грифона».

Она дома. Сердце ее подпрыгнуло.

— Еще немного, Монсо. Потом ты сможешь отдохнуть,— сказала она, гладя кеплианца. Собрав последние остатки сил, запела, и к ней медленно вернулось ночное зрение. Как только смогла видеть, она причмокнула, а когда Монсо не ответил, толкнула его пятками и послала рысью.

И прижимала ноги, пока кеплианец снова не поскакал галопом. Ей стыдно было так поступать; она понимала, что подгоняет коня, который и так отдал все силы и теперь находится на грани падения, но у них впереди еще целая лига.

«Я тоже устала, сынок»,— думала Эйдрис, поглаживая кеплианца по шее.

— Давай, ты можешь,— шептала она, думая, каким облегчением было бы остановиться... упасть с седла на землю и спать... спать...

В сознании ее возник образ Керована, и она расправила плечи. Еще немного...

Теперь жеребец шел с трудом, дышал он хрипло. И явно оберегал раненую ногу. Прикусив губу, сказительница заставляла его идти вперед, легко шлепая уздой по шее.

Ее ночное зрение исчезло; тьма окутала сказительницу. Эйдрис покачнулась в седле, но заставила себя схватиться за луку. Где она? Сколько еще осталось?

Вот! Справа от нее... начало подъема на горный склон! Для того, кто не провел здесь всю жизнь, это может показаться сплошной каменной стеной, но Керован давно приспособил заклинание так, чтобы его приемная дочь могла уходить и приходить, когда захочет.

Пригибаясь к спине кеплианца, девушка повернула его к склону, потом сильно ударила уздой, подгоняя одновременно голосом.

— Мы почти на месте, Монсо! Вперед, мальчик! Ради Алона!

Стальные подковы кеплианца застучали по камню. Конь вступил в каменный туннель, ведущий к Кар Гарудину. Стены и потолок туннеля светились слабым голубоватым светом, как и камень, из которого сооружена горная крепость.

В туннеле едва хватало места для всадницы и коня. Эйдрис пришлось прижаться к шее жеребца, и даже тогда она плечами и головой задевала за стены и потолок. Несколько раз, когда жеребец поворачивал, она ударялась о твердый камень. Наклонив голову, раздувая бока, как у наковальни в кузнице, жеребец поднимался... поднимался...

— Мы почти на месте...— прошептала Эйдрис, хотя ни звука не сорвалось с ее пересохших губ.— Почти на месте, Монсо... не останавливайся!

Кеплианец каким-то чудом продолжал подниматься.

Выбравшись наконец из туннеля, всадник и конь увидели великолепное зрелище — древнюю крепость Ландисла. Кар Гарудин — могучее сооружение с высокими, необычно изогнутыми шпилями и многочисленными узкими дверями и окнами. Из всех отверстий исходил приглушенный голубоватый свет.

Остановив Монсо у вымощенной каменными плитами дорожки, сказительница перевела дыхание и крикнула:

— Вставайте! Керован! Джойсана! Сильвия! Опасность! Проснитесь!

Должно быть, как только она вошла в туннель, ее семья узнала об этом, потому что не успела она замолчать, как в большой двери появились два полностью одетых человека.

Джойсана, а рядом с ней Керован!

Эйдрис испытала огромное облегчение, увидев своего приемного отца невредимым. Мгновением позже появился Фирдун — «Как он вырос»! — поразилась Эйдрис, — затем его сестра, Хиана. Позже всех вышла Сильвия. У этой полуженщины-полуптицы на голове вместо волос перья, круглые глаза гораздо больше человеческих.

— Эйдрис! — воскликнула Джойсана и побежала вниз по ступеням к приемной дочери. — Моя дорогая, что...

Жена Керована остановилась, потому что Монсо покачнулся и громко застонал. Голова кеплианца опустилась. Ночь заполнило его болезненное хриплое дыхание.

Прежде чем ошеломленная всадница успела соскочить, жеребец задрожал, как стрела, попавшая в цель; потом медленно, громоздко опустился на колени. Эйдрис едва успела отскочить, как Монсо повалился на бок и застыл.

Сказительница медленно, пошатываясь, отошла от него. Ноги Монсо торчали в воздухе. Девушка посмотрела на свою семью, и по ее щекам потекли слезы.

— Я убила его, — сказала она едва слышным голосом. — О, Алон... Мне так жаль. Монсо... так жаль...

— Эйдрис... — Джойсана торопливо спускалась к ней, протянув руки.

Сказительница собралась с силами, заставила себя говорить четко, несмотря на шум в ушах, который заглушал даже ее собственный голос.

— Я пришла предупредить вас. Керован... ты в большой опасности. Есть такая волшебница — Яхне. Она обладает большой Силой и собирается лишить тебя твоей. Сегодня... она попытается заманить тебя своими заклинаниями. Ты должен защищаться. Должен...

Эйдрис замолчала. Вначале ей показалось, что земля под ней начала раскачиваться; потом она поняла, что сама качается вперед и назад. Она пыталась напрячь колени, но не чувствовала ног. В ушах ее звучал резкий пронзительный звук. И в такт этому вою накатывалась волна черноты, еще более непроницаемой, чем толща Глубокой Воды. Тьма окутывала ее, поглощала, тащила вниз.

И прежде чем ошеломленные родственники смогли подхватить ее, Эйдрис упала на землю рядом с Монсо.

15

— Эйдрис... — достиг ее слуха голос. Знакомый голос. — Эйдрис... — позвал он снова. — Сестра, проснись, пожалуйста... — Пальцы погладили ее раскалывающуюся голову, облегчили боль у висков. Ее голова лежит на чем-то теплом и мягком. — Вот... — сказал голос. — Вода... попей, сестра.

Холодная жидкость во рту, она протекла вниз по горлу, смягчая сухость. Сказительница глотнула, раскрыла глаза и увидела над собой лицо Хианы.

— Эйдрис... Сестра, как ты себя чувствуешь? — озабоченно спросила Хиана. Она похожа на мать, со своими светло-каштановыми волосами, зелеными глазами и стройной фигурой женщины из долин Верхнего Холлека. Только широкие скулы и острый подбородок показывают, что она и дочь Керована.

— О, Хиана, — прошептала Эйдрис. — Что с Керованом? С ним все благополучно?

— Да, — послышался новый голос, и сказительница повернула голову. Рядом с сестрой появился Фирдун. — С отцом все в порядке.

Приемный брат успокаивающе улыбнулся ей, и Эйдрис снова поразилась тому, как он вырос. В четырнадцать лет он был скорее юношей, чем мальчиком, высоким и длинноногим. У него длинное овальное

лицо отца, темные волосы и глаза, которые на свету кажутся желтовато-каштановыми, а при другом освещении — светло-серыми.

— Где Керован? — спросила Эйдрис. Голова ее, казалось, полна не мыслями, а шерстью. По выражению лиц своих родичей она видела, что они едва сдерживатся, чтобы не задать ей тысячу вопросов.— Он в опасности. Я ехала от самого Гарт-Хауэлла, чтобы предупредить его...

— Не бойся за отца,— заверил ее Фирдун.— Сейчас он сидит на троне Ландисла в Большом зале, окруженный многочисленными заклинаниями и талисманами. Достаточно, чтобы открыть лавку на ярмарке.— Он непочтительно улыбнулся.— И громко жалуется, потому что мама велела ему не выходить за пределы защиты. Он требует, чтобы ему объяснили, в чем дело. Я сказал, что постараюсь узнать.

— А где Джойсана? И Сильвия? — спросила Эйдрис.

— Мне они велели заботиться о тебе, а сами ухаживают за твоим... конем,— ответила Хиана.

— Ухаживают за конем? — тупо повторила Эйдрис.— Но... Монсо мертв...

Приемная сестра покачала головой; длинные косы, заплетенные по моде кайогов пестрыми лентами, задрожали у нее на плечах.

— Он жив,— сказала Хиана.— Но долго ли проживет...— Она замолчала и покачала головой.

— Я думала, что загнала его насмерть,— прошептала Эйдрис. Голова у нее работала не очень хорошо... или она не расслышала? Неужели Монсо еще жив? Ведь кеплианец упал замертво.

— Он жив,— заверила Хиана.— Но... он очень слаб, Эйдрис. Мама пользуется своими лекарскими познаниями, но не знает, удастся ли его спасти.

Нахлынули воспоминания, и Эйдрис подняла голову. Не обращая внимания на попытки Хианы и Фирдуна остановить ее, сказительница села.

— Вода! — воскликнула она, дико оглядываясь в поисках сумки. — Вода в моей фляжке! Это вода из источника Нив. Может, она спасет его!

Фирдун что-то протянул ей.

— Эта фляжка?

— Да! — Эйдрис энергично схватила ее. Поколебалась, чувствуя собственную слабость. Ей тоже понадобятся силы, чтобы закончить начатое ночью. Где сейчас Алон? Сражается с Яхне?

Девушка решительно откупорила фляжку, поднесла к губам. Принялась пить, считая глотки. Позволила себе сделать только пять.

Благословенное действие воды источника она почувствовала почти сразу. Через минуту Эйдрис смогла без помощи встать и уверенно прошла по двору к тому месту, где Джойсана и Сильвия склонялись к лежащему кеплианцу.

Подойдя к ним, Эйдрис с ужасом увидела, что рана на ноге Монсо открылась. Нога была покрыта свежей и засохшей кровью. Жеребец, должно быть, пробежал много лиг с открывшейся раной, а она не увидела этого в темноте.

— Монсо... — прошептала она, опускаясь рядом с ним и гладя его шею. Он лежал неподвижно, едва дышал. Эйдрис почувствовала, что на глаза ей снова наворачиваются слезы, и решительно отогнала их. Слезы не помогут Монсо, но вода из источника Нив может помочь!

— Джойсана... Сильвия... — Она пожала руки женщинам, которые вырастили ее. Для объятий и приветствий будет время позже, когда они сделают все возможное для Монсо. — У меня есть кое-что, что может помочь, — сказала она, протягивая фляжку. — Он слишком слаб, чтобы проглотить, поэтому мне придется вливать ему в глотку, а вы поднимайте голову.

— Вода? — спросила Джойсана. Эйдрис увидела, что мудрая женщина прихватила с собой сумку с лекарствами. Рана была уже очищена. Рядом на чистой тряпке

лежала изогнутая игла и нитеобразное сухожилие антилопы. — Что за вода? Чем поможет ему простая вода?

— Это не простая вода, — объяснила сказительница. — Она из источника Нив. И обладает сильным восстановительным действием. — Она протянула руки ладонями вверх. — Я сама немного выпила, и смотрите, как она помогла мне. Иначе я не могла бы встать на ноги, как сейчас Монсо.

Джойсана оценивающе посмотрела на нее, потом быстро кивнула.

— Фирдун! Хиана! — позвала она. — Идите сюда, помогите поднять ему голову, чтобы Эйдрис могла напоить.

Пришлось поднимать голову Монсо втроем, чтобы он мог глотнуть. Эйдрис обеими руками раздвинула челюсти бессознательного животного. Оттащив язык в сторону, она достала пробку из фляжки и острожно налила воду в пасть мимо крупных зубов.

Налила... потом стала тереть горло Монсо, пока он не глотнул рефлекторно, налила еще.

На этот раз Монсо глотнул самостоятельно. Эйдрис снова закрыла фляжку, сберегая остаток воды. Ее помощники осторожно опустили большую голову.

Монсо открыл глаза и снова закрыл. Жеребец застонал, но не очнулся. Однако дыхание его стало сильнее и отчетливей, и Джойсана, которая держала руку у него на груди, возбужденно подняла голову.

— Сердцебиение усиливается!

Сильвия приложила голову к плечу жеребца, потом посмотрела на подругу, в ее огромных круглых глазах было предупреждение.

— Действительно! Лучше зашей рану, пока он без сознания, Джойсана!

Кивнув в знак согласия, Мудрая Женщина принялась за работу, снова очистила рану, потом соединила ее края, стянула их вместе и зашила осторожными точными стежками, завязывая каждый отдельно.

— Эйдрис, мне не терпится узнать всю историю,— говорила Джойсана, работая и не поднимая головы.

Сказительница вздохнула.

— Так много произошло, что я не знаю, с чего начать! О, Джойсана... мы должны спасти Монсо, если это возможно. Это конь Алона... а Алон сейчас может быть в страшной опасности! Надо ему помочь!

Джойсана быстро искоса посмотрела на нее.

— Кто такой Алон?

Эйдрис ничего не могла с собой поделать: она покраснела. Фирдун и Хиана, сидевшие поблизости, задумчиво переглянулись.

— Алон...— краснея, начала девушка.— Он... он хозяин Монсо, этого кеплианца. Он мой друг.

Мудрая женщина слегка улыбнулась и ласково посмотрела на свою приемную дочь.

— Друг,— мягко повторила она.

Эйдрис была очень занята, проверяя, плотно ли закрыта фляжка.

— Он посвященный и помог мне в поиске лекарства для Джервона.— Она похлопала по карману куртки Алона, в которой лежала шкатулка.— У меня оно с собой. Милостью Гунноры оно...

Она услышала стук копыт на ступеньках и повернулась. Все повернулись и увидели спускающегося Керована. Повелитель Кар Гарудина принадлежал к Древней Расе; к тому же он был явно не совсем человеком. Глаза у него янтарного цвета, с косыми необычными зрачками, а ноги заканчивались не ступнями, а копытами. Во всем остальном он был человеком, с черными волосами и лицом, типичным для представителя Древней Расы. Эйдрис раскрыла рот и снова закрыла.

— Керован, ты не должен выходить из-под защиты! Может быть, как раз сейчас Яхне заколдовывает тебя!

— Я не мог оставаться внутри! — раздраженно ответил ее приемный отец, крепко обнимая ее при

этом. После опасностей ночи замечательно было ощутить его силу и тепло. Эйдрис, прижавшись к нему, почувствовала, что вот-вот снова потекут слезы. Но тут он отстранил ее и посмотрел в лицо.— Эйдрис... Дочь... ругай меня, если нужно, но во имя Девяти Слов Мина, скажи, что произошло сегодня ночью!

Джойсана тщательно завязала последний узел, потом, нахмурившись, посмотрела на мужа.

— Кероваи,— строго сказала она.— Эйдрис говорит, что ты в опасности. Ты не должен...

Он нетерпеливо покачал головой.

— Неужели я должен сидеть взаперти, когда опасность угрожает моей семье и дому, Джойсана? — Кероваи повернулся к приемной дочери и положил руку на рукоять меча.— Кто такая эта Яхне, о которой ты говоришь? Чем она нам угрожает? — спросил он. И сразу стало видно, что много лет ему пришлось воевать.

Сказительница молча старалась привести в порядок события прошедших дней. А пока она молчала, Джойсана накрыла спящего кеплианца одеялом и повернулась к мужу. Неожиданно Мудрая Женщина напряглась и с криком отчаяния показала куда-то за его спину.

— Кероваи! Смотри! — воскликнула она.

Эйдрис смотрела широко раскрытыми глазами. На камне вокруг копыт Керована медленно возникала темная дымка — та самая, которую она так хорошо разглядела в пещере Яхне!

— Кероваи! — ахнула она, показывая.— Это заклинание Яхне! Она хочет призвать тебя к себе и отобрать Силу! Ты должен разорвать ее чары!

Джойсана устремилась вперед, протягивая руки к мужу, но он отстранил ее и посмотрел на пурпурный туман, колеблющийся у ног.

— Нет, госпожа! — приказал он тоном, который не терпел возражений.— Не пытайся коснуться меня, иначе тоже будешь захвачена.

Эйдрис чувствовала себя как в кошмаре, от которого не может очнуться. Она в бессильном отчаянии ломала руки.

— О, Керован... ты можешь прекратить это? Не позволяй ей забрать тебя!

Керован медленно поднял руку, он словно манил, но этот жест не был направлен ни на кого из присутствующих.

— Да, — немного погодя ответил он спокойно. — Я могу это остановить. — Странные нечеловеческие глаза лорда словно засветились изнутри, он запел на древнем языке.

Пораженные зрители увидели, как рядом с наследником повелителя грифонов начала возникать сверкающая фигура. Эйдрис разглядела свирепую голову, напомнившую ей о Стальном Когте, потом большую поднятую лапу. Рыжевато-коричневая задняя часть туловища напоминала льва, передняя — орла.

Нечеловеческие глаза горели янтарным блеском... это были глаза Керована. Но остальное — невероятное, смутно видимое тело посланника Ландисла, охранника и защитника замка, грифона Тельфера. Всю жизнь Эйдрис слышала рассказы о том, как Ландисл, грифон-повелитель, и Тельфер, его слуга, защищали Керована и Джойсана в их приключениях... но до сих пор ни разу не видела, чтобы наследник грифонов призывал на помощь охранного духа.

Медленно, почти презрительно теневая фигура Тельфера подняла массивную лапу и провела ею по сгущающемуся туману, разорвав его колдовское кольцо.

Неожиданно и туман, и теневая фигура исчезли. Керован стоял невредимый, широко расставив копыта.

Эйдрис с радостным криком шагнула вперед, обняла приемного отца и прижала к себе. Остальные члены семьи толпились вокруг с возбужденными восклицаниями.

— Ты... ты разорвал заклинание, — наконец выговорила Эйдрис, отступая и глядя на Керована. — И так легко... А ведь сам Динзил не смог помочь себе. — Она нахмурилась, думая о том, с каким трудом добиралась до Керована, чтобы предупредить его, вспомнила Глубокую Воду, падение Монсо... и самое страшное — расставание с Алоном. Неужели все это было зря? — Может... — Голос ее дрогнул. — Может, мое предупреждение не было нужно. Может, мне не следовало покидать Алона...

Джойсана, которая стояла возле мужа, одной рукой обняла приемную дочь. Мудрая Женщина покачала головой.

— Это не так, Эйдрис, — серьезно сказала она.

Керован повторил жест жены.

— Моя госпожа права, Эйдрис, — сказал он. — Я был предупрежден и потому смог преодолеть заклинание, когда оно грозило захватить меня. Если бы ты не пришла сегодня, чары этой Яхне захватили бы меня во сне и неподготовленным... — Он мрачно покачал головой. — Не сомневаюсь, я был бы захвачен.

— Тебе нужно многое нам рассказать, сестра, — сказала Хиана. — И ты говорила, что Алон в опасности...

— Так много нужно сказать и так мало времени! — ответила Эйдрис. — Я должна немедленно увидеть Джервона: может, у меня есть лекарство для него! А потом мы все должны отправиться к Алону, потому что я боюсь, Яхне захочет захватить его, раз уж ей не достался Керован. Алон пошел ее искать, но он устал и был вчера ранен. Я очень боюсь за него...

— Эйдрис... дорогая... — Сильвия с явным удивлением смотрела на девушку, как будто никогда раньше ее не видела. — Я чувствую много перемен... ты совсем другая! Ты была в разных местах, делала многое... ты переменилась... — Женщина из древнего Арвона быстро начертила в воздухе знак, который засветился синим цветом, перешедшим в зеленый.

Сказительница взяла себя в руки.

— Ты права, тетя, — сказала она, гордо улыбаясь. Потом, негромко напевая, сама начертила знак — музыкальную ноту. Знак висел, очерченный бирюзовым огнем. — Я открыла свою Силу. Она в музыке. Иначе я не смогла бы провести Монсо через защиту долины.

Все были изумлены, потом шагнули вперед, засыпали сказительницу вопросами. Керовану пришлось кричать, чтобы его услышали.

— Садитесь! — приказал он, теперь полновластный лорд замка. — Мы должны услышать все по порядку. А больше всего меня интересует этот загадочный Алон.

Эйдрис почувствовала, что снова краснеет. Она поискала слова, чтобы рассказать об Алоне, но не смогла найти. Улыбнулась своим близким; их любовь и забота окутывали ее, как теплые руки после кошмара.

— Я вам все расскажу, как только смогу, — пообещала она. — Но сначала... — Она достала шкатулку Дахон, открыла и заглянула внутрь. К ее огромному облегчению, внутри по-прежнему была красная целительная грязь. Она казалась такой же свежей, как тогда, когда девушка смазывала ею запястье Алона. — Сначала Джервон. Я не могу сидеть спокойно, пока не увижу отца.

— Это лекарство ты привезла? — спросил Керован, скептически поглядев на маленькую коробочку. — Грязь?

Джойсана осторожно коснулась пальцем влажной грязи и отдернула руку, как ужаленная.

— Где ты это нашла? — ахнула она.

— Мне ее дала госпожа Долины Зеленого Безмолвия в Эскоре, — ответила Эйдрис. Она посмотрела на спящего жеребца, потом подняла свою арфу, которая все еще лежала на земле, завернутая в плащ. — Если нам повезет, то грязи хватит и на рану Монсо. — Она

улыбнулась всем.— Но вначале... о, вначале я должна увидеть отца!

Джойсана тепло улыбнулась своей приемной дочери.

— Конечно, иди, моя дорогая. Тем временем мы с Керованом приготовим поесть... мне кажется, все нагуляли аппетит, со всеми этими полуночными приключениями и работами. Фирдун и Сильвия присмотрят за твоим конем.

— Пойдем, сестра,— сказала Хиана, беря сказительницу за руку.— Я отведу тебя.

Неся арфу и шкатулку, Эйдрис вслед за приемной сестрой прошла по коридорам Кар Гарудина, освещенным светящимися шарами, какие она видела в городе Эс, в крепости волшебниц. Она вспомнила Аврис и подумала, как живет ее подруга. Но вот они подошли к двери Джервона, и девушка остановилась, неожиданно задрожав.

«А что, если грязь Дахон не подействует? — подумала она, чувствуя, что во рту у нее пересохло от страха.— Я проделала такой путь... как будто прошло много лет... прошу тебя, Янтарная Госпожа... прошу тебя, Нив! Прошу вас, верните мне отца!»

Хиана, успокаивая, положила ей на плечо руку. Эйдрис кивнула сестре, расправила плечи и вошла в комнату.

Джервон лежал на постели. Возле него в кресле дремала девушка кайоги. Кто-нибудь из слуг или член семьи всегда находился с ним, чтобы он не мог себе повредить, как беспомощный ребенок, которого он теперь напоминал.

Девушка — Эйдрис вспомнила, что ее зовут Карлис,— широко раскрытыми глазами смотрела на вошедшую.

— Эйдрис! — воскликнула она.— С возвращением, госпожа!

Сказительница поздоровалась со служанкой, потом Хиана подбадривающе улыбнулась ей.

— Мы присмотрим за ним, — сказала она Карлис, и та вышла.

Эйдрис медленно подошла к кровати отца. Даже во сне расслабленный рот, отсутствующее выражение лица выдавали его болезнь. Сев рядом, дочь осторожно взяла его руку. Он открыл глаза, которые когда-то были голубыми, того же яркого цвета, что у дочери, но сейчас выцвели и опустели.

— Отец... — прошептала сказительница, гладя его волосы, — я вернулась домой.

Джервон улыбнулся, что-то пробормотал, смешивая отдельные слова с бессмысленными звуками. «По крайней мере он меня узнал», — подумала девушка, стирая слюну с его подбородка.

— Лежи спокойно, — прошептала она и начала осторожно обмазывать его лоб целительной грязью Дахон, покрывать его тонким слоем прохладной красноты.

Джервон дернулся, поднял руки, пытаясь стереть лечебную грязь.

— Нет, не стирай ее, — сказала Эйдрис и вместе с Хианой держала его руки, пока он не покорился, нервно посматривая на них.

— Когда он успокоится, — негромко сказала Эйдрис, — я хочу, чтобы ты отнесла оставшуюся грязь к Джойсане. Попроси ее смазать рану кеплианца. Потом пусть промоет шкатулку в ведре воды, а эту воду выпоит ему, когда он придет в себя и сможет стоять.

— Понятно, — ответила сестра.

Джервон посмотрел на них, потом на кувшин с водой, который стоял на бюро. Он снова что-то забормотал. Показал на кувшин, снова забормотал.

— Он хочет пить, — сказала Эйдрис, поняв жест.

Но прежде чем Хиана поднесла к его губам чашку, Эйдрис, повинуясь порыву, бросила в воду комочек красной грязи и помешала пальцем, пока грязь не растворилась.

— Возьми, отец, — сказала она, помогая ему сесть. Джервон жадно выпил, улыбнулся бессмысленной улыбкой и снова лег. Беспокойно поерзал, по-прежнему пытаясь стереть слой грязи со лба. — Нет, нет, — прошептала Эйдрис. — Оставь ее там, отец...

Хиана держала шкатулку, глядя на оставшуюся в ней грязь.

— Кто бы ни была эта госпожа Долины Зеленого Безмолвия, она обладает большой Силой, — сказала она. — Я чувствую ее волшебство.

— Да, у Дахон большая Сила, — подтвердила Эйдрис. — Это часть того, что я должна вам рассказать. Тшшш, — сказала она, снова поворачиваясь к отцу. — Лежи спокойно, дорогой отец. Отдыхай.

— Может, споешь ему... — предложила Хиана. — Это всегда его успокаивает, даже в худшие дни.

Эйдрис кивнула и взяла арфу. Настроила и начала перебирать струны, думая, что бы спеть. Перед глазами ее всплыло лицо Алона, и, не успев подумать, она запела:

Когда холмы пурпурны от цветов вереска
И весна идет по долине,
Когда мой любимый и я вместе,
Я мечтаю о свадебной фате.

До того, как Псы напали на нас,
Мы владели весной и лугами —
Теперь война стала любовницей моего милого,
И сердце мое полно тоской и горем.

Но в мечтах я по-прежнему иду нашей прекрасной долиной,
Во сне я слышу его голос,
И мы по-прежнему встречаемся в прошлом,
И он по-прежнему выбор моего сердца.
Потому что узы, возникнув, не рвутся,
А обещание, данное когда-то,
Должно быть сдержано любой ценой.

Она негромко пела старую песню, и слезы текли по ее щекам. А когда кончила, Джервон снова уснул. Красная грязь подсохла и превращалась в корку у него на лбу. Хиана положила руку на плечо сестры.

— Ты его любишь? — спросила она. — Этого... Алона.

— Да, я его люблю, — прошептала Эйдрис, зарыв лицо на плече Хианы, не в силах посмотреть ей в глаза. — Люблю... сильнее, чем могу сказать.

Хиана обняла ее, погладила завитки волос сестры.

— Скажи, а он отвечает на твою любовь?

Сказительница молча кивнула.

— Но я боюсь за него, — прошептала она. — Он в большой опасности.

— Мы тебе поможем, сестра, — пообещала Хиана, сжимая руки Эйдрис. — Я скажу матери и отцу, чтобы готовились выезжать завтра утром.

Эйдрис покачала головой.

— Завтра может быть поздно. Сегодня вечером. Алон один выслеживает Яхне в Месте Силы — темной Силы. Я не смею ждать дневного света.

Хиана стала серьезной.

— Ночь безлунная, — негромко сказала она. — В это время Тень сильнее всего. Особенно в Темном месте.

Сказительница кивнула.

— Знаю. Тем более нужно отправляться до рассвета.

Джойсана и дочь Керована кивнули и неслышно вышли из комнаты, оставив Эйдрис одну с отцом.

Сказительница сидела рядом с ним, держала за руку и смотрела, как он спит. Она негромко снова запела; воспоминания пробегали в ее сознании, как играющие дети. Джервон... несущий ее, еще совсем маленькую, на плече. Джервон, во дворе упражняющийся с Керованом в фехтовании, лицо у него раскраснелось и полно жизни. Джервон, который учит

ее нападать и защищаться деревянным мечом. Джервон, поднимающий ее после первого падения с лошади; лицо его искажено тревогой... Джервон, стоящий рядом с женой, обняв ее: такими она в последний раз их видела перед исчезновением Элис.

Воспоминания перешли в сны, Эйдрис задремала, сидя у постели отца и по-прежнему держа его за руку.

Она проснулась, когда дверь открылась и вошла Джойсана. Приемная мать переоделась в брюки для верховой езды и сапоги с высокими голенищами, которые защищают ноги от подлеска. На ней утепленная куртка, а каштановые волосы плотно заплетены.

В руках она держала груду одежды.

— Я принесла тебе кое-что из твоей одежды, — прошептала она. — Сними эту влажную. — Она взглянула на Джервона. — Как он?

Эйрит притронулась пальцем к грязи.

— Высохла и потрескалась, — объявила она. — Дахон велела снять ее, когда...

Она замолкла, увидев, что Джервон открыл глаза. Взгляд его переместился с Джойсаны к Эйдрис. Джервон мигнул.

— Джойсана? — прошептал он, глядя на Мудрую Женщину.

Обе женщины ахнули во внезапной надежде и предчувствии.

— Джервон! — воскликнула Джойсана, сжимая руку друга. — Джервон, ты меня узнаешь?

— Конечно, я тебя узнаю, — явно удивленный, ответил он. — Но... это кто? — Он показал на Эйдрис.

Сказительница ахнула, потом поднесла руку отца к щеке. На руку полились ее слезы, горячие и соленые.

— Отец! — прошептала она. — О, отец! Спасибо, Янтарная Госпожа! Спасибо, Дахон!

Джервон смотрел на нее широко раскрытыми глазами. Он сел, схватив ее за плечо.

— Эйдрис? — прошептал он.— Это ты? Но... но...

Джойсана обняла приемную дочь, которая от слез не могла говорить.

— Да, Джервон. Это Эйдрис. Ты был... болен... некоторое время. Долго. И только сегодня твоя дочь принесла лекарство, и ты наконец пришел в себя!

Джервон обнял Эйдрис. А девушка ощутила радость, и все ее страдания и лишения казались ничтожными по сравнению с этой радостью. Отец обнимает ее, она слышит, как он зовет ее по имени. Немного погодя Джервон заговорил снова. Он был удивлен, но начинал понимать, что произошли изменения... большие изменения... о которых он не знает.

— Время...— прошептал он.— Джойсана, сколько времени?..

Мудрая Женщина набрала воздуха в грудь.

— Шесть лет, Джервон,— сказала она спокойно, сразу сказала правду.

— О, нет...— прошептал Джервон.— Моя девочка выросла и стала женщиной. Моя жена...— Неожиданно в глазах его вспыхнула надежда.— Что с Элис?

— Ее все еще не нашли, отец,— сказала Эйдрис, слегка отстраняясь и глядя на него. Она провела пальцами по дорогому знакомому лицу. Нежно сняла остатки красной грязи. Теперь, когда лицо его снова наполнилось жизнью, казалось, прошедшие годы почти не изменили его.

Отец смотрел на нее.

— Ты так на нее похожа,— удивленно сказал он.— Ты стала красавицей, дочь.

— Что последним ты помнишь, отец? — спросила она.

— Видящий камень,— ответил он.— Я поднялся... посмотрел...— Он перевел дыхание.— Эйдрис, я увидел ее! В тот день я увидел Элис! Она лежала в Месте Силы... Я узнаю это место, если увижу снова.

В моем видении она лежала на матрасе, сложив руки на груди. Наш сын... — Ему снова не хватило дыхания. — Наш сын все еще в ней. Я видел ее живот. Элис была окружена дымкой, каким-то колдовством, которое скрывает ее от вида... но, — он крепко сжал руки дочери, — но она жива, Эйдрис! Жива!

— О, отец! — прошептала она. — Если бы мы могли найти ее... спасти!

— Найдем, — пообещал он, и слова его прозвучали священной клятвой. — Найдем.

Джойсана встала, положила руки им на плечи.

— Я должна сообщить счастливую новость моему лорду, — сказала она. — А потом... Эйдрис, мы по-прежнему ждем твоего рассказа.

Сказительница улыбнулась приемной матери.

— Я скоро к вам приду.

— Мы придем оба, — сказал Джервон. — Если будет что-то рассказано, я должен услышать. — Он печально улыбнулся. — Кажется, мне многое предстоит узнать.

Меньше чем через час, переодевшись в свежее, впервые за много дней по-настоящему утолив голод, Эйдрис сидела на каменной скамье в Большом зале, заканчивала есть и рассказывала.

— Итак, — закончила она, — Алон один отправился выслеживать колдунью. Я боюсь за него. — Она посмотрела на лица своих родных. — И поэтому проскакала всю ночь. Гурет уже, должно быть, ждет со свежими лошадьми.

— Я поеду с тобой, сестра! — первым заговорил Фирдун. — Я не боюсь волшебницы!

— Именно из-за этого отсутствия страха ты останешься, — мрачно сказал Керован своему порывистому сыну. — Я поеду с Эйдрис.

— И я, — одновременно сказали Джойсана и Хиана.

— И я, — мгновение спустя подхватил Джервон. Недавний больной был тоже одет для езды верхом. Благодаря тому, что он и больным постоянно ездил верхом и ходил, он не потерял формы, хотя жаловался на худобу и слабость.

Он улыбнулся дочери и сжал ее руку. Его голубые глаза насмешливо улыбались.

— Мы должны выручить этого молодого волшебника хотя бы для того, чтобы я спросил, каковы его намерения относительно моей дочери. — Он покачал головой. — Какая ночь! Я пришел в себя после стольких лет и сразу узнал, что дочь у меня — волшебница большой Силы, а посвященный — мой возможный сын. У меня голова кругом идет!

Эйдрис покачала головой. Она приказала себе не краснеть больше. Девушка ничего не рассказала о том, что произошло в храме Нив. Сказала только, что Место Силы излечило их обоих от Тени. Она знала, что Хиана не выдала ее откровения. Но семья хорошо ее знает, и она опасалась, что каждый раз, произнося имя Алона, она себя выдает.

— Отец! — укоризненно сказала она. — Я ничего не говорила о...

— И не нужно, — мягко ответил Джервон. Однако тут же посерьезнел. — Я сегодня как будто заново родился. Дочь моя стала женщиной, к тому же Мудрой Женщиной. Мне нужно время, чтобы привыкнуть.

— Благодаря госпоже Долины Зеленого Безмолвия нам всем нужно привыкнуть, — сказала Джойсана. — А сейчас я предлагаю отправляться.

В конце концов было решено, что Фирдун и Сильвия останутся... как ни протестовал Фирдун. Керован напомнил сыну, что тот может мысленно связываться с сестрой и поэтому в Кар Гарудине будет известно об их продвижении. Как только все было готово, Джойсана, Керован, Эйдрис, Хиана и Джервон вышли из Большого зала.

Во дворе их ждал Монсо. Он ел зерно. Кеплианец похудел и выглядел истощенным, но и с ним грязь Дахон сотворила чудо, и нога у него почти залечилась. Жеребец допил воду из источника Нив и выпил воду, которой вымыли шкатулку. Глядя на него, Эйдрис не могла поверить, что они прибыли в крепость Ландисла всего два часа назад.

Она потрепала кеплианца по шее, потом быстро оседлала его.

— Ты хочешь ехать на нем? — спросила Джойсана. — Он еще нуждается в отдыхе!

Эйдрис покачала головой.

— Я поеду на Вьяр, — сказала она приемной матери. — Но если мы найдем Алона, ему потребуется конь. А Монсо не захочет ждать возвращения хозяина. Никакая изгородь его не удержит, если он решит пойти с нами... — Она улыбнулась. Жеребец заржал и забил копытом, как будто понял ее и согласился.

Эйдрис привязала узду к седлу, чтобы жеребец не споткнулся о нее. Как она и предсказала, Монсо пошел за ними, когда они начали спуск в долину.

Через несколько минут отряд вытянулся в цепочку. Джервон, не обладавший ночным зрением, ехал в середине.

К тому времени как они добрались до дороги, Эйдрис едва сдерживалась, чтобы не пустить лошадь галопом. Тревога за Алона грызла ее, как дикий зверь.

Они двигались на запад быстрой рысью, а девушка нервничала, впервые осознав, насколько обычные лошади уступают в скорости Монсо. Жеребец без всадника скакал впереди, принюхивался, словно хотел отыскать след хозяина.

Неожиданно Монсо бросил в ночь свой вызывающий крик и встал на дыбы. Опасаясь, что жеребец впал в бешенство, всадники натянули поводья, с тревогой наблюдая за кеплианцем, который нервно бил копытом по дороге. Полукровка закричал снова...

... и на этот раз получил ответ.

Резкий крик разорвал ночной воздух, и Эйдрис неожиданно увидела летящее к ней черное пятно. И различила белую букву V.

— Стальной Коготь! — ахнула она, увидев, что сокол сел на седло Монсо. Она знала, что обычно сокол не летает ночью, и сердце у нее забилось.

— Об этом соколе ты рассказывала? — спросил Керован.

— Да,— пересохшими губами прошептала Эйдрис. Птица посмотрела прямо на сказительницу и снова крикнула.— Он прилетел, чтобы отвести нас к Алону,— уверенно сказала девушка.— Алону грозит страшная опасность!

16

Стальной Коготь повел их. Он перелетал с ветки на ветку, иногда улетал на небольшое расстояние и кричал. Монсо шел вслед за соколом, а Эйдрис и вся ее семья следовали за кеплианцем.

Перед ними в темноте ночи тянулась дорога. Небо было затянуто тучами. Вначале они двигались по широкой часто используемой дороге, по которой Эйдрис добралась до Кар Гарудина, потом, где-то в земле клана Синего Плаща, от этой дороги на юг отделилась другая, поменьше. Эта боковая дорога вскоре превратилась в заросшую тропу с колеями от повозок.

Все, кроме Джервона, могли в случае необходимости призвать ночное зрение, поэтому по очереди ехали впереди. Так никому не приходилось слишком уставать. Когда впереди ехал Керован, Джервон держался с ним рядом. И Эйдрис слышала негромкий голос Керована, иногда прерываемый вопросом или замечанием собеседника. Она догадалась, что Керован рассказывает своему вновь обретенному другу о прошедших годах.

До рассвета оставалось еще около часа, когда отряд добрался до Места Силы, где, возможно, находилась Яхне. Последний час всадники ехали по болотистой местности, дорога превратилась в звериную

тропу, потом совершенно исчезла. Если бы не кеплианец и сокол, они заблудились бы.

Они огибали заросли кустов, и Эйдрис, которая ехала впереди с Хианой, увидела, как Монсо остановился. Жеребец фыркнул, выпятил верхнюю губу, оскалил зубы, как будто почувствовал неприятный запах. Мгновение спустя подлетел Стальной Коготь и сел на седло Алона.

— Наша цель впереди, — негромко сказала сестра Эйдрис. — Сокол говорит это.

Всматриваясь в темноту, Эйдрис усилила ночное зрение и разглядела впереди слабый свет. Он постепенно усилился и стал напоминать лесной пожар, который девушка однажды видела, — лесной пожар, прогоревший до углей. Но сказительница инстинктивно чувствовала, что это свечение не имеет отношения к простому огню или дереву. Свечение впереди казалось нечистым.

Кобыла Эйдрис Вьяр неожиданно остановилась, вытянув вперед уши, потом раздула ноздри. Сказительница почувствовала, как задрожала ее лошадь; потом без всякого предупреждения она наклонила голову и попятилась. Если бы Эйдрис не подгоняла ее вперед, кобыла повернулась бы и убежала.

Мерин Хианы тоже попятился. Даже в темноте сказительница различила белые кольца вокруг глаз испуганного животного. Сзади послышался голос Керована:

— Что случилось?

— Лошади, — негромко ответила Эйдрис. — Они упираются. Чувствуют что-то впереди и не хотят подходить.

— Нам придется спешиться? — спросила Джойсана.

— Не знаю. Может быть.

Но после короткой схватки (и сильного удара по шее) сказительница сумела справиться со своей

кобылой и послала ее вперед. Вьяр под ней дрожала, но Эйдрис, которая подчиняла себе Монсо, обнаружила, что с обычной лошадью справиться легче. А серый мерин Хианы Рейни пошел вслед за Вьяр.

Напрягая ноги, дрожа, кобыла шла вслед за Монсо к источнику света. Эйдрис показалось, что они въехали в мертвый лес. Но этот лес погиб так быстро, что листья не успели опасть с ветвей. Они светились белым фосфоресцирующим сиянием, как лишайники, растущие в пещерах. Стволы и ветви, на которых висели эти жуткие листья, были совершенно черными, как будто мгновено сгнили. А со многих ветвей свисал мертвый серебристый мох, подобно шпалерам скрывая от наблюдателя глубины леса.

Если бы не отвратительный запах и не ощущение всеобщей неправильности, это место можно было бы назвать странно прекрасным. Путники остановились на опушке этого необыкновенного леса, и Эйдрис взглянула на Хиану.

— Что ты об этом думаешь, сестра? — спросила она, зная, что Хиана обладает способностью проникать в суть вещей и в будущее.

— Поистине перед нами случай, где прекрасное грязно, а грязное прекрасно,— ответила Хиана.— Если Алон пошел за волшебницей туда, в опасности не только его тело, но его внутренняя сущность. Умереть в таком месте значит лишиться всякой надежды на спасение или милосердие.

— Тропа.— Джервон, всегда сохранявший практичность, указал на отчетливую дорожку.— Но невозможно сказать, ведет ли она в нужное место.

— Если есть тропа, мы должны по ней пойти,— отозвался Керован.— Коснуться одного из этих деревьев, если их можно так назвать, все равно что нарываться на укус гадюки.— Эйдрис видела, что браслет, который он постоянно носит, засветился, как всегда, предупреждая о присутствии зла.

— А лошади выдержат? — спросила Джойсана, успокаивая своего каштанового жеребца.— Варрен нервничает уже здесь и не хочет входить.

— Монсо уже пошел,— воскликнула Эйдрис, указывая на кеплианца, который двинулся по тропе.— Быстрей, пока он показывает нам дорогу! — Она сжала бока Вьяр ногами, но потребовался еще один удар по шее, чтобы кобыла пошла за жеребцом.

Гнилые деревья (так называла их про себя Эйдрис) сомкнулись вокруг. Почва под копытами кобылы была серой и выщелоченной, лишенной жизни, стерильной и рассыпчатой, как тальк. Раз или два вдохнув, Эйдрис достала носовой платок и обвязала им рот и нос. Быстро оглянувшись, она увидела, что остальные последовали ее примеру. Лошадям явно не нравился этот «лес», но они перестали упираться.

Эйдрис охватило нетерпение, ей хотелось пустить Вьяр галопом, но после предупреждения Керована — не прикасаться к деревьям — сказительница сдерживалась... едва. Росла уверенность, что Алон в опасности, и наконец девушка начала дрожать, как натянутая струна арфы. Она вспоминала все их встречи, каждое мгновение вместе, и не имела сил остановить эти плывущие в сознании картины.

Лес, тихий и ядовитый, тянулся по обе стороны от них, но, к удивлению Эйдрис, пока они никого не встретили. Она все время ожидала увидеть новую группу Летящих на паутине. Если и существует лучшее место для жизни этих существ, она его не знает.

Оглянувшись, сказительница увидела, что браслет Керована ярко светится синим цветом, как в тот день, когда их с Джервоном едва не унес кеплианец. Но на этот раз не нужен талисман, чтобы предупредить их о Тени или сказать, что все они подвергаются серьезной опасности. Зловоние, окружившее путников, ни на минуту не дает забыть об этом. Стальной Коготь, нахохлившись, сидел на седле кеплианца, и Эйдрис

поняла, что птица не хочет садиться на ветви деревьев этого неестественного леса. Девушка подумала, далеко ли еще до места: они уже проехали чуть ли не лигу.

Не успела эта мысль прийти ей в голову, как тропа кончилась. Неожиданно гнилые деревья расступились, открыв большую круглую поляну. «Луг» порос короткой сухой травой цвета древних лишайников. В центре возвышался громадный камень размером с большой дом.

Монсо, приветственно заржав, вылетел на луг. Эйдрис посмотрела в ту сторону и увидела на фоне массивного камня две фигуры.

Одну окутывал фиолетовый свет, исходящий от талисмана на шее. Руки человека были подняты в предупреждающем жесте, и фиолетовое сияние стояло перед ними, как щит. Вторая фигура, несомненно, Яхне, хотя на ней все то же бесформенное серое платье с капюшоном, скрывающим лицо. С концов ее пальцев срывались языки пурпурного пламени, они извивались, как змеи, и устремлялись к голове посвященного.

— Алон! — закричала Эйдрис, соскочила с кобылы и побежала, прежде чем Вьяр успела остановиться. — Алон!

Монсо поскакал к хозяину, но неожиданно, едва не упав, затормозил, как будто наткнулся на невидимую преграду.

Так оно и есть, обнаружила мгновение спустя Эйдрис, ударившись обо что-то неподдающееся. Она упала и лежала, не в силах вдохнуть. Мгновение спустя Керован схватил ее за руку и помог встать.

Сказительница в ужасе смотрела на происходящее. Очевидно, Алон утратил сосредоточенность, услышав ее крик, потому что в это мгновение его ударила одна из молний Яхне. Посвященный пошатнулся и опустился на колени, явно ошеломленный.

— Нет! — прошептала в отчаянии Эйдрис. Стоя за невидимой стеной, она вынуждена была беспомощ-

но наблюдать. Увидев ее и остальных спасителей, Яхне громко рассмеялась, исмешливо поблагодарила, махнув рукой, и вернулась к своему делу. В ужасе Эйдрис поняла, что волшебница завершает заклинания, лишившие Силы Динзила. Недалеко от нее на «траве» лежал мертвый молодой олень с перерезанным горлом. Кровавый круг был почти завершен.

Эйдрис бессильно заколотила в невидимую преграду. В этот момент волшебница поднесла кинжал к своему костлявому запястью. Сейчас этот страшный круг будет закончен. Яхне запела.

Алон опустился на четвереньки, и вокруг него начал собираться туман.

— Алон! — закричала Эйдрис.— Останови ее! Ты должен ее остановить!

Немного погодя молодой человек с трудом встал и с ужасом посмотрел на сгущающийся туман, который уже доходил ему до пояса.

— Нет! — всхлипнула Эйдрис. Она почти не сознавала, что рядом с ней появился отец.— Стена Яхне окружает ее со всех сторон? — спросила девушка у Хианы.

Приемная сестра кивнула.

— Я ее вижу. Преграда из бледного света высотой до вершин этих отвратительных деревьев.

— Вы можете уничтожить ее чары? — спросила умоляюще сказительница у Джойсаны и Керована.

Мудрая Женщина покачала головой.

— Я все время пытаюсь это сделать, но такое заклинание мне раньше не встречалось.

Радостно рассмеявшись, Яхне приблизилась к Алону. Посвященный пытался вернуть туман в землю, используя свечение своего хрустального талисмана. Но постепенно проигрывал схватку. Туман уже добрался до его груди. Эйдрис знала, что если туман полностью поглотит его, того Алона, который ей знаком, больше не будет. Он навсегда будет потерян — и для нее, и для себя.

— Алон! — закричала она.— Меч! Вспомни про меч! — Она знала, что холодное железо или сталь — мощное оружие против злого волшебства. А в рукояти меча, в голове грифона, есть железо кван, это проклятие Тьмы.— Меч! — Она сложила руки у рта, чтобы голос ее был услышан.— Попробуй меч!

Очевидно, оглушенный ударом Яхне, Алон покачал головой, одной рукой по-прежнему сжимая талисман. Эйдрис поняла, что он ее не слышит: заклинание Яхне каким-то образом приглушает и звуки.

Волшебница еще больше приблизилась к жертве. Монсо гневно закричал и встал на дыбы. Мощными передними ногами жеребец забил в преграду, но бесполезно.

Туман подбирался к подбородку Алона. Эйдрис повернулась к Хиане, в отчаянии сжала ее руки.

— Ты можешь послать мысль? — спросила она.

Хиана колебалась.

— Могу обмениваться мыслями с отцом и матерью... и с Фирдуном. Иногда с тобой.

— Попытайся связаться с Алоном, Хиана! Попроси его использовать меч! Попробуй, прошу тебя! — Хиана нахмурилась, но послушно закрыла глаза и сосредоточилась.

«*Меч*,— думала Эйдрис.— Алон, воспользуйся мечом. Он может прогнать туман! Используй меч»!

Яхне, стоя прямо перед Алоном, продолжала петь, размахивая руками. Туман сгустился еще больше...

Алон, словно во сне, протянул руку за спину.

— Да! — прошептала Эйдрис.— Да, Алон! Меч... о, пожалуйста, воспользуйся им!

Посвященный наклонился, исчезнув из вида, потому что туман уже доходил ему до глаз. Эйдрис так крепко стиснула кулаки, что заболели руки, но не заметила боли. Меч! Он его достает из ножен? Что он делает?

Яхне отдала последний приказ, используя Слово, от которого воздух как будто свернулся и потемнел.

Туман перехлестнул через голову Алона. Эйдрис закрыла глаза, не в силах смотреть, но сразу же снова открыла их. Она не могла смотреть, но тут же обнаружила, что не может и отвести взгляд.

«Янтарная Госпожа,— молча взмолилась она. Из глаз ее полились слезы.— Помоги ему!»

Бледное свечение окутало руки волшебницы: Яхне начала вбирать в себя Силу Алона, как она сделала с Динзилем.

«Помогите! Кто-нибудь, помогите ему!»

Резкий крик прорезал воздух: что-то маленькое, черное, упало на Яхне, как камень, острые когти нацелились ей в глаза. Единственный, кто смог преодолеть преграду,— Стальной Коготь!

Волшебница пригнулась, едва избежав удара крылатой смерти, обрушившейся с неба. Пурпурный свет, окутывавший ее руки, дрогнул, совсем погас, когда она подняла руки. С ее пальцев соравалась темная молния, ударила маленькую фигурку с белым V на груди...

...и в тот же момент из тумана, окутавшего Алона, показалось лезвие клинка Эйдрис, разрубая туман, словно твердое вещество. Разрубило, проделав отверстие; и прежде чем Яхне поняла, что ее пленник собирается ускользнуть, Эйдрис смутно увидела, как Алон вышел из туманного столба.

Расставив ноги, чуть пригнув колени, вытянув руку — именно этому выпаду она его учила,— и он справился с ним превосходно. Лезвие молниеносно пролетело расстояние между ними, коснулось серого платья на груди волшебницы и пронзило ее насквозь.

Яхне издала крик, в котором смешивались ярость и боль.

Туман рассеялся, волшебница упала — и лежала неподвижно.

В то же мгновение Эйдрис и все остальные шатнулись вперед: преграда, которая сдерживала их, исчезла.

— Алон, о Алон! — Сказительница побежала к посвященному, схватила его за плечи, радостно обняла, но он ответил ей объятием лишь на мгновение. С мрачным выражением лица отстранил ее и подошел к маленькой фигурке, лежащей на земле рядом с умирающей волшебницей.

Эйдрис негромко заплакала от боли и жалости. Стальной Коготь еще не умер... но скоро умрет, это было ясно.

— О, нет! — прошептала девушка.

Слезы стояли в глазах Алона, он прижал к себе умирающего сокола.

— Стальной Коготь... — горестно прошептал он. — Ты меня спас...

Эйдрис осторожно коснулась сильного клюва, посмотрела в глаза, которые уже затягивала пелена смерти. Ей показалось, что она увидела во взгляде птицы странное удовлетворение. Алон удивленно посмотрел на нее.

— Стальной Коготь... доволен, — прошептал он.

Эйдрис кивнула, неожиданно поняв.

— Он завершил поиск, который один держал его живым, верно? — спросила она. — Он умер довольный, зная, что отомстил.

Алон кивнул.

— Яхне... в ночь смерти Джонтала там была Яхне. Она поставила ловушку... на меня. Но умер Джонтал...

Глаза Стального Когтя в последний раз свирепо блеснули; потом птица неожиданно напряглась, дернулась несколько раз и поникла. Алон глотнул, повернулся и отошел к Монсо.

Эйдрис двинулась за ним, но Джервон схватил ее за руку.

— Нет, — мягко сказал ее отец. — Дай ему возможность погоревать в одиночестве. Он этого хочет.

Сказительница глубоко вздохнула, потом кивнула. Они смотрели, как Алон подошел к Монсо, потре-

пал его по шее, потом осторожно и нежно завернул тело сокола в свою рубашку. Привязал сверток к седлу. Без объяснений сказительница поняла, что он хочет похоронить птицу в чистой земле.

Эйдрис повернулась к своей семье и увидела, что Джойсана и Хиана склонились к Яхне. Сказительница слегка удивилась, видя, что волшебница еще жива, хотя было ясно, что никакой целитель ее не спасет.

Опустившись на колени рядом с волшебницей, Эйдрис смотрела на нее, думая, какой маленькой и сморщенной она теперь кажется. Яхне открыла глаза, посмотрела на нее, и молодая женщина увидела, что блеск безумия в глазах колдуньи исчез. Волшебница с трудом дышала.

— Я... я умираю? — прошептала она.

Джойсана поколебалась, потом кивнула.

— Да. Я помогла бы тебе, если бы могла, но твоя рана мне не под силу. — На лице умирающей женщины выступил пот.

— Да... я чувствую... Больно... очень больно...

— Прости, — сказала Джойсана. — Если хочешь, я спою, чтобы тебе не было больно. Этим я могу облегчить твою смерть.

Волшебница кивнула.

— Где Алон? — прошептала она.

Эйдрис торопливо поманила Алона, который уже приближался к ним. Подойдя к женщине, которая заботилась о нем в детстве, он опустился на колени и взял ее руку.

— Прости, — негромко сказал он. — Мне очень жаль. Я хотел бы найти другой выход.

— Не... твоя вина, — шепотом ответила она. — Теперь я ясно вижу... давно уже так не могла...

— Тише, — с трудом сказал Алон. — Не нужно говорить.

— Я должна... должна сказать, — настаивала Яхне. — Это все Великая Перемена... Великая Перемена... —

Она задыхалась. — До него... я была волшебницей в Эсткарпе...

— Мы догадались об этом, — сказала Эйдрис. — И ты после Великой Перемены утратила свою Силу?

Бывшая волшебница кивнула.

— Я рассердилась. Хотела... чтобы сила вернулась... была моей всегда... — Джойсана осторожно вытерла губы Яхне тряпкой, смоченной в воде. Старуха (вся ее заимствованная «молодость» исчезла) с благодарностью слизала влагу. Джойсана помогла ей отпить из фляжки. — И тогда я узнала о тех... кто крадет Силу... о мужчинах. Их сила должна была стать моей...

Немного погодя она снова заговорила.

— Я бродила... долго... пришла в Гарт-Хауэлл... там меня приняли. Это тоже были... противоестественные существа... мужчины, владеющие Силой... но они показали мне путь... — Она передохнула и задергалась. Пот выступил у нее на лице, постепенно она стихла. — Заклинание. Аббат научил меня... заклинанию. Чтобы я отобрала Силу у тебя... — Она посмотрела на Алона. — Такова была цена... я готова была ее заплатить... с радостью. Прости меня за это, Алон.

— У меня? — Он явно удивился. — Но почему? Я никогда не встречался с обитателями Гарт-Хауэлла, не причинил им никакого вреда. Я находился за полмира от них. Почему я?

— Они боятся тебя... — шептала она. — Ты один из Семи. — Она взглянула на Эйдрис и на Хиану. — Они тоже. Семеро...

— Что за Семеро? — спросила Эйдрис.

— Семеро защитников... защитников этой земли... Арвона, — ответила Яхне. Она дышала с трудом, и расслышать ее слова было нелегко. — Будет... Семеро. Последний еще... не родился. — Она посмотрела на Эйдрис. — Твой брат, — прошептала она. — Он последний. Если родится.

Эйдрис схватила старуху за руку.

— Что ты знаешь о моем брате? — спросила она.

— Обещай... обещай, что облегчишь мой уход... — сказала колдунья.

— Клянусь амулетом Гунноры, — поклялась сказительница. — Где мой брат, Яхне?

— Здесь... и не-здесь. В камне и не-в-камне. В клетке, в плоти... аххх... — Со стоном она смолкла.

Для Эйдрис слова ее не имели смысла. Девушка хотела попросить дальнейших объяснений, но Джойсана остановила ее.

— Она больше ничего не скажет, дочь, — прошептала она. — Мы выполним наше обещание?

Джойсана и Эйдрис вместе негромко запели, и все видели, как морщины боли на лице старухи разгладились. Когда несколько минут спустя Яхне умерла, на лице у нее было выражение покоя.

Ей прикрыли лицо складкой ее плаща, потом отошли на противоположную сторону камня, чтобы впервые поговорить. Джойсана посмотрела на восток от места Тени.

— Рассвет наступает, — негромко сказала она. — Ночь мы пережили... несколько часов назад я в это не верила.

Алон смотрел на своих спасителей.

— Благодарю вас всех за то, что пришли мне на помощь. Без твоей мысли, — обратился он к Хиане, — я никогда не вспомнил бы о мече.

— Алон, это Хиана, моя приемная сестра, — сказала Эйдрис, вспомнив о приличиях. — А это лорд Керован и леди Джойсана, мои приемные родители. — Гордость прозвучала в ее голосе, когда она взяла за руку Джервона. — А это мой отец Джервон.

Алон каждому по очереди кланялся, но когда услышал последнее имя, удивленно замигал.

— Грязь Дахон подействовала! — воскликнул он. — Это... это удивительная новость!.. Сэр, — торопливо добавил посвященный.

Джервон улыбнулся.

— Я у тебя в долгу, молодой чародей,— сказал он.— И судя по тому, что мне сказала моя дочь, нам с тобой есть о чем поговорить.— Он протянул руку.— Рад знакомству, Алон.

Наступила очередь покраснеть Алону, но он схватил руку старшего, пожал и прямо посмотрел ему в глаза.

— Ты имеешь на это право... сэр. Я тоже рад встрече, Джервон. Ты счастливый человек. Мы не знали, подействует ли грязь Дахон на поврежденный мозг.

— Действительно счастливый,— согласился Джервон.— Иметь такую дочь, как моя... Хотя,— добавил он, пристально посмотрев на Алона,— у меня складывается впечатление, что теперь придется ею делиться.

Рот у Алона слегка дернулся.

— Ты не только счастлив, но и проницателен,— сказал он.

Керован засмеялся, потом достал из седельной сумки хлеб и фляжку с водой.

— Возьми, Алон. Ты, должно быть, хочешь есть.

Маленькая группа села кружком: разделили еду и воду, а тем временем в жутком лесу постепенно светлело. События ночи утомили сказительницу, и она почувствовала, что готова лечь рядом с телом Яхне и уснуть. Одновременно от сдерживаемого возбуждения ей хотелось закричать.

Уловив взгляд отца, она слабо улыбнулась ему.

— Подойти к ней так близко... и потерпеть неудачу. Яхне знала, где моя мать

Он кивнул.

— Да, это тяжело. Но мы не сдадимся.

— Здесь и не-здесь,— удивленно произнес вслух Алон.— Камень, который не-камень.— Он покачал головой.— Что это может значить?

Никто не мог ответить. Но Алон отказался сдаваться, он грыз эту загадку, словно она кость, а он собака.

— Здесь... — Он осмотрел поляну. — Что значит здесь и не-здесь? Камень и не-камень? Камень... камень — это скала, гранит, известняк, кварц... — Он замолчал, глядя на свой хрусталь. — Хрусталь! — воскликнул он. — Это камень и в то же время не-камень. Может, Яхне это имела в виду?

Все повернулись и в усиливающемся освещении принялись разглядывать окружение.

— Никакого камня, кроме этого, — сказал наконец Джервон, показывая на большой камень в центре. — А он не кажется хрустальным. Он серый.

Посвященный встал и подошел к камню. Эйдрис встала с ним рядом, они вместе смотрели на камень.

— Здесь и не-здесь, — сказал Алон. — Камень и не-камень. Похоже на зеркальные Врата, которыми мы воспользовались, верно?

Очевидно, ему пришла в голову какая-то мысль.

— Но камень совсем не похож, — сказала она, прикоснувшись к его хрустальному талисману. Постучала по нему ногтем. Тот ответил легким звоном, и Алон, смотревший на большой камень, ахнул.

— Сделай еще раз! — приказал он, поднося к ней хрусталь. — И постарайся голосом повторить этот звук, как делала раньше!

Удивленная, она послушалась, заставила хрусталь зазвенеть и повторила этот звук голосом.

— Вижу! — воскликнул Алон, широко раскрыв глаза. — Эйдрис, посмотри на камень, когда ты так делаешь!

Она снова заставила зазвучать хрусталь и повторила этот звук. И под ее взглядом камень стал прозрачным!

Она увидела то, что у него внутри... увидела матрас, и на нем человеческую фигуру.

— Это Врата! — пораженно воскликнула она. К этому времени и остальные, привлеченные возбужденными голосами, подошли, чтобы узнать, что случилось.

Снова Алон продемонстрировал свое открытие, и на этот раз наступила очередь Джервона широко раскрыть глаза.

— Это Элис! — ахнул он.— Такой я видел ее в Видящем камне! Я знал, что узнаю ее, если снова увижу!

— Мы должны разрушить иллюзию, убеждающую, что это прочный камень,— сказала Джойсана.— Должны попытаться открыть Врата.

— Как? — спросил Керован.— Вы с Алоном, кажется, делали это в прошлом.

— Я считаю, что мы должны соединить руки и Силу,— сказала Джойсана.— А потом перелить свою Силу в Эйдрис. Хрусталь реагирует на звук, а она певица. Ее голос — это ключ, который откроет Врата.— Мудрая Женщина посмотрела на Алона, и он кивнул в знак согласия.

И вот все взялись за руки и сосредоточились. Через несколько мгновений у Эйдрис закружилась голова: она словно превратилась в стержень, которым касаются молнии. Раскрыв рот, она запела, и никогда еще ее голос не звучал так чисто и громко.

Камень снова медленно становился прозрачным... вначале превратился в хрусталь... потом в туман. Вся группа шагнула вперед, прямо в туман.

Они оказались в месте, заполненном светом, но это был свет Тьмы, как будто Тень превратилась в пламя и приобрела материальность. У места не было ни горизонта, ни границ. Не было неба... ничего. Ноги на чем-то стояли, но на чем именно, сказать было трудно. Эйдрис глотнула: головокружение усилилось. Очень трудно было не видеть ничего определенного.

Кроме одного. Перед ней матрас, и на нем спит Элис. Эйдрис видела легкие движения ее живота под платьем.

— Она все время была здесь,— прошептала Джойсана.

— Но почему? — спросил Керован.— Зачем похищать ее и заключать в это место? Если посвященные Гарт-Хауэлла так могущественны и так порочны, что совершили это, почему просто не покончить с ней?

— Потому что убийство беременной женщины — такой страшный грех, что даже хозяева Гарт-Хауэлла не осмелились на него,— ответила Хиана.— Гуннора защищает неродившихся и тех, кто несет их. Враг не посмел причинить вреда Элис. Слишком боялся мести Гунноры.

Эйдрис прошла вперед, остальные последовали за ней. Зрение сказительницы приспособилось к странному освещению места, и она видела линии Темного света над своей матерью. Она лежит словно в клетке.

— В клетке, в плоти,— прошептал Алон.— Перед нами спит Седьмой Защитник Арвона.

— Как нам освободить ее? — спросила Хиана.— Я не знаю, как разорвать это колдовство.

— Я тоже,— призналась Джойсана.

— Ландисл не может нам здесь помочь,— сказал Керован.— Это место за пределами нашего мира. Здесь он никогда не бывал.

Эйдрис почти не слышала слова членов своей семьи. Она смотрела на линии Темного света. И чем дольше смотрела, тем больше они казались ей похожими на струны арфы. Как будто на них можно... играть. Музыка. Музыка послужила ключом ко многим заклинаниям, которые ей встречались...

— Алон...— хрипло прошептала сказительница,— передай мне всю твою Силу.

— Она у тебя,— ответил он, сжимая ее пальцы. Сила вливалась в нее... вливалась, как теплая волна.

Напевая, сказительница представила себе огромный палец с прищепкой. Предельно сосредоточившись,

она заставляла себя увидеть его, вот он навис на этими «струнами».

Затем с усилием, от которого ее бросило в пот, она провела гигантскую прищепку вниз, заставила задеть одну из «струн».

Громкий гулкий звук едва не оглушил ее. Эйдрис ждала, но клетка оставалась на месте. Она снова сосредоточилась и тронула другую «струну». Потом еще одну.

— Это три,— сказал Алон.— Одно из чисел Силы.

— А какие другие числа? — спросила Эйдрис.— Три не подействовало, как ты видишь.

— Семь,— ответил он.— И девять.

— Семь,— повторила девушка.— Семь Защитников... Алон! — Голос ее звучал возбужденно, она быстро считала.— Здесь семь струн!

— Попробуй,— поторопил он.

Дрожа от усилий, сказительница принялась перебирать струны... пока не прозвучали все семь.

Ничего не произошло. Эйдрис в разочаровании пыталась сдержать слезы.

— Семь... должно быть отношение к числу «семь»,— шептал Алон.— Не может быть просто совпадением. Заклинания часто состоят из повтора определенных чисел, слов, звуков...

— Семь Защитников, семь струн...— прошептала Эйдрис.— Семью семь...

— Попробуй,— снова посоветовал Алон.

Эйдрис начала. Действия воображаемым гигантским пальцем с прищепкой отнимали у нее все больше сил... и сил, которые она заняла у Алона. Сказительница знала, что лишает его энергии, как это собиралась сделать Яхне. Его рука, которую она держала в своих, начала дрожать.

Но она продолжала издавать ноты. Семь различных нот, в сложной последовательности. Она выбира-

ла их как будто случайно, но все время сознавала, что рождается мелодия. Мелодия любви и желания. Песня о любви ребенка к матери, о любви мужа к жене... все это и еще многое вложила она в свою мелодию.

Четырнадцать... двадцать один... тридцать пять... Тьма подползала к ее глазам, как злобный расти. Сорок два... сорок девять!

От неожиданности все замигали и пошатнулись. Линии Темного света исчезли!

Алон и Эйдрис устремились вперед; но Алон тут же схватил девушку за руку и удержал ее.

— Пусть первым пойдет твой отец,— сказал он.

Сказительница колебалась, потом остановилась, понимая, что посвященный прав.

Медленно, почтительно муж Элис приблизился к матрасу; протянул руку, погладил жену по щеке.

— Элис...— прошептал он.— О, моя дорогая... моя госпожа...

Нежно поцеловал ее в лоб, потом в губы; взял ее руку в свою и поднес к своему лицу. По его поросшей щетиной щеке поползла слеза и коснулась ее пальца. При этом прикосновении веки спящей женщины дрогнули и поднялись. Она удивленно посмотрела на мужа.

— Джервон...— прошептала она.— Милорд...

— Миледи,— ответил он негромко и взволнованно.— О, Элис! — подхватил ее на руки и, когда Керован захотел помочь, сомневаясь в силах друга, сердито покачал головой.

Вся группа молча пошла за Джервоном, который пронес свою драгоценную ношу во Врата, оставив жуткое место позади.

На поляне светило солнце. Казалось, Элис не испытывает последствий от своего долго заключения, и скоро муж поставил ее на ноги, а она протянула руку к дочери.

— Эйдрис? — прошептала она.— Не может быть!

— Мама! — сказала девушка, и они обнялись и заплакали от радости. Эйдрис чувствовала, что сердце ее не вынесет больше радости. Оба ее родителя вернулись к ней в один день!

Оторвавшись наконец от дочери (она словно боялась, что ее снова отберут), Элис поздоровалась с друзьями.

— Расскажите, что случилось, — попросила она, — потому что я ничего не помню.

Все возбужденно заговорили, пытаясь рассказать, что произошло за эти годы. Когда рассказ был окончен, милые черты лица Элис опечалились, однако она много лет была не только волшебницей, но и женщиной-воином и жила в стране, опустошаемой войной, поэтому она не заплакала и не стала браниться, когда узнала, что посвященные из Гарт-Хауэлла украли у нее девять лет жизни.

Она просто покачала головой и огляделась.

— Ничего не помню,— просто сказала она.— Знаю только, что прилегла вздремнуть в Кар Гарудине и проснулась здесь. Это вы, мои любимые,— она посмотрела на мужа и взрослую дочь, на своих друзей и соратников по оружию,— это вы страдали, а не я! — Она сжала губы.— Клянусь всеми силами, нынешними и грядущими, будет и отмщение.— Голос ее прозвучал спокойно, но от него по спине Эйдрис пробежал холодок.

Все молча прошли туда, где паслись лошади. Но не успели сделать и несколько шагов, как Элис неожиданно ахнула и прижала руку к спине.

— Элис? — Джойсана мгновенно оказалась рядом, обняла подругу, поддерживая ее.— Ребенок?

Мать Эйдрис кивнула.

— И кажется, не преждевременно,— попыталась она пошутить.— Если вы говорите правду, я вынашивала его девять лет!

Группа быстро разделилась на три части. Хиана и Джойсана, опытные целительницы и акушерки, присматривали за Элис. Джервон и Керован уехали в поисках продуктов и транспорта для перевозки Элис и вскоре вернулись. Их лошади были впряжены в древнюю повозку: удалось уговорить местного фермера ссудить ее. Фермеру пообещали золото, а в качестве залога оставили мечи.

Эйдрис и Алон похоронили Яхне, потом разговаривали, ухаживали за Монсо и остальными лошадьми. Они рассказывали друг другу о событиях той отчаянной ночи. Сказительница узнала, что Яхне обманула Алона и заманила его в свой волшебный круг: она показала ему Эйдрис, лежащую на траве со сломанной ногой.

Солнце уже склонялось на запад, полдень давно миновал, когда поляну огласил негодующий крик, похожий на вопль кошки, которой наступили на хвост. Эйдрис и Алон, держась за руки, подошли и увидели Джервона. Он широко улыбался и держал в руках Седьмого Защитника Арвона.

Ребенок был такой маленький, что Эйдрис подумала: титул для него слишком громкий. Он мал даже для имени, которым наградили его родители.

— Тревор,— прошептала Элис со своей постели в углу повозки, глядя на мужа, который гордо поднимал этот кричащий красный комочек.

— Надежда,— сказал Алон.— На Древнем языке Тревор означает «надежда».

— Знаю,— ответила Эйдрис, обняла его за пояс и устало прислонилась к нему.— Надежда нам очень понадобится в ближайшие годы, если предсказание Хианы верно и в Арвоне назревает большой конфликт — война, какая бушевала несколько лет назад в Эскоре.

Посвященный серьезно кивнул, но в его серых глазах загорелся огонек.

— И, очевидно, нам с тобой предстоит сыграть важную роль в этом конфликте, — прошептал он. — Надежда. Она нам понадобится. — Он внимательно посмотрел на Тревора. — *Он* нам понадобится.

Несколько часов спустя группа покинула поляну, оставив позади свежую могилу Яхне. Алон, сидящий на Монсо, неожиданно показал:

— Смотри!

Эйдрис рядом с ним на Вьяр ахнула:

— Трава! Она стала зеленой!

Прозвучал полный удивления голос Хианы:

— Смотрите! Смотрите на лес!

Гнилые деревья менялись на глазах. Дуб, рябина, береза, клен, лиственница появились на месте черно-белых призраков деревьев.

— Лес! — воскликнула Эйдрис. — Он излечился!

Алон рядом с ней улыбнулся и взял ее за руку. Они поехали рядом, и перед ними катилась волна свежей зелени, накатывалась, как прибой на берег.

Эпилог

Пальцы Эйдрис вызвали последний аккорд. Звуки побежали по Большому залу Кар Гарудина, как ребенок в день праздника Середины Зимы.

— Так вернулись они в Кар Гарудин, очистив Место Силы,— негромко произнесла сказительница.— И велика была их радость.

Она поклонилась, а собравшиеся гости и члены семьи захлопали. Даже Тревор, сидящий на коленях матери, беззубо улыбнулся.

— Прекрасная песня, Эйдрис! — сказал Джервон.— «Баллада о сказительнице» — это лучшее, что ты сочинила!

Она ласково улыбнулась отцу.

— Всегда лучше пишется, когда ты хорошо знаешь, о чем пишешь,— ответила она.

Сказительница почувствовала, что кто-то перегнулся через спинку ее стула. Повернув голову, она увидела (хотя чувствовала это сердцем, и не повернувшись) Алона. Он улыбнулся, глядя на собравшихся.

— Большой успех, миледи. Мне очень понравилось. Особенно реквием по Стальному Когтю.

И, понизив голос, добавил:

— Но, может, наши гости устали. Пир идет целый день, и сейчас уже вечер.

Обред, вождь кайогов, гулко рассмеялся.

— Я тебя слышу, лорд Алон!

Эйдрис и Алон покраснели, а вождь кайогов рассмеялся еще громче.

— Мы понимаем намеки, лорд Алон. Ты прав: действительно пора расходиться.— Обред улыбнулся.— Но если женишься на сказительнице, будь готов к неудобствам. Особенно если сказительница так хороша, как госпожа Эйдрис. Когда слышишь ее игру и пение, не хочется уходить.

Алон улыбнулся коренастому вождю.

— Я хорошо это понимаю, Обред. Именно ее голос прежде всего покорил меня.

Эйдрис встала, отложила арфу и расправила свое новое свадебное платье.

— Ты забыл, милорд,— негромко сказала она, положив руку на руку мужа и уводя его из зала.— Первым попал под мои чары Монсо! Ты просто последовал его примеру!

— А пример был хороший,— ответил Алон и пошел вместе с женой в противоположном от расходящихся гостей направлении, к лестнице. Они остановились, улыбнулись и помахали руками, слушая последние поздравления и пожелания.

На верхней площадке Эйдрис остановилась и оглянулась. В галерее Керован, Джойсана, Сильвия, Фирдун, Хиана, Элис и Джервон прощались с гостями свадьбы. Ее сердце снова заполнилось счастьем оттого, что она видит их всех вместе.

— Я хочу написать песню о сегодняшнем дне,— прошептала она.

Алон обнял ее и ласково отвел назад волосы.

— А до завтра нельзя подождать? — умоляюще и насмешливо спросил он.— Или ты все забудешь, если не запишешь немедленно?

Эйдрис прижалась головой к плечу мужа.

— Песня подождет,— ответила она с улыбкой и поцеловала его.— Самые хорошие песни никогда не забываются.

Драконья чаша

© Перевод. Ю. Соколов, 1992.

1. Незнакомцы издалека

Шторм бушевал вовсю, волны тяжело ударяли о скалы, разбиваясь о невысокий риф, за которым обычно прятались рыбацкие лодки. Но мужчины Роби успели приготовиться: те, кого кормят ветер и волна да изменчивое рыбацкое счастье, всегда знали о непогоде заранее. Поэтому все уцелело: и люди, и лодки, лишь малый ял Омунда волны закинули поглубже на берег.

Но в то утро на плотно сбитом волнами береговом песке Омунд был не один — ведь волны или отбирают у человека его скудное достояние, или, наоборот, могут что-нибудь ему послать. И все, кто умел ходить, высыпали из Роби на низкий берег в ожидании удачи, которую волны могли прибить прямо к порогу...

Изредка они находили тут янтарь, его высоко ценили на побережье. А однажды Дерик даже отыскал две золотых монеты, очень старых. Ауфрика Мудрая сказала, что знаки на них нанесли Древние. Поэтому Дерик не медля отнес монеты прямо в кузницу, где их переплавили в слиток, сняв заклятие с доброго металла.

Но неизменно волны оставляли на песке плавник и груды водорослей, из которых женщины делали краску для зимних одежд, и раковины — сокровища для детей. А еще — обломки кораблей, не похожих на те, что бросали якоря в небольшой огражденной

рифами бухте Роби, да и в море жители поселка не встречали таких, разве что в порту Джорби.

Тогда-то и появились неизвестные. Сначала собравшиеся на берегу заметили вдали лодку, потом в ней кто-то шевельнулся. Весел не было видно — грести было некому. Люди на суше сразу замахали руками и закричали, тщетно пытаясь перекрыть гомон морских птиц, но ответа не последовало.

Наконец, Калеб-кузнец разделся и, опоясавшись веревкой, бросился в воду. Подплыв к лодке, он отчаянно замахал руками, давая понять, что люди на борту живы, привязал веревку, и мужчины общими усилиями вытянули утлое суденышко на берег.

Их было двое: женщина привалилась к борту, слипшиеся от соленой воды волосы свисали на бледное лицо, руки неуверенно потянулись ко лбу, словно она хотела отвести влажные пряди от глаз. Мужчина был недвижим, на виске его была видна рана, должно быть, полученная в бою, и сперва его приняли за мертвого. Но Ауфрика, как и следовало целительнице, протолкнулась вперед, расстегнула на его груди промокшую тунику и, уловив едва различимые биения, объявила, что ни море, ни превратности судьбы пока не заставили раненого покинуть этот мир. И вместе с женщиной, которая, казалось, оцепенела от пережитого — испуганно озираясь, она не отвечала на вопросы и только слабой рукой отводила со лба волосы,— его взяли в дом Ауфрики.

Так со штормом в Роби появились незнакомцы. И остались там, хотя и некому было поручиться за них. Полученная мужчиной рана не позволяла им трогаться в путь. Первое время он был беспомощен как ребенок, и женщина ухаживала за ним с такой самоотверженностью, будто когда-то его и в самом деле отняли от ее груди.

Их выбеленная солью и торчащая колом одежда не походила на деревенскую, да и сама женщина отлича-

лась от жительниц Роби и окрестных земель. Сначала, как говорила любопытным Ауфрика, женщина не понимала их языка, но научилась говорить очень быстро. И тогда прежде не отличавшаяся скрытностью Ауфрика стала все меньше рассказывать о них людям. Гудита, жена старейшины, да и другие допытывались, задавали вопросы, но она уклонялась от ответа, словно скрывая потрясшую ее тайну, что внезапно открылась ей.

Женщины Роби беспрестанно судачили об этом с мужьями, и наконец Омунд явился в дом Ауфрики как старейшина, дабы узнать имена неизвестных и цель их прибытия и поведать о них Гейларду, лорду здешних земель. Было это все в год Саламандры, еще до Великого Вторжения. Верхний Холлек наслаждался миром, и закон царил в его пределах, особенно на побережье, где люди поселились давно, намного раньше, чем в иных местах.

Неизвестный грелся на солнце, рану на лбу затянул шрам, который почти не портил красивое лицо мужчины. И тонкие черты, и темные волосы — все отличало его от жителей Долин. Он был худощав и высок, на руках его, свободно лежавших на коленях, Омунд не заметил мозолей от сетей и весел, как на собственных ладонях. Судя по всему, этот человек добывал пропитание иным путем.

Он улыбнулся Омунду открыто и бесхитростно, словно ребенок, и что-то в его глазах заставило Омунда улыбнуться в ответ, как собственному младшему сыну. И тут он понял, что нет правды во всех пересудах деревенских женщин и разговорах мужчин за рогом, полным вина: не было зла в бедном чужаке и не таило опасности его прибытие.

Скрипнув, открылась дверь, и Омунд, отведя взгляд от улыбавшегося мужчины, оказался перед его спутницей. Вот тут-то и шевельнулось что-то в мозгу Омунда, хотя был он простым человеком, чьи мысли не идут дальше событий дня.

Женщина была лишь чуть пониже мужчины, такая же худощавая и темноволосая. Тонкое лицо казалось изможденным, и Омунд не увидел в нем красоты в привычном ему понимании. Но было в нем что-то другое...

Омунду случалось бывать в огромном зале замка Вестдейла — на присяге старейшин, как главе Роби. Там видел он на престоле лорда и его госпожу во всем их великолепии и могуществе. И все же перед этой неизвестной женщиной в плохо сидевшей верхней юбке, которую Ауфрика перешила из собственной, без драгоценных камней на пальцах и на груди, без перепляса золотых колокольчиков на концах заплетенных кос, Омунд благоговел более, чем перед величием своего лорда. Причиной тому были ее глаза, как он решил потом... но даже их цвета не мог он припомнить — помнил только, что они темные и слишком уж большие для тонкого лица. А в них...

Безотчетно Омунд стянул с головы вязаную рыбацкую шапочку и поднял руку ладонью кверху, приветствуя незнакомку, как следовало бы приветствовать госпожу.

— Да будет мир с тобой, — ответил ему тихий, однако исполненный скрытой силы голос, которым, пожелай она того, ей ничего не стоило своротить гору. Неизвестная отступила в сторону, пропуская гостя в хижину.

У очага на низком стуле сидела Ауфрика. Она не пошевельнулась, чтобы поприветствовать вошедшего, положившись во всем на неизвестную, словно та, а не Ауфрика была здесь хозяйкой дома.

Как заведено в здешних краях, рог на столе был наполнен добрым вином гостеприимства. Рядом стояло блюдо с приветственными пирогами. По обычаю женщина протянула гостю руку, легкими и прохладными пальцами прикоснувшись к загорелому запястью старейшины. Она подвела Омунда к столу и опустилась напротив него на стул.

— Мы, мой лорд и я, должны за многое поблагодарить вас, старейшина Омунд, вас и всех жителей Роби, — сказала она, пока тот старательно потягивал вино, радуясь знакомому вкусу напитка, вдвойне приятному в этом ставшем вдруг странным и незнакомым доме. — Вы подарили нам вторую жизнь... это великий дар, и мы в долгу перед вами. Вы пришли узнать, кто мы, и это справедливо.

Она лишила его возможности задавать заранее приготовленные вопросы — она обращалась к нему, словно сам лорд Вестдейла. Но Омунд и не мог осмелиться перебить ее: это было бы неуместно.

— Мы пришли из-за моря, — продолжала женщина, — из страны, залитой кровью и опустошенной Псами. И пришлось нам выбирать между смертью и бегством. Никто — мужчина то или женщина — не выберет смерть, пока еще есть надежда. Так и мы: сели на корабль и поплыли искать пристанище. Есть такой народ, сулкары, жители прибрежных портов. От них-то мы и узнали о вашей земле. И отправились на их корабле в путь.

— Потом... — ее голос дрогнул, она опустила взгляд на стол, где лежали ее узкие, с длинными пальцами руки. — Потом был шторм, — продолжила она, словно отбросив колебания. — Он разбил корабль. Когда мы спускались в лодку, обломок мачты ударил моего господина и он упал вниз. По великой милости, — тут пальцы ее шевельнулись, изобразив какой-то знак. Омунд заметил, что Ауфрика вздрогнула и глубоко вздохнула. — По великой милости, он упал в лодку. Но больше никто уже не смог добраться, волны понесли нас, а потом выбросили здесь на берег. Не стану обманывать вас, старейшина. Все, что мы имели, кануло в воду вместе с кораблем. Теперь у нас ничего нет: ни вещей, ни родни на вашем побережье. Мой лорд поправляется день ото дня, ему приходится учиться всему, словно малому

ребенку, только много быстрее. Все, что забрал у него шторм, быть может, никогда к нему не вернется, но жить в этом мире, как положено мужчине, он сможет. Что касается меня... спросите Мудрую, она знает, что я умею и чем могу быть вам полезной.

— Но не лучше ли вам отправиться в замок Вестдейла?

При этих словах Омунда женщина отрицательно покачала головой.

— Сюда принесло нас море, и в этом есть какая-то цель. — Она снова начертила на столе какой-то знак, и при виде этого благоговение Омунда усилилось, ибо понял он, что мудростью своей она не только не уступает Ауфрике, но и превосходит ее, и лишь служанкой незнакомке та могла быть. — Мы останемся здесь.

Омунд не стал сообщать ни о чем лорду Вестдейла. А раз годовая подать была уже отправлена в Джорби, людям лорда не было нужды приезжать в Робь. Сперва женщины сторонились незнакомки. Но когда та помогла Елене при родах, да таких тяжелых, что все клялись, что не выйти младенцу живым из чрева, а он вышел и остался жить, и Елена тоже — незнакомка начертила тогда на животе роженицы несколько рун и напоила ее травяным настоем, — вот тогда разговоры прекратились. И все же не столь дружелюбны были с ней хозяйки, как с Ауфрикой, ведь была она чужой им по крови и неизвестного рода, а звали они ее госпожа Лепесток, а мужа, не скрывая уважения, — Лентяй.

Между тем, как она и обещала Омунду, он поправлялся, а когда выздоровел, вышел в море с рыбаками, а потом придумал новый способ забрасывать сеть, и уловы сразу выросли. Сходил он и в кузню, и долго возился там с куском найденного в горах металла, пока не выковал меч. С ним он упражнялся каждый день, словно на случай грядущей надобности.

Частенько госпожа Лепесток и Лентяй отправлялись в горы, по тропкам, никогда не привлекавшим людей Роби. Впрочем, мужчины пасли там полудиких овец, которых разводили ради их шерсти. Водились в тех местах олени и иная дичь, разнообразившая стол рыбаков. Но были там и обиталища Древних.

Ведь когда предки народа Долин пришли сюда с юга, не была эта земля пустынной. Но мало было Древних, многие из них ушли, а куда — не ведали люди. Оставшиеся же редко общались с пришельцами, старались держаться повыше, на пустошах, и встретить их можно было лишь случайно. Странные были эти Древние, не все одинаковы, как люди Верхнего Холлека. Некоторые казались просто чудовищами. Но в основном они не угрожали людям, только отступали все дальше и дальше.

А отступая, оставляли свои дома и крепости. Не любили упоминать об этих постройках люди, хоть и прочно были они построены. Ведь чудилось всегда, что если громким возгласом потревожить древнее молчание, то отзовется нечто такое, чего лучше бы вовек не видеть человеку, потому и не советовали друг другу люди бывать в этих местах.

Но кое-где еще жили Древние, и могучими оставались они в тех местах. Лишь безрассудный глупец дерзал отправиться туда, где царила такая Сила. Говорили, будто если и заставлял ее пришедший выполнить свое желание, не ко благу человека бывал итог, мраком и тьмой все кончалось — всегда терял просивший.

Было такое место и в горах над Робью; пастухи и охотники держались подальше от него. Даже животные, которых они пасли или преследовали, не забредали в ту сторону. Не добро властвовало здесь, но и не зло, как в иных крепостях, но властный покой, и забредавшим путникам становилось не по себе при мысли, что потревожили они останки того, что должно пребывать в безмятежном спокойствии.

Низкие стены, не выше человеческого плеча, окружали площадку, не квадратную и не прямоугольную — в форме пятиконечной звезды. В самом ее центре стояла каменная звезда — алтарь. Лучи звезды припорашивал песок, и каждый из них был разного цвета. Красный, синий, серебристый, зеленый, а последний, желтый, словно чистое золото. Ветер, казалось, не проникал за стены, и пыль всегда лежала ровно и гладко, как в тот день, когда некто просыпал ее на этом месте.

Снаружи звездчатые стены окружали остатки сада, переплетенные кусты и травы. Сюда-то летом три-четыре раза и наведывалась Ауфрика, чтобы собрать урожай лекарственных трав и растений. Однажды она пришла в сопровождении чужестранцев, но затем они совершали вылазки самостоятельно. Только никому не приходило в голову поглядеть, чем они там занимаются.

Вот из этого места Лентяй и принес кусок металла, из которого потом изготовил меч. Сходив еще раз, он принес второй слиток и сделал из него кольчугу. Так искусна была его работа, что не только рыбаки, но и Калеб засматривался на ловкие движения рук, тянувших проволоку, переплетавших кольца. За работой чужеземец всегда пел, слов они не понимали, и казалось, будто во сне творит он и нелегко будет пробудить его.

Иногда госпожа Лепесток приходила глянуть на его работу и стояла, сжимая на груди руки, словно мысленно помогая ему. Глаза ее были печальны, и уходила она, понурив голову, словно не оружие, судьба ковалась на ее глазах и таила она в себе семена несчастья. Но молчала она и не порывалась прекратить труд своего господина.

Когда настала первая ночь осени, поднялась она до восхода луны, тронула за плечо Ауфрику, спавшую неподалеку. Лентяй еще спал в своей постели, когда они

вышли из дома, поднимаясь по тропинке все выше и выше. Луна встала, когда они добрались до вершины горы, и сразу, словно фонарем, озарила их путь.

Так шли они: госпожа Лепесток впереди, Ауфрика за нею, и обе прижимали к груди по свертку, а другой рукой каждая опиралась на посеребренный лунным светом посох из очищенного от коры дерева ясеня.

Они миновали старый сад, и госпожа Лепесток перелезла через ограду, оставив следы на серебристом песке; шедшая позади Ауфрика старалась ступать след в след за нею.

Обе женщины подошли к звездному алтарю. Развернув сверток, Ауфрика достала тонкой работы свечи из пчелиного воска с добавкой благовонных трав и расставила их по углам звезды. Тем временем ее спутница извлекла из своего свертка чашу, грубо вырезанную из дерева, словно делали ее руки, не привыкшие к подобной работе. Истинной правдой это было, ведь сама она тайком и выдолбила ее. Чашу госпожа Лепесток поставила в центр звезды, насыпая в нее понемногу песка с каждого из лучей, а серебристого взяла две пригоршни. Теперь чаша была наполнена до половины.

Потом она кивнула Ауфрике — в безмолвии творили они свое дело, не нарушая грустного покоя, царившего здесь. Тогда Мудрая бросила в чашу горсть белого порошка, и когда совершилось это, заговорила госпожа Лепесток.

Назвала она Имя и Силу. И ответили ей. Молния из тьмы пала в чашу, вспыхнул порошок. И сверкал этот огонь так, что вскрикнула Ауфрика, закрыв глаза, но чужеземка стояла недвижно и пела. И пока она пела, пламя блистало, хотя нечему было гореть в чаше. Снова и снова повторяла она те же слова. Наконец подняла высоко обе руки, а когда опустила — угасло пламя.

Но не грубая чаша из темного дерева стояла теперь на алтаре — лунным светом, словно серебряный, сверкал на ней кубок. Взяла его госпожа и поспешно укрыла на своей груди, прижимая к себе словно сокровище, что стоило жизни.

Свечи догорели, но даже следов воска не осталось там, где они стояли... Чист был камень. Женщины тронулись в обратный путь. Перелезая через стенку, Ауфрика обернулась: словно невидимый ветер ровнял песок, заметая оставленные ими следы.

— Теперь все сделано и сделано хорошо,— устало сказала госпожа.— Остается самый конец...

— Желанный конец...— перебила ее Ауфрика.

— Их будет двое...

— Но...

— За два желания платишь дороже. У моего лорда будет сын, который по воле звезд станет рядом. Но ему придется хранить и кое-кого еще.

— А цена, госпожа?

— Ты хорошо знаешь цену, подруга моя, сестра моя лунная.

Ауфрика затрясла головой:

— Нет...

— Да, и еще раз да! Мы обе бросали руны судьбы. Наступило время, когда один уходит, другой остается. И если уходить приходится чуть раньше, но с доброй целью, что в том плохого? Дети приглядят за господином. Не смотри на меня так, лунная сестра. И ты, и я знаем, что не расстаемся мы, а только уходим в открывающуюся дверь, но тусклые очи этого мира так плохо видят. Радость ждет нас, не печаль!

Знала ее Ауфрика всегда тихой и спокойной, но словно светилась и сверкала радостью госпожа Лепесток в эту ночь. И откуда взялась красота у нее, несшей кубок домой!

Там наполнила его госпожа Лепесток вином, лучшим из сделанного в тот год Ауфрикой. До краев на-

лила она кубок, подошла к кровати своего господина и положила руку ему на лоб. Он тотчас проснулся и, смеясь, сказала госпожа ему что-то на родном языке. Рассмеялся он ей в ответ и отпил половину из кубка. Она допила остальное и упала в его жадные объятия, и легли они рядом, как муж и жена, довершив все должное, пока садилась луна и рассвет взбирался на небо.

А вскоре увидели все, что госпожа понесла, и местные женщины уже не так сторонились ее, а стали запросто говорить с нею о всяком, что полезно для женщины в это время. Всегда благодарила она их приветливо, и в ответ понесли ей небольшие подарки: тонкой шерсти на ленту, еды, что полезна беременной. Больше не ходила она в горы, а работала по дому или сидела, молча уставясь в стену, словно видела на ней то, что сокрыто было от прочих.

И Лентяй обжился в деревне. Вместе с Омундом повез он в Джорби годовую подать и товары. Вернулся Омунд довольный, сказал, что господин Лентяй заключил выгодную сделку с мужами-сулкарами, и деревня выгадала от нее больше, чем за предыдущее годы.

Настала зима, когда люди стараются не отходить далеко от дома. Лишь перед сочельником ожила деревня: пировали в честь уходящего года, женщины бросали в огонь плющ, а мужчины — остролист, чтобы счастье посетило их в наступающий год Морского Змея.

Весна выдалась ранней, и лето настало быстро. В тот год в деревне появилось немало младенцев. Роды принимала Ауфрика. Госпожа Лепесток уже никуда не отлучалась из дому. Но женщины следили за ней внимательно и втихомолку удивлялись: хоть и рос живот, тонким оставалось ее лицо, палочками казались руки и двигалась она так, словно тяжесть эта была ей не по силам. Но будущая

мать всему улыбалась и радовалась жизни. А ее муж вроде бы ничего и не замечал.

Время ее пришло, когда высоко встала луна и ночь озарилась блеском, словно огнем, что светил ей и Ауфрике со звездного алтаря. Ауфрика достала масло, проговорила над ним заклинанье, написала руны на животе госпожи и на ее ладонях, и на ногах, а последнюю руну — на лбу.

Тяжкими были родовые муки, но закончились и они, когда в доме запищал не один младенец, а двое. Рядышком лежали они на кровати: мальчик и девочка. Не в силах поднять голову с подушки, повела госпожа глазами, поняла ее Мудрая Ауфрика и быстро подала серебряный кубок. Чистой воды налила она и держала, пока госпожа, осилив безмерную слабость, подняла правую руку и омочила в ней кончик указательного пальца. Им прикоснулась она к девочке, сразу затихла та и лежала, озираясь странным, как будто осмысленным взором, словно понимая все, что происходит.

— Элис, — сказала госпожа Лепесток.

Потрясенный, едва сдерживая дрожь, стоял рядом с кроватью господин Лентяй, понимая, что кончилось время покоя и что неизбежна утрата. Но и он обмакнул палец в воду, тронул лоб мальчика, который громко кричал и размахивал ручонками, словно в битве, и сказал:

— Элин.

Так получили дети имена и стали расти. Но прошло четыре дня после их появления на свет, и госпожа Лепесток закрыла глаза и более не просыпалась. Так по-своему ушла она из Роби, а с ее уходом поняли люди, что общая это потеря. Господин Лентяй позволил Ауфрике и женщинам обрядить ее достойно, а затем завернул в шерстяной плащ и унес на руках в горы. И глядя на его лицо, не спрашивали мужчины, куда он идет и нужна ли их помощь...

На следующий день воротился он один. Никогда более не вспоминал он свою госпожу, но стал молчаливым, любому готов был помочь, но редко говорил теперь. По-прежнему жил он у Ауфрики и заботился о детях нежнее, чем любой деревенский отец. Но молчали об этом мужчины, исчезла былая легкость общения с ним. Словно долю того, что раньше лежало на госпоже, взвалил он на свои плечи.

2. Тайна чаши

Так начиналась эта история, что стала потом моей жизнью. Все это узнала я большей частью от Ауфрики и чуть-чуть от отца, Лентяя, что приплыл из-за моря. Ведь я Элис.

Кое-что еще рассказала мне Ауфрика о госпоже Лепесток. Ни она, ни мой отец не были родом из Верхнего Холлека. Они пришли из Эсткарпа, но отец молчал об их жизни в этой стране, и мать тоже немногое говорила об этом.

Как положено Мудрой, Ауфрика знала травы, заговоры, умела делать амулеты, снимать боль, помогать при родах, имела власть над лесом и горами. Но никогда не пыталась она овладеть высоким волшебством или воззвать к Великим Именам.

Много больше умела мать моя, хотя редко она пользовалась своей Силой. Ауфрика говорила, что большую часть этой Силы мать оставила там, на родине, когда бежала с отцом, но причину этого я так и не узнала.

Из ведьм Эсткарпа была моя мать, чародейка и по рождению, и по воспитанию. Ауфрика была ученицей рядом с ней. Но раз пришлось ей с чем-то расстаться, все былые силы свои в Верхнем Холлеке использовать она не могла. Только раз, ради детей,

осмелилась она призвать то, к чему обращалась раньше свободно. И дорого заплатила за это — своей жизнью.

— Она бросила руны,— поведала мне Ауфрика,— вот на этом столе, однажды, когда твой отец был далеко. И прочла в них, что дни ее сочтены. Сказала она тогда, что не может оставить своего господина без того, о ком он так мечтал... без сына, который примет из рук его щит и меч. По природе своей такие, как она, детей имеют редко. Ведь надев мантию, протянув руку за жезлом власти, отказываются они от женской сути. Чтобы зачать ребенка, должны они отречься от обетов, а это ужасно. Но она пошла на это ради своего лорда.

— Да, у него есть Элин,— кивнула я. Тогда мой брат действительно был с отцом, на берегу зимнего моря, они готовили лодки к весеннему выходу на ловлю.— Но ведь есть еще и я...

— Да.— Ауфрика усердно толкла сухие травы в горшке на коленях.— Она отправилась в место власти испросить себе сына, но молила и о дочери. Я думаю, она хотела, чтобы кто-нибудь заменил ее здесь. Ты рождена колдуньей, Элис, и хотя понемногу я могу научить тебя, нет у меня знаний твоей матери,— но все, что я знаю, будет твоим.

И странное же воспитание я получила. Если Ауфрика видела во мне дочь моей матери, которую следует пичкать древними знаниями, то отец видел во мне второго сына. Я носила не юбки, как все деревенские девчонки, а штаны и тунику, как мой брат. Так пожелал отец, ему всегда было не по себе, если я появлялась перед ним одетой иначе.

Это было, думала Ауфрика, потому, что чем старше, выше и женственней я становилась, тем больше напоминала ему мать и печалила его. Поэтому я старалась быть как Элин, и отец был мною доволен.

Но не только по внешности хотел отец видеть во мне сына. С ранних лет учил он нас, детей, владеть оружием, и Элина, и меня. Сперва мы фехтовали игрушечными мечами, вырезанными из плавника. Но когда стали старше, выковал он для нас два меча-близнеца. И познала я искусство боя, как знает всякий воин Долины.

Однако согласился он с Ауфрикой в том, чтобы проводила я время и с ней. Вместе искали мы травы в горах, показала она мне заповедные места Древних и поведала о ритуалах и церемониях, которые следует совершать, следя за луной. Увидела я украшенные звездами стены вокруг места, где ворожила мать моя при луне, но вступить туда не дерзала, хотя приносили мы травы и от этих стен.

Много раз видала я и ту чашу, что наворожила мать моя себе на погибель. Ауфрика хранила ее вместе с дорогими ей вещами и никогда не прикасалась к ней голыми руками, а брала через иссиня-зеленый лоскут материи, которую так ценила. Серебряной по цвету была эта чаша, но радугой переливалась поверхность, когда поворачивали ее на свету.

— Серебро дракона... — сказала Ауфрика. — Это серебряная чешуя дракона. Слыхала я о нем лишь в старых легендах, а вот видеть — не доводилось, пока по мольбе госпожи не сотворилась в драконьем огне эта чаша прямо передо мною. Большую Силу дает эта чаша, храни ее крепко.

— Ты говоришь так, словно она моя, — дивилась я чаше, ведь красоты была она несравненной и подобной могла я уже никогда не увидеть.

— Твоя она и будет, когда придет время и нужда приспеет. Твоя она и Элина. Но только ты по природе своей можешь извлечь из нее пользу, — и не сказала Ауфрика тогда ничего больше.

Поведала я об Ауфрике, которая была так близка мне, и об отце моем, что ходил, говорил и жил так,

словно тонкая броня отделяла его от остальных людей. Но не говорила я пока об Элине.

Рождены мы были в одно время, но не были копиями друг друга. Только лицом и фигурой были мы схожи. А интересы наши были различными. Элин любил действовать, любил фехтовать и душно было ему в спокойном мирке Роби. Он был безрассуден, и частенько отчитывал его отец, когда заводил он других мальчишек в опасные места. А иногда он стоял рядом с домом и глядел на горы с такой тоской в глазах, что казался прикованным соколом.

Я искала свободу внутри себя, он — снаружи. На уроки Ауфрики ему не хватало терпения. И, подрастая, все чаще поговаривал он о Джорби, о службе у лорда Вестдейла.

Мы знали, что когда-нибудь отцу придется отпустить его. Но пришла война, и все решилось без нас. В год Огненного Тролля неприятели вторглись в Верхний Холлек.

Они пришли с моря, и окаменело лицо отца, когда услышал он о набегах на прибрежные владения и города. Похоже, пришельцев этих он знал хорошо, и были они врагами. Отбросил он свою отстраненность и однажды вечером с твердой решимостью мужа объявил нам и Ауфрике свою неизменную волю.

Он решил отправиться к лорду Вестдейла и предложить свой меч и не только меч — ведь, исстари зная врагов, мог подсказать он кое-что полководцам и усилить сопротивление. Не сводили мы глаз с лица его и понимали, что ни слова, ни дела наши не отвратят отца от выбранного пути.

Встал тогда Элин и сказал, что коль должен идти отец, он последует с ним как оруженосец. И решимость его была тверда, и суровы были их лица, и словно в зеркале отражали они друг друга.

Но сильней была отцовская воля: сказал он, что до поры место сына здесь, хранить он должен меня

и Ауфрику. Но поклялся тогда, что вскоре пошлет за Элином, и согласился тот с решением отца.

Не сразу уехал отец, на несколько дней и ночей засел он в кузнице. Но сперва, взяв черного пони, отправился в горы. А вернулся с вьюками тяжелых слитков металла, сплавленных из старинных изделий.

Из металла этого с помощью Калеба сковал он два меча и две тонкие гибкие кольчуги. Одну отдал Элину, другую — мне. Положив их перед нами, он сказал, и было понятно, что слова эти следует запомнить и не забывать в грядущие дни.

— Нет у меня ее дара предвидения, — редко упоминал он мать, и никогда по имени, словно была она великой госпожой, перед которой склонялся он с почтением и благоговением. — Но приснилось мне, что ждет вас обоих впереди испытание, одолеть которое можно, лишь перепоясавшись не одной волей и стойкостью, присущей тебе, дочь моя. Хотя не как с девушкой обращался я с тобой...

Не найдя более слов, погладил он кольчугу, словно платье из шелка, резко повернулся и вышел, прежде чем успела я что-нибудь сказать в ответ. А на рассвете отправился он горной тропою в Вестдейл. И мы никогда больше не видели его.

Прошел год Огненного Тролля, а мы все еще спокойно жили в нашей зажатой скалами Роби. Но не пришлось Омунду отправиться, как обычно в конце года, в Джорби: из-за горы пришли истерзанные люди и сказали, что пал Джорби перед врагом в ночь, полную кровавого бесчинства и разбоя. А крепость Вестдейла осаждена врагами.

Жители деревни собрались на совет. Хоть и прожили они всю жизнь у моря, выходило теперь, что погибель сулит оно им, а бегство в горы обещает жизнь. Молодежь и бессемейные предлагали остаться на месте, но остальные считали, что лучше бросить деревню и вернуться, когда уйдут восвояси пришельцы.

Услышав рассказы беженцев о кровавом погроме, сразу заторопились жители Роби и решили бежать немедля.

Пока шли споры, брат мой слушал все речи молча. Но видела я, что все для себя решил он. И когда мы вернулись домой, то сказала ему:

— Настало время, когда меч не должен оставаться более в ножнах. Если ты решил — уходи, и мы благословим тебя в дорогу. Здесь ты больше не нужен, ведь в горах мы будем в безопасности; никто не знает их секретов лучше нас с Ауфрикой.

Помолчал он, не отводя от меня глаз, и молвил:

— Зову крови моей не могу противиться, и так уже целый год заточен я в деревне, связанный данным отцу обещанием.

Подошла я к сундуку Ауфрики, а она сидела у очага на стуле, смотрела на меня и молчала. Достала оттуда драконью чашу. Поставила на стол между нами и дала скользнуть платку вниз, и обеими руками смело обхватила холодный металл. Так сидела я несколько мгновений.

Со своего места поднялась Ауфрика, порылась в припасах и достала бутыль травяного настоя, которую никогда не откупоривала прежде. Зубами вынула пробку и крепко держала бутыль обеими руками, словно и каплю боялась пролить на землю. Плеснула из нее Мудрая Женщина в чашу густую золотистую жидкость, пряный запах наполнил комнату, и было в нем изобилие щедрого урожая и дремотная сытость ранней осени.

Наполовину наполнила она чашу, которую я держала, а потом отступила, и мы с Элином остались стоять лицом к лицу. Опустила я сосуд на стол, взяла брата за руки, положила их на гладкое серебро.

— Пей,— сказала я,— пей половину. На прощание мы должны осушить эту чашу.

Ни о чем не спрашивая, поднял он чашу двумя руками и не опускал, пока глоток за глотком не выпил

половину. В свой черед взяла я сосуд и допила все, что осталось.

— В разлуке,— сказала я ему,— по чаше этой прочту я твою судьбу. Если все будет хорошо, серебро останется чистым. Но если оно помутнеет...

Он не дал мне закончить:

— Сейчас война, сестра. И мужчина не может вечно ходить безопасной тропой.

— Все это так. Но и зло иногда можно ослабить или обратить в добро.

Элин нетерпеливо отмахнулся. Никогда не интересовали его мудрость и знания, словно бы и не ценил он их вовсе. Но и мы никогда не говорили об этом. Так поступили и теперь.

С облегчением убрала я чашу и вместе с Ауфрикой занялась сборами. Дали мы Элину в путь питья и еды, одеяло, чтобы спать в тепле, да мешочек с целебными травами. И ушел он, как ушел отец.

А на следующий день оставили Робь и все остальные. Кое-кто из молодежи последовал за братом, необученным оруженосцем. Ведь хоть и молод был брат, но владел он мечом и другим оружием, а потому главенствовал над ними. Прочие заложили засовы на дверях, навьючили пони и отправились в горы.

Зима выдалась суровой. Сперва укрылись мы в деревеньке подальше от берега, а потом, когда дошли до нас слухи о вторжении, перебрались подальше, на пустошь. Там и жили мы в пещерах и на скорую руку сколоченных укрытиях. По слухам, враги продвигались, отхватывая от Верхнего Холлека все новые и новые куски.

Часто люди обращались к нам с Ауфрикой за помощью, но не только раны исцеляли мы, когда забредали к нам раненные в проигранных битвах скитальцы, приходилось лечить и болезни — много было их от голода, суровой жизни и потери надежды. В любой момент могла нагрянуть беда, и я всегда

носила выкованную отцом кольчугу и привыкла к тяжести меча на поясе. Научилась я и охотиться с луком — и не только на зверей, чтобы насытиться, но и на тех двуногих, что не прочь были поохотиться на нас самих и на скромные наши пожитки.

Как всегда случается, когда нет на земле закона, лишь война да война, и осенью, и зимой, и весной, объявились и среди нас гнусные шакалы, рыскавшие повсюду и обиравшие тех, кто не мог защитить себя сам. Таких я убивала и не сожалела об этом, ведь убитые мною уже не были людьми.

Лишь чашу всегда брала я с собой, и каждое утро доставала ее, чтобы посмотреть. Блеск ее не затмевался, и я знала, что с Элином все в порядке. Иногда пыталась я дотянуться до него мыслью во сне, с помощью сонного зелья. Но при пробуждении оставались лишь смутные воспоминания. Как жаждала я тогда знать все, что знала мать моя, и чего не могла дать мне Ауфрика!

В наших скитаньях набредали мы иногда на места обитания Древних. Из некоторых приходилось впопыхах бежать, ибо туманом струилась оттуда мерзкая злоба, враждебная людям. Другие пустовали, словно обитавшее в них улетело давным-давно или рассеялось за столетия. Кое-где попадались и приветливые места, туда мы с Ауфрикой ходили, пытаясь вызвать таящееся в сердцевине. Но уменья нашего не хватало, и ничего, кроме внутреннего покоя и облегчения, мы оттуда не уносили. Не ведали мы более годов с их именами, лишь времена года сменялись для нас. На третье лето мы, наконец, обрели безопасность. Кое-кто откололся от нашей компании, выбрав другие дороги. Но небольшая группа жителей Роби во главе с Омундом, теперь согнутым болью в костях, держалась вместе. С нами были его младшие братья, их жены и две его дочери с детьми, чьи мужья ушли вместе с Элином, — иногда я ловила на себе их косые взгляды, но

вслух они ничего не говорили, — и еще три семьи с пожилыми мужами во главе.

Мы обнаружили проход в высокогорную долину, где никто еще не селился, разве что забредали пастухи или перегонщики скота со стадами, они-то и сложили несколько хижин, где укрывались от непогоды летом. Тут мы и остались с горсткой овец, несколькими хромыми пони, с радостью обретшими, наконец, отдых. И люди, находившие прежде пропитание в заброшенных в море сетях, теперь терпеливо добывали хлеб свой в каменистой земле.

На скалах, возвышавшихся над двумя проходами, установили мы стражу. Так изменилась наша жизнь, что стража эта состояла из женщин, вооруженных луками и копьями, бывшими когда-то гарпунами рыбаков на глубинных водах. Зорко следили мы за проходами, внимательно караулили их: не раз доводилось видеть, что оставалось от малых поселений, если набредали на них вечно голодные шакалы-грабители.

На второе лето, что прожили мы на этом клочке земли, накануне солнцестояния, все возились с зерном и кореньями, что приберегли мы для посадки. Я была на страже, и — впервые за эти годы — увидела вдали двух всадников, двигавшихся по еле заметной тропе к южному проходу. Я подняла обнаженный меч и сверканием солнца на стали просигналила тревогу, а сама тайной тропой спустилась пониже разведать опасность. Ибо для нас тогда всякий незнакомец был врагом.

Лежа на согретой солнцем скале, я внимательно следила за ними и вскоре поняла, что они не опасны. Хватило бы у нас и сил, и духа справиться с обоими гостями.

Это были воины, но броня их была пробита и заржавлена. Один был привязан к седлу, и если бы не веревки, наверняка бы свалился на землю, потому как не было у него сил даже держаться в седле. Второй

ехал рядом и вел в поводу коня друга. Окровавленными тряпками были обмотаны голова и плечо потерявшего сознание всадника и рука его спутника.

Все время оглядывался тот назад, явно ожидая появления погони. На нем еще был шлем с плюмажем в виде бьющего добычу сокола, одно крыло которого было обрублено мечом. У обоих всадников клочьями свисали с плеч на броню лохмотья плащей с гербами. Но место девиза было избито настолько, что прочитать его не было никакой возможности. Да к тому же и не изощрена была я в гербах благородных домов Долин.

У обоих в ножнах были мечи. Был еще лук — у того, что в шлеме, но дорожных вьюков на лошадях не было, и кони устало волочили ноги, едва не хромали.

Я слегка отодвинулась назад, в тень, поднялась на ноги, положила стрелу на тетиву.

— Стой!

Словно ниоткуда прозвучал для них мой приказ. Воин в шлеме поднял голову, лицо его разглядеть я не могла, мешало забрало, но рука быстро и уверенно легла на рукоять меча. Потом он, должно быть, подумал, что сопротивляться бесполезно, и оставил меч в ножнах.

— Встань-ка сам, невидимка, передо мной, сталью к стали,— низкий голос его хрипел, но по всему было видно, что он готов к отпору.

— Не стоит труда,— отвечала я.— То, что держу я в руках, поразит тебя насмерть, храбрец. Слезай с коня и клади оружие!

Он рассмеялся.

— Что ж, стреляй, «голос из скал». Ни перед кем не складывал я оружие. Хочешь — спустись и возьми его сам.

С этими словами он вытащил меч и держал его наготове. Тяжелораненый спутник его шевельнулся и застонал, воин движением руки послал коня вперед, телом своим прикрывая спутника от моей стрелы.

— Зачем вы пришли сюда?

Меня беспокоило, что он все время оглядывался... Что, если вот-вот на тропе появятся новые всадники? С этой парой мы еще как-нибудь справимся, но если их станет больше...

— Нам некуда идти,— в его голосе слышалась огромная усталость.— За нами гонятся, сам видишь, не слепой. Три дня назад полк Ришдейла стоял в арьергарде у форта Ингра. В живых остались только мы. Мы обещали выиграть время, и мы выиграли, но какой же...— Его передернуло.— Судя по говору, ты из Долин, ты не из Псов. Я Джервон и был маршалом конницы, а это Пелл — младший брат моего лорда.

Говорил он дерзко, держался вызывающе, но усталость отягощала его плечи. И я поняла — словно раскидывала для этого руны,— что эти двое не опасны для нас, беда может прийти лишь следом за ними.

И я вышла из укрытия. На мне была кольчуга, и он принял меня за мужчину, а я не стала разубеждать его. Так привела я их в нашу долину под опеку Ауфрики.

Семьи, бывшие с Омундом, сразу же подняли шум, объявив, что мне не следовало этого делать, что по пятам за такими незнакомцами идет беда. Но я спросила у них: как надо было поступить, убить обоих на месте, что ли? Тут они устыдились, ведь это лишь тяжесть нашей жизни породила в них жестокость, но не забыли они еще те дни, когда двери домов были открыты для любого, а хлеб и питье всегда были на столе перед каждым гостем.

Рана Пелла оказалась очень тяжелой, и не сумела Ауфрика отогнать от него тень смерти, хотя отчаянно, изо всех сил сражалась она за жизнь воина. А у крепкого на вид и почти невредимого Джервона вдруг воспалилась рана от грязной тряпки, ее прикрывавшей. Несколько дней пролежал он в бреду. А пока его словно и не было меж нами, незаметно скользнул Пелл в те пределы, где бессильна помощь

людская, и похоронили мы его на маленьком поле памяти, где лежало уже четверо наших.

Я стояла у постели Джервона и думала, очнется ли он от горячки, и если нет — печальной будет эта потеря, когда он открыл глаза и посмотрел на меня. Потом вдруг слегка нахмурился и сказал:

— Я помню тебя...

Странно звучало такое приветствие, но нередко спутаны мысли людей после смертельной болезни.

Я взяла в руку чашку травяного настоя, а другой помогла ему приподняться, чтобы попить.

— Конечно, — сказала я, пока он пил, — ведь это я привела тебя сюда.

Он промолчал, по-прежнему хмуро озирая меня. А потом спросил:

— Как господин мой Пелл?

Я ответила деревенской поговоркой:

— Ушел вперед.

Он закрыл глаза и стиснул зубы. Кем приходился ему Пелл, я не знала. Даже если просто сдружились они на войне, я поняла: дорог он был Джервону.

Но тогда я не знала, что сказать. Ведь скорбь некоторых нема, и с ней сражаются в одиночку. Я подумала, что Джервон, быть может, из таких, и оставила его одного.

Но пока он лежал в постели, я все же успела присмотреться к нему. И без того худой, а теперь и вовсе отощавший от лихорадки и пережитых трудностей, он не потерял привлекательности; высокий, сухопарый мечник, прирожденный боец-фехтовальщик, как и отец мой.

Волосы его, как у всех жителей Долин, слегка золотились и были светлее тонкого лица и выдубленных непогодой рук. Я подумала, что он мог бы понравиться мне, но поверить, что такое возможно, не могла, ведь для этого нужно познакомиться поближе... а он... выздоровеет и уедет, как отец и Элин.

3. Почерневшее серебро

Джервон поправлялся медленнее, чем надеялись мы с Ауфрикой: лихорадка съела его силы, особое беспокойство доставляла раненая рука. И хотя он с мрачным упорством пытался упражнениями возвратить ей подвижность, все-таки пальцы не слушались его и ничего не могли удержать. Терпеливо, несколько напоказ, перекидывал он из ладони в ладонь мелкие камешки, пытаясь ухватить их со всею силой.

Однако он помогал нам — работал на небольших полях в долине или сторожил на скалах, и в этом не было ему равных.

По вечерам, собравшись, с жадностью внимали мы его рассказам о странствиях на войне. Он рассказывал нам о долинах, городах, бродах и дорогах, о которых мы даже не слышали, ведь жители Роби никогда не скитались по своей воле. Худо складывались дела у Долин, говорил он. Давно уж пали на юге все прибрежные владения, а оставшиеся горсточки отчаянных храбрецов оттеснены на север и запад. При последнем-то натиске и погиб его полк.

— Но лорды договорились, — рассказывал он, — с теми, кто сильнее — так они говорят о себе сами — меча и стрелы. Весной этого года, года Грифона, встре

тились они на пустошах со Всадниками-оборотнями и договорились, что те будут биться за нас.

Кто-то присвистнул, услышав эти слова. Неслыханно было, чтобы люди Долин договорились с Древними. Ведь из Древних были Всадники-оборотни. Когда явились поселенцы, Долины уже пустовали, но не отовсюду еще ушли те, кто целую вечность прожил на этой земле. И не все они бесплотными духами смущали заблудших путников, как те, с кем общалась моя мать, были среди них и похожие на людей.

Такими-то и были Всадники-оборотни: и люди и не люди сразу. Разное говорили о них, но клятвой подтвердить истинность слов своих не мог никто; ведь не из первых рук были все эти рассказы. Но все понимали, что были они грозной силой и спасением для нас. Так ненавидели мы пришельцев, Псов Ализона, что и чудовищам были бы рады, найдись среди них такие, что помогли бы нашим мужчинам.

Долгое лето сменилось осенью, а Джервон все старался вернуть руке утраченную ловкость. Часто уходил он с луком в горы и возвращался назад с дичью. Однако не на охоту ходил он, искал одиночества. Любезным и приятным человеком он был, совсем как отец, и такой же стеной отгородился от мира.

Первое время он жил у Ауфрики, пока не залечила она, как могла, его рану, а потом построил себе хижину чуть в стороне от остальных. Так и не стал он одним из нас. Не часто и я видела его, разве что издалека. Нужно было сушить и солить мясо (мы, к счастью, нашли выход каменной соли, драгоценность по тем временам), и мой меткий лук был нужен селению, чтобы добыть это самое мясо. Так что я редко бывала в наших разбросанных по склону домишках.

Как-то днем я соскользнула на бережок клокочущего ручья, чтобы напиться. Джервон лежал у воды. Должно быть, он смотрел в небо, но при моем появлении

тотчас вскочил, схватившись за рукоять меча. Слова его не были приветствием:

— Я вспомнил, где в первый раз увидел тебя, но это невероятно! — Он озадаченно крутанул головой. — Как могла ты ехать с Франклином из Идейла и одновременно быть здесь? Но я могу поклясться...

Я резко повернулась к нему. Коль он и впрямь видел Элина, не удивительно, что дивится нашему сходству.

— Это был мой брат, рожденный вместе со мной! Скажи, где видел его и давно ли?

Удивление потухло на лице Джервона. Он сел, по обыкновению перекатывая рукой камешки.

— Это было в последней схватке при Инишире. Люди Франклина научились воевать по-новому: они прячутся где-нибудь, пропускают врага мимо себя, а потом ударяют ему в спину. Это очень опасно.

Джервон остановился, быстро глянул на меня, словно сожалел о невольной откровенности.

Я ответила на его невысказанный вопрос:

— Элин — сын своего отца, и в опасности ищет славы. Никогда бы не поверила я, что может он уклоняться от битвы.

— Слава воинов Франклина — великая слава! И твой брат не последний меж ними. Хоть он и молод, люди назвали его Предводителем Горма. Он молчал на совете, но стоял за плечом Франклина... Говорят, что с согласия Франклина обручился Элин с наследницей его, госпожой Бруниссендой.

Представить брата воином, прославленным воином, было нетрудно, но весть о его помолвке застала меня врасплох. Годы прошли, но я видела внутренним оком лишь неопытного мальчишку, что покинул Робь, горя желанием скрестить свой меч с вражеским.

Только теперь поняла я, сколько времени минуло с тех пор, и подумала: если Элин стал мужчиной, значит, я должна была стать женщиной. Но что это —

быть женщиной, я не ведала. Отец научил меня быть ему сыном, Ауфрика — Мудрой, но никогда не была я собою. Теперь я охотник и, если потребуется, — воин. Но не женщина я.

— Да, вы очень схожи, — голос Джервона прервал мои раздумья. — Но такая жизнь не для девушки, госпожа Элис, она груба и тяжела.

— Все перевернулось в наши дни, — поспешно отозвалась я, чтобы скрыть согласие с его словами. Вся моя гордость протестовала.

— Похоже, так будет вечно, — сказал он, поглядев на руку, с усилием сгибая и разгибая пальцы. Я тоже глянула вниз:

— Стало лучше?

И это было правдой — рука уже почти повиновалась ему.

— Конечно, лучше, но уж больно медленно, — согласился он. — Когда я смогу вновь держать оружие, уеду.

— Куда?

Джервон мрачно улыбнулся. На мгновенье мимолетная улыбка совершенно преобразила его. И я вдруг удивилась, подумав, каким он может стать, когда сбросит с плеч груз войны и вновь будет радоваться жизни.

— А не все ли равно, госпожа Элис. Я не знаю даже, как доехать до ближайшей знакомой мне долины, где мне уже приходилось бывать. Когда я уеду отсюда — затею охоту: буду искать врагов, пока не найду.

— В горах снег ложится рано. — Зачерпнув горстью воду, я отпила глоток. Она была очень холодна, должно быть, верховья уже сковал лед. — Если закроются перевалы, мы будем отрезаны от всего мира.

Глядя на горы, он переводил взгляд с одного пика на другой.

— Нетрудно поверить, ведь вы зимовали здесь?

— Да. К весне приходилось потуже затянуть пояса, но с каждым годом запасы росли, и зима проходила

все легче. Этой весной мы засеяли еще два поля, и месяц назад намололи в два раза больше ячменной муки. А теперь мы к тому же засолили мясо шести диких коров, ведь в прошлом году солонина кончилась еще до весны.

— А что вы делаете, когда ложится снег?

— Сидим по домам. В первый год нам не хватило дров.— Я поежилась, вспомнив этот холод.— Три жизни унесла зима, а потом Эдгир нашел черный камень, который горит. Это произошло случайно: такой камень попал к нему в костер на охоте и загорелся. Сразу стало тепло. Теперь мы собираем его в горах и носим домой в корзинах. Тебе, верно, приходилось видеть кучи у каждого дома. А в тепле можно прясть, вырезать по оленьему рогу и дереву, делать всякие пустяки, которые скрашивают и облегчают жизнь.Среди нас есть сказитель Уттар, он поет не только старинные были, но слагает и новые — о наших скитаниях. А теперь Уттар смастерил ручную арфу и играет на ней. Нет, зимой жить совсем не скучно.

— И это все, что ты видела в своей жизни, госпожа Элис?

Я не поняла, что он хотел сказать.

— Ну, в Роби было поинтереснее, там было море и торговцы из Джорби. Кроме того, у нас с Ауфрикой много и других дел.

— Кто ты, госпожа Элис, не рыбачка же и не поденщица?

— Нет, я — Мудрая, а еще охотница и воин. А теперь мне пора на охоту.

Я поднялась, встревоженная его словами. Неужели он осмелился пожалеть меня? Я — Элис, и властью я обладаю большей, чем любая госпожа из Долин. Ведь хотя не было у меня знаний матери, но входила же я в такие места и делала такое, о чем даже и подумать побоялись бы эти робкие цветочки!

Легким движением руки я простилась с ним и отправилась выслеживать оленя, но не было мне в тот день удачи, и, пробродив целый день, вернулась я в поселок с двумя лесными птицами.

Все эти дни, как обычно, доставала я чашу, что связывала нас с Элином, и глядела на нее. Но делала это тайком. На четвертый день после случайной встречи с Джервоном достала я чашу и удивилась: потускнела она, словно мутную пелену набросили на сверкающую поверхность.

Вскрикнула Ауфрика, увидев это. Но я молчала, только сердце мое стиснула... нет, не просто боль — страх, который вообще-то сродни всякой боли. Потерла я поспешно металл, но безрезультатно. Не пыль и не влага затмили блеск металла, изнутри помутнел он. Но не был кубок под руками моими мертв и безжизнен, не ушел еще Элин в те пределы, где помощь невозможна. Ему грозила опасность, и было это первым предупреждением.

Сказала я тогда Ауфрике:

— Я должна увидеть...

Она подошла к грубому шкафу, где хранила теперь все, с таким трудом собранные, припасы. Достала оттуда большую раковину, отполированную изнутри. А еще взяла она маленькие фиалы, кожаную бутыль и медный горшочек, чуть поменьше моей ладони. Стала бросать щепоть за щепотью в него порошки, а потом смешала в мерном стакане каплю этого, ложку того, и красными отблесками расплеснулась темная жидкость по стенкам стакана.

— Готово.

Я взяла из ящичка щепку, подержала над огнем, а когда она загорелась, поднесла к горшочку. Загорелась и жидкость. Заклубился зеленоватый, ароматный дым. Ауфрика перелила пурпурный поток в драконью чашу, до краев наполнив ее, но следя, чтоб не перелить. А потом быстро вылила все в раковину.

Села я перед нею. Закружилась у меня голова от пахучего дыма; показалось, что улечу я со стула, если не соберу свои силы воедино. Наклонилась тогда я вперед и заглянула в рубиновую жидкость, что была теперь в раковине.

Не впервые гадала я на воде, но никогда исход гадания не был для меня столь важен. Всею силой желала я, чтобы видение пришло побыстрее и было поярче. Красный цвет жидкости поблек, и словно в какую-то комнату заглянула я издалека. Настоящая комната была передо мною, маленькая, но четкая, ясная. Судя по всему, была ночь, рядом с пологом кровати стоял подсвечник высотой в человеческий рост. Ярко горела в нем свеча в кулак толщиной. Богатая была кровать, полог искусно вышит, хоть и не задернут. На подушках возлежала девушка из народа Долин. Тонким и прекрасным было ее лицо, а в распущенных волосах сверкали золотые ленты. Она спала... или просто лежала с закрытыми глазами.

Великолепна была комната, богата и прекрасна, словно бы не взаправду была, а в песне.

Но девушка не одна была в ней; пока я смотрела, кто-то вышел из тени. Луч от свечи упал на его лицо, и увидела я своего брата, но старше теперь стал он. Поглядел Элин на спящую девушку, словно бы опасался ее пробуждения.

Потом подошел к окну; большими ставнями было оно закрыто, тремя засовами заложено так, чтобы нельзя было быстро отворить его.

Элин достал кинжал и попытался открыть им ставни. Так напряглось лицо его, словно не было ничего важнее этого дела.

С плеч его свободно свисало спальное одеяние, перевязанное поясом; когда ковырнул он что-то кинжалом, упали рукава, обнажив мускулистые руки. Одеяла на кровати были скомканы, подушка смята — верно, только что встал он. И с таким усердием он трудился, что я почувствовала это издалека.

Оттуда, из-за окна доносился чей-то зов, и этот дальний и слабый призыв коснулся и меня. Словно тлеющим углем ожег он мою плоть! Отшатнулся разум мой, как обожженный. Отшатнулся... и разорвалась связь, кончилось гадание, пропала комната, что была перед моими глазами.

Тяжело дышала я, задыхалась, словно только что бежала от опасности. Да, так оно и было! Опасностью, страшной опасностью был зов, что заставил Элина ковырять ставни кинжалом.

Но беда шла не из его мира, к другим опасностям привык он, если только не изменился он совсем после прощального глотка из драконьей чаши.

— Беда... — Ауфрика не спрашивала, она знала, что так оно и есть.

— Зовет Элина, манит к себе кто-то Темный и, похоже, один из Великих.

— И все же это только предупреждение, — она показала на чашу, — легкая тень.

— Но предупреждение — для меня. Если уже опутан он колдовской сетью, едва ли сумеет сам избежать ловушки. Ведь не в мать уродился Элин, а в отца. Нет в нем дара.

— Верно говоришь. А теперь ты поедешь к нему.

— Поеду, в надежде, что не опоздаю.

— Я дала тебе все, что могла. — Боль была в голосе Ауфрики. — И при тебе все, что должно быть твоим по праву рождения. Но нет на тебе той брони, что хранила мою госпожу. Дочерью любимой была ты для меня, ведь нет у меня ребенка от плоти и крови моей, заповедана мне дорога, которой прошла твоя мать. Не могу я держать тебя здесь, но уносишь ты от меня свет солнца...

Склонила Ауфрика голову и спрятала лицо в руках. И впервые с удивлением заметила я, какой тонкой и морщинистой стала на них кожа, что свидетельствует о приближающейся старости куда больше, чем ее

лицо. Ведь была она из тех, кто и сложен крепко, и чья кожа гладка и упруга. Но, как побитая, упала она тогда на стул, словно все прожитые годы разом обрушили на нее свою тяжесть.

— Матерью была ты мне! — Положила я руки на согбенные плечи. — И только дочерью тебе быть я хотела. Но сейчас нет у меня иного пути.

— И это я знаю. Помнится мне, что ваша с Элином мать, госпожа моя, так и хотела, чтобы таким же служением людям была твоя жизнь, как и ее собственная. Я буду бояться за тебя...

— Нет, — прервала я ее. — Бояться — значит рождать страх. Наоборот, положись на свои силы, думай лишь о том, что меня ждет победа.

Ауфрика подняла голову, и увидела я, что усилием воли подавила она свое беспокойство. Знала я теперь, что всей Силой своей охранит она меня в пути. Надежней отряда мечников будет эта охрана. Ведома была мне Сила Ауфрики, не раз билась она при мне насмерть и побеждала!

— Где ты будешь искать? — живо спросила она, уже обдумывая план.

— Покажет гаданье.

Опять пошла она к своим прйпасам, достала оттуда кусок тщательно сложенной ткани, положила на стол и разгладила. Золотыми линиями был поделен платок на четыре части, каждую из них проходящие через нарисованный центр красные линии делили на треугольники. А середина была исписана рунами, которые никто из людей не умел теперь прочесть, ведь были написаны ими Слова Власти.

Потом достала Ауфрика золотую цепочку с маленьким шариком из горного хрусталя на конце. Взяла она цепочку за петельку с другой стороны и надела на палец. Поднялась на ноги, простерла над платком руки, так чтобы шарик лег точно в центр. И хотя не дрожала рука ее, шарик начал качаться на

цепочке, как на маятнике. А потом стал качаться в другую сторону: вдоль одной из красных линий. Я смотрела и запоминала.

Значит, должна я ехать на юг и на запад. А ведь скоро, говорила я Джервону, выпадет снег и закроет перевалы, и пути отсюда для меня не будет.

Шарик неподвижно повис. Ауфрика уложила цепочку с шариком в мешочек, а я сложила платок.

— Завтра, — сказала я.

— Так будет лучше, — согласилась она. И опять пошла к своему шкафчику и стала доставать из него всякие разности. Знала я, не выпустит она меня в дорогу без вещей, которые знания Мудрых сделают полезными для меня.

Но я пошла в хижину Омунда. Все знали, что мы с Ауфрикой умеем видеть невидимое и понимать скрытое, а потому не удивился он моим словам, хоть и не знал источников нашего ведения. Я сказала ему, что благодаря Мудрой узнала, что брат мой в беде. И угроза исходит не от битв и войны, а от Древних. Что по связи рождения я должна отправиться на помощь.

Выслушав меня, Омунд качнул головой, а женщины его, как обычно, искоса и недобро поглядывали в мою сторону.

— Так вы говорите, госпожа, что нет у вас другого выхода? Когда вы покидаете нас?

— Завтра с рассветом. В этом году зима будет ранней.

— Верно. Что же, госпожа, честно и благородно жили вы с нами, как госпожа ваша мать и господин отец ваш. И не родня мы вам — ни по крови, ни по обету. А зову родной крови должен следовать любой человек. Благодарны мы вам за всю помощь в прошедшем и... — Он неловко поднялся и подошел к сундучку, который сам же и вырезал из дерева. — Мал мой подарок и мала такая плата за все ваши благодеяния, но ночью в чужих землях он согреет вас.

Он достал из сундучка дорожный плащ, над которым долго трудились чьи-то руки. Из лохматых шкур горных коз сшили его и окрасили в пурпурный цвет, темный и неяркий, словно закатный. Случайно, должно быть, получился такой цвет, и не смог бы красильщик повторить его. Редкой была такая красота в нашей жизни. Подумалось мне, быть может, ни у одной госпожи из Долин нет одеяния наряднее этого.

Только словами могла я поблагодарить его, но все понимал старый Омунд и знал, как дорог мне его подарок. Много держали мои руки разных полезных вещей, но редко бывали они так красивы. Улыбнулся он в ответ, взял мою ладонь обеими руками и склонил к ней седую голову, и прикоснулся губами к моим мозолистым пальцам, словно и впрямь была я его госпожой.

Тогда поняла я, что хоть и чужой частенько ощущала себя в Роби, близкими мне были все эти люди и, расставаясь с ними, теряла я немало. Не все, конечно, относились ко мне, как Омунд, вот и родня его радовалась моему уходу.

С плащом на плече отправилась я к Ауфрике — больше прощаться было не с кем. К моему удивлению, в хижине был Джервон. Он сидел у очага, стол был уже пуст, но Ауфрика все еще укладывала свертки в заплечный мешок. Улыбался Джервон, попивая из чаши заваренный Ауфрикой травяной настой, подслащенный диким медом.

Он встал сразу, когда я вошла. Никогда не видела я его таким радостным и нетерпеливым.

— Мудрая говорит, что завтра вы уезжаете, госпожа.

— У меня есть срочное дело...

— Похоже, что это и мое дело, ведь я проболтался здесь так долго. Кстати, в наше время никто, если только может, не ездит по дорогам в одиночку — у человека всего одна пара глаз и уследить за дорогой в обе стороны невозможно. Едем-ка вместе!

Не спрашивал он моего согласия и говорил так, словно все было уже решено. Возмутилась я, хоть и понимала, что он прав, и лучше путешествовать вместе, тем более с воином, который знает все опасности дальней дороги лучше меня, но и отказывать ему просто из гордости было бы неразумно. Пришлось мне взять себя в руки, но не удержалась, спросила я:

— А что, если мой путь лежит в другую сторону, мечник?

Он передернул плечами:

— Разве я не говорил вам, что не знаю, где стоит войско моего лорда? На юг ли, на запад ли поедем мы с вами, всюду могу узнать я о нашем войске, но предупреждаю вас, госпожа, любая дорога может привести нас прямо в пасть дракона, а точнее — прямо в зубы к Псам.

— Ну, тебе придется позаботиться, чтобы этого не случилось,— возразила я. И твердо решила, что не как нежная дама из Долин отправлюсь я в путь под опекой внимательного путника. Нет, если уж ехать вместе, то как два друга, свободных и равных. Но как сказать ему об этом — не знала.

Завидев плащ, шагнула Ауфрика вперед, восхитилась им и сказала, что теперь я могу не опасаться холодов. Сразу же достала она из коробочки брошь, чтобы заколоть плащ у горла. И без всяких слов понимала я, что уже заговорила ее Ауфрика мне в дорогу самым сильным заклятьем из всех, что знала.

Джервон оставил чашку.

— Итак, на рассвете, госпожа? Пешком идти не придется. Ведь у нас два коня: мой и Пелла.

— На рассвете,— согласилась я и обрадовалась, услышав его предложение,— конному дальняя дорога быстрее. Сперва на юг, потом на запад, но куда, в какие края и далеко ли придется ехать?

4. Ложбина Фроме

Волей-неволей выбрали мы ту дорогу, по которой приехал сюда Джервон,— иного пути через окрестную глухомань не было. Ни один человек так и не появился на ней после его приезда.

Это была очень старая дорога, то тут, то там видно было, что поработал кто-то, прокладывая ее. Но кто? Люди? Едва ли... Ведь до нас в этих краях бывали только пастухи, охотники да бродяги. Значит, была эта дорога путем Древних.

— Она проходит в лиге от форта,— сказал Джервон,— но там она как раз поворачивает в сторону от моря. Мы воспользовались ею лишь потому, что коням легче было выдержать погоню на этой дороге. Но откуда и куда она ведет...— Он пожал плечами.

— «Древние ее делали, и кто знает, что они при этом думали»,— так говорят в Долинах.— Но я-то знала, что какая-то мысль была в основе всего, что оставалось от Древних, пусть и непонятная всем.

— Но вы-то ведь не из Долин,— арбалетной стрелой, смертельной, нацеленной прозвучала эта фраза.

Смертельной? Почему пришло мне в голову это слово? Но я ответила правду.

— Я родилась в Роби, и потому народ Долин — мой народ. Но родители мои приплыли из-за моря,

и не из Ализона, а из другой страны, уже воевавшей с Псами. Как только отец услышал про их вторжение, он сразу же отправился воевать. И раз мы с тех пор ничего не слыхали о нем, он, должно быть, погиб. А мать моя умерла, родив Элина и меня. Таково мое происхождение, мечник.

— Нет, от людей Долины в вас нет совершенно ничего,— продолжал он, словно пропустив мои слова мимо ушей.— Они рассказывали о вас странные вещи, эти жители брошенной Роби...

— Как и о любой Мудрой,— возразила я. Нечего было сомневаться, что наговорили ему всякого, ведь только с Ауфрикой была я близка. А женщины Омунда давно отворачивались, если я проходила мимо. И мужа у меня не было, нельзя Мудрой выходить замуж. Это тоже отделяло меня от остальных. Если бы у нас было побольше крепких мужчин, меня бы, конечно, заставили выбрать себе пару, а поскольку предпочла бы я этому... словом, не мне хранить очаг любого из мужчин Роби.

— Больше, чем о Мудрой. Они шепчутся о ваших сделках с Древними.— Ни благоволения, ни отвращения не было в его голосе, одно только любопытство. Словно воин, который интересовался неведомым оружием.

— Если бы я только могла! Тот, кто имеет дело с Древними, будет жить совершенно иначе, не так, как мы... Разве не рассказывают люди, что они всемогущи: могут возвести за ночь крепость, в одночасье разогнать вражьи полчища, вырастить дивный сад на голой скале? Все это видел ты в нашей долине.

К моему удивлению, он расхохотался.

— Конечно, нет, щитоносица. Не мне судить о познаниях Мудрой, из деревни она или из Храма. А по-моему, Древние не слишком интересуются нашими делами. Возможно, им они кажутся мышиной возней, и потому они равно не церемонятся со всяким, кто дерзнет нарушить их покой.

— Их надо искать, незваными они не придут, — невольное предсказание слетело с моих губ, но не знала я тогда этого.

Мы ехали по пустоши ровным шагом, стараясь поберечь коней, — ведь остаться здесь пешим было бы ужасно. В полдень мы свернули со старой дороги, пустили попастись лошадей, а сами перекусили сухарями, запивая их водой из ручейка. Лежа на спине, Джервон разглядывал раскинутую корявым деревом над ручьем прозрачную сеть ветвей с уже редкими листьями.

— А я — коренной житель Долин, — молвил он. — Мой отец был третьим, а значит, безземельным сыном. По обычаю он присягнул родственнику матери, лорду Дорна, и стал у него маршалом конницы. Девушкой моя мать жила при дворе госпожи Гуиды. Она хорошо воспитала меня. А отец все мечтал уйти на север, на свободные земли, и осесть там. Главы четырех или пяти Домов обещали помочь ему. А потом явились враги, и стало уже не до новых земель, только бы сохранить, что есть. Дорн оказался на пути первого набега. Крепость пала через пять дней, ведь у Псов было новое оружие, оно извергало огонь и поедало скалы. Я поехал в долину Хавера за помощью. Через три дня на обратном пути мы встретили на дороге двоих уцелевших из всего войска. Они сказали, что Дорн стерт с лица земли, словно его и не было вовсе. Мы не поверили. Той же ночью я помчался туда, взобрался на гору, откуда хорошо видно. И то, что предстало моему взору, похоже было на обиталище Древних — сплошная груда обломков, невозможно было даже понять, где прежде были стены, а где двор.

Он говорил бесстрастно, время словно притупило его чувства, казалось даже, что все это случилось не с ним. Благодать, когда так затягивается рана сердца. Потом он замолчал, и хотя глаза его по-прежнему

были устремлены в небо, я знала, что не оно сейчас перед его взором.

— Я остался в долине Хавера и присягнул ее лорду. Мы не сумели удержать западную дорогу, отразить дьявольское оружие, хотя долго пользоваться им Псам не пришлось. Сорви-голова мог сжечь его огнем. И такие люди нашлись. Похоже было, что запасного оружия у Псов не оказалось, по крайней мере, на дорогах мы не слышали больше этого сухого треска. Но они успели попользоваться им. Разрушены крепости всех Долин на юге, все до единой!

Лежавшая на груди рука Джервона сжалась в кулак, хотя голос оставался по-прежнему бесстрастным.

— Не нашлось и вождя, который объединил бы всех лордов. Псы позаботились об этом: Ремард Дорнский, Мирик Кастенский, Дох, Йонан — всех, кто был бы способен на это, Псы убили или при осаде владений, или подослав подлых убийц.

Каждую мелочь знали Псы, каждую нашу слабость. А их у нас оказалось больше, чем достоинств. Лорды все ссорились между собой, и их брали по одному, голыми руками, словно спелые плоды с ветки.

Сопротивляться в открытом бою мы не могли. Нам оставалось бежать, обернувшись, разить и снова бежать. И белели бы сейчас наши кости, не приди с севера четыре лорда и не вбей они в наши головы каплю ума и порядка. Они сумели доказать тем, кто выжил, что надо или объединяться, или умереть. Так образовалась конфедерация, а потом они договорились со Всадниками-оборотнями.

Конечно, не сразу, но волна отхлынула. Долину за долиной отнимали мы у Псов, хотя временами они и собирались с силами и огрызались. Уж мы-то убедились в этом у форта Ингра. Но настанет время, и Псы не залают, завоют у нас, и мы взыщем с них все! Впрочем, что тогда останется... Столько лордов полегло, долины опустошены. Верхний Холлек станет

совсем другой страной. Быть может, четверо сохранят верховную власть... нет, трое — ведь Скиркар умер, не оставив сына, способного взять в руки его знамя. Да, это будет совсем другая страна.

— А что ты намерен делать? Останешься в долине Хавер?

— Вы хотите сказать — если доживу,— улыбнулся Джервон.— Ну, кто сейчас может быть уверен в завтрашнем дне? Кто-то выживет, конечно, но быть ли мне среди них — не знаю, ведь я воин. А что мне делать после победы, я и вовсе не представляю. Я воюю с тех пор, как стал мужчиной, и, пожалуй, позабыл, что значит слово «мир». Нет, вряд ли я присягну на верность лорду Хавера. Быть может, последую мечте отца и отправлюсь на север, за землей, чтобы самому быть хозяином на ней. Но я не строю планов. Нашего ума едва хватает теперь, чтобы дожить до следующего дня.

— Поговаривали, что и в северных и в южных землях многое осталось от Древних.— Я пыталась припомнить, что мне доводилось слышать о тех краях.

— Верно. Может быть, лучше совсем не соваться туда, щитоносица. А пока — едем.

Ночь застала нас среди скал, и мы устроились на ночлег, не разжигая костра, чтобы не выдать себя ни огнем, ни дымом. Я предложила Джервону вместе укрыться плащом Омунда, как предложила бы любому спутнику. И он воспользовался моим предложением и лег со мною рядом, словно была я не Элис, а Элин. Так теплом своих тел согревали мы друг друга, и не зябли мы под плащом, хотя ночи были морозными.

Через день мы подъехали к форту. Повсюду все еще были заметны следы битвы. С краю на месте погребального костра был насыпан небольшой курган. Джервон вынул из ножен меч и отсалютовал.

— Люди Хавера насыпали — воздавали почести погибшим. Значит, они получили подкрепление

и вернулись.— Он спрыгнул с коня и отправился на поиски среди разбросанного повсюду оружия и вскоре вернулся с десятком арбалетных стрел, пополнившим его запасы. А еще он принес красивый кинжал с украшенной каменьями рукояткой. На лезвии его не было ни пятнышка ржавчины, хотя долго пролежал он под открытым небом.

— Хорошие мастера у Псов,— сказал он, затыкая его за пояс.— Ну, а теперь,— он вновь вскочил в седло,— на торговую дорогу, она поворачивает отсюда к Тревамперу. Хотя, кто знает, что осталось от этого города.

Уже смеркалось, но мы не стали ночевать у форта. Слишком близко был погребальный курган, слишком многое напоминал он моему спутнику. Мы ехали по дороге, пока Джервон не свернул в кустарник. За ним таились окруженные камнями кострища да остатки шалашей.

— Наш лагерь,— он тронул пепел ногой,— заброшен давным-давно. Здесь можно и переночевать в безопасности.

И опять мы не осмелились разжечь костер. Ночь была ясной, ярко светила луна. Пора было глянуть на талисман. Негде мне было уединиться с чашей и трудно не выдать свою тайну другому. Но узнать, что с братом, было необходимо.

Когда мы поели, я достала чашу и откинула с нее платок. Почти выронила я ее. Легкая дымка стала черным пятном на пояске и днище кубка. Так узнала я, что беда стряслась с Элином. Но жив он и будет жив, покуда вся чаша не станет черной.

— Что это?

Не хотелось мне говорить об этом, но нельзя было не утолить любопытство Джервона.

— Это предупреждение, что брат в беде. Тут была только дымка, а теперь, смотри,— чернота! Если станет чернота подниматься выше — опасность усилится.

А если почернеет весь кубок — значит, Элина нет в живых.

— Уже треть высоты, — отозвался он. — А можете ли вы, госпожа, узнать, в чем опасность?

— Нет, знаю лишь, что не с превратностями войны она связана, а с тайными Силами. Зачаровали его.

— Люди Долин знают только ворожбу Мудрых, а у Псов своя магия и не связана с нашей... Значит, Древние?..

Но как попал Элин в сети древнего зла, я и представить себе не могла. Никогда не интересовался он такими вещами. Попыталась я припомнить, что открыло мне дальновидение: спальню, спящую девушку и брата моего у окна, расшатывающего засовы.

— Вы умеете видеть? — спросил Джервон.

— Не здесь. У меня нет с собою всего нужного, — отозвалась я и задумалась.

Зачем мне делать все так, как учила меня Ауфрика? Ведь и сама она говорила, что сила моя от матери и не ровня я деревенской Мудрой.

Сильно притягивал меня Элин, ведь рождены мы были в одном рождении, и черты его лица были для меня словно зеркало. Поэтому...

— Дай-ка мне бутыль с водой.

Джервон повиновался. Достала я размягченную полоску луба, которым перевязывают раны, насыпала на нее три щепотки порошка из трав, который Ауфрика дала мне в дорогу, и полила все водой из бутыли. А потом хорошенько протерла руки полученной смесью.

Так очистив себя, взяла я чашу в руки; не было в ней воды, но, как прежде в раковину, попыталась я заглянуть в нее, забыть обо всем, кроме Элина, отыскать его мыслью.

И вдруг словно в чаше оказалась я: окружило меня серебристо-белое сияние, ослепило на мгновение, а потом зрение вернулось ко мне. Словно лес, об-

ступили меня круглые колонны. Они были толщиной с дерево, только гладкие, круглые и без ветвей. Не несли они на себе крыши, над головой светила луна да поблескивали звезды.

Неровными рядами стояли колонны, двойной спиралью завивались они к центру, и вступивший на эту дорогу с каждым оборотом спирали приближался к тому, что гнездилось внутри. И тогда страх обуял меня, жуткий страх, какого не ведала я еще, и не думала, что возможен подобный ужас.

Ведь из центра спирали истекала лютая злоба к людям, ко всему нашему миру, и страшной погибелью угрожала она пришедшим сюда.

И вдруг в мгновение все изменилось. Словно маска покрыла беспредельную мерзость. Исчез ужас, ему на смену пришло ожидание чуда и стремление к нему, туда, в сердцевину спирали. Но не обманули меня эти чары, ведь успела я узнать истинную сущность хозяина лабиринта.

На площадке перед колоннами неожиданно появился всадник на боевом коне, в кольчуге, при шлеме и с мечом у бедра. Спрыгнув на землю, он бросил поводья и, не позаботившись о коне, словно следуя какому-то зову, бросился ко входу в спиральный коридор...

Я попыталась крикнуть, встать между Элином и воротами мрака, что был страшнее самой смерти. Но не могла пошевелиться. Брат уже бежал между столбами...

— Элин! — крикнула я...

Чьи-то руки трясли меня за плечи. Я сидела, согнувшись над чашей... над пустой чашей. Луна светила по-прежнему ярко, но столбы и спираль исчезли.

Я поспешно повернула чашу к свету, думала — еще выше заползла черная тень! Ведь Элин уже вошел туда. Хватит ли моих сил, чтобы спасти его? Но пятно оставалось таким же.

— Что вы видели? — обеспокоенно спросил Джервон. — Мне казалось, что вы и впрямь видели что-то ужасное, а потом, госпожа моя, вы позвали брата, словно пытаясь остановить идущего к смерти.

Джервон, конечно, знал больше об этих краях. Может быть, он знает, где находится эта спираль и как до нее добраться побыстрее.

— Слушай! — Я завернула чашу в платок и рассказала ему по очереди оба видения: первое — у окна и второе — нынешнее. — Где может быть такое место?

— Во всяком случае, не в Тревампере и не поблизости от него, — быстро ответил он. — Но закрытое на засовы окно... Что-то похожее я слышал, — он потер лоб, пытаясь припомнить. — Окно... Никогда не открывающееся окно! Ну, конечно же, крепость в ложбине Фроме! Есть старинная легенда, что из одного окна средней башни этой крепости можно увидеть дальние горы. И если случится с мужчиной такое, то в урочный час он садится на коня и уезжает... и никогда не возвращается. Как ни искали пропавших, даже следов их не удавалось найти. Поэтому господа в замке не живут, только стоит гарнизон. А окно это всегда крепко заперто. К тому же происходило все это во времена наших дедов.

— Возможно, в этой крепости вновь поселился кто-то из лордов. Разве не ты уверял меня, что мой брат обручен? Теперь, судя по тому, что я видела, он повенчан. И все-таки бросил свою госпожу, чтобы стремиться к этому?.. Скорее в ложбину Фроме!

Так мы приехали в эту крепость, но встретили нас там весьма странно. И когда стража у ворот приветствовала меня как лорда Элина, я не стала ничего объяснять. Хотела сперва разузнать о брате побольше, а потом уже задавать вопросы. Я сказала, что ездила на разведку и все расскажу в должное время. Не слишком-то убедительно, конечно, но люди не

возражали, они, казалось, рады были вновь видеть своего господина.

Молчал и Джервон. Только с удивлением глянул на меня и тут же отвернулся, согласившись с принятой мною ролью. Я немедленно воспылала великим желанием видеть благородную госпожу, жену мою. Я ведь была права, и Элин уже повенчался с госпожой Бруниссендой.

Мужчины улыбались, посмеивались и перешептывались. Я даже догадалась, что их жесты имеют отношение к новобрачным — верно, так заведено в мужских компаниях. Только один из приближенных, самый старший, сказал, что госпожа занемогла после моего отъезда и более не покидает своих палат. Тут изобразила я на лице великую озабоченность и пришпорила коня.

Наконец вошла я в ту самую комнату, что открылась мне тогда в раковине. И та же девушка лежала на постели, хотя рядом с ней теперь была женщина постарше, чем-то напоминавшая Ауфрику. Поэтому поняла я, что и она принадлежит к Мудрым.

— Элин! — Девушка вскочила, бросилась ко мне, даже одежды распахнулись... от слез распухли ее щеки, блестели на них свежие слезинки. Но женщина смотрела только на меня, потом подняла руку и начертила в воздухе известный мне знак, и я, не успев подумать, ответила им же.

Удивленно открылись глаза ее. Но Бруниссенда уже обняла меня, обхватила за плечи, называла именем брата, допытывалась, где я был и зачем ее покинул. Я слегка отстранила ее, ведь не мне — брату — было предназначено такое приветствие.

Тогда и она отстранилась, дикими глазами заглянула в мое лицо, ужас появился во взоре:

— Ты... Ты изменился! Мой дорогой господин... что с тобой стало? — Пронзительно расхохоталась она и, не успела я перехватить ее руку, вцепилась в мое лицо ногтями, крича, что другим стал я.

Схватила ее женщина, повернула к себе и ударила по лицу. Прекратила рыдать Бруниссенда, лишь терла щеку да смотрела на нас и вздрагивала, если глаза ее обращались ко мне.

— Ты не Элин,— сказала женщина. А потом начала говорить нараспев, и слова эти я тоже знала. Но прежде чем закончила она заклинанье, ответила я:

— Элис я. Разве не говорил он обо мне?

— Элис... Элис...— повторила Бруниссенда.— Но Элис его сестра, а ты мужчина, похожий на моего господина, и хочешь, злодей, обмануть меня!

— Элис я. Если говорил обо мне брат, то знаешь ты, что одинаково воспитывал нас отец. Владеть мечом и щитом мы научились еще в детстве. А когда выросли — расстались. Но есть между нами связь, и когда узнала я, что в беде брат, бросила все и отправилась немедля на помощь, как и он, если бы мне угрожала опасность.

— Но как... как ты узнала, что он уехал... пропал в горах? Вестников о несчастье мы не посылали. Старались скрыть это, чтобы не случилось чего пострашнее.

Говоря так, Бруниссенда искоса поглядывала на меня... частенько смотрели так на меня и женщины в Роби. И подумала я: хоть и в родстве мы теперь, придет время, когда ты станешь радоваться моему приезду. Но раз уж выбрал ее Элин, помогу ей, пусть не перед ней мой долг, перед братом.

Пожилая женщина шагнула ко мне поближе, не отрывая глаз от лица моего, словно можно было прочесть по нему мою сущность.

— Правду говорите вы, госпожа,— медленно сказала она.— Лорд Элин говорил только, что мать и отец его уже умерли, а сестра живет в селении, приютившем вас с самого детства. Однако вижу я теперь, что мог он сказать и много больше, и все-таки ничего не сказал.— Снова начертила она в воздухе

некий знак, ответила я им же, но и добавила кое-что, чтобы знала она — не из малых я в тайном знании.

Кивнула она мне, сразу все поняв.

— Так, значит, дальновидение это было, госпожа. И вы знаете, где он теперь?

— Чары Древних, — сказала я ей, не Бруниссенде. — Черные чары, не белые. А началось все отсюда...

Отсутствующим взглядом смотрела на меня госпожа Бруниссенда, когда прошла я мимо нее к окну, и хотя брат мой повозился уже с проржавевшими болтами и засовами, было закрыто оно, и следов не было ни на раме, ни на засовах, словно он и не подходил к окну. Но когда я положила руку на нижний засов, то услышала за спиной сдавленный стон и обернулась.

Прижав обе руки ко рту, съежилась у кровати госпожа Бруниссенда, лишь безумный ужас отражался в ее глазах. Вскрикнув еще раз, она упала без чувств на скомканное покрывало.

5. Проклятие Дома Ингарет

Сразу же склонилась над ней Мудрая, а потом обернулась ко мне.

— Всего лишь обморок, но лучше бы не слышать ей ваших слов, боится она нашего знания.

— Но вы служите ей?

— Да, я ее кормилица, и не знает она моих дел. С детства страшится она проклятия, что легло на весь род ее.

— Какого проклятия?

— Там, за ставнем... оно ждет, — показала она на окно.

— Что бы там ни было, я не из тех, кто теряет сознание. Но сперва, Мудрая, хочу узнать я ваше имя.

Она улыбнулась, в ответ улыбнулась и я; знали мы обе, что два имени у нее: одно для мира, другое — для тайного знанья.

— Да, впрямь не устрашат вас ни слух, ни зрение. Что же касается имени... здесь я для всех дама Вирта... Но я еще и Ульрика...

— Дама?

Впервые заметила я, что была она не в яркой и пестрой ливрее челяди, а в чем-то сером, и платок какого-то аббатства закрывал ее плечи и голову, ос-

тавляя открытым только лицо. Но слыхала я, что отвращают дамы лицо от знаний Древних. И из аббатств не выходят, дав уже все обеты.

— Да, дама,— повторила она.— Война все смешала. Год назад разгромили Псы Дом Кансы Дважды Рожденной. Мне удалось спастись, и я вернулась к Бруниссенде, ведь обеты приняла уже после ее обручения. А Канса сама когда-то посвящена была в древнее ученье, так что дочери ее иначе смотрят на знания, чем в прочих аббатствах. Но мы обменялись именами... Или у тебя нет второго?

Я качнула головой. Напоминала она мне Ауфрику, хоть больше было в ней своего. Но поняла я, что ей можно верить.

— Благословили меня с первым именем, по обычаю народа моей матери...

— Ведьмы Эсткарпа! Но дана ли вам их Сила, ведь чтобы справиться с проклятьем, нужна великая мощь?

— Расскажите мне о нем, ведь на Элина пало оно!

— Записано в старых книгах, что у родоначальника Дома Ингаретов, к которому принадлежит моя госпожа, была наклонность к странным познаниям, но не было терпения и воли следовать обычными дорогами. И потому совершал он такие поступки, о которых и помыслить не посмел бы благоразумный.

В одиночестве странствовал он по обиталищам Древних, и однажды привез с собой жену из такого путешествия. В этой самой палате возлег он с нею. Но детей у них все не было. Лорд забеспокоился, ведь ему был нужен наследник. И решил он доказать, что не его вина в этом: завел на стороне сына, а потом и дочь и думал, что все останется в тайне. Может ли быть еще большая глупость, чем надеяться на это?

Однажды ночью пришел он к госпоже, жене своей, чтобы насладиться ею, и увидел ее в том самом

кресле, сидя в котором вершил он суд над своими подданными. А перед ней на стульях замерли матери его детей с малышами на коленях, и обе, как зачарованные, не сводят с нее глаз.

Тогда обратил он свой гнев на жену, потребовал, чтобы отчет она дала в своих поступках. Улыбнулась та в ответ и сказала, что позаботилась о нем и, чтобы не приходилось ему впредь бродить ночами в непогоду для удовлетворения плоти, решила собрать этих женщин под своей крышей.

А потом она встала, тогда как он не мог даже пошевелиться. Сняла с себя богатые наряды, драгоценности, что дарил он, и бросила на пол. В рваные тряпки, лохмотья, осколки стекла и металла превратились они, едва коснувшись пола. Обнаженная и прекрасная, подошла она к этому-то окну и, затмив лунный свет, вскочила на подоконник.

А потом обернулась опять к Ингарету и сказала слова, которые люди помнят до сих пор:

— Ты будешь жаждать обладания и уйдешь искать, и сгинешь. Ты пренебрег тем, что имел. А за тобой придут другие, я позову их, и они тоже уйдут, и никто не вернется.

С этими словами она повернулась к окну и прыгнула. Когда освободившийся от удерживавшего его на месте заклятья лорд Ингарет подбежал к окну, внизу никого не было. Словно унеслась она в иной мир.

Он поспешно собрал приближенных, поднял на щите мальчика и назвал его своим сыном, девочке дал ожерелье дочери. После той ночи матери их слегка помешались и долго не прожили. Но господин более уже не женился. Лет через десять он вдруг уехал из замка в ложбину Фроме, с тех пор его не видел никто.

И стало случаться, что вдруг выглянет кто-нибудь из мужчин в полнолуние в это окно... сам лорд или наследник, или муж наследницы, словом, тот, кто правит или будет править в замке, а потом вдруг

уедет и сгинет навечно. Правда, в последние десятилетия никто не исчезал... только ваш брат.

— Если прошло много лет, значит, жаждущая проголодалась. Если ли у вас нужное для дальновидения?

— Вы решитесь попробовать прямо здесь? Но Темные Силы вили гнездо в этой комнате, и...

Верно говорила она. Мне и самой казалось, что пробовать здесь дальновидеть опасно, но выбора не было.

— В лунной звезде,— предложила я.

Она кивнула и поспешно удалилась во внутреннюю палату. Я обернулась к вьючным мешкам, которые прихватила с собой. Достала чашу. Со страхом разворачивала я покрывало, боялась — вдруг почернела полностью чаша. И хотя тьма еще выше поднялась, узкая полоска — два пальца светлого серебра — еще блестела по краям. Возродилась надежда во мне.

Дама вернулась с широкой корзиной, в которой позвякивали горшочки и бутылочки. Первой достала она палочку белого мела, наклонилась, резкими, уверенными движениями начертила на полу у заложенного засовами окна пятиконечную звезду, по белой свече поставила в каждой вершине.

Сделала это, увидела в моих руках чашу и затаила дыхание.

— Серебро дракона! Откуда у вас, госпожа, этот знак власти?

— Матерью и для матери была сделана она перед моим рождением. От чаши дано было имя мне и Элину. Из чаши пили мы и при расставании, а теперь несет она знак беды.

— Властью и Силой, госпожа, обладала ваша мать, коли сумела вызвать серебро дракона из небытия. Слыхала я про такое, но высока цена...

— Мать заплатила ее без слов,— с гордостью ответила я.

— Только имеющий мужество способен на это. Готовы ли вы? Я защитила вас, как умею.

— Готова.

Подождала я, пока смешивала она в чаше жидкость из двух бутылок. А потом встала в звезду, пока она зажигала свечи. И когда загорелись они ярко, услыхала я ее голос, шепчущий заклинания. Тихий, он доносился совсем издалека, словно за горным хребтом была она, а не рядом, так что рукой можно тронуть.

Но не отводила я взгляда от чаши, жидкость в ней покрылась пузырьками, пар повалил и коснулся моих ноздрей, но не отвернулась я, и сгинул пар, зеркалом стала чаша перед моими глазами.

Я словно парила в воздухе, быть может, меня несли крылья. Подо мной спирально завивались столбы. Все сужалась спираль и сужалась к центру. И там, внутри, были и не люди, а статуи, но словно живые. И стояли они тоже по спирали. Первый у центра, а другие подальше. И последним из них был...

Элин!

Узнала я брата, но и то, что пряталось внутри, узнало меня, или, по крайней мере, почувствовало мое присутствие.

И не рассердилось, нет — скорее, с презрением удивилось, что такое ничтожество, как я, тревожит вечный покой. Но еще чувствовало оно...

Напрягла я всю волю и оказалась снова в палате, меж горящих свечей.

— Вы видели его?

— Да. Я знаю теперь, где искать! Медлить нельзя!

— Сталь... оружие... не спасет его.

— Не сомневайтесь, я это знаю. Только в том надежда, что раньше не попадался ей мужчина, неразрывно связанный с такой, как я. Она привыкла к победам и стала слишком самоуверенной, и это может оказаться для нее гибельным.

Лишь эта мысль, да и то, что никого из бывших повелителей ложбины Фроме не искала родством связанная с ним Мудрая, вселяли в меня надежду. Но времени уже почти не осталось. Если Элин пробудет в этой паутине еще чуть-чуть — только каменное изваяние останется от него.

— Можно ли незаметно выйти из крепости? — спросила я.

— Да. Вы отправитесь прямо сейчас?

— У меня нет выбора.

Она дала мне с собой кое-что из своих припасов: травы, два амулета. А потом отвела меня к потайному ходу внутри стены, сделанному на случай осады.

Дама приказала служанке привести коня. Так отправилась я на рассвете, на коне и в кольчуге, следуя тонкой нити, протянутой моим дальновидением. Далеко ли ехать, я не знала, поэтому старалась торопиться, ведь время теперь было моим врагом. Я проскользнула незамеченной мимо дозоров лишь потому, что знанием Мудрой отвела от себя их взгляд. Наконец дорога вывела меня в дикие места, лабиринт расселин здесь был покрыт густым кустарником, поэтому частенько приходилось спешиваться и мечом прорубать дорогу.

Продравшись сквозь очередные заросли, я отдыхала, положив руку на седло, прежде чем вскочить на фыркающего коня. Тут я заметила, что за мной следят.

Я бы не удивилась, если бы в кустах оказались разбойники. Или если бы кто-то из крепости решил проследить путь своего господина, удивленный долгим его отсутствием и столь быстрым отъездом. Но кто бы то ни был, он мог задержать меня, и угроза Элину лишь возросла бы.

Но в такой чащобе, по крайней мере, можно было укрыться в кустах, выследить преследователя и взять его врасплох. Достав меч из ножен, поставила я коня за кустом, таким густым, что даже осень не сделала его крону прозрачной для взгляда. И стала ждать.

Шедший за мною ходить по лесу был мастер. Подумала я о брате, как он ездил на битву рядом с теми, кто разил врага с тыла. Осторожный преследователь мой, которого я не заметила бы, не спугни он случайно птицу, оказался Джервоном.

Джервоном, о котором я почти позабыла в крепости! Но почему он здесь? Он же хотел искать войско своего лорда?

Я шагнула из-за куста.

— Что ты ищешь на этой дороге, мечник?

— Дороге? — Лицо его смутно белело под шлемом, но заметила я, что изумленно дернулись вверх его брови. Он всегда так удивлялся, хотя не часто приходилось ему удивляться во время нашего странствия. — Я бы не назвал эту чащобу дорогой. Но, может быть, глаза врут мне? А что касается того, что я здесь делаю, разве не говорил я уже, что в наше время опасно ездить поодиночке?

— Но ты не можешь ехать со мной! — Должно быть, я прикрикнула на него. Чувствовалось в нем упрямство, а моя дорога вела вперед к битве, да такой, которой, быть может, не мог он даже представить и в которой мог оказаться врагом, а не другом.

— Будь по-вашему, езжайте вперед, госпожа... — он согласился с такой легкостью, что разгневалась я.

— А ты будешь плестись сзади! Говорю тебе, Джервон, тебе не место в этой битве. Я вооружена искусством Мудрых. А биться мне суждено с проклятием Древних, которое и сейчас может сразить любого мужчину.

Правду сказала я ему, иначе нельзя было убедить его остаться.

Но не изменилось лицо его:

— Разве не знал я всего этого, ну, пусть и не всего, с самого начала? Что же, бейтесь заклятьями, но за эту землю еще воюют, и кроме ваших заколдованных мест, в глуши попадаются и озверевшие люди.

Что, если на вас нападут стрелой или мечом, когда ваш ум и силы будут отданы колдовству?

— Ты же не присягал мне. У тебя есть свой господин. Попытайся лучше найти его, как того требует долг.

— Пусть я не присягал вам, госпожа Элис, но поклялся себе, что буду прикрывать вашу спину по дороге туда, и не стоит тратить ваши силы на заклинания, чтобы переубедить меня. Вот что дала мне дама в крепости.

Из-за воротника кольчуги достал он анх, крест в виде буквы «Т» с петлей сверху, сверкнувший лунным серебром. Он был прав. Не затратив на это тех сил, что могут мне пригодиться позднее, не осилю я этого оберега. Но анх защитит его и там, где мы будем. Удивилась я, правда, что дама следом за мной послала его, воина, не искушенного в умении Мудрых.

— Пусть будет так,— согласилась я.— Но поставлю тебе одно условие: если почувствуешь ты принуждение извне, сразу скажи мне. Есть заклинания, что могут друзей сделать врагами и открыть дорогу великой беде.

— На это я согласен.

Вот почему остаток дня ехала я не одна. А когда наступил ранний осенний вечер, мы остановили коней на гребне хребта меж двух острых скал и спешились.

— Вы знаете, куда ехать? — Днем Джервон по большей части молчал, и если бы не конский топот позади, я могла бы и забыть о том, что он едет следом.

— Меня тянет туда,— я не стала объяснять подробнее. Слишком уж явным стало теперь ощущение ожидания впереди меня, беспокойство, томление, словно спало нечто глубоким сном, а потревоженное нами проснулось. И куда мне было до Древней при всех моих скудных познаниях.

— Где мы — еще далеко или уже рядом? — спросил он.

— Близко уже, а это значит, что ты должен остаться здесь.

— Вспомните-ка, что я вам говорил,— он положил руку на анх.— Я следую за вами.

— Но здесь ведь не встретишь людей...— начала я и по глазам его поняла, что не могут мои слова поколебать его решимость. Лишь меч или заклинание могли бы остановить его. Удивилась я такому упрямству, потому что не было для него причины.

— Ты не понимаешь, перед чем мы предстанем,— все свое терпение вложила я в голос, предупреждая.— Нам придется иметь дело не с врагом, чье оружие — меч и мощь рук. Чем сражаются Древние, ты даже не в силах представить...

— Госпожа, тот, кто видел, во что превратило Горн оружие Псов, не может пренебречь любимым оружием,— с оттенком шутки сказал он.— И еще: ведь после того дня я живу не своей жизнью, по справедливости мне следовало бы умереть рядом с теми, кого я любил и чью судьбу разделял до проклятого дня. Поэтому не дорожу я жизнью, ведь не мне принадлежит она теперь. Но еще не видел я, как бьются Мудрые с неслыханными и невидимыми силами, о которых вы с таким знанием говорите. Если они близко — в бой!

И столько было решимости в его словах, что не сумела я ему ответить. Только слегка спустилась пониже, чтобы разведать путь. Неясны в потемках были очертания долины, куда нам надлежало идти, хотя свет трепетал еще на вершинах.

Внизу сумела я разглядеть дорогу Древних, не дорогу даже, а скорее тропку, что вела в нужную сторону. Узкой она оказалась, только иногда могли мы ехать рядом. Привела тропа нас в лес и зазмеилась среди деревьев такой толщины, что было ясно: не одно столетье росли они здесь.

Очень тихо было в этом лесу, время от времени бесшумно облетали с ветвей листья, еле заметные в по-

лутьме, но не слышно было ни птиц в деревьях, ни мышей в опавших листьях. И крепла во мне уверенность: медленно-медленно просыпалось впереди Нечто.

— Нас ждут, — шепнул Джервон, и тихий его голос криком отозвался в этом лесу. — За нами следят...

Значит, он тоже способен чувствовать это. Не таило в себе угрозы пробуждающее сознание. Лишь приход наш ощущало.

— Я ведь предупреждала, — в последний раз попыталась я заставить Джервона вернуться, пока еще не поздно. — Наши битвы — не битвы мужей. Да, за нами следят. И чем все это кончится, я не могу сказать.

Вновь промолчал он. Не смогла я убедить его повернуть назад.

Так вилась меж деревьев тропа, что даже я потеряла представление о том, куда двигаться. Но крепко держала в уме нить, что вела меня к лабиринту, — ведь должна я пройти этой тропою до конца.

Наконец из темноты деревьев выбрались мы на залитую лунным светом равнину. Там предстала моему взору та огражденная столбами дорога, которую явило мне дальновидение. Снежно-белые, словно покрытые инеем, высились они на равнине.

Позади меня вдруг вскрикнул Джервон, я обернулась и застыла от изумления. Как бриллиант блистал на его груди анх, словно и не из лунного серебра был отлит он. Всю силу его пробудило к жизни то, что гнездилось в центре спирали.

Вдруг тепло стало колену и увидела я, что засветилась правая седельная сумка. Расстегнула я застежку на ней, достала чашу. Только тоненькая полоска серебра еще блестела у обода кубка — так мало времени у меня оставалось. Но и эта малость уже сокращалась. И с каждым шагом становилась все меньше и меньше.

— Останься здесь, — приказала я.

Послушается он или нет — его дело, но все свои силы должна я теперь сосредоточить на Элине, на предстоящей битве. Джервон сам выбрал свою судьбу и теперь должен быть готов к тому, что ему предстоит.

С чашей в руке шла я вперед, стиснув в другой посох из очищенного от коры рябинового ствола, вымоченного в соке ее ягод и пролежавшего ночь в полнолуние в обители Древних, что заставила меня взять с собой дама. Легок был этот посох по сравнению с мечом на поясе. Но и меч не отстегнула я. Ведь выкован он был из металла, что мать с отцом принесли из заклятого места, и тоже обладал оградительной силой.

Так с посохом и чашей, понимая, что в одиночестве суждено мне биться в центре спирали, миновала я первый столб и вступила на извилистую дорогу.

6. Каменное поле

Поначалу словно речной поток подхватил меня и понес. А потом оттолкнул и бросил. Там, в сердцевине, некто, должно быть, почувствовал, что не зачарована я зовом, как другие, и затих, размышляя. А я тем временем все шла вперед, как щитом, оградившись чашей, и посох к бою, как меч, приготовив. А потом...

Велика была сила натиска, которую я ожидала. Пошатнулась я, как от удара, но удержалась, не пала на колени, не отступила. Словно со страшной бурей боролась.

Не шагами, по шажку переступая, напрягая все силы, раскачиваясь, продвигалась я вперед. Подавила в себе неуверенность, заставила думать только о том, что предстоит еще сделать. Ведь страх, если ему поддаться, мог оставить меня беззащитной.

Лишь малая искра надежды у меня оставалась. Не встречали мы с Ауфрикой ничего сильнее противостоящей мне ныне Силы, хотя приводилось нам мериться кое с чем и искусством, мощью разума. Только теперь знала я: не посвященный адепт породил ее...

Такая была у этой мощи причина: за долгие годы никто не сумел противостоять ей, а потому уверенность в себе только крепла от века к веку. Но я не боялась — билась, не отступала и упорством своим могла пошатнуть ее веру в себя.

А еще я открыла, что хоть стояли столбы поодаль друг от друга, была между ними преграда и изнутри спирали нельзя было посмотреть наружу. Итак...

Чуть не попалась я в простейшую из ловушек. Попеняла себе за невнимание. Устремившись вперед, позабыла о ритме движений, шла так, как шли ноги, а ритм этот служил не моим целям. Тогда без промедления стала я менять меру своих движений, широкий шаг следовал за коротким, приходилось и в сторону ступать, и даже подпрыгивать, чтобы ни разум, ни тело не смогла заворожить неведомая Сила.

Приготовилась я отражать новый натиск. Дважды пыталась она поразить меня и дважды не сумела. Значит, третий удар должен стать самым тяжким.

Вдруг померк свет луны. Но темнее не стало: как гигантские свечи, полыхали огненные столбы. И в этом бледно-зеленом свечении словно пятнами мерзкой болезни покрылись мои руки. Подавила я отвращение. Ведь двумя факелами горели в моих руках посох и узкая полоска по ободу кубка, синевой отливал их свет, белым пламенем тех свечей, что используют Мудрые для защиты от Древних.

Начался новый натиск: меж зловещим светом горящих столбов появились гадкие рыла, твари сплетались, кружили, скользили... Только Тьма могла породить эту мерзость! Но не отвела я глаз от чаши и посоха, осилила искушенье, выдержала и это испытание.

Навалилось недоброе и на слух. Знакомые голоса кричали, молили, шептали, просили, чтобы я повернула обратно.

А поразив и глаза мои и уши, попыталась эта Сила вновь убаюкать меня ритмом движений. Словно воин, окруженный врагами, отбивала я удары нескольких мечей сразу.

Но не могла злая Сила преградить мне дорогу, и шла я вперед.

И вдруг все: наваждения, зов и сопротивление ее разом исчезли. Отступила она, но не было это ее поражением.

Завлекала теперь меня повелительница здешних мест прямо к центру спирали, собирала все свои силы, чтобы внезапно обрушить их на меня и победить. Воспользовалась я этим и пошла вперед побыстрее.

Так пришла я в самый центр паутины, которую соткала... или же где поселилась та, что прокляла лорда ложбины Фроме. Там меня уже поджидали. Вереницей стояли мужчины, обратившись лицом к центру спирали. Двенадцать я насчитала, и последним стоял Элин!

Не было ни в ком из них искры жизни. Словно изваяния, стояли они, неподвижные, совершенные, казалось, вот-вот оживут, но не было в них ни дыхания, ни тепла. Взглядом, как тяжкой цепью, прикованы они были к центру спирали, туда, где высилось подобие круглого трона, а на нем...

Сгустился туман, соткалась из него фигура женщины, нагой и прекрасной. Подбросила она вверх обеими руками дивные волосы, но не упали они книзу, не опутали обнаженное тело покрывалом, но хищными щупальцами заколыхались над головой. Серебрилось в лучах луны белое тело, серебрились и тонкие пряди, лишь глаза ее были темные, как две гнусные ямы, в которых таилась невыразимая мерзость.

Прекрасна была она, совершенна, а еще было в ней нечто, неотразимое для мужчины. Воплощением женственного была она, женской сущностью, обретшей плоть.

А потому не тянуло меня к ней... отталкивало. Ведь все, что заставляет женщин подозревать, ревновать, ненавидеть друг друга... все это тоже воплотилось в ней. И только тогда поняла она, что не мужчина я, невзирая на сходство. А поняв, обрушила на меня жар ненависти. Но готова я была и, подняв перед собой

чашу и посох, отразила натиск. Ее волосы извивались, тянулись ко мне, словно пытаясь удавкой захлестнуть мое горло.

А потом она рассмеялась.

И было в этом смехе презрение. Словно бы королева увидела, что последняя служанка решила оспорить ее власть. Так уверенна была она.

Подняла она руки к голове, вырвала прядь волос. В руках они разгорались все ярче, как раскаленный металл. Сплела из них веревку.

Но не стала я праздно ожидать ее удара. Слыхала я и о таких чарах. Так начинался приворотный заговор... бояться его не приходилось, но оборотная сторона любви — ненависть, а она — убивает.

А потому я запела, но не громко, почти про себя. И словами своими сковывала каждое движение серебряных этих пальцев, словно она плела, а я — расплетала.

Понимала я, кто она и кто я, знала, что не встречалась еще с подобною колдовскою силой. Но смогла же я понять ее заклинанья, а это хоть и немного, но все же склоняло чашу весов в мою сторону. Ведь боялась я битвы с адептом, но лишь знанием Мудрых противостояла она мне. Конечно, быть может, это только начало и последующие заклинания будут сложнее и сокрушат мои силы.

Петлю закончила она, но все не бросала, пристально глядя на меня провалами глаз. Заметила я при этом, что стал слабеть исходящий от нее аромат женственности.

Пропала красота, ослабел зов плоти, руки удлинились, груди присохли к ребрам, в обтянутый кожей череп превратилось прекрасное прежде лицо. И лишь волосы не изменились.

А губы презрительно усмехались. И тут она впервые ударила меня словами; но произносила она их или просто возникли они у меня в голове, я не знала.

— Смотри на меня, ведьма, смотри, увидишь себя. Такая ты для мужчин!

Неужели она хотела поймать меня на тщеславии?.. Или она совсем не знает женщин... и думает победить с помощью этого? Кто же примет всерьез этот булавочный укол?

Нет, слова ничего не значат. Важно видеть веревку!

— Ну, какой же мужчина заинтересуется тобой...— Искусительница замерла. Голова ее поднялась, глаза отворотились от меня, даже руки опустились, и волосяная веревка повисла. Она словно прислушивалась, но я не слышала ничего.

Снова изменился ее облик, вернувшаяся красота округлила тело, стала она вновь желанной гостьей в постели любого мужчины. Опять рассмеялась она.

— Ведьма, я недооценила тебя. Похоже, что уж один-то за тобой увязался. Но жалость какая, все придется отобрать у бедняги. Дивись, ведьма, на Силу...— Тряхнула она головой, и потеплело у меня на душе. Поняла я, как беспечна она: имя свое чуть-чуть не назвала! А назвала бы, погибла бесповоротно. Давно не встречала она ничьего сопротивления, и потому-то и стала безрассудной. Выходит, следует мне быть внимательной, использовать каждый ее промах.

— Обернись и посмотри, ведьма,— командовала она.— Посмотри, кто идет на мой зов, подобно всем этим глупцам.

Не было мне нужды оборачиваться к ней спиною. Раз Джервон пошел со мной, сам и должен он встретить судьбу. Не ему отвлечь меня от битвы с серебряной женщиной.

Я скорее услышала, чем увидела, как он скользнул рядом со мной. Не отводя глаз от Древней, боковым зрением заметила я его руку: в ней был меч, и острием был он обращен к той женщине.

Она ласково запела, но ложь была в нежной и женственной песне. А потом она простерла к нему руки, не выпустив, впрочем, волосяную веревку. И

даже мне, женщине, были ясны все ее чары, — обладала она всем, чем только можно привлечь мужчину.

Джервон шагнул вперед.

Разве могла я упрекнуть его, тут бессилен был даже блиставший на его груди анх... Слишком уж могучей, неотразимой была ее женственность.

И эта безграничная власть неожиданно пробудила во мне гнев, словно серебряная женщина грозила отобрать у меня все самое дорогое. Но Мудрой была я, а потому и тело, и чувства мои оставались покорными разуму.

Она что-то говорила, ворковала, манила Джервона поближе. Меч его дрогнул, острие опустилось к земле, свободной рукой он ухватился за талисман, потянул за цепочку, словно чтобы сорвать его и отбросить. Но кроме покорности ее чарам, чувствовалось в нем и что-то еще.

Сильна была она. Но он противился ей! И не в последнем отчаяньи, вдруг осознав грядущую гибель, как, должно быть, все остальные, стоящие рядом, нет! В глубине себя сознавая, что не ею хочет он обладать!

Как сумела я это понять, не знаю, может быть, потому, что и она почувствовала это. Протянула она к нему руки, изнемогая от страсти, словно его-то и ждала всю свою жизнь. А он более не рвал анх с груди, он вцепился в него, как в последнюю опору; будто якорь в бушующем море, спасал его амулет.

И тут, как я и ожидала, веревка петлей взвилась в воздух, но не ко мне она летела — к Джервону, словно его упрямое сопротивление возмутило все ее планы.

Я была наготове, и кончиком посоха перехватила петлю. Удавом стиснула она чистую древесину посоха, точно был он человеческой плотью. Но, обнаружив ошибку, ослабла хватка и скользнула вниз к моей руке.

Раскрутив посох, отбросила я распустившую кольца веревку обратно. Упала она рядом с камнем, на кото-

ром стояла Древняя, развернулась и змеей поползла к нам с Джервоном. Но Серебряная уже плела новую петлю из своих локонов, быстро мелькали теперь ее пальцы, без высокомерной лени, как в прошлый раз.

Сил Джервона хватало теперь лишь на то, чтобы стоять; острием меча он опирался о камни, другая рука крепко сжимала анх. Не мог он иначе защититься от ее колдовства. И биться с нею мне опять предстоит одной. Но мое положение стало хуже, ведь часть сил придется уделить на защиту Джервона.

Защищать ли его? Поколебалась было решимость моя, но тут же рассердилась я на свою слабость. Не было у меня выбора. Коль суждено Джервону пасть от ее волхвований, пусть будет так, но и разум и силы целиком должна я отдать последней схватке с Серебряной.

Сплела она новую веревку, но на сей раз не бросила, разжала руку, и медленно скользнула она на камни и следом за первой поползла к нам. Улыбалась Серебряная, и принялась за третью веревку, а те две, словно змеи, ползли к нам.

Да, могли они одолеть нас, но воспротивилась я. Засунула чашу за пояс и выхватила меч, что выковал мой отец из слитков древнего металла.

Темным оказалось его лезвие, как беззвездная ночь, ни искорки света не отражалось от него. Никогда не бывал он таким прежде, случалось мне обнажать его и раньше, и всегда не отличался он от прочих мечей. Теперь же — словно из ночи его сковали.

Положила я его на плиты, оградилась лезвием от подползающих петель. И не знала, защитит он меня или нет. Одни тайные силы отвращают металлом, а другие съедят даже сталь. Тайна окутывала происхождение меча, но доверилась я родителям, знали они ему цену.

Снова взяла я чашу и оградилась еще и посохом. Но теперь приходилось мне следить и за женщиной,

и за веревками, теперь уже три их приближались, а она начинала плести четвертую.

Змеясь, подползала к лезвию первая, изогнулась, готовясь ударить, коброй откинулась назад, подняв один конец, словно голову... Но будто преграда была перед ней, не могла она ее перелезть, прикоснуться не могла. Полегчало у меня на сердце: значит, и меч был защитой.

К моему удивлению, шевельнулся и Джервон, тяжело, рывками, едва одолевая вес своего тела, поднял он меч и рубанул по подобравшейся веревке. Попыталась она охватить меч, взобраться по нему, но, потеряв силу, отпала. Значит, и сталь ограждала.

Почти все безжизненные мужские фигуры вокруг нас были в броне, но мечи оставались в ножнах. Должно быть, они и сообразить не успели, что придется биться за жизнь, так сильны были ее чары.

Словно разъяренная пантера, зашипела Серебряная. Метнула в меня четвертую веревку, но едва посох мой вновь зацепил петлю, как отправил обратно. И в этот миг поняла я, что пора и мне переходить в атаку.

Взяла я посох, как копье на охоте, и метнула его прямо в грудь Серебряной. Охнула она и, словно щитом, заслонилась волосами. Глубоко вошел в них посох, пряди вокруг него таяли и исчезали. Но сумела она отразить силу жезла из рябины, упал он к подножию ее камня и переломился. И все же половину волос ее уничтожил.

Быстро подхватила я меч с каменной плиты, а Джервон с неимоверным усилием, словно свинцом налиты были руки и ноги его, неуклюжими взмахами рубил оставшиеся веревки. Но скованы были его движения, и могли они одолеть его, однако не было у меня времени помогать Джервону. Только о поединке должна я думать, о битве, в которой могу и погибнуть. Перепрыгнув через последнюю ползущую веревку, побежала я к постаменту; не веревки вила

теперь женщина, а рвала волосы горстями и кидала навстречу мне дымовой завесой.

Двумя взмахами меча рассеяла я этот полог и встала перед ней. Не была она более прекрасной, черепом вновь стала ее голова. Губы исчезли, обнажились страшные зубы, руки не к волосам протянулись — ко мне. И пока я смотрела на нее, выросли, страшными когтями стали пальцы, готовые рвать и терзать мое тело.

Вверх и вперед ударила я мечом, и словно в пустоту пришелся удар мой. А она была на своем месте, готовясь вцепиться мне в горло. Снова ударила я. И поняла: она — призрак, а сущность ее где-то неподалеку. Если не найду я это укрытие, то погибну.

Тонким голосом вдруг вскрикнул Джервон: две веревки разрубил он, но третья, обхватив его ногу, взбиралась все выше и выше.

Помочь ему я не могла... Где же Древняя?

Ясно, она укрывалась здесь, в центре спирали, не сомневалась я в этом. Иначе не такой силой обладала бы она в этом месте.

То, что недавно было красавицей, не покидало камня; вытянув когтистые лапы, она наклонила вперед голову. Немыслим был такой поворот для человеческой шеи, но она по-прежнему буравила меня глазами, которые не были похожи на глаза. Рот ее яростно скалился, с каждым мгновением теряла она человеческий облик; ярость, словно в зеркале, отражалась в ее теле.

Теперь я убедилась, что не может она сойти с камня, только колдует, стоя на нем. Значит, не упуская ее из виду, могла я поискать, где сокрыта она, и поразить ее насмерть или прогнать.

Мимо безмолвных фигур ее жертв двинулась я к колоннаде. Медленно вдоль колонн обходила я камень, не отрывая взгляда от Древней.

Она подняла руку к лицу — страшные когти на них растаяли,— плотно обхватила вновь появившимися

пальцами нечто драгоценное. А потом поднесла руки ко рту и нежно подула на них, словно пытаясь согреть.

Что-то придумала она теперь, битва не кончилась, но еще не могла я понять, каким будет новый удар.

Обе руки подняла она перед собою, а на них нечто... Подобных существ не видала я прежде, только сразу поняла, что оно из сил зла. Когтистые крылья летучей мыши были усеяны мерзкими пятнами, на маленькой голове рожки, острое рыло. Раскаленным углем реяла тварь над моей головой. И огненной искрой вдруг взлетела она, поднимаясь все выше и выше. Я ждала, что она ударит, но тварь куда-то исчезла. Я не знала, когда и с какой стороны она вернется. И все же ожидать больше не могла и потому решила продолжить поиски. Обходила я одну колонну за другой, а Древняя все следила за мной, и зубы ее заострились клыками, а ухмылка сулила смерть.

Теперь, когда посох сломался, все надежды мои были на чашу. Ее Сила должна была почувствовать и источник силы Древней, что воплощалась в женщину. Но не становился ярче серебряный ободок у края.

Так обошла я все столбы. Значит, очевидное — правильно, и источник Силы под камнем, на котором стоит она. Но как поднять или опрокинуть его?..

Я оказалась за спиной Джервона. Ноги его теперь были опутаны не только третьей веревкой, но и волосами, которые Древняя бросала в нас. До живота они еще не поднялись, его руки свободны. Лишь вдвоем можно опрокинуть камень... поняла я. Но сможет ли он, сумеет ли помочь?

Вдоль и вокруг тела Джервона провела я кончиком меча, и сгинули путы. Он обернулся. Бледный, лицо застыло, словно у тех, неподвижных, но глаза были живы.

— Ты должен помочь мне перевернуть камень.

Я слегка подтолкнула его мечом в спину.

Он поежился, сделал неуверенный шаг.

И все время должна была я помнить о крылатой алой твари, взметнувшейся в воздух. Выжидает ли она, чтобы напасть врасплох, или помчалась куда-то вестником звать помощь.

С огромным усилием Джервон делал уже второй шаг. Так медленно шел он, словно не живое — каменное тело повиновалось моим словам. Я вновь положила чашу за пояс, ухватила его за руку и кончик меча его воткнула в щель между плитами и постаментом.

Мимо лица Джервона промелькнула рука с уродливыми когтями, но уберег его анх — остался он невредим. В ту же щель воткнула я и собственный меч, крикнула, всеми силами души надеясь, что сумеет он выполнить мой приказ:

— Подымай!

Обеими руками ухватилась я за рукоятку. И в этот миг свалилась с небес алая тварь, в мои глаза метила она. Отдернула я голову, но милостью Сил, которым так долго служила, не выронила меча.

Огнем ожгла тварь мою щеку, взвизгнула рядом, шипя. Но все готова была я забыть ради камня, важен был только камень. И он шевельнулся!

Все свои силы собрала я и крикнула:

— Сильнее, Джервон!

И под напором наших мечей наклонился камень. А тварь металась над нашими головами, и Джервон вдруг, тоже охнув, отдернул голову. Но мы справились с камнем: на мгновение застыл он, потом рухнул вниз и откатился.

7. Светлое серебро

И следа не осталось от той, что грозила нам с камня. Но свирепая тварь яростно бросилась ко мне. Отшатнулась я, прикрыв глаза ладонью, но меч в руке удержала и ткнула им вниз, в то место, которое было под камнем. Раздался стон. Ненавистная тварь исчезла.

Я стояла над неглубокой ямой. В ней был металлический горшочек, но пронзила я его острием меча, словно был металл мягче глины. Что-то текло из него, и в текущем сплаве растворился сам горшочек, а потом вдруг исчезла и вся жижа, словно в землю впиталась.

Задрожали под ногами каменные плиты, стали трескаться и ломаться в щебень, сперва у ямы, а потом, как волнами, покатились, удаляясь все больше от ямы, словно бы все века, незаметно пролетевшие над этим местом, вдруг нестерпимой тяжестью навалились на него, дробя камни.

Волна щебня докатилась до ног первого из мужчин. Он поежился, шевельнулся. И вдруг броня его покрылась ржавчиной, гулко грохнули в нее кости, и, смешавшись воедино, все разлетелось на мелкие кусочки и упало на вздыбившиеся камни.

Так было и с остальными. Волна времени поглощала стоящих, срывала с них видимость жизни и катилась все дальше.

— Мертвецы! — сказал Джервон. Я обернулась к нему: он с живостью озирался вокруг, сковывавшая его тяжесть исчезла, вернулось сознание.

— Да, мертвы, и давно! А теперь мертва и эта ловушка.

Рядом вверх рукоятью стоял мой меч, горшок бесследно исчез, и теперь меч был воткнут острием в землю. Я ухватилась за рукоять и потянула — острия не было, от него осталась тонкая сосулька, будто меч погрузили в кислоту. Не меч, три четверти меча держала я в руке. Я вложила искалеченное оружие в ножны и удивилась мощи той силы, что была заключена в горшке.

Элин! Даже забыла я, за кем пришла сюда! Резко обернулась я от ямы, где позади всех остальных стоял мой брат. Он шевельнулся, неуверенно поднял руку ко лбу, попытался шагнуть и споткнулся о кости и броню одного из неудачников. Я рванулась к нему, готовая поддержать. Он моргал, оглядывался по сторонам, словно только что спал и видел сон, а, проснувшись, обнаружил, что был тот сон явью.

— Элин! — Я ласково прикоснулась к его плечу, словно утешая проснувшегося с криком ребенка. Он медленно обернулся ко мне.

— Элис? — спросил он, не веря своим глазам.

— Элис,— подтвердила я, взяла его за руку и вытащила из-за пояса чашу.

Черная пелена исчезла. Серебром сверкала она в лунном свете, как в ту ночь, когда была сотворена.

— Чаша из драконьего серебра?

— Да, по ней увидела я, что ты в беде... а потом чаша привела меня сюда...

Тут он вновь оглянулся. Волна разрушения прошла еще дальше. Погасло призрачное свечение столбов, большинство их упало, развалилось на мелкие крошки. Улетела отсюда сила, что удерживала все вместе.

— Где... где мы? — озадаченно хмурился Элин. И подумалось мне: а помнит ли он, что с ним случилось?

— В сердце проклятия Ингаретов. Оно пало и на тебя...

— Ингаретов! — Хватило и одного слова.— Где Бруниссенда, жена моя?

— В надежной крепости ложбины Фроме.

Горько было мне слышать его слова, словно шагнул он куда-то... не шагнул — отпрянул... но рука моя пока держала его руку.

— Я не помню,— неуверенно пробормотал он.

— Это неважно. Теперь ты свободен.

— Теперь мы все свободны, госпожа! Но нужно ли нам задерживаться здесь?

Джервон стоял рядом со мной. Обнаженный меч был в его руке, он внимательно оглядывался по сторонам, словно повсюду были враги и за любым придорожным кустом мог таиться вооруженный воин.

— Сила покинула это место.— Я была уверена в этом.

— Но одна ли она здесь? Лучше — по коням и назад... Так будет спокойнее.

— Кто это? — спросил Элин.

Ошеломление, судя по краткости речей, еще не оставило его, и я с готовностью ответила:

— Это Джервон, маршал долины Хавер, отправившийся со мной выручать тебя. Его мечом мы добыли победу в этой битве с силой проклятья.

— Благодарю вас,— отсутствующим голосом произнес Элин.

По всему было видно, что не оправился он еще от власти проклятья и не отдает себе отчета во всем происходящем; простить следовало краткость слов благодарности. Но жутковато стало мне.

— А далеко ли отсюда ложбина Фроме? — Тут голос Элина ожил.

— В дне езды,— ответил Джервон.

Не могла я тогда вымолвить ни слова. Ведь все силы мои ушли на битву с Древней, а сейчас Элин был на свободе. Одолела меня вдруг усталость, разом навали-

лась на плечи, словно пришло ее время. Но крепкая, как стена крепости, рука обхватила меня за плечи.

— Поехали.— Элин уже повернулся, он готов был идти.

— Не сейчас,— приказом отдавал тон Джервона.— Целый день госпожа, сестра ваша, ехала вчера сюда, не отдыхая, а потом тяжко билась всю ночь, чтобы дать вам свободу. Не по силам ей сейчас ехать!

Элин нетерпеливо оглянулся. С детства знакомое мне упрямство застыло на его лице.

— Тогда я...— начал он и замолк, а потом кивнул головой.— Хорошо.

Притворялся ли он, не знаю. Сморила меня усталость, и не разбирала я ничего. Не помню, как вышли мы из руин спирали. Ничего больше не помню, только мягкий мешок под головой, укутавший меня меховой плащ, подарок Омунда, да твердую руку и заботливый голос.

Разбудил меня соблазнительный запах жареного мяса. Сквозь полузакрытые веки увидела я переплясы язычков огня на сучьях, а над угольями сбоку на прутьях жарились небольшие тушки лесных птиц, дичи изысканной и достойной пиршественного стола любого из лордов Вестдейла.

Скрестив ноги, Джервон без шлема в спускавшемся на плечи кольчужном подшлемнике скептически поглядывал на жарящихся птичек. Где Элин? Я огляделась, но брата у костра не было. Я приподнялась на локте и выкрикнула его имя.

Джервон быстро поднялся и склонился ко мне.

— Элин? — опять крикнула я.

— Беспокоиться нечего, жив и здоров, уехал с рассветом. Торопился к подданным и к жене.

Я еще не совсем проснулась, но чем-то обеспокоил меня его голос.

— Но ведь вокруг опасность, ты же сам говорил, что ездить в одиночку безрассудно, а втроем...— бормотала я.

— Он мужчина и воин. И он решил ехать. Разве должен был я остановить его силой? — тем же голосом спросил он.

— Не понимаю...— Мое беспокойство росло. Джервон резко встал, отвернулся к огню, так что я видела лишь его скулу, твердый подбородок, узкую полоску рта.

— И я тоже,— с жаром отозвался он.— Ту, что победила бы ради меня в такой битве, я бы никогда не покинул, а он все распинался о своей госпоже. Как же попал он к этой, Серебряной, если бы и впрямь думал о своей Брунисенде столько, сколько говорит?

— Может быть, он и забыл все, не помнит.— Я откинула плащ.— Иногда так бывает. И не было у него сил противостоять Серебряной, когда подпал он под проклятье. Вспомни, какова она была... Если бы не анх, ты тоже не устоял бы.

— Хорошо! — Возмущение еще не угасло в голосе Джервона.— Может, и правда на его месте любой мужчина поступил бы так же, но не этого ожидал я от вашего брата. И...— Он заколебался, явно не решаясь произнести, что хотел.— Госпожа, не ждите... Впрочем, быть может, я вижу обнаженные мечи там, где они в ножнах. Не хотите ли поесть?

Меня больше занимало, что он думал. Но что-то мешало спросить его об этом, да и голод одолевал. Я протянула руку к самодельному вертелу и принялась отрывать зажаренное мясо от косточек.

Так долго я проспала, что закончили мы завтрак уже к полудню. Джервон привел коня. Значит, Элин взял второго! Такое даже не могло прийти мне в голову, и поведение брата стало казаться мне все более странным.

Я не стала противиться, когда Джервон настоял, чтобы я села в седло. Но решила, что мы будем ехать по очереди, как подобает друзьям.

И все же в пути только об Элине думала я. И только о том, как он бросил нас. Должно быть, ум его

был порабощен теперь одной лишь мыслью о молодой жене. И если Бруниссенда столько значила для него, только рядом с ней мог надеяться он вновь обрести безопасность. Нет, чем бы ни было вызвано это поспешное бегство, следствием колдовства оно было, а не отсутствием братских чувств и благодарности.

А потом я подумала об Элине-мальчике, вспоминая все то, что прежде принимала, как должное, не колеблясь. И вдруг появилось предчувствие нового испытания. Почему и откуда возникло оно, я сказать не могла. Но ни одна искушенная в тайных науках Мудрая не станет пренебрегать предчувствием.

Никогда не интересовался Элин знаниями Мудрых. Всегда, теперь припоминала я, избегал даже разговоров о них. Хотя давала я обеты молчания, но о многом было позволено говорить, и полезными для него же могли оказаться эти познания. Но не любил он, когда я показывала свое умение в его присутствии.

Странно, но он никогда не жалел, что вместе учились мы бою мечами. Больше чем братом была я ему, и мне это нравилось. Но только начну я рассказывать, что нужно нам с Ауфрикой,— и он сразу же старался улизнуть. И все же при расставании согласился ворожить над чашей. Впервые в жизни, насколько я знала, участвовал он в колдовстве.

Мы знали судьбу нашей матери, знали, что просила она сына, знали, и у кого просила. Знали, что рисковала она самой жизнью. Но сотворила кубок и выпросила сына. А в последний миг попросила еще и о дочери, и с радостью заплатила за нее жизнью.

И не как обычные дети были мы зачаты, с магии начались обе наши жизни. Не ее ли страшился Элин?

Часто бывала я вместе с отцом и Элином, но проводила время и по-другому, и никогда отец мой не спрашивал о моих занятиях. Теперь, годы спустя, поняла я, что не хотел и он знать о другой стороне моей жизни. Словно... словно это было какое-то уродство.

Глубоко вздохнула я, понимая теперь по-новому отношения с отцом и братом. Неужели была я им неприятна и они стыдились меня?.. Как же тогда моя мать? Что случилось за морем в этом самом Эскарпе, что выбросило моих родителей в нашу бесплодную Робь?

Они стыдились моей Силы?.. Они, отец мой и брат, смотрели на меня, как на меченую... на урода?

— Нет! — громко сказала я.

— Что «нет», госпожа?

Удивленно посмотрела я на Джервона, шедшего у стремени, и задумалась. И хотела я спросить его, и боялась спрашивать. С трудом наконец решилась я на это, понимая, что ответ Джервона поведает мне и о причинах бегства Элина.

— Джервон, ты знаешь, кто я? — спросила я напрямик, только быть может, дрогнул слегка мой голос — ведь все решал его ответ.

— Дева-воительница, что повелевает людьми, тайными Силами,— ответил он.

— Да, конечно, Мудрая,— уж от него-то не лести ожидала я, привыкшая к схваткам с невидимым.

— Но ведь вы служите только добру... Что вас гнетет, госпожа?

— Иначе, друг мой, думают люди, и считают они, что служение наше — не добро, а если иногда передумают, то ненадолго. А я — Мудрая от рождения, без моего знания не жить мне, и никогда не будут ко мне относиться по-другому, всегда будут смотреть искоса.

— Элин тоже?

Умен был он, даже слишком. А может быть, по словам прочел он мои думы. Но коли уж так получилось, зачем же скрываться и дальше?

— Может быть... Не знаю.

Надеялась ли я, что он станет разубеждать меня? Если и да, то надеждам моим не суждено было сбыться. Подумав, он ответил:

— Что ж, если так, то многое становится понятным. И, попавшись в такие сети, меньше всего хотел он, чтобы кто-нибудь, даже сестра, своим видом напоминал об этом...

Я взяла в руки поводья.

— А разве ты, мечник, считаешь иначе?

Джервон прикоснулся к рукояти меча.

— Вот мое оружие, моя защита. Меч мой из стали, и я могу взять его, и другие мужчины увидят его в моей руке. Но есть и иное оружие, теперь я видел и это. Бояться ли мне вас, коситься ли в сторону, если ваше оружие не из металла и не видать его глазом? Все искусства войны в свою меру узнал я, знаю и кое-что о путях мира. Всему этому научился я, как и вы изучали свои науки. Может быть, не дано мне понять их, но и мои познания для вас будут непонятны. Что сравнивать разное: среди путей мира ваш путь — исцеление, а битвы с исчадьями — ваша война. И потому без страха и отвращения гляжу я на вас и на дела ваши.

Так ответил он на мои мрачные думы.

Но если Элин думал иначе, что же ждало меня впереди?

Конечно, могла я вернуться в ту безымянную долину, где оставались еще люди Роби. Но кому я нужна там? Только Ауфрике. Да и та, отправляя меня в дорогу, знала я, надолго со мной распростилась. Не было в этом селении дел для двух Мудрых. Все, что могла, она и так сделала для меня. А теперь я выросла, сила моя окрепла. Птенца-слетка не запихнуть назад в скорлупу.

Крепость Фроме? Но и там мне нечего делать. Не было для меня в Бруниссенде загадок, как стекло была она прозрачна перед моим взглядом. Еще со своей дамой могла она ужиться, но жить под единой крышей с Мудрой, да к тому сестрой ее мужа — тут будут не только косые взоры.

Но если нет мне пути ни назад в свою долину, ни в крепость брата, куда же направиться мне? Удивленно

оглянулась я, показалось мне в этот момент, когда все стало ясным, что несет меня неизвестно куда, и страна эта тоже не желает меня принимать.

— Может, повернем? — спросил Джервон, словно прочитав мои невеселые мысли.

— Куда же тогда? — В первый раз ожидала я решения воина, не зная сама, на что решиться.

— Я бы сказал, куда угодно, только не в крепость! — Твердым и четким было его решение.— Если вы хотите — заедем, проверим, что Элин вернулся, погостим, но недолго.

Я согласилась — у меня оставалось время подумать о будущем.

— Что ж, в ложбину Фроме... Быстрее приедем — быстрее уедем!

Двигались мы по понятной причине не быстро. Около полудня встретились нам посланцы Элина. Так во второй раз приехала я в крепость. Хотя и с почтением обращались с нами посланцы, но Элина не было среди них.

Вечером после восхода луны въезжали мы в крепость. Меня провели в гостевую палату, где уже ждали служанки с дымящимся чаном теплой воды, чтобы смыла я усталость с дороги. Ждала и кровать, подобной которой мне не приводилось видеть. Но спалось мне в эту ночь хуже, чем вчера на голой земле,— так беспокоили меня невеселые думы.

Утром, когда я встала, служанки подали мне роскошное платье, как у госпожи Вестдейла. Но я попросила свою кольчугу и дорожное одеяние. Смутились служанки, и я узнала, что приказала госпожа Бруниссенда уничтожить мою одежду, словно то были лохмотья.

Попросила я, и принесли мне другую одежду, новую, но мужскую. Брат ли послал ее, не знаю... Оделась я, сапоги натянула, надела кольчугу, пояс с ножнами, в которых покоился изуродованный меч, сокрушивший проклятье.

Оставила в комнате плащ, вьючные мешки и походный ранец. А брат, мне сказали, все еще был со своей госпожой... И послала я известить их о моем приходе.

Второй раз попала я в роковую комнату. Охнула Бруниссенда, увидев меня, и схватила Элина за рукав. Не в броне был Элин, в шелковом одеянии. Хмурясь, смотрел он на меня, а потом нежно отвел ее руку и шагнул мне навстречу, мрачнея.

— Почему ты одета так, Элис? Неужели трудно понять, не по силам Бруниссенде видеть тебя такой.

— Такой? Но другой я никогда не была, брат мой. Или ты забыл?..

— Ничего я не забыл! — гневно крикнул он в ответ. И за гневом его скрывалось желание побыстрей отделаться от меня.

— Прошу у тебя, Элин, только коня. Я не собираюсь путешествовать пешком, а долг за тобой все-таки есть.

Облегчение появилось в его глазах:

— Куда ты поедешь, обратно в Робь?

Я пожала плечами, но не ответила. Если он хочет верить в это, пусть верит. До сих пор не могла я постигнуть глубину пропасти, что внезапно возникла между нами.

— Мудра твоя сестра.— Бруниссенда подобралась поближе к нему.— Ведь мужчины в нашем замке еще боятся проклятья. Ты имела с ним дело. И они боятся тебя.

Элин шевельнулся:

— Она сделала это ради меня, госпожа моя, не забывай об этом.

Промолчала Бруниссенда. Только взглянула на меня, и стало мне ясно, что не будет дружбы между нами.

— Что ж, уже день, пора ехать.— Не хотела я больше глядеть на обломки былого родства.

Он дал мне лучшего коня из своей конюшни и лошадь, навьюченную всем необходимым. Хотя бы в этом постарался облегчить свою совесть. И все время не отрывали от меня глаз люди его, загадочным казалось им наше сходство.

Сев на коня, я глянула вниз. Не хотелось желать ему зла. Он живет по своей природе, я — по своей. Потому сделала я знак благословения, приносящий удачу. А он скривился в ответ, словно не желал благословения от меня.

Так уехала я из замка. Но у ворот присоединился ко мне всадник. Я спросила:

— Ну, узнал ты, где сейчас господин твой? И куда нам ехать к нему?

— Он умер, а люди его, те, кто жив еще, присягнули другим властителям. Нет у меня теперь господина.

— Так куда же теперь лежит твой путь, мечник?

— Пусть нет у меня господина, но есть госпожа! Один путь у нас теперь, Мудрая Женщина.

— Да будет так. По какой же дороге и куда проляжет наш путь?

— Кругом война, госпожа. У меня свой меч, а у вас свой. Поищем-ка Псов, иначе зачем нам мечи?

Я рассмеялась. Замок Фроме был позади. Я теперь свободна. Впервые свободна... от опеки Ауфрики, от косых взоров завистливых жителей Роби, от заклятья драконьей чаши — простой чашей будет она отныне, а не путеводной звездой, ведущей меня в опасность. А, впрочем, война, колдовство... Я глянула на Джервона.

Внимательно следил за дорогой мой воин. Не глядел он тогда на меня, охранял. Так, значит, иначе может сложиться моя судьба, стоит мне лишь пожелать.

Кузнец видений

©Перевод. Ю. Соколов, 1992

Словно из золота и серебра чеканят слова сказители. Старые песни... и новые... Только много ли правды в них? Кто знает? Но и в самой невероятной истории может крыться зернышко истины. Вот хотя бы сказание про кузнеца видений. Трудно живущему ныне отыскать это зерно — все равно что вычерпывать до дна чадящий котел поварешкой.

Кузнеца, что жил в селении Гхилл, звали Бросон, и большую тайну своего мастерства знал он, и малую. А значит, умел ковать железо и бронзу, и с драгоценными металлами справлялся. Только редко приходилось ему изготовлять украшения.

Было у него два сына, Арнар и Коллард, пригожими были мальчики, и не только в Гхилле, что лежит у слияния рек в Итондейле, но даже в Симе и Болдре считали, что Бросон счастливчик. Дважды в год спускался он по реке к броду у Твая, отвозил туда свою работу: кованые петли и дверцы, засовы, мечи, а иногда даже ожерелья и броши из горного серебра.

Все это было еще до вторжения, и никто не нарушал мир в Верхнем Холлеке, кроме разбойников, гнездившихся на высокогорьях. Поэтому мужчины верхних долин всегда нуждались в оружии. В Итондейле правил Вескис. Только редко видели

его жители долины, ведь унаследовал он от матери земли на побережье, а потом женился там, и приданое жены еще увеличило его владения. Потому в своей здешней крепости он держал лишь горстку пожилых воинов, пару прачек, да и вообще почти все комнаты замка открывались только в Зимнепраздник, а после пиршества закрывались вплоть до следующего года.

На третий год после второй женитьбы Вескиса (о чем всех в долине оповестил глашатай) жителей Гхилла потрясло событие более важное, чем радости их властителя.

С гор спустился купец; в его небольшом караване один из пони вез мешки с ломаным металлом, которому Бросон не знал даже названия. Блеск грубых слитков заворожил кузнеца. Молотом и огнем испробовав небольшой кусок, кузнец боялся теперь упустить хотя бы один слиток и торговался изо всех сил. Откуда этот металл — купец не говорил. Бросон решил, что только из алчности утаивает он это. Пони к тому же захромал, и с искренней или наигранной нерешительностью купец продал-таки металл, и оба мешка, набитые, пожалуй, плавленым ломом, а не самородками, оказались в сарае кузнеца.

Бросон не сразу приступил к работе. Сперва опытным взглядом пытался он понять странный металл и прикидывал, к чему он пригоден. Наконец решил выковать меч. Ведь говорили, что лорд Вескис собирался, наконец, посетить самое западное из своих владений. А сделав своему господину подобный подарок, выказав мастерство, можно было надеяться и на ответные милости.

Расплавить металл Бросон доверил Колларду, у мальчика это уже хорошо получалось. Кузнец решил, что сыновья по очереди будут учиться работать с этим металлом,— ведь он был уверен, что торговец обязательно вернется в эти края с тугими вьюками.

Так сам дал он смерть телу своего сына, как когда-то дал ему жизнь.

Как это произошло, не понял и сам Бросон; Коллард же не проявил никакого легкомыслия, он и так был обстоятельным и старательным юнцом, но в кузнице произошел взрыв, почти разнесший ее на куски.

Были ожоги и раны, но Колларду пришлось хуже, чем отцу. Уж лучше бы он умер прямо тогда. Ведь после долгих месяцев мучений и отчаяния он выкарабкался в жизнь только наполовину, и не был уже полноценным человеком.

Шарвана, Мудрая и целительница, сразу же после взрыва взяла изувеченного мальчика к себе. Но из дверей ее дома вышел уже не Коллард, стройный, пригожий мальчишка, гордость отца, нет — выползло существо, подобное тем, что вырезаны на камнях в развалинах обиталищ Древних (к счастью, немного осталось таких — искрошило их время).

И не только тело его согнулось, словно под тяжестью столетий, даже лицо исказилось в непристойную маску, вроде тех, что ухмыляются в полночь меж ветвей заколдованного леса. У Шарваны было на все свое объяснение, но не могли же ее слова укрыть Колларда от взглядов сверстников, они и сами отводили глаза, когда он ковылял мимо.

Взяла Шарвана гибкую кору и вырезала из нее маску, чтобы прикрыл он изувеченное лицо. С тех пор мальчик не снимал ее, но старался держаться подальше от людей.

Он не стал возвращаться в дом отца, а поселился в старой хижине в низу сада. И работал в нем по ночам, чтобы даже случайно не встретиться с бывшими приятелями. А в хижине устроился поуютнее, ведь взрыв не отнял у него ни умелых рук, ни изобретательной мысли.

Одно время ночами он работал в кузнице, пока Бросон не воспротивился этому,— соседи слышали

перезвон молотов и не желали, чтобы этот стук напоминал им, кто так ловко орудует ими. Поэтому Коллард больше не приходил в кузницу.

Как проводил он свое время теперь, не ведал никто, а потому его почти позабыли. На другое лето брат его, Арнар, женился на Никале с мельницы, но Коллард так и не появился на свадьбе, даже издали ни во дворе, ни в саду не промелькнул.

Только на третий год после несчастья люди вновь услышали про него, и то потому, что в кузницу заявился новый купец. Пока тот по мелочи торговался с Бросоном, Коллард стоял в густой тени у сарая. Но когда о цене поясных ножей договорились, сын кузнеца шагнул вперед и взял купца за руку. Молча показал он чуть поодаль на столик, где на платке рядами были расставлены фигурки. Необычные животные; люди, столь прекрасные и совершенные, что лишь героями древних сказаний могли они быть; словно бы бедный калека Коллард, согбенный до конца своих дней, всю тоску, все желание быть таким же, как все люди, вложил в них.

Одни были из дерева, но большая часть была из металла. С удивлением подметил Бросон странный блеск. Это был тот самый металл, который он выбросил тогда после несчастья, опасаясь даже прикоснуться к нему.

Опытный купец, понимая их истинную стоимость, тут же назначил цену. Но Коллард хриплым скрипучим голосом продолжал торговаться и тогда, когда, по мнению Бросона, предложено взамен было достаточно.

Не успел купец отъехать подальше, Бросон обернулся к сыну. В этот раз он даже забыл про маску, лишь прорези глаз на ее гладкой поверхности напоминали, что под ней скрывается живой человек.

— Коллард, как ты сумел сотворить такое? Подобной работы я никогда не видел. Даже в лавках заморских купцов возле брода у Твая... До этого... раньше ты никогда не делал ничего подобного.

Перед безмолвной маской слова эти, казалось, не имели значения. Словно бы говорил он не с сыном, а с существом мерзким и странным, какие, по слухам, плясали в известные дни у заклятых камней, куда добродетельные люди не ходят.

— Я не знаю,— проскрежетал в ответ голос, лишь слегка похожий на человеческий.— Они возникают в моей голове... а потом я их делаю.

Коллард повернулся, но отец схватил его за рукав:

— Ты оставил свою выручку...

На столе лежали заморские монеты (их можно было обменять на добрый металл или товары), кусок пурпурной ткани и две резные рукоятки для ножей.

— Оставь их себе.— Коллард попытался вырваться, но резкое движение заставило его опереться на стол.— Зачем такому, как я, это добро. Платить за невесту мне не придется.

— Но почему же, в таком случае, ты так торговался с купцом? — вмешался наблюдавший за всем Арнар. Его слегка задело, что его младший брат, к тому же в прошлом обещавший не больше его самого, вдруг изготовил такие ценные вещи.

— Не знаю.— Коллард снова повернулся, на сей раз лицом к брату.— Наверно, мне просто хотелось узнать им цену. Но теперь, отец, ты напомнил мне еще об одном долге.

Он взял со стола кусок ткани и маленькую золотую монету с приваренным ушком, чтобы ее можно было носить на шее.

— Мудрая сделала для меня все, что могла.

А потом добавил:

— Что касается прочего, пусть это будет мой вклад в хозяйство, раз не могу я зарабатывать себе на пропитание в кузнице.

В сумерках принес он свои дары Шарване. Она молча глядела, как он раскладывал на столе ткань и доставал монетку. Маленький дом ее весь благоухал

травами и отварами из них. С полки над головой мальчика поглядывала вниз сова с прибинтованным к щепке крылом; прочая прирученная мелкая живность попряталась с его приходом.

— Она готова... — Женщина подошла к шкафчику, достала из него другую маску. Она была еще более гибкой и удобной.

Коллард задумчиво потрогал ее.

— Хороший пергамент, выделанный, — пояснила она, — годен в любую погоду, думаю, тебе в ней будет удобнее. Примерь. Ты работал?

Из бокового кармана достал он свою новую вещь. Очень понравились утром фигурки купцу, но неизмеримо больше возжелал бы он эту. Крылатая женщина широко распростерла руки вверх, к небу, словно собиралась взлететь, устремившись к тому, что давно уж искало ее сердце. Словно кованый меч средь грубых поковок была бы она рядом с теми фигурками.

— И ты видел ее? — Шарвана протянула руку к фигурке, но не дотронулась до нее.

— Как и все остальное, — проскрипел Коллард. — Как всегда. Я вижу сон, потом просыпаюсь. И оказывается, могу сделать то, что видел во сне. Мудрая, если ты мне настоящий друг, дай что-нибудь из своих снадобий, чтобы я видел сны и не просыпался!

— Ты ведь знаешь, что на это нет у меня права. Иначе способность врачевать отнимется у меня, словно вода утечет меж пальцев. Но знаешь ли ты, что и зачем тебе снится?

— Знаю только, что вижу я не Долины, не нынешние Долины, по крайней мере. Может ли человек видеть во сне давнее прошлое?

— Человеку снится обычно только свое прошлое. Но если дан ему такой дар, может он во сне и проникнуть в минувшее за пределы своих воспоминаний...

— Дар! — ухватился Коллард за слово, будто издевка прозвучавшее в ее устах. — И это дар!

Она перевела взгляд на крылатую фигуру.

— Коллард, разве сумел бы ты раньше делать такое?

— Может, и сумел бы. Но видеть перед собой только собственные руки... Все отдал бы я за прямую спину и лицо, что не испугает женщину.

— Ты никогда не разрешал мне заглянуть в твое будущее...

— Нет! И не разрешу! — крикнул он. — С моей-то рожей заглядывать в будущее? А что касается прочего — снов и фигурок, что привиделись мне... Тогда, в кузне, я имел дело не с обычным металлом. Должно быть, какие-то чары были на нем. Ведь торговец смолчал об этом, да так и не вернулся, спросить не у кого.

— И я так считаю, — сказала Шарвана. — Купец добыл его из Места Древних. И у них были войны когда-то, только бились они не мечами, не копьями и не стреляли из арбалетов, иным, неизмеримо более грозным было их оружие. Похоже, торговец проник в какую-то древнюю крепость и привез к нам остатки чего-то подобного.

— Ну и что? — спросил Коллард.

— А то... если человек любит что-то, какую-то вещь, бережет, носит ее с собой, что-то вроде собственной жизни в ней возникает и длится долго, не одно лето. И если остатки этих чувств, этой жизни попадут в открытую беззащитную душу...

— Понимаю. — Коллард забарабанил пальцами по чисто выструганному дощатому столу. — Значит, пока я был без сознания, я был открыт и чья-то память вошла в меня?

Шарвана утвердительно кивнула.

— Именно! Может быть, тебе снятся Долины, какими они были до прихода людей.

— И что же хорошего в этом?

— Не знаю. Но используй же это, Коллард, используй! Если ты отступишься от этого дара, его отберут у тебя, и мир станет беднее!

— Мир? — Он и не думал смеяться.— Хорошо, я могу делать их на продажу. И если я заработаю себе на хлеб, никто не будет мне нужен. Ведь и юнцу следует знать, что жизнь — скорбный путь и никто не ждет тебя у окна.

Шарвана молчала. Внезапно протянув руку, она поймала его ладонь, прежде чем сумел он ее отдернуть, и развернула к свету. Он хотел высвободиться — куда там... С силой молотобойца она пригвоздила его руку к столу, потом склонилась над ладонью, рассматривая знаки судьбы.

— Молчи, не говори ничего! — закричал он. Сова шевельнулась, махнув здоровым крылом.

— Разве я что-нибудь говорила? — удивилась она.— Будь по-твоему, Коллард. Я ничего тебе не скажу.

И выпустила руку.

Он неловко потирал пальцы, словно пытаясь стереть с них какую-то отметину, оставленную взглядом Мудрой.

— Мне надо идти.— Коллард подхватил пергаментную маску. Он примерит ее только дома, где никто не увидит его лицо, пока он будет без маски.

— Иди с благословением этого дома,— по обычаю своего народа попрощалась Шарвана, и эти слова все же приподняли его настроение.

Время шло. В хижину Колларда никто не захаживал, а он никого и не приглашал к себе, даже отца. Торговцы тоже не заходили в селение. Взамен пришли вести из-за пределов долины, из большого мира, казавшегося подчас людям Гхилла творением сказителей.

Повенчался лорд Вескис, и у второй жены его, кроме мужа, появилась еще дочь, хотя мало кто слышал о ней в то время. Но теперь говорили повсюду до самых дальних хозяйств.

Как-то раз в крепость въехали всадники, и в средней башне закипела работа. Оказалось, что Вескис посылает свою дочь, госпожу Гиацинду, в деревню, на воздух, так как плохо ей в городе.

— Плохо ей! — Шедший к колодцу Коллард невольно замер в полутьме. Пронзительный голос его невестки Никалы доносился из дома.— Дама Матильда мне все так сама и сказала, когда я помогала ей менять камышовую подстилку под коврами. Да молодой госпоже лучше-то никогда не было, оказывается, вся она скрюченная, и личико у ней, как у ребенка, а не у девушки на выданье. И никто не позарится на нее, если только наш господин не озолотит будущего зятя. А причиной всему, сказала дама Матильда, новая госпожа Гвеннан. Не хочет она, чтобы дочь его была с нею. Очень уж она деликатная, все твердит, что не может выносить своему господину стройного сына, если ей в замке повсюду будет встречаться эта горбунья.

Коллард бесшумно поставил ведерко на землю и подошел чуть ближе. Впервые за столько лет шевельнулось в нем любопытство. Он ждал, что еще скажет Никала.

Она и впрямь заговорила вновь, хотя более в ее словах ничего существенного уже не было, а потом Бросон захотел подогретого эля, и она отправилась греметь горшками у очага. Оказавшись в своей хижине, Коллард не принялся, как обычно, за инструменты, но долго глядел на огонь в очаге. Сняв маску и отложив ее в сторону, слово за словом припомнил он все, что удалось ему подслушать.

Так, значит, госпожу Гиацинду отсылают из замка в захолустную крепость, с глаз долой? Конечно, он знал старое поверье: беременная не должна видеть уродов, это может повредить ребенку во чреве, а лорд Вескис так хочет сына. Но как отнеслась к такой ссылке сама госпожа Гиацинда? Расстроилась? Или, напротив, обрадовалась и надеется отыскать что-нибудь вроде его хижины, где можно жить вдали от тех, кто не считает ее похожей на человека?

Может быть, поэтому она и сама радуется отъезду в Гхилл? И не тяжелей ли уродство девушке, чем

ему? Впервые не горькие думы, не видения царили в душе Колларда, а мысль о живом существе, что скоро будет дышать одним воздухом с ним.

Он поднялся и взял лампу. Подошел к стене и осветил стоящие на полке фигурки. Там подобралась уже порядочная компания — и звери, и люди. Коллард внимательно посмотрел на них, и что-то похожее на видение шевельнулось в его душе.

Он поочередно перебирал и разглядывал свои творения. Хотя в сущности и не смотрел на фигурки — он думал и, в конце концов, нашел подходящую.

Положив фигурку на стол, он достал инструменты. Статуэтка всем походила на лошадь, вставшую на дыбы, но не в битве, а от радости и свободы, если бы не рог, выступавший на лбу между ушей.

Перевернув ее, Коллард занялся основанием. Кончал работу он уже с петухами. Танцующий единорог стал печатью; выгравированную на основании букву «Г» окружала гирлянда виноградных листьев.

Коллард откинулся назад. Потребность, заставившая его работать, прошла. Зачем он сделал эту печать? Ему захотелось бросить фигурку в тигель и переплавить, так чтобы она не могла даже попасться ему на глаза. Этого он не сделал, а задвинул ее подальше, вознамерившись забыть о ее существовании.

Он не стал глядеть на въезд лорда Вескиса с дочерью в замок, хотя к воротам сбежался весь Гхилл. Потом до него дошло, что госпожа Гиацинда прибыла в конном паланкине и была вся укутана в одеяла и плащи, оставлявшие открытыми только лицо. Она действительно оказалась невелика, с бледным и тонким личиком.

— Новых костей ей никто не сделает,— заключила Никала (а Коллард слушал под окном).— Я слыхала, что дама Матильда уже посылала за Шарваной. С госпожой приехала только нянька, да и та заболела. Пира в замке Гхилл не будет.

Сожаление в ее голосе уловил Коллард, но не о заболевшей госпоже Гиацинде, а о том, что суета в Твердыне скоро уляжется и не будет ни приездов, ни отъездов, разнообразивших жизнь обитателей деревни.

Коллард провел пальцами по маске. Надежды его таяли. Вообще-то, вскоре ему пора посетить Шарвану. Но к чему выдумывать себе какие-то предлоги, зачем эта жесткая сдержанность? Он ведь так хочет разузнать о госпоже Гиацинде, о том, как справляется она со своим телом, не телом — тюрьмой, такой же, как и его собственное. И с наступлением темноты он вышел из дома. Но в самый последний момент все-таки прихватил с собой печать, все еще не зная, как ему поступить.

В окне дома Шарваны горел огонек. Он постучал в дверь условленным стуком, предупреждая Мудрую о своем приходе, и, услышав ее ответ, скользнул внутрь. К его удивлению, она сидела на стуле у очага, не сняв плаща с откинутым капюшоном. Руки ее были сложены на коленях. Такой усталости на се лице он еще не видал.

Коллард быстро подошел к ней, взял ее вялые руки в свои.

— Что случилось?

— Бедная малышка, Коллард, как жестоко... как жестоко...

— Госпожа Гиацинда?

— Как жестоко,— повторила она,— а она такая храбрая, терпеливая... говорила со мной ласково, даже когда мне по необходимости пришлось причинить боль ее бедному телу. Ее няня, ах, стара она и немногим может помочь своей молодой госпоже несмотря на всю любовь. Они мчались сюда с такой скоростью, которая могла убить бедную девушку, а она не жаловалась. Ни слова не сказала она и против своей ссылки — так мне говорила няня с глазу на глаз, когда госпожа заснула после успокоительного питья. Но присылать ее сюда — это так жестоко...

Сидя на корточках, Коллард внимательно слушал. Шарвана, ясно, на стороне госпожи Гиацинды. Наконец она выговорилась и выпила травяного чая, который он заварил. Радуясь его появлению, она даже не спросила, зачем он пришел. Наконец, чтобы отвлечь Шарвану от унылых мыслей, он извлек печать из поясной сумки и поставил ее у лампы.

Она была из того же удивительного металла, некогда его погубившего.

Затаив дыхание, Шарвана протянула к фигурке руку. А поглядев на основание, кивнула.

— Хорошая работа, Коллард. Я прослежу, чтобы она попала прямо к ней в руки...

— Нет! — Он и хотел бы забрать печать обратно, но руки ему не повиновались.

— Да! — твердо сказала Шарвана.— И если она захочет, Коллард, ты принесешь и все остальные! Если хоть на миг, на мгновенье, пока с ветки вниз падает капля воды, ты заставишь ее забыться — это будет благодеянием. Принеси мне счастливые фигурки, которые могут развлечь или даже развеселить ее.

И Коллард перебрал всю свою коллекцию и удивился. Оказалось, что «счастливых»-то у него почти и не было. А потом принялся он за работу, и, странное дело, люди в его видениях были теперь прекрасными либо занятными.

Дважды посещал он Шарвану со своими дарами. Теперь он работал только со странным металлом, обнаружив несложный способ придавать ему нужную форму. На третий раз Мудрая пришла к нему сама. Это было настолько неожиданно, что он даже чуть испугался.

— Госпожа Гиацинда хочет видеть твое лицо, мастер, она хочет сама поблагодарить тебя.

— Мое лицо! — прервал ее Коллард, закрывая руками маску, словно стараясь еще и ими загородить изуродованные черты.

Гнев вспыхнул в глазах Шарваны.

— Ты, Коллард, не трус и никогда не был трусом! Неужели ты боишься больной бедной девочки, которая хочет лишь поблагодарить тебя? Она так волновалась, что не может даже сказать «спасибо». Ты обрадовал ее, не надо портить этой радости. Она знает о тебе все, и потому тебе разрешено прийти ночью через старую калитку, а я буду сопровождать тебя. Ты посмеешь отказаться?

Он и хотел было, но не смог. Ведь на самом деле он так хотел увидеть госпожу Гиацинду! Должно быть, Шарвана что-то перепутала, подумал он. Слишком неожиданным и невероятным показалось ему такое предложение. И вдруг он услышал, что соглашается.

Так, следом за Шарваной, вошел Коллард в жилище госпожи Гиацинды, пытаясь распрямиться, насколько позволяло ему скрюченное туловище, надежно укрывшись за маску от всех взоров, но в первую очередь от ее глаз.

Как и говорили, она была очень мала, и среди подушек и меховых покрывал совсем терялась в громадном кресле, нависавшем над ее изголовьем. Длинные волосы цвета темной меди были заплетены в косы с лентами и колокольчиками, лежавшие на сгорбленных плечах. Что же касается остального, вся она была только бледное узкое личико да две белых руки, что лежали на доске, положенной поперек кресла вместо стола. Там были выстроены его фигурки — люди и звери, которых он ей послал. Время от времени Гиацинда нежно прикасалась к ним кончиком пальца.

Позднее он никак не мог припомнить, как же они все-таки познакомились. Словно старые друзья после долгой разлуки, многих и многих бед, устремились они навстречу друг другу, радуясь теплу неожиданной встречи, на которую уж и надежда была потеряна. Она спросила его о работе, а он рассказал ей о своих видениях.

А потом она сказала такие слова, и он запомнил их:

— Благословен ты, Коллард — волшебные пальцы, способностью воплощать свои видения в жизнь. И на мне теперь это благословение,— ты позволил мне разделить его с тобой. А теперь назови их...

Он стал давать фигуркам какие-то имена. А она кивала и повторяла:

— Правильно! Точнее не придумаешь!

Словно сон это был, думал он, ковыляя обратно в деревню рядом с Шарваной. Она молчала, а он, раскачиваясь, шел вперед, заново переживая каждую минуту встречи.

А потом долго не мог заснуть, задремал лишь под утро, но вскочил спозаранок и принялся за работу. И провел за нею весь день. Теперь у него была твердая цель и неизвестно откуда взявшаяся уверенность, что времени на такую работу ему отпущено в обрез.

Мастерил он на этот раз не маленькие фигурки, а дворцовый зал, да не такой, как в скромном замке Гхилла, а блещущий великолепием чертог из крепости великого лорда. Стены сделал из ароматного дерева, а все остальное из того странного металла. Коллард использовал его всюду, где только мог.

Когда силы оставляли его, он спал, когда одолевал голод — ел, и забыл про время, не отсчитывал, ни сколько ушло, ни сколько осталось...

Расставив мебель, он внимательно рассмотрел свою работу. На возвышении стояли два высоких кресла. Они были пусты, и это было неверно. Коллард устало потер ладонью лицо, и впервые грубая полоса шрама под рукой была ему безразлична. Чего-то не хватало... а он так устал. Думать не было сил.

Отвалившись от стола, он рухнул на постель и заснул так глубоко, что не видел никаких снов. Но, пробудившись, твердо знал, что следует делать. И снова какая-то сила подгоняла его, торопила, и жаль было ему отрываться от работы даже для еды.

С беспредельной тщательностью творил он эти фигурки. И не заметил за делом, сколько прошло времени. Ведь в его руках были теперь двое, что должны были воссесть на высоких сиденьях... Он усадил их на место. Она — не скрюченная, не горбунья,— стройная и прекрасная девушка, вольная идти, бежать, скакать на коне; и лицо ее было лицом Гиацинды, это признал бы каждый.

Мужчина... Коллард, всматриваясь, покрутил фигурку. Нет, нигде не видал он такого лица, только именно оно и должно было быть у этой фигурки. А когда поместил он обоих на кресла, новыми глазами огляделся вокруг.

Он поднялся, умылся, оделся в то лучшее, что у него оставалось, ведь уже столько лет одежда перестала доставлять ему удовольствие, лишь для прикрытия тела нуждался он в ней. Потом убрал инструменты, которые сам сделал когда-то. Собрал все фигурки, кошмарные и жуткие побросал в плавильный тигель.

Обернув игрушечный зал платком, Коллард поднял его и побрел к двери. Ноша была тяжела, следовало идти осторожнее. Когда он вышел наружу, оказалось, что в деревне сумятица, повсюду на улицах горели факелы, что бывало только по великим праздникам. Стены крепости тоже были озарены огнями.

В холод бросило Колларда, пока задами он ковылял к дому Шарваны. И когда постучал в ее дверь, весь обливался он потом, хотя ночь была морозной и колючий ветер обжигал прохожих.

Она не отозвалась на стук, и тогда Коллард решился на то, чего никогда раньше не делал: нащупал щеколду и вошел незваным. Странно пахло в комнате, две свечи на противоположных краях стола горели синим невиданным пламенем, а между двух свечей были разложены вещи из обихода Мудрых: развернутый пергаментный свиток, придавленный двумя странными камнями, чаша с жидкостью, сверкавшей

и испускавшей искры, пояс, скрещенный с исписанным рунами жезлом.

Шарвана, стоя, не сводила глаз с вошедшего. Он боялся, что она станет сердиться на незваного гостя. Она же, наоборот, словно дожидалась его и поманила к себе. Прежде он опасался всех этих тайн, но на этот раз пошел без боязни, понимая, что случилась беда, и с каждым вздохом уходит возможность хоть что-то поправить.

Он не стал ставить свою ношу на стол, пока Шарвана, по-прежнему не говоря ни слова, жестом не велела ему сделать это. Она развязала ткань, и в синем свете свечей маленький зал... Коллард задохнулся. На мгновение-другое ему показалось, что через какое-то окно он издалека просто заглянул в парадный зал настоящего замка.

— Так вот каков, значит, ответ, — медленно проговорила Шарвана. Она наклонилась пониже, внимательно вглядываясь в игрушку, словно пытаясь убедиться, что именно эта вещь нужна ей для собственных целей. Потом она распрямилась, устремив взор на Колларда.

— Многое произошло, разве ты ничего не слыхал?

— Что случилось? Я работал, не разгибаясь. Неужели госпожа Гиацинда?..

— Да. Лорд Вескис умер от лихорадки, и, похоже, его вдова обманулась в своих надеждах, из-за которых госпожу Гиацинду пришлось отправить сюда. Дочь — единственная наследница лорда. Теперь она более не позабыта и как раз теми, кто не желает ей добра. Госпожа Гвеннан послала за ней и собирается немедленно обвенчать бедную девушку со своим братом Хутхартом, чтобы они могли сохранить все богатства и земли. Брак, конечно, не настоящий... Сколько теперь проживет эта бедняжка, когда только богатства ее нужны этим людям, а не она сама?

Крепко сжал Коллард спинку стула, возле которого стоял. Словно град ударов обрушивала на него Шарвана, ранящих душу сильнее, чем любая известная ему боль.

— Ее... ее нельзя отпускать отсюда!

— Нельзя? Кто же сможет удержать ее здесь, преградить дорогу воинам лорда, когда они повезут ее отсюда? Небольшой отсрочки она добилась: сказалась больной и не встает с постели. Я запугала придворных дам, посланных за нею: предсказала ей смерть в дороге. Они только того и боятся — вдруг она умрет до венчания. Теперь поговаривают, что лорд Хутхарт сам едет сюда, чтобы обвенчаться с нею, если потребуется, и на смертном одре...

— Что?..

Шарвана продолжала, не обращая на него внимания:

— Этой ночью я призвала силы, которые никогда еще не осмеливалась тревожить, только раз или два может обратиться к ним Мудрая за всю жизнь. Они дали мне совет, что с твоей помощью... если ты поможешь...

— Но как?

— Высоко в горах неподалеку есть святилище Древних. И силу, что там обитала, можно призвать вновь, но, чтобы она что-то сделала, ей надо все объяснить. Ты сделал это...— Шарвана показала на игрушечный зал. — На троне сидит госпожа Гиацинда, какой она должна была быть, и фигурка ее сделана из известного Древним металла. Не придумаешь ничего лучше. Но нужно отнести все в святилище, да побыстрее.

И вновь Коллард укутал свой зал платком. Сомневался он, но видел, что Шарвана верит в истинность своих слов, а если она права... Впрочем, если и нет, что может он сделать? Перебить отряд воинов, выкрасть Гиацинду и силой с ней обвенчаться? Он-то, урод и калека, чудовище...

Лучше верить в то, что не обманывает Шарвана. Все знали силу Древних. Ведь порой им было угодно ее применять, о подобных вещах говорили достаточно много. Шарвана подхватила сумку, сунула в нее две целых свечи и пакетик с травами.

— Поставишь, что принес, на середину камня,— сказала она,— зажжешь свечи по бокам, как здесь. По щепотке трав бросишь в пламя и трижды воззовешь к Таланну. А мне надо обратно в крепость и по силам своим постараюсь я задержать отъезд госпожи. Однако торопись!

— Да.— Коллард уже шел к двери.

Бежать он не мог. Временами ему удавалось трусить, хромая, когда неровности почвы не мешали ему. Наконец он добрался до скал. Не случайно дом Мудрой находился рядом со святилищем Древних.

Пересечь поле было не так уж сложно, однако на подъем потребовались не только все его силы, но и смекалка. Когда-то здесь проходила тропа, и в другую погоду дорога была бы полегче. Но особенно мешала ему темнота. Внезапно Коллард заметил, что из-под платка выбивается слабый свет, и поспешно отвернул кусок ткани, чтобы хоть как-нибудь разглядеть дорогу. Дважды он падал, и оба раза неудачно, до крови, но упрямо шел вперед, дорожа не своим изуродованным телом, а драгоценной ношей. Он так устал, что каждый шаг давался ему с трудом и болью. Но снова и снова всплывало в его памяти белое лицо госпожи Гиацинды, и что-то в глазах ее заставляло его продолжать борьбу.

Так достиг он наконец святилища Древних. Перед ним оказалась расщелина в скале, выровненная людьми... как иначе называть тех, что собирались здесь прежде? А еще был здесь изглоданный ветром камень с фигурами. Коллард подумал, что они могут помочь ему понять смысл видений. Но теперь все внимание его приковал лежавший перед расщели-

ной камень. Имел он вид полумесяца, рожками обращенного к пришедшему. Поставил Коллард свое изделие на камень, снял с него перепачканный платок и встал между выступами.

Дрожащими руками расставил он свечи, с трудом достал коробок и зажег их. Бросил на каждую по щепотке трав. Так дрожала его рука, что приходилось ее поддерживать, когда выполнял он распоряжения Шарваны.

Взвился клуб ароматного дыма. Склонился Коллард над каменным полумесяцем и изо всех сил крикнул самым громким голосом, какой мог извлечь из своего изуродованного тела, но оказался он не громче кваканья болотной лягушки.

— Таланн, Таланн, Таланн!

Не знал Коллард, чего ему ждать. Страшна была сила Древних, могли они даже испепелить его на этом самом месте. Но ничего не происходило, и он припал к камню, не только от чрезмерной усталости, но от глубокого отчаяния... Древние силы — а может быть, слишком древние или давно ушедшие из этих мест?

И вдруг, наяву ли... в уме ли, словно эхом от обступивших его скал, прогремел глубокий голос:

— Что надобно тебе?

Коллард и не пытался отвечать словами, слишком ошеломил и потряс его страшный голос. Только мысленно попросил он за госпожу Гиацинду.

Распростертый на заледеневшей скале, глянул он перед собой на стоящий на камне игрушечный зал. Свет от него разгорался все ярче и ярче, словно сотни, тысячи ламп зажигались внутри. Ему казалось, что изнутри доносится шум голосов, мелодия лютни, веет теплом... ароматом... жизнью.

Жизнь для Гиацинды! Такой она и должна быть? Коллард молчал, зная, что все было бы именно так, если бы что-то не перепуталось в ином пространстве и времени.

Тепло... Свет... Вокруг него! Он не горбится на морозе, он сидит на высоком кресле... и сверху вниз смотрит на зал... Нет! И на мгновение словно представилось ему, что зал и все в нем — только видение!

Но за такое видение... Неуверенность его исчезла. Если это только видение — он будет сражаться за него, хранить его и продлевать... целую вечность! Это их видение: его и ее!

Коллард обернулся. Она смотрела на него и улыбалась... а в глазах бушевало счастье! Он протянул ей руку, и тонкими пальцами она прикоснулась к его ладони.

— Господин мой...

На мгновение он смутился: «Это сон...»

— Разве? — отвечал ее взгляд.— Если так, пусть он будет нашим, мы потребуем его и получим, пусть он вершится вовеки!

Он не все понимал, но слова ее отгоняли неуверенность. И он стал забывать, а она уже все позабыла.

...Лужица странного металла заструилась по алтарю, а потом закапала на землю, сразу впитавшую капли и укрывшую их навсегда от чьих-либо глаз...

В замке Шарвана и няня у задернутой пологом кровати задули две свечи, благодарно и скорбно поклонились друг другу...

Но в чертоге, который сработал Коллард, шел свадебный пир и мечта воплощалась!

Янтарь из Куэйта

© Перевод. Ю. Соколов, 1992.

1

В маленьком саду за высокой стеной жужжали пчелы, торопливо собирая взяток, чтобы успеть до прихода Ледяного Дракона. Откинувшись на пятки, выпрямилась Исмей, тыльной стороной грязной руки отвела от глаз непослушную прядь. Собранный урожай лежал на дубленой шкуре. Травы придется еще сушить под крышей сарая в другом конце сада.

И когда она вновь нагнулась к земле, ловкими движениями подрезая и подхватывая стебли, то не услышала привычного позвякивания. Она еще не свыклась с этой потерей. Иногда она забывала, что ключей больше нет, и невольно тянулась рукой к поясу, вдруг испугавшись, что потеряла их, копаясь в саду.

Она и в самом деле потеряла ключи, весомый знак власти ключницы замка Аппсдейла, но не по небреженью покинули они ее пояс. Теперь ключи преспокойно побрякивали на другом поясе — хозяйкой всех кладовых стала Аннет. Разве можно было забыть об этом?.. Хорошо, хоть в этом саду Исмей оставалась хозяйкой.

Пять лет проносила она эти ключи. Сперва она боялась их тяжести, и пришлось научиться многому, что было тогда нужнее, чем знания трав, а следом пришла и гордость. Она, женщина, наладила жизнь в

долине, и люди были довольны, пусть не было сытости и меч голода постоянно грозил им.

Наконец пришли вести, что окончилась война в Верхнем Холлеке, пришельцев сбросили в море, а рассеявшиеся по стране шайки добивали, как стаи огрызавшихся волков. Мужчины вернулись домой... некоторые. Не было среди возвратившихся ни ее отца, ни брата Эвальда, давно пропали они. А вот Джирерд вернулся с поредевшими остатками дружины. Он привез Аннет, дочь Уриана из Лангсдейла, свою невесту и госпожу... Исмей языком слизнула соленый пот с верхней губы. Куда слаще был он жизни с Аннет.

Словно звезды не благоприятствовали теперь Исмей. Из хозяйки стала она никем, кухонная девчонка, и та значила больше — ведь у той были обязанности, а у нее теперь нет ничего, кроме этого сада. Да и то потому, что у Аннет семена не всходили. Пусть и горько жалела об этом Аннет, укоряла Исмей, но не шли к ней за врачеванием хворые люди. Не к своей госпоже и жене своего господина обращались они, а к его сестре, ведь руки ее исцеляли.

Руки руками, но как исцелить свое сердце, залечить пустоту в нем? Гордой была Исмей и упрямой, из тех, что не сдаются врагу. Ничего не сулило ей будущее, но судьбу свою изберет она сама. Легкая усмешка коснулась ее губ. Ха, Аннет решила отдать ее к сестрам в монастырь. Только аббатисса Гратульда оказалась достойной противницей для госпожи Аннет. Знала она, что из другого теста замешивают дочерей для монастыря. Сумела бы Исмей уйти от мира, но горящий в ее сердце огонь не смогли бы утихомирить ни молитвы, ни обряды.

Ох, как полыхал иногда этот огонь. Но даже служанка ее не догадывалась, что по ночам часами мерила шагами Исмей свою тесную комнату-клетку, не в силах найти выхода из тупика.

В другие времена, будь жив ее отец, стала бы она по обычаю женой лорда и хозяйкой его замка и, быть может, увидела бы своего мужа впервые только в день свадьбы. Это было бы справедливо и по закону. А у жены лорда были права, как у Аннет в этом замке, и никто не мог бы оспорить их.

Но не было у нее отца, некому было подыскать ей пару. И, что было хуже, не было и приданого. Поглотила война все богатства долины. А Джирерд не выделит ей даже крохи из того, что осталось, и сестре его оставалось либо идти в монастырь, либо сносить дома ледяные попреки Аннет.

Заново вспыхнуло в сердце Исмей возмущение. Усилием воли подавила она горькое чувство, глубоко вдохнув ароматный воздух, заставив себя думать лишь о ближайшем. Внимательно оглядела стебельки трав, которые только что хотела разорвать на кусочки.

— Исмей, сестрица! — Кнутом полоснул притворно ласковый голос Аннет.

— Я здесь, — ответила она безразличным тоном.

— Новости... и какие хорошие новости, сестрица!

Исмей удивилась. Она обернулась, одернув подобранную серую юбку, прикрывая длинные ноги, такие нескладные рядом с изящной Аннет.

Госпожа Аппсдейла стояла в калитке. Глубокой синевой осеннего неба отсвечивали на ней юбки, а на шее тонко позвякивало серебряное ожерелье. Тем же цветом, что ожерелье, отливала уложенная на голове корона из кос.

Всем была она хороша, если бы не тонкие губы, сложившиеся в вечной улыбке, и колючие глаза над ними.

— Новость? — хрипло переспросила Исмей. Так было всегда. Словно околдовывала ее Аннет, от одного лишь присутствия ее становилась Исмей такой вот неуклюжей, нескладной.

— Да... Ярмарка, сестрица! Все, как прежде. Прискакал вестник из Финдейла.

Капелька ее радости передалась Исмей. Ярмарка! Смутно помнила она последнюю ярмарку в Финдейле. А в тумане лет все и вовсе окрасилось в золотые цвета. И хотя рассудок говорил, что это неправда, так хотелось обмануться!

— Ярмарка, едем все! — Аннет, словно девчонка, захлопала в ладоши, что обычно оказывало неотразимое воздействие на мужчин.

Мы? Значит, речь шла и о ней? В этом Исмей сомневалась.

— Мой господин говорит, что в Долинах уже безопасно и с охраной замка справится горстка воинов. Исмей... Такая возможность! Поторопись, сестра, надо порыться в сундуках, чтобы не посрамить нашего господина.

Уж я-то и так знаю, что найду в своем сундуке, безрадостно подумала Исмей. Только, похоже, ее и впрямь берут с собой. Словно вспыхнула она от радости, как утром, войдя в сад собирать урожай.

Никогда не была Аннет ей подругой, но ни в чем не смогла бы укорить ее Исмей в оставшиеся до отъезда дни. Уж одеваться-то Аннет умела, и из нескольких кусков красивой ткани, что достались Исмей от матери, сшила ей два платья, понаряднее тех, что приходилось носить девушке прежде. И когда утром, перед отъездом, глянула она в полированный металлический диск, служивший ей зеркалом, то решила, что и в самом деле неплохо выглядит.

Исмей никогда не была изящной, как Аннет, и не стремилась к этому. Лицо ее сужалось от скул к острому подбородку, а рот был слишком велик для такого лица. Нос... слишком уж высока была переносица. И глаза совсем обычные, разве что иногда казались они зелеными, а иногда карими. Волосы, правда, были густые, но не золотые и не черные, как смоль, а просто каштановые, а кожа, и без того смуглая, еще и покрылась загаром от постоянной работы

в саду: этим летом Исмей старалась бывать там побольше. Она была слишком рослой для женщины и прекрасно знала об этом. Но новое платье только подчеркивало в ней женственность. Странным золотистым цветом отливала ткань, словно... Исмей достала шкатулку, тоже наследство от матери, и вынула из нее небольшой амулет. И правда, одинаковый оттенок был у платья и янтарного талисмана.

Маленькая фигурка, истертая от старости, обращала на себя внимание не тонкой резьбой, а необыкновенно теплым цветом. Найдя подходящую тесемку, Исмей продела ее в ушко и завязала на шее.

На всякий случай заправила талисман за шнуровку нижней рубахи. Платье было сшито с раздвоенной юбкой для верховой езды, но неискушенной Исмей оно казалось чуть ли не бальным.

В дороге она все время держалась настороже, но даже соседство Аннет не тревожило ее теперь. Джирерд со своим маршалом ехал впереди, прочие домочадцы тянулись следом. Верховые сдерживали коней, пешие торопились, зная, что ярмарка возместит им усталость.

Выехали они из замка на рассвете, а к полудню добрались уже до низовьев своей долины и пообедали там, не разжигая огня. Вечером они достигли пределов долины Финдейл и разбили шатры рядом с отрядом лорда Марчпойнта, ехавшего с госпожой своей, дочерью и свитой. Много было вокруг суеты, новостей и слухов.

Исмей слушала и по преимуществу помалкивала. Но одна из услышанных новостей заставила ее призадуматься. Дочь лорда, госпожа Дайрини, застенчиво поведала свои надежды Исмей: оказалось, что она мечтает встретить на ярмарке будущего мужа.

— Госпожа мать моя,— выложила она окончательное доказательство,— перед войной отправилась на ярмарку в Ульмспорт... а тамошняя ярмарка

куда более знаменита, чем здешняя, даже высочайшие из лордов приезжают туда. Там-то и приметил ее мой отец и, прежде чем уехать, переговорил тогда с будущим тестем. Все уладилось быстро, и к Средзимью они уже поженились.

— Желаю и тебе подобной удачи,— рассеянно ответила Исмей, занятая собственными думами. Так вот зачем Аннет и Джирерд взяли ее с собой. Но кто польстится на бесприданницу?

Найти себе пару! Половина лордов и их наследников пали в боях, и многим благородным девицам уже не найти мужей. Ну, а если подвернется один из тех, без щита, пришельцев без рода и племени? В своей долине слыхали они о таких, кто, хотя не давала на это им права благородная кровь, захватывал опустевшие замки, объявлял себя властителем. И никто не дерзал оспорить их права. Только такой самозваный господин будет торговаться, выбирая жену. Конечно, ему нужно звонкое имя, но и приданое тоже. Но, может быть, кому-то нужно только имя? Исмей оживилась. Что, если... произойдет неожиданное?

Она подумала о родной крепости Аппсдейла. Теперь там хозяйка Аннет и нечему удерживать ее в родном доме, если судьба предоставит такую возможность.

Ярмарка располагалась там же, где и раньше, у высокого пилона из серого камня. Издревле разбивали ее здесь, даже когда люди Верхнего Холлека еще не пришли в эту долину. А прежние жители исчезли задолго до появления в этих местах народа Долин.

Но оставшиеся после них развалины обладали странной силой, что тревожило новый народ. Случалось, глубокая молитва в таких местах высвобождала такое, что не всякому удавалось одолеть. Поэтому перед такими сооружениями трепетали и поклонялись им. И все прибывавшие теперь в Финдейл главы родов собрались у пилона и, положив руки на се-

рый камень, поклялись, что никто, никакая рознь, ни вражда не заставят их нарушить мир на ярмарке.

Лавки купцов широкой дугой окружали пилон. Поодаль, на поле, желтом от оставшейся стерни, разбили свои шатры и палатки гости. Туда-то и направились жители Аппсдейла, чтобы разместиться.

— Десять купцов с флагами, сестрица! — раскрасневшаяся, сияющая Аннет хлопнула перчатками по руке,— может быть, некоторые даже из Ульмса. Только подумай!

Действительно, давно в верхних долинах не видели купцов этой гильдии. Как и все остальные, Исмей тоже стремилась без промедления заглянуть в лавки; и хотя платить ей, собственно, было нечем, хотелось просто подивиться, полюбоваться товаром, потешить взгляд, чтобы было что вспомнить в однообразии грядущих будней. Они и не ожидали застать на этой ярмарке купцов с флагами.

Аннет, Исмей и две дамы из Марчпойнта отправились по лавкам. Конечно, после долгой войны и без привоза из-за моря не слишком богат был выбор товаров, да и цены кусались.

У госпожи Марчпойнта был с собою серебряный диск, который собиралась она отдать за ткани. Он был предназначен, гордо шепнула Исмей госпожа Дайрини, для покупки отреза ей на венчальное платье. Тратить подобную сумму можно было лишь после долгого торга, внимательно рассмотрев товар.

Они перебрали несколько штук тяжелой шелковой ткани. Новой не было, на некоторых даже виднелись следы иглы. Военная добыча, подумала Исмей, отбитая, должно быть, у неприятеля. Ей понравилась расцветка одной, но про себя она решила, что платье из такой ткани она бы носить не стала,— кто знает, что случилось с прежней владелицей.

Были там кружева, тоже ношеные. Были и подешевле, и подороже. Тонким было плетение, и цвета

хороши. Узнала Исмей и некоторые краски, знакомые по собственным опытам. Захотелось ей этих кружев даже больше, чем тканей, над которыми все еще хлопотала госпожа Марчпойнта.

Жарко было в шатре, хотя полы были откинуты. И она отошла к выходу, чтобы не искушала ее больше эта недоступная роскошь.

Тогда-то и заприметила она Хилле, горделиво возглавлявшего караван всадников и вьючных лошадей; знатным лордом въезжал он на ярмарку. Хилле не был купцом, повозки с флагом в этой веренице не было, и к лавкам не стал он подъезжать, просто мановением руки указал своим людям разбить лагерь чуть в стороне от прочих.

Слуги его ростом были пониже народа Долин и в каких-то необычных одеяниях казались приземистыми и неуклюжими, хотя шатер сооружали ловко и быстро, ставили колья, разворачивали стены и крышу из шкур, чтобы расстелить их на каркасе. Несмотря на жару, все они носили капюшоны низко опущенными, лиц не было видно, и это смутило Исмей.

Зато господин их явно красовался на виду у всей ярмарки. Он не стал спешиваться и оставался на добром коне, не хуже, чем у властителя любой из Долин. Положив одну руку на бедро, перебирая другой поводья, он следил за работой. И в седле был заметен его высокий рост, он больше походил не на купца — на воина, хотя в такое время человек, желающий сохранить и приумножить свое добро, поневоле должен уметь быть и тем, и другим. Меча у него не было, только кинжал на поясе. К седлу была приторочена легкая боевая булава.

В отличие от свиты голова его не была покрыта, и дорожная шапочка красовалась на луке седла. Под темными волосами белело лицо, странно бледным казалось оно для мужчины, привыкшего скитаться в любую погоду по дорогам. По меркам Долин, он не

был красив, но, раз только глянув на это лицо, трудно было отвести от него взгляд. Оно притягивало к себе, невольно заставляя вновь и вновь пытаться разгадать сущность этого человека.

Лицо его было резко очерчено: прямой рот, словно не привыкший к выражению каких бы то ни было чувств; черные брови смыкались над переносицей в одну полосу. Цвета его глаз Исмей не разглядела, они были полузакрыты, казалось, владелец дремал. Но Исмей не сомневалась, что он прекрасно видит все вокруг и обдумывает увиденное.

Что-то в нем намекало, что внешность лишь личина, таящая за собой нечто совершенно иное. Исмей решила не фантазировать, но все же подумала, что немногие могли бы сказать, что по-настоящему знают этого человека. Ей вдруг показалось, что его стоило бы узнать поближе. Щеки ее загорелись, что-то шевельнулось в груди.

Она резко отвернулась, понимая, что и так слишком уж пристально разглядывала незнакомца. Поспешно подошла к остальным и уткнулась взглядом в штуку розового шелка, который наконец выбрала госпожа Марчпойнта, не усмотрев на ней ни единой нитки.

Поскольку неизвестный не открыл лавку, они не стали подходить к его шатру. Только после ужина они узнали, какой он привез товар и что зовут его Хилле.

— Он с севера,— объявил Джирерд.— С янтарем... говорят, у него целое состояние. Но, похоже, он просчитался. Мне кажется, у всех собравшихся здесь не наберется монет и на два хороших ожерелья. Его зовут Хилле. Но свита его из странных людей... держатся в стороне, даже кувшина осеннего эля у Мамера не заказали.

Янтарь! Исмей прикоснулась к амулету под рубашкой. Конечно, этот купец Хилле сразу поймет, что почти ничего здесь у него не купят. А может быть,

он просто остановился в этих местах по пути в порт, в Ульмс, заслышав о ярмарке. Янтарь... Она-то знала, откуда взялся ее собственный кусочек: из ущелья, где раньше тек ручеек. Полвека назад янтарь был источником богатства Аппсдейла. Но внезапный обвал завалил небольшую расщелину.

Она горестно улыбнулась. Если бы не это, не в янтаре ходила бы она — в золоте. И не пришлось бы ей теперь мечтать о куске старого, истыканного иглами шелка, прошедшего через руки грабителей,— были эти места собственностью ее матери. А когда умерла та, перешли к ней, Исмей. Ничего там не было теперь, только камни да несколько корявых деревьев, все уже и позабыли, что этот бесполезный клочок земли принадлежал лично ей.

— Янтарь...— повторила Аннет, и глаза ее вновь разгорелись, как недавно при виде шелков.— Господин мой, янтарь обладает целебной силой, он может исцелять. У госпожей Седого брода было ожерелье: если надевали его благословясь те, у кого болело горло,— оно даровало исцеление. И прекрасен янтарь, словно затвердевший мед сладок он взгляду. Давайте глянем на товар этого Хилле!

Джирерд расхохотался.

— Дорогая моя госпожа, такой мед не для моего кошелька. Да если предложить ему всю нашу долину, и то не хватит даже на одно ожерелье.

Рука Исмей сжалась. Если Аннет обнаружит у нее амулет, хоть и не ее он, наверняка захочет отобрать. Все она уже отобрала у Исмей. Но этот амулет был не для жадных рук хозяйки замка.

— Покупателей у него почти не будет,— размышляла Аннет,— но если он откроет лавку, то выложит и товары, а если покупателей не будет...

— Ты хочешь сказать, что он запросит поменьше. Может, ты и права, госпожа моя. Только не делай больших глаз и не вздыхай, надежды почти нет. Не

то, чтобы я хотел отказать тебе в этой прихоти, просто даже денег таких у нас нет.

И хотя сумерки уже спустились, они отправились к шатру Хилле, освещенному ярко пылавшими факелами, за которыми приглядывали двое слуг, по-прежнему в опущенных, скрывавших лица капюшонах.

Проходя мимо одного из них, Исмей попыталась приглядеться, но лица слуги не было видно. Только вдруг ужасом повеяло от него, как от чего-то мерзкого, и не внешне, по капризу природы, а по внутренней сути. И снова она попрекнула себя разгулявшимся воображением и поспешила за прочими.

2

Разноцветным товаром красна была эта лавка... Не пестрые богатые ткани — янтарь царил на столах... Исмей и подумать не могла, что можно увидеть столько янтаря сразу.

Не весь янтарь был медового цвета. Разные были оттенки, искусно усиленные цветной подложкой: и мутный, почти белый, и ярко-желтый, как масло, и красноватый, и голубоватый, и зеленоватый. Несметное это богатство лежало на столах не просто в виде камней, вокруг разложены были ожерелья, браслеты, наперстки для лучников, пояса, мечи и кинжалы, женские кольца, головные обручи — всюду янтарь! Из камней побольше были выделаны кубки и чаши, фигурки богов и демонов.

Перед всей этой роскошью властители Аппсдейла замерли, уподобясь деревенщине в тронном зале Великого лорда.

— Добро пожаловать, господин, госпожи.— Хилле поклонился на приветствия, не заискивая, как купец, а как равный. Он хлопнул в ладоши, тотчас двое слуг поставили стулья к среднему столу. А третий принес поднос с чашами и приветственным питьем.

Исмей заметила, что брат держался несколько скованно. Он ревниво относился к своему достоин-

ству и требовал уважения от людей без щита. Но чашу он взял и выпил за здоровье Хилле, а женщины последовали его примеру.

Питье было не слишком сладким, но приятным. Исмей подолгу задерживала во рту каждый глоток, пытаясь понять, на каких травах оно настояно. Но несмотря на все свои познания, не могла определить. Не выпуская чаши из рук, она с удовлетворением огляделась.

Выставленных здесь драгоценностей с избытком хватило бы, чтобы скупить все замки даже Великого лорда. Она удивилась легкомыслию или смелости этого человека, путешествующего с ними по суше в нынешние смутные времена. Легкомыслию ли? Она взглянула на Хилле. Не легкомыслие читалось на его лице — храбрость и уверенность, даже высокомерие.

— ...Сокровища ваши, купец... — Она не расслышала начала слов Джирерда.— Для нас все это слишком дорого. Тяжкая рука врага слишком грубо прошлась по нам, не оставив почти ничего.

— Да, война жестока, — раздался в ответ глубокий бас Хилле.— Она не щадит людей, даже победителей. И глубоко страдает торговля во время войны. Годы миновали с тех пор, когда янтарь Куэйта в последний раз выставлялся на продажу. Поэтому, чтобы торговля росла и крепла, цены невысоки... даже на это...— Он взял в руки ожерелье с множеством подвесок.

Исмей услышала вздох Аннет. И в ней самой тоже пробуждалась алчность. Хотя... что-то мешало. Вновь положив руку на амулет Гунноры, она вдруг почувствовала отвращение ко всему в этом шатре. Уж не потому ли, что слишком много было навалено здесь драгоценностей и этим умалялась красота каждой вещи?

— Куэйт? — удивленно переспросил Джирерд.

— На север отсюда, господин мой. Янтарь, как известно, находят кое-где на побережьях и вдоль ручьев.

Невежды говорят, что это окаменевшие извержения драконов, но это не так. Янтарь — это просто затвердевшая за тысячелетия смола деревьев. В Куэйте когда-то деревья росли густо, и янтарь обнаружить просто — легче, чем в ином другом месте. Все, что вы видите, собиралось много лет. Где было искать покупателей в войну, многое бы ушло, иначе и такого вы бы не увидели.

Хилле положил ожерелье и взял в руки широкую подвеску, форму которой Исмей не могла разглядеть.

— А вот талисман от удара молнии, старинная работа. Видите разницу? — Он поднес подвеску к браслету. — Чем старше янтарь, чем больше его носят на теле, тем гуще и богаче его цвет.

Хилле положил назад браслет, не выпуская из рук подвеску. Выражение лица его изменилось. Показалось Исмей, что зачем-то пытливо вглядывается он в лицо Джирерда, потом Аннет. Наконец его темные глаза, цвет которых она так и не смогла бы назвать, остановились на ее лице, словно пытаясь против ее воли узнать ответ на какой-то вопрос.

— Счастливое место ваш Куэйт, — сказал Джирерд, — куда счастливее Аппсдейла при моем деде.

Хилле вновь перевел взгляд на Джирерда. Исмей поежилась, недоумевая, чего же допытывался от нее взглядом Хилле.

— Так что было в Аппсдейле, господин мой? — с интересом переспросил Хилле.

— В одной расщелине частенько находили янтарь, что скрашивало жизнь моих предков, — ответил Джирерд. — Потом случился обвал, да такой сильный, что срыть его мы не сумели. Так и лежит у нас янтарь, рядом — да все равно, что на дне моря.

— Печально, господин мой, — покачал головой Хилле.

Аннет поднялась со стула и переходила теперь от стола к столу. Время от времени она прикасалась

пальцем то к ожерелью, то к тонкой работы обручу для волос в виде венка из цветов и листьев. Но Исмей оставалась на месте, следила за Хилле из-под прикрытых век и знала: он тоже не спускает с нее глаз. В голове ее звенело от этого неожиданного интереса. И все же он был просто купец.

Наконец они стали уходить, и когда Исмей оказалась рядом с одним из этих слуг в капюшонах, у нее замерло сердце. Тот протянул руку к сгоревшему факелу, чтобы заменить его. Был теплый вечер, а между тем на нем были перчатки, что показалось ей странным, — ведь люди Долин рукавицы носили только в самые холода. Но еще более удивило ее, что каждый палец, в том числе и большой, заканчивался длинным изогнутым когтем, и вся рука напоминала скорее лапу хищника. Чтобы это было украшение?.. Сомнительно. Правда, жители Долин суеверны и частенько носят всякие амулеты. Вот и на ее собственной шее тоже ведь есть амулет. Может быть, звериные когти нашиты на перчатки для той же цели? Такое объяснение было все-таки приемлемо, и на душе Исмей полегчало.

Но забыть странный взгляд Хилле она не могла, спокойствие никак не возвращалось к ней. Тогда она постаралась припомнить его лицо и представить себе, какой может быть жизнь в этом Куэйте.

Аннет все трещала об ожерелье, Исмей не вслушивалась в ее слова. Но следующая фраза развеяла ее мечты словно дым.

— Но, господин мой, неужели во всем нашем замке не осталось ни одной янтарной вещицы, неужели ваш дед продал все?

— Все разошлось в худые годы, моя милая. Помню только, что у матери был когда-то амулет...

Рука Исмей легла на грудь, словно защищая камень. Все отобрала у нее Аннет, все пришлось отдать ей. Но только не талисман Гунноры... Он принадлежит ей, и его она будет защищать изо всех сил.

— Но неужели же этот завал нельзя откопать вновь? — настаивала Аннет.

— Увы, это так! Когда стало ясно, что войны не избежать, отцу потребовались деньги на покупку оружия. Он пригласил человека из железных рудников, что в южных горах, и дорого заплатил за его услуги. К сожалению, тот поклялся, что сдвинуть эту осыпь никому не под силу.

Исмей облегченно вздохнула. По крайней мере, Аннет не стала расспрашивать о судьбе амулета. Она простилась и отправилась спать на свой соломенный тюфяк.

Сон ее был тревожным. Засыпала она, лишь зажав рукой амулет Гунноры в руке. Исмей все время что-то снилось, но, просыпаясь, она не могла ничего припомнить, только чувство какой-то особой важности этих снов не оставляло ее.

Утром явились, захлебываясь от восторга, госпожа Марчпойнта и Дайрини — они тоже посетили шатер Хилле. Нашлись у них деньги и на янтарь. Увидев опущенные уголки рта Аннет, Джирерд срезал с перевязи меча серебряное кольцо.

— Купи что-нибудь, если он отдаст подешевле, — сказал он. — Желаю удачи, больше тебе дать я не могу!

Аннет быстренько поблагодарила мужа. Опыт научил ее знать пределы возможного в своих прихотях.

Так, против своей воли, Исмей вновь оказалась в шатре Хилле. Слуг в капюшонах поблизости не было. Внутри у входа восседала на стуле женщина странной наружности: круглая голова ее сидела прямо на жирном теле, словно бы у нее вовсе не было шеи. Как и слуги в капюшонах, облачена она была в одеяние серого цвета, но на ее платье были нашиты какие-то черно-белые символы. Пояс ее тоже был расшит черным и белым. Пухлые руки лежали на коленях ладонями вверх, словно она просила подая-

ние. Она не отрывала от них взгляда, словно держала свиток и что-то в нем читала. Из-под ленты, удерживающей на голове вуаль, выбивались грубые желтые пряди. Широкое лицо на верхней губе и пухлых щеках было покрыто волосами.

Если она и сторожила лавку, то делала это скверно, на приближавшихся даже не глядела, продолжая рассматривать пустые ладони. Только когда Исмей миновала ее, подняла она глаза.

— Удачи, прекрасные дамы! — пропела она звонким и чистым голосом, так не подходившим к грузному жабьему телу.— Не хотите ли узнать, что выколото булавками на Эсинорском камне или что старшие боги начертили на ваших ладонях?

Аннет нетерпеливо замотала головой. В другое время она бы не отказалась. Но теперь в ее руках было серебро, которое можно было тратить, и она торопилась покупать и торговаться! Исмей тоже не хотелось слушать предсказания. Никто не сомневался, что на свете есть провидцы. Но едва ли, решила она, эта уродливая карга относится к их числу.

— Ведь по тому, что носите на шее, госпожа...— женщина вдруг поглядела прямо на нее. Негромко говорила она, обращаясь лишь к Исмей. Та поневоле прислушалась. Из полумрака лавки вынырнул Хилле.

— Нинкве есть, что сказать вам, госпожа. Она истинная провидица, ее ценят в Куэйте.

Но здесь же не Куэйт, думала Исмей. Провидица она или нет, я не желаю ее слушать. Но все же почему-то села на подставленный Хилле стул лицом к лицу перед женщиной.

— Дайте мне свою руку, госпожа, чтобы я могла прочитать написанное на ней.

Исмей было повиновалась, но рука ее невольно отдернулась, почувствовав прикосновение жирных пальцев женщины. Та никак не отреагировала, только глаза ее притягивали к себе взгляд Исмей.

— В вас заключено больше, чем вы думаете, госпожа. И высокие помыслы, и деяния, непосильные для обычной женщины. Вы... Я не вижу. Что вы прикрываете рукой, покажите?

Мягкий голос обвинял и приказывал. И, подчинясь ему, не успев даже подумать, Исмей за тесемку вытащила амулет Гунноры. За спиной Исмей послышался чей-то вздох.

— Янтарь,— снова запела пророчица.— Янтарь и будет всегда в ваших руках, госпожа. Он ваша судьба и удача. Следуйте же за ним, янтарь принесет вам счастье.

Исмей встала, вытряхнула из поясного кошелька монетку и бросила ее в подставленные ладони, задыхаясь от негодования, но все же пытаясь выговорить обычные слова благодарности за такое предсказание.

— Удачи вам, госпожа,— подошедший ближе Хилле заслонил от нее женщину.— Та вещица на вас... очень старая...

Она почувствовала, что ему хотелось бы рассмотреть амулет поближе, но не хотела выпускать его из рук.

— Это талисман Гунноры. Его оставила мне мать.

— Для женщины такой амулет признак власти.— Он кивнул.— Странно, я и сам удивлен, но в такой куче янтаря у меня нет ничего подобного. Однако позвольте мне кое-что показать вам, это очень редкая вещь...

Двумя пальцами он прикоснулся к ее рукаву. Мир вдруг словно бы съежился для нее, и остались в нем лишь они двое.

Хилле взял шкатулку из благоуханного дерева пинзаль и откинул крышку. Внутри столбиком солнечного света сиял цилиндрик из янтаря. А в нем, быть может, тысячелетия переливались радугой крылья существа ослепительной красоты.

Присмотревшись, в собственном амулете Исмей можно было заметить семена неведомых трав — что другое подобало талисману богини урожая Гунноры, богини плодоносящих полей и женщин? Однако не облачко мелких зернышек было в этом куске янтаря — создание, словно заточенное в камень.

Столь прекрасным было неизвестное существо, что Исмей не могла вымолвить ни слова. Хилле вложил янтарик в ее непроизвольно потянувшиеся за ним руки, она поворачивала его, стараясь рассмотреть со всех сторон. Исмей не знала даже, птица это или крупное насекомое... о подобных существах она и не слыхивала, должно быть, они давно уже оставили этот мир.

— Что это?

Хилле покачал головой:

— Они жили когда-то в этих краях. В янтаре нередко находят чьи-то останки, но такого существа никто еще не находил.

— Сестрица, что это? — вмешалась Аннет.— Ах, какая прелесть! Но ведь носить это нельзя...

Хилле улыбнулся.

— Совершенно верно. Этот камень можно только повесить на стену.

— Возьмите,— Исмей протянула янтарь обратно.— Слишком уж большая это драгоценность.

Но очень хотелось ей в ту минуту обладать этой драгоценностью.

— Бесспорно, это большая ценность. Но на свете есть и другие драгоценности. Не желает ли госпожа обменять свой амулет на этот камень?

Цилиндрик стоял на его раскрытой ладони, искушал ее одним своим видом. Но мгновение слабости уже прошло.

— Нет,— ответила она равнодушно. Хилле кивнул.

— И вы совершенно правы, госпожа. У таких амулетов, как ваш, свои достоинства.

— Что за амулет, сестрица? — придвинулась Аннет. — Откуда у тебя дорогой амулет?

— Это талисман Гунноры, что был собственностью матушки, — Исмей нерешительно разжала ладонь.

— Янтарь! Да еще Гунноры! Но ты же не замужняя женщина, нуждающаяся в покровительстве Гунноры! — Пригожее лицо Аннет на мгновение отразило ее сущность: никогда не была она подругой, хоть на вечер, хоть на день — врагом Исмей была она.

— Амулет принадлежал матери, а теперь он мой! — Исмей засунула камень обратно за воротник рубашки, а потом обратилась к Хилле:

— За любезность, с которой вы показали мне свое сокровище, господин купец, я благодарю вас.

Он склонился в поклоне, словно перед любимой дочерью Великого лорда. Но она уже направлялась к выходу, не зная, ни куда идти, ни что делать. Конечно, Аннет не замедлит обратиться к Джирерду, будет требовать, чтобы тот отобрал у нее единственное сокровище.

К удивлению Исмей, когда они вернулись в свой шатер, Аннет не обмолвилась об амулете и, не скрывая удовольствия, показывала всем браслет из желтого, словно коровье масло, янтаря. Яркую желтизну камня подчеркивала бронза застежки и шарнира. Ей удалось выменять браслет на один кусок серебра, значит, она торговалась умело. Исмей надеялась, что «сестрица», наконец, успокоится.

И все же за вечерней трапезой она была настороже. Джирерд восхищался браслетом, а Исмей все ждала, когда Аннет переведет разговор на амулет. К ее удивлению, брат восторги жены прервал сам и повернулся к Исмей, словно впервые увидел ее:

— Быть может, сегодня браслет не единственное наше приобретение в лавке Хилле, — начал он.

— Янтарная залежь! — вмешалась Аннет. — Неужели он знает, как вновь открыть ее?

— Похоже, что так.

— Ах, какой же счастливый сегодня день! Кто бы мог подумать, что на этой ярмарке нас ожидает такая удача.

— Может, и поджидала, а может, и нет.— Лицо Джирерда оставалось невозмутимым.— Дело в том, что залежь эта, если она чего-нибудь еще стоит, не принадлежит замку.

Лицо Аннет вытянулось.

— Как так? — возмутилась она.

— Она была выделена в качестве приданого Исмей.

— Но какой дурак...— взвизгнула Аннет. Джирерд строго посмотрел на нее.

— Залежь принадлежала матери. Тогда была еще надежда, что до янтаря удастся докопаться, и отец хотел обеспечить жену в случае своей смерти. Ведь ее приданое он истратил на перестройку северной башни замка, чтобы защитить долину. Так что, когда мать умерла, все отошло к Исмей.

— Но ведь долина истощена войной и богатства янтарных залежей так нужны!

— Верно. Однако есть способ, чтобы все были довольны. Я переговорил с этим Хилле. Он не простой купец, и не потому, что так богат,— он лорд Куэйта и по происхождению ровня нам. Почему-то ему приглянулась Исмей. Если он получит ее в жены, то можно попробовать уговорить его оставлять нам половину янтаря, когда он откроет залежь. Ну, как, сестра? — обратился он к Исмей.— У тебя будет господин побогаче всех в нашей округе, замок, в котором ты станешь хозяйкой и будешь жить жизнью нормальной женщины. Возможность удивительная, и едва ли она повторится.

Она понимала, что это так. Но что же знала она о Хилле, кроме того, что он заинтересовал ее больше, чем кто-либо другой. Что было известно об этом северном замке? Куда отвезет он ее, если она согласится? Но с другой стороны, если она откажется, Аннет

превратит ее жизнь в сущую муку, да и Джирерду это будет не по душе. Как ни прикидывай, подумала она, выбора-то у нее нет. Едва ли Куэйт окажется хуже замка Аппсдейла. Была даже надежда, что будет лучше. В конце концов, обычно в Долине невесты и не знали женихов до свадьбы. Редкая девушка в свою брачную ночь отправлялась в постель хотя бы к знакомому мужчине.

— Если условия действительно будут таковыми, я согласна, — проговорила Исмей.

— Дорогая сестрица, — просияла Аннет, — какое счастье! Ты будешь куда обеспеченней, чем эта госпожа Марчпойнта, позволяющая себе такие траты ради своей коровы-дочери! Мы зададим такой свадебный пир, что прославится на все Долины. Господин мой, — обратилась она к Джирерду, — разрешите же, чтобы ваша сестра отправилась к жениху, как подобает высокородной даме.

— Ну, сперва он еще должен посвататься, — сказал Джирерд, впрочем, тоже не скрывая радости. — Ах, сестра, быть может, принесла ты счастье Аппсдейлу!

Но на душе Исмей оставались сомнения. Кто знает, не слишком ли поспешным было ее согласие? Но пути к отступлению не было.

3

В большом зале горели все лампы, был зимний вечер, и тени летали длинные. Джирерд не поскупился на свадебный пир, о чем свидетельствовали не только выжженные светильники, но и изобилие на столах.

Исмей радовалась, что обычай предписывает невесте сидеть, опустив глаза на общую с женихом тарелку. Хилле был любезен, все спрашивал, что ей нравится, и подкладывал еду, но она из вежливости попробовала лишь несколько кусочков.

На ярмарке она приняла его предложение, сегодня поклялась быть его женой, но теперь хотела лишь одного: бежать, бежать из этого зала и от этого мужчины. Почему решилась она на такое безрассудство? Неужели только затем, чтобы избавиться от мелочных придирок Аннет? Правда, Джирерд был весьма увлечен возможностью открытия янтарных залежей, и ее отказ возымел бы отнюдь не пустячные последствия.

Таков закон жизни. Женщина выходит замуж с выгодой для своего дома, своего рода. Если она находит счастье, значит, ее благословила судьба. Лишь надеяться на это могла Исмей, хотя и не считала само собой разумеющимся. Замужеству не обязательно быть счастливым. Только над очагом и хозяйством по закону властвует хозяйка.

На свадьбу Хилле приехал с небольшой свитой и дружиной, слуг в капюшонах среди них не было. Их нанимали для охраны, пояснил он, ведь его народ не искушен в воинском деле. Утром, пока морозное дыхание Ледяного Дракона еще не обратило землю в камень, его люди возьмутся за раскрытие завала.

Хилле рассчитывал не на кирки и лопаты. Под напором Джиреда он признался, что полагается на некий секрет, собственное открытие, — подробностей излагать не стал, но сказал, что уверен в успехе.

Исмей еще так и не глянула на него с той самой минуты, когда их руки соединили перед нишей духа Дома. Муж хорошо смотрелся в этой золотистой, почти янтарного цвета, тунике; запястья, воротник и пояс на нем были украшены янтарем. Она чувствовала на себе тяжесть его подарков: пояса, ожерелья, обручи на распущенных волосах — в цветы и листья складывался разноцветный янтарь украшений.

Пир длился уже долго и близился к завершению. Будь на то ее воля, вернула бы она время на несколько часов назад... чтобы не настал тот миг, когда он встанет, возьмет ее за руку, и гости поднимут чаши, а потом с лампами и свечами в руках проводят их до кровати в отведенную новобрачным палату.

Сердце ее билось толчками, рот пересох, ладони же взмокли... Ей хотелось вытереть их об юбку, но гордость препятствовала этому. В гордости была ее последняя опора.

Знак был дан, гости встали. На секунду перепуганной Исмей показалось, что дрожащие ноги не удержат ее, что не хватит сил даже пройти по залу, подняться по лестнице. Однако она одолела этот путь — и без его помощи. Он не должен заметить ее страх, даже догадаться о нем!

Он не должен заметить... — только об этом могла она думать, когда оказалась рядом с большой, задернутой пологом кроватью. Запахи разбросанных по полу

душистых трав мешались с дымом горящего в лампах масла, от гостей пахло вином и потом... Ей стало нехорошо. И так старалась она сохранить самообладание, что даже не слышала непристойных шуток.

Будь Хилле таким же, как гости, шуточки бы продолжались. Но в присутствии чужака гости не очень-то распускали языки, он внушал всем уважение и некоторую опаску. Поэтому их оставили в спальне одних, даже не отпустив всех привычных теперь, после войны, непристойностей. Когда все ушли, оставив в палате две большие свечи по обе стороны сундука в ногах кровати, Хилле подошел к двери и задвинул засов.

— Госпожа моя.— Он повернулся к сундуку, на котором стоял кувшин с вином и блюдо с медовыми пирожками.— Теперь я должен разделить с вами важный секрет.

Исмей заморгала. Нетерпеливым женихом его назвать было трудно, говорил он с ней так, словно торговался о приданом с Джирердом. Она успокоилась.

— Я говорил, что обладаю неким секретом, с помощью которого сумею расчистить завал. Но я не рассказывал, откуда мне известно и это, и многое другое. Да, я купец, да, я лорд Куэйта, можете не сомневаться.— Он словно бы спорил с ней.— Но есть у меня и другие занятия. Я астролог и алхимик, и познания ищу на неизведанных путях. Я умею читать знаки звезд и земли.

Именно поэтому и приходится мне отказываться от многого, что присуще обыкновенному человеку. Чтобы преуспеть в своих занятиях, не могу я быть мужем женщине. Понимаете?

Исмей согласно кивнула, но страх шевельнулся в сердце. Доводилось ей слышать о подобных магах.

— Хорошо,— отрывисто сказал он.— Я знал, что вы разумная женщина и сумеете принять все, как есть. Я уверен — мы поладим. Только хочу, чтобы с

этой минуты вы знали: есть в моей жизни такое, что должно быть только моим, и не следует вам спрашивать меня об этом или пытаться подсмотреть. Часть Куэйта останется за мной, и даже ступать в нее вы не должны. Иногда я буду уезжать по делам, а зачем и куда — вам не следует знать.

А за это вы будете править моим домом. Я думаю, это понравится вам. А сейчас ложитесь в кровать. Этой ночью я должен изучать звезды, чтобы определить время, когда следует обратить мою силу против упрямых скал, завалivших ваше приданое.

Исмей устало откинулась на подушки, своей рукой Хилле задернул полог вокруг нее. Теперь она не могла видеть его, но слышала, как он ходит по комнате, время от времени позвякивая металлом о металл или о камень. И чувствовала лишь облегчение без малейшей примеси любопытства.

Она подумала, что подобная жизнь подойдет ей. У него будут его секреты, а у нее — хозяйство. Она подумала о сундуке с семенами трав и кореньями, перевязанном и готовом к отъезду в Куэйт. Алхимиком назвался он... что ж, искусство перегонки и настаивания и ей не чуждо. Если в Куэйте нет хорошего сада, он там появится. Так, предаваясь мечтам, она заснула, нисколько не беспокоясь о том, что творилось за пологом.

В полдень следующего дня люди Хилле выкатили из лагеря повозку. Они не останавливались в замке, а сразу же разбили шатры в верхней части долины, поближе к завалу. Хилле велел жителям долины держаться подальше, ведь сила, которую он выпустит на свободу, может вырваться из-под контроля.

Джирерду, Аннет и Исмей он позволил подойти поближе, чем прочим, но все равно они стояли вдалеке от завала и могли видеть лишь фигурки людей в капюшонах, снующих между глыб. Когда Хилле свистнул и все люди его разбежались кто куда,

горящим факелом он прикоснулся к земле, а потом рванулся прочь большими прыжками.

В наступившем вслед за этим молчании было слышно лишь его тяжелое дыхание. А потом... что-то загрохотало, загромыхало, рвануло... в воздух взметнулись скалы, даже земля задрожала. Разбитые вдребезги обломки камней дождем посыпались туда, где только что находились люди Хилле. Аннет заткнула уши руками и взвизгнула. Исмей смотрела на хаос, оставленный взрывом. Крупные камни были раздроблены в мелкую щебенку, люди в капюшонах с ломами и носилками уже принимались за дело. Джирерд спросил у Хилле:

— Какой же демон сотворил такое, брат?

Хилле усмехнулся.

— Демоны не повинуются мне. Свои знания приобрел я долгими трудами. Но секрет мой, и всякий, кто, не спросив меня, попытается овладеть им, — погибнет.

Джирерд качнул головой.

— Кто захочет связаться с подобным! По-твоему, выходит, это не демон... Все же, я полагаю, это не так. Впрочем, у каждого свои секреты.

— Согласен. Пока этот секрет работает на нас. Чьи руки, скажите мне, могли бы убрать эти скалы?

Хилле использовал свой секрет еще два раза. Когда были расчищены обломки от последнего взрыва, они увидели расселину, по которой когда-то протекал ручей. Люди в капюшонах торопливо убирали обломки скал. Хилле присоединился к ним и вернулся обратно с горстью синей глины.

— В ней-то и находят янтарь, — с торжеством сказал он. — Скоро мы будем вознаграждены за наши труды.

Люди в капюшонах продолжали копать. Хилле оставался в лагере и в замок более не возвращался. Исмей одна собиралась к отъезду в таинственный

северный край. Хилле предупредил ее, что может потратить на янтарную залежь не более десяти дней, ведь приближалась зима, а ехать предстояло по диким местам.

Но добыча за дни и ночи непрестанной работы (люди Хилле работали с факелами и, похоже, не спали) оказалась невелика. Джирерд и прочие были разочарованы, Хилле же только пожимал плечами и говорил, что все зависит от звезд и удачи.

В конце концов Хилле предложил Джирерду, к тайному удивлению Исмей, весьма выгодную сделку.

За несколько извлеченных из глины кусков янтаря он отдал тому несколько собственных, куда более дорогих. Джирерд для вида запротестовал, но живенько согласился. И когда предводительствуемый Хилле отряд выезжал из Аппсдейла, весь найденный там янтарь уместился в седельные сумки коня самого Хилле.

Пообещав возвратиться с началом весны, люди из Куэйта повернули в дикие земли на севере. Этих краев никто не знал. Когда народ Долин появился в Верхнем Холлеке, люди старались держаться у побережья, опасаясь удаляться в глубь страны. Медленно, поколениями двигались они на юг и на запад и почти никогда на север.

Слухи об удивительных краях, где еще живы прежние обитатели, всегда указывали на север и запад. Во время войны Великие лорды искали союзников, где только могли, и вблизи какой-то окраины обнаружили кочевых оборотней. Когда война кончилась, оборотни удалились на северо-запад. И кто же мог знать, что там, за ближайшим хребтом?

Но Исмей держалась не столь осторожно, ехала беззаботно, хотя и было от чего насторожиться. Еще бы, она так мечтала вырваться из постылого дома. И Исмей с интересом глядела по сторонам.

Два дня они ехали по возделанным землям. Первый раз заночевали в селении Трудная Пашня, разру-

шенном во время войны и покинутом из-за нехватки мужчин. Но на третий день вступили в неизвестные, по крайней мере, народу Исмей, края. Впрочем, Хилле, похоже, прекрасно знал их. Встречных не попадалось, возвращались по проложенной ими же колее.

Безотрадный простор насквозь пронизывал ветер; плотно закутавшись в плащ, напрасно искала она взглядом хоть что-нибудь, нарушающее единообразие неоглядной равнины. Такой простор потрясал воображение. На взгляд Исмей, они двигались теперь не на запад, а на север, делая крюк к морю. Ей хотелось бы разузнать о Куэйте и его окрестностях, есть ли у них соседи. Но Хилле редко бывал с нею, а в лагере он часто доставал исписанный свиток и читал, водя пальцем по строчкам, шевеля губами, но никогда не выговаривая слов. Окружавшую его стену отчужденности она пробить не могла.

Все более и более задавалась она теперь мыслью о том, как сложится жизнь ее с человеком, который даже не разговаривает с ней. И предупреждение, высказанное им в брачную ночь (тогда она с облегчением восприняла его), теперь оборачивалось другой стороной. У нее не было даже служанки, ведь Хилле отказался взять для этого женщину из Аппсдейла и сказал, что в Куэйте с прислугой проблем у нее не будет, а служанка из родных мест постоянно будет напоминать о себе.

Предоставленная самой себе, Исмей много размышляла. Зачем Хилле женился на ней? Не ради же нескольких кусков необработанного янтаря... При своем богатстве он не нуждался в этих жалких крохах. Не могла она найти ответа, мучилась и гадала, а неизвестность порождает страх.

Не принадлежал Хилле и к тем, у кого нет щита и кто стремится породниться со знатной семьей. Что еще, кроме имени, могла предложить ему Исмей? Он сам дал ей понять, что не ради тела взял ее в жены.

Теперь тропа тянулась через лес. Резкий ветер не хлестал более в лицо, но и лес нисколько не радовал глаз. Из-за повозки им приходилось петлять между древних высоких деревьев, могучие стволы их были покрыты наростами лишайников — зеленых, белых, ржаво-рыжих и просто красных, как кровь. Исмей они не нравились. Опавшие листья за столетия смешались в бурую массу, издававшую неприятный запах под копытами коней.

Целый день ехали они по лесу, лишь изредка останавливаясь, чтобы перекусить и отдохнуть, дать отдышаться лошадям. Хилле не торопил караван, он упорно и размеренно продвигался вперед. Тишина в лесу невольно заставляла насторожиться. Говорили теперь немного, и случалось, вымолвив слово, спутники ее невольно оглядывались по сторонам, словно опасаясь, что его услышит кто-то, затаившийся неподалеку.

Деревья стали редеть, дорога пошла вверх. Ночь они провели в горах. Следующие дни были однообразны настолько, что Исмей потеряла им счет.

Дорога в горах оказалась нелегкой. Тем не менее Хилле находил время по ночам удаляться из лагеря с металлической трубкой под мышкой; через нее он одним глазом смотрел на звезды. И велел теперь поторопиться, так как близится непогода.

Он не ошибся. Снежные хлопья начали падать еще до рассвета. Путники, не мешкая, поднялись и выступили в темноте. К радости путешественников, склон понижался, хотя Хилле все же подгонял их.

Из-за обилия поворотов Исмей уже и не представляла, куда они держат путь. Но еще задолго до полудня ветер донес к ним новый запах. Воин, которому назначено было сопровождать госпожу (сам Хилле ехал рядом с повозкой), сказал:

— Подуло с моря.

Они вступили в глубокую ложбину меж двух гребней, прямую, словно древняя дорога. Здесь ветра не было, только снег ложился потолще.

Вдруг дорога повернула, правый гребень крутым откосом ушел вниз, оставив путников на скале. Вокруг поблескивали кристаллы соли, внизу тяжело били о скалы волны. Возле дороги высились три громадных, высеченных из камня трона — несомненно, творение чьих-то рук, а не прихоть природы. Мягкие снежные подушки на сиденьях смягчали жесткую суровость удивительных кресел.

Тоже работа Древних, подумала Исмей. Конечно же, это была дорога.

Дорога вновь повернула, теперь уже от моря. Впереди скалой среди прочих утесов громоздилась крепость. Рядом с массивными стенами и башнями крепость лорда любой Долины показалась бы крошечной.

Из снежной пелены появился Хилле. Рукоятью кнута он показал на гигантскую крепость:

— Вот и Куэйт, моя госпожа.

С внезапным испугом Исмей поняла, что домом ее отныне будет один из уцелевших оплотов Древних. И вопреки природе, верованиям, чувствам своего народа вынуждена она жить в чуждой ей обстановке. Но пути назад не было. Она постаралась скрыть свои чувства.

— Очень уж велика ваша крепость, господин мой.

— И не только размерами, госпожа моя,— внимательно вглядывался он в ее лицо, столь же внимательно, как и при первой встрече, и было видно, что испуг доставил бы ему удовольствие. Да только Исмей не желала радовать его. Тогда он сказал:

— Одна из тех старинных крепостей, что построили Древние. Время пощадило этот замок, не то, что другие. В нем уютно, удобно жить, увидите сами. Ха... домой!

Усталые кони перешли на рысь. Через громадные мрачные ворота они въехали на огромный,

окруженный стенами двор, по углам которого высились четыре башни.

Две из них были округлыми, та, в которой были сделаны ворота,— квадратной. Ничего подобного странным острым граням четвертой башни она не видывала.

В узких окнах кое-где светились огоньки, но навстречу им никто не вышел. Обеспокоенная и окоченевшая, Исмей спустилась с седла в протянутые руки Хилле и под его присмотром проковыляла к двери в подножии ближайшей круглой башни. Остальные разошлись по двору в разные стороны.

За дверью оказалось тепло, в очаге пылал огонь. К удивлению Исмей, пол был устлан не толстым слоем тростника и сухой травы, а меховыми коврами, сшитыми вместе,— темная шкура со светлой, так что получался причудливый узор.

Меховые дорожки разбегались по полу, главная из них вела к спасительному островку тепла у очага, где стояли два высоких кресла с цветными подушками и с пологами от сквозняков. Рядом стоял стол, уставленный блюдами и бутылями. Хилле подвел Исмей к очагу, она расстегнула плащ и, блаженно жмурясь, протянула руки к теплу.

Внезапный мелодичный звон заставил ее вздрогнуть. Она обернулась. Хилле дергал за язычок колокольчик, стоявший в резной изогнутой подставке на столе. На винтовой лестнице, завивавшейся в центре башни, появилась фигура.

Исмей не видела, кто спускался и идет к очагу, а когда увидела, то прикусила губу, чтобы смолчать.

Это создание ростом по плечо Исмей оказалось той самой Нинкве, которая бормотала ей свои пророчества в шатре, где решилась ее судьба. Только теперь на пророчице было не причудливо расшитое платье, а меховая безрукавка поверх рубахи и ржаво-бурая юбка. Голову тесно облегала шапочка, зас-

тегнутая брошью под подбородком. Не на пророчицу, на уличную побирушку походила она.

— Приветствую лорда и госпожу,— прозвенел мягкий голос, так не вязавшийся с непристойной тушей.— Доброй удачей вы успели домой к началу первой метели.

Хилле кивнул, а потом обратился к Исмей.

— Нинкве будет прислуживать вам, госпожа. Она весьма предана мне.— Странно прозвучала в ее ушах последняя фраза, но она думала теперь лишь о том, что Хилле бросает ее с этой отвратительной жабой.

Гордости в Исмей уже поубавилось, и она было потянулась к его руке, чтобы обратиться с просьбой, но вовремя остановилась. Он был уже у двери, когда она вновь обрела голос.

— Вы не отдохнете... поужи... здесь, господин мой?

Негодуя, сверкнул он глазами.

— У властителя Куэйта свое жилище, и никто не смеет беспокоить его там. Здесь вы будете в безопасности, о вас позаботятся, госпожа.— С этими словами он вышел.

Исмей неотрывно глядела на закрывающуюся дверь. Темные мысли одолевали ее. Зачем привез он ее сюда? Что же нужно ему от нее?

4

Стоя перед узкой прорезью окна, Исмей глядела во двор. По снегу причудливо разбегались тропки. В громадном шатре посреди двора ютилась горстка воинов. Был канун Зимнепраздника. В этот день во всех замках Долин готовятся к пиру. И в самом деле, почему не отпраздновать середину лютой зимы, самый короткий ее день? Ведь теперь дни потихоньку будут становиться все длиннее.

Но в Куэйте никто не готовился к пиру, не было гостей, их и не ждали. Нинкве и две служанки, столь же приземистые и отвратительные, как и она сама, изобразили полное непонимание, едва молодая хозяйка завела речь о празднике. Хилле Исмей почти не встречала. Теперь она знала, что почти не выходит он из своей остроугольной башни, и даже воины их надвратной башни не смеют входить туда. Впрочем, некоторые из людей в капюшонах все же имели доступ в жилище своего лорда.

Теперь, когда она припоминала свои надежды стать хозяйкой этого дома, ей хотелось не смеяться, а скорее плакать, если бы только позволила упрямая гордость, о наивной девчонке, что ехала навстречу свободе из Аппсдейла.

Свобода! Она жила в своей башне как пленница, а вот Нинкве, как поняла Исмей, и была здесь

ключницей. Ума и осторожности у Исмей хватило, чтобы не торопиться изображать из себя хозяйку. Унизительных отказов в своих немногих распоряжениях она поэтому не встречала и не торопилась умножать их, ограничиваясь собственными скромными нуждами.

Тюрьма ее, по крайней мере, была обширной, не каким-нибудь там казематом. На первом этаже была комната, встретившая ее тогда, после дороги, теплым уютом. Выше располагалась комната, где она сейчас стояла, занимавшая всю башню, с двумя винтовыми лестницами в центре, закрученными в противоположных направлениях. Еще были две комнаты, холодные, без мебели и давно заброшенные. Кровать здесь, во второй комнате, закрывалась пологом; рисунки на нем от времени выцвели, и обычно девушка почти не различала их, разве что иногда колеблющийся свет лампы или очага вдруг вызывал на пологе к жизни какое-нибудь лицо или фигуру, пугавшую ее на какое-то мгновение.

Одна из них беспокоила ее чаще других. Вспомнив о ней, Исмей отвернулась от окна. Подошла к занавеске и расправила ее там, где было лицо. Сейчас под ее руками было лишь блеклое изображение, а ведь только недавно мельком ей показалось, что кто-то стоит за занавеской, терпеливо следя за нею.

С закрытыми глазами могла она представить себе это лицо, все-таки человеческое и уж получше отвратительных морд, что частенько виделись ей по ночам. Те были словно маски, человеческим лицом прикрывающие нечеловеческую сущность. Но это лицо было человеческим и чем-то привлекало ее. Может быть, и обманывала Исмей память, но чудились ей в этом лице отчаяние и просьба.

Конечно, это говорило лишь о том, как однообразна ее жизнь в этом замке, раз уж в старых вышивках грезилось ей что-то. Исмей подумала, кто и

какой иглой вышивал эти узоры? Она погладила ткань рукой, ощупывая неровности вышивки.

И вдруг под рукой оказалось что-то твердое, какой-то жесткий бугорок. Она внимательно ощупала его: на взгляд ничего не было заметно. Похоже, что-то было здесь зашито в ткань. Она принесла лампу и осторожно поднесла огонек к ткани.

Вот и фигура, которая так занимала ее. На шее ее было ожерелье, и бугорок был его частью. Внимательно все разглядев, Исмей поняла, что неизвестный предмет плотно обшит нитями. Язычком пояса Исмей осторожно прикоснулась к бугорку. Пришивали добросовестно, и ей предстояла теперь долгая работа. Но наконец она подрезала нити и вытащила концы; что-то твердое скользнуло из ткани ей в руку. Предмет был гладким на ощупь... Она поднесла его к лампе. Конечно, янтарь! В руке ее была фигурка столь тонкой работы, что какое-то время она с трудом силилась разглядеть детали.

Змейка, свившаяся своими кольцами в тугой клубок. Маслянистой желтизной светились глаза ее на темном янтаре. Почти незаметные чешуйки на теле говорили о невероятном мастерстве резчика. Несмотря на врожденное отвращение ко всяким чешуйчатым тварям, Исмей не ощущала никакого отвращения, скорее наоборот.

И вдруг... Она вскрикнула и отбросила бы змейку подальше, но уже не могла этого сделать. Медленно поползли, сплетаясь и расплетаясь, кольца... Фигурка оживала.

С ужасом смотрела Исмей, как расправляется на руке змейка, а потом она свернулась на ее ладони кольцом, словно живая, подняла голову и поглядела на Исмей желтыми глазами, во рту что-то мелькало, должно быть язычок.

Так смотрели они друг на друга, Исмей и освобожденное ею существо, а потом змейка скользнула

вверх по руке, и у Исмей не было сил шевельнуться. На ощупь она была теплой, не холодной, как положено змее. Исмей почувствовала тонкий приятный аромат. Так пахнут редкие сорта янтаря. Под рукав к запястью ползла змея. Вдруг теплое кольцо обхватило руку Исмей, она отвернула рукав. Теперь змейка стала браслетом и снять ее она не могла, как ни пыталась. Оставалось только сломать ее или разрезать пополам.

Выпрямив перед собой руку, Исмей вернулась в кресло к огню. Но это же невероятно! Ведь янтарь был когда-то древесной смолой. В старых сказках говорилось, что янтарь — окаменелая слюна или испражнения дракона, но это же не так. В нем попадались мелкие существа вроде насекомых. Она вспомнила то крылатое существо, что показывал ей Хилле. Но ведь сама-то смола не живая. Правда, кое-какие странности, для любопытных, за нею водились: потри — и словно железки магнитом янтарь потянет к себе пух, волосы и все такое. Его можно растолочь и огнем расплавить в масло.

Расплавить! Исмей вскочила, отставив подальше руку, чтобы ненароком не коснуться тела. Подбежала к сундучку, который с таким старанием упаковала дома в Аппсдейле. Тяжелую крышку пришлось поднимать обеими руками. Она принялась копаться в мешочках.

Наконец ей удалось найти мешочек со средством от колдовства. Устроившись вновь в кресле, она торопливо одной рукой и зубами развязывала его.

Приятным запахом повеяло изнутри. Среди всех трав лишь ангелика — дягиль в лесах, трава солнца в Львиной стране — защищала человека от зла, от отравы и колдовства. Исмей вытянула руку, чтобы стал виден браслет. Взяв щепотку драгоценной травы, потерла ею коричнево-красноватую змейку.

Но кольцо оставалось жестким, словно браслетом была эта змейка от начала своих дней. Исмей еще раз

потерла браслет, а потом достала амулет Гунноры. Ведь только Гуннора, защитница жизни, оградит ее от сил тьмы. И прикоснулась талисманом к змейке, повторяя заклинание:

Бьется сердце, кровь красна,
Ты, чей лист, трава и мы,
Ты, чье семя, чья весна,
Огради меня от тьмы!

Словно обычный браслет, недвижимой оставалась змейка. Но Исмей же видела все своими глазами! Ползла змейка, не была она обыкновенным браслетом.

Разрезать, сломать! Исмей оглядывалась по сторонам в поисках чего-нибудь подходящего и взглядом наткнулась на огонь. Янтарь же сразу расплавится! Пусть лучше на руке останутся ожоги, чем эта красноватая полоска.

Вдруг она поняла, что не смеет даже потянуться за головешкой. Напротив, усевшись поудобнее, она уставилась в желтые глаза змейки. Они притягивали ее... и росли, росли, пока не слились в единый круг света. Девушка словно заглянула в окно...

Пятна тени и света сложились в столы, уставленные странными бутылями, тиглями, кольцами проволоки, — зловеще пылала вблизи плавильная печь. Потом она оказалась в другой комнате, с колоннами.

То, что Исмей увидела в них, потрясло ее. Словно пестрая летунья в янтарном цилиндрике Хилле, были заточены в них существа, только гораздо большие.

Некоторые были настолько невероятны, что она невольно задохнулась. Но мимо этих колонн она пролетела быстро, ее влекло дальше, в середину палаты, где отдельно от прочих стояли две колонны. В одной, ближайшей, был заточен мужчина. Он чем-то

напоминал Хилле, немногим отличались их лица, так, словно были они в родстве по крови, но не по духу. Этот, в столбе, был в меньшей степени Хилле из Куэйта, чем тот, с которым она познакомилась на ярмарке. Глядя на него, Исмей вновь почувствовала странное волнение, испытанное ею тогда. К тому же казалось, что эти неподвижные глаза ищут ее.

Но Исмей уже пронесло мимо мужчины, теперь она была рядом со вторым столбом и смотрела на женщину.

Ее темные, подобранные кверху волосы покрывала золотая сетка, усеянная цветами из ярко-желтого янтаря. А на ней лежало кольцо в виде змейки из темного янтаря. На женщине было шелковое платье янтарного цвета, а на шее — ожерелье из орехов, заключенных в прозрачный янтарь. Они светились и вспыхивали, когда Исмей обращала на них взгляд.

Глаза женщины также были открыты. Лицо ее было бесстрастным, но глаза смотрели на Исмей так, словно не просила она — взывала, кричала о помощи!

У Исмей закружилась голова: видения возникали и исчезали прежде, чем она успевала что-то понять. Только ужас, опасность, только отчаянный крик о помощи сумела запомнить она и поняла, что не в силах отказать им, хотя чего хотели от нее эти двое, мужчина и женщина, постичь не могла. Комната с колоннами растаяла перед ее мысленным взором, возник двор Куэйтского замка, каким он был виден из ее окна, и глядела она на остроугольную башню Хилле, запретную для нее. Теперь она была уверена — этот зал с колоннами находится за ее странными стенами. А потом все пропало... и двор замка, и палата со столбами. Она моргала, ослепленная огнем очага.

— Госпожа,— нарушил тишину голос Нинкве. Исмей поспешно прикрыла рукавом змейку, зажала

амулет Гунноры в кулаке. Но запаха ангелики ничто не могло скрыть.

— Как ты думаешь, чем у меня пахнет, Нинкве? Я решила перебрать свои травы и проверить, все ли нужное есть у меня для напитка, что пьют в Зимнепраздники.

Широкие ноздри женщины с шумом втягивали воздух.

— Господин Хилле желает говорить с вами, госпожа.

— Да будет на то его воля.

Когда женщина повернулась к ней спиной, Исмей поспешно накинула на шею тесьму с амулетом и спрятала его за пазухой. Потом положила в сундук пакет с ангеликой.

— Господин мой? — вопросительно подняла она голову к неслышно подошедшему Хилле. Но даже не слыша его шагов, она всегда чувствовала его приближение. Словно какой-то невидимой силой был он окружен. — Сегодня канун праздника Средзимья, а к пиру даже не начинали готовиться. — Глупышкой, цепляющейся за воспоминания, должна была она выглядеть перед Хилле.

Но говоря так, внимательно вглядывалась в его лицо. Насколько похож он на того, заточенного в столбе? Если память ей не изменяла, сходства стало теперь меньше, отличия усилились. Неужели внешность Хилле на ярмарке была лишь маской, отброшенной за ненадобностью в Куэйте?

— Канун праздника Средзимья, — повторил он, словно сами слова были ему незнакомы. — Ах, да... праздник вашего народа. Увы, извините меня, госпожа моя, но в этом году придется вам праздновать его в одиночку. Пришла весть, я должен срочно уехать и раньше завтрашнего утра не вернусь. — Он понюхал воздух. — Что это, госпожа моя? Никогда не встречал такого запаха.

Она показала на раскрытый сундук.

— Я умею выращивать травы и знаю, как пользоваться ими. А сейчас ищу траву с нужным привкусом и ароматом. Но... — Она положила мешочек обратно. — Едва ли мне следует продолжать поиски, раз пира не будет.

— Справедливый укор, госпожа моя, но занят был я все это время и позабыл о времени, о приближении праздника. Простите меня на сей раз, и впредь эта ошибка не повторится.

Чувствовала она, что это пустые слова, а на самом деле дутыми обещаниями решил он отделаться от нее, как от ребенка.

Проговорив еще несколько ничего не значащих любезностей, он вышел, а Исмей следила из окна, как садился на коней маленький отряд. Едва он отъехал, в ее комнате появилась Нинкве с бронзовой чашей. В ней было ожерелье с множеством подвесок. Зеленоватый янтарь соседствовал с голубым. Нетрудно было понять, что за такую диковину можно было купить весь Аппсдейл с замком и угодьями.

Исмей надела ожерелье, повертелась перед зеркалом, изобразила восторг, кликнула Нинкве и двух служанок, как раз появившихся с ужином, посмотреть, что за дивный подарок прислал ее повелитель. Она надеялась, что этой деланной радости достаточно для подозрительной Нинкве.

Исмей потуже защелкнула кольца на запястьях, чтобы служанка, даже случайно, не могла заметить змейку. Сев за еду, она наполнила чашу из рога и поднесла к губам, а потом покачала головой.

— Не могу сказать ничего плохого о ваших напитках, но если бы добавить сюда чуточку мяты, стало бы вкуснее. Ты никогда так не делала?

— В наших краях не растут многие южные травы, госпожа. Куэйт лежит на пути ледяных ветров, и многое у нас не растет. О мяте я слыхала, но пользоваться ею не доводилось.

— Тогда давай попробуем, и ты мне скажешь, права ли я. Сегодня канун праздника моего народа, Нинкве. И раз уж мой господин не может разделить его со мной, может быть, ты...

Женщина заколебалась. На мгновение между губ ее показался бледный кончик языка. А потом всегда внимательный взор ее опустился на стол.

— Но в этом кувшине едва хватает на одну чашу, моя госпожа, а второй вы никогда не брали, и служанка не принесла...

— Вели кому-нибудь из них принести еще один кувшин, Нинкве. Не лишай меня этого малого утешения в день пира.

Нинкве неуверенно пошла к лестнице, словно бы и хотела отказаться, но не могла, не было причины. Исмей вновь поднесла чашу ко рту. Ничего подозрительного не почувствовала она в запахе напитка. Но словно кто-то из-за спины предупреждал ее... Что-то было в питье... Яд? Едва ли, но иные травы в умелых руках могли погрузить человека в глубокий сон, вызывать странные видения, а потом забытье.

Почему в голову ей пришла именно эта мысль, она объяснить не могла. Понимала только, что ее предупредили, а когда Нинкве ушла, Исмей, словно повинуясь чьему-то приказу, сделала странную вещь: расстегнула рукав и поднесла запястье к чаше.

Змейка на руке вдруг шевельнулась, но теперь Исмей не испугалась, ей вдруг стало радостно, как воину перед битвой.

Головка змейки свесилась в чашу и взболтала в ней жидкость, а потом она вновь обхватила руку кольцом и, ухватив зубами хвост, окаменела.

Нинкве поднималась по лестнице с подносом, на котором стояла чаша из рога. Когда она поставила ее на стол, Исмей отошла к сундуку. Мята мятой, но она прихватила щепоть и другой травы, с непринужденностью, о которой не могла бы прежде даже подумать.

Но в свою чашу бросила только мяту, остальное отправилось в чашу Нинкве. Потом она взяла небольшую ложку и перемешала жидкость.

— По всем правилам, Нинкве, — улыбнулась Исмей, — нам, женщинам, следовало бы опустить на счастье в чашу ветку плюща, а потом кинуть ее в очаг, чтобы все зло сгорело вместе с ней. Господин мой должен был бы опустить ветку остролиста... плющ только для женщин. Веток у нас нет, так что удачи тебе.

Исмей выпила жидкость всю до дна, хоть ей и приходилось заставлять себя пить. Обезвредила змейка питье?.. Она не была уверена в этом. Но теперь она знала, что змейка защищает ее, ведь амулет Гунноры на нее не подействовал.

— Ну, как тебе мята? — она допила свою чашу и отставила в сторону.

— Вкус приятный и освежающий. Должно быть, у вас на юге сильные травы. А теперь, если вы не возражаете, я дам указания служанкам. Господин так расстроился, что позабыл о пире... Но завтра мы постараемся...

— Это весьма любезно с твоей стороны и свидетельствует о расположении ко мне нашего господина. Да, можешь идти, Нинкве. Я сегодня лягу пораньше. Что-то спать хочется...

Была ли она права, правильно ли ведет она себя, усыпить ли ее должен был напиток? Бесстрастное выражение на лице Нинкве ничего не подсказало Исмей.

Когда та ушла, Исмей вновь расстегнула рукав и заглянула змейке в глаза. На сей раз они безмолвствовали.

— Я не знаю, что делать, — шепотом сказала она резной фигурке. — В Куэйте столько тайн и опасностей. У меня нет меча, но я не из покорных, и что бы ни было мне суждено, пусть все начнется прямо сейчас. Лучше глядеть в лицо опасности, чем трусить в ожидании ее прихода.

Она умолкла, и в наступившей тишине ей вдруг стало ясно, что делать. Исмей встала, сняла нарядное платье, отыскала юбку для верховой езды, в которой ей было свободнее, а сверху накинула серый плащ.

На лестнице она настороженно прислушалась, внизу было тихо, и она решилась. Исмей сумела высмотреть, что люди в капюшонах жили как раз между двух башен, и, если ей повезло, Нинкве и служанки уже разошлись по своим комнатам.

Тяжелую входную дверь пришлось открывать двумя руками. Остроугольная башня была совсем рядом, но перебежать через двор она не решилась. Окон было так много, и кто-нибудь мог невольно выглянуть во двор... Осторожно, вдоль стены, ометая сугробы плащом и юбкой, кралась Исмей к двери обители Хилле. И протянула к ней руку, ту, что со змейкой.

Замка не было. Дверь распахнулась легко, даже слишком.

5

Остроугольная комната была едва освещена. Исмей вздрогнула: впереди возникла фигура в плаще. Исмей подняла вверх схваченную змейкой руку, фигура повторила ее жест. Перед ней было зеркало.

Только зеркала и две лампы в нишах высоко над полом, больше в зале не было ничего. Странные запахи клубились здесь, в ноздрях пощипывало. Иногда пахло чем-то приятным, но тут же накатывала кислая вонь, природы которой она не знала.

Исмей медленно оглядывалась по сторонам. Теперь только она поняла, что странная остроугольная башня была построена в форме пятиконечной звезды. Она смутно припомнила, что в тайных науках с такой звездой нечто связано. Но ей нужно было идти дальше, в этой пустой темной комнате не было тех, кто ей нужен. Исмей заметила лестницу в одном из лучей и стала подниматься. Каменные плиты были глубоко истерты за минувшие столетия. Впрочем, печать столетий была здесь на всем.

Теперь Исмей попала в комнату, где трудно было даже пройти из-за обилия всяких вещей. Столы в ней были завалены змеящимися металлическими трубками, ретортами, бутылями, флаконами, какие используются при перегонке травяных отваров. Многому здесь она не знала даже имени.

Она боялась случайно прикоснуться к чему-нибудь. Запахи сливались, смесь их таила в себе неясную угрозу. Исмей потерла пальцами браслет. Здесь было посветлее, по крайней мере она смогла в конце концов разглядеть лестницу. Осторожно пробиралась девушка по комнате, стараясь не задеть уставленные столы, придерживая плащ, чтобы неловкими движениями не свалить что-нибудь на пол.

Так пришла она в привидевшуюся ей палату. Здесь колонны складывались сперва в большую звезду, внутри которой была другая, поменьше. У дальней стены стояли два стола. В вершинах лучей каждой звезды стояли высокие подсвечники, в них были свечи в кулак толщиной. Не привычным оранжево-красным огнем горели они, а синеватым,— в этом свете собственное тело показалось ей неприятным и нездоровым.

Сама собой поднялась ее рука. Словно была привязана к запястью цепочка и кто-то потянул за нее, не предупредив Исмей. Меж двумя колоннами внешней звезды она прошла к центру.

Перед нею предстали узники из видения: женщина и Хилле, который не был Хилле. Из глубин янтарных столбов взгляды их кричали, приказывали что-то делать. Пусть и была у них сила — ведь не сама же собой она пришла сюда,— не хватало ее и не понимала Исмей, что надо делать. Одно было ей ясно — свободы они жаждали. Но разве живого человека можно заточить в колонну? Про подобное волшебство слыхала она только в легендах.

— Что же мне делать? — молила она их; прикоснулась к столбу, в котором была заточена женщина... Твердый! Разбить его? Разрезать? Янтарь мягок, его нетрудно резать. Может быть, попробовать расковырять столб ножом?

Достав из-за пояса нож, Исмей с размаху рубанула по колонне. Добрая сталь, зазвенев, отскочила,

словно удар пришелся по камню. Она ушибла руку, а на поверхности столба не осталось и царапины.

Узников можно было выпустить на свободу, она не сомневалась, но могла освободить их только магия. Исмей отступила на шаг и, повернувшись, попыталась рассмотреть остальные колонны обеих звезд. Голубоватый свет придавал кошмарный вид очертаниям тел и голов. Но она заставила себя все-таки разглядеть всех, кто был заточен в колоннах.

Во внешних столбах были заточены не люди — странные, непонятные существа. Существа в колоннах малой звезды напоминали людей: все они были небольшого роста, приземистые и в туниках. Толстые, широкоплечие, длиннорукие, приземистые. Пальцы рук и ног заканчивались длинными изогнутыми когтями, более похожими на звериные или птичьи, чем на человеческие ногти, а лица... несомненно, они были в родстве с Нинкве!

Низкорослые, с когтями... Исмей вздрогнула, осознав это. Ей на память пришли люди Хилле в капюшонах и перчатках, державшиеся поодаль от народа Долин. Так вот, значит, какие они! Но по какой причине заточил их в колонны лорд замка? С облегчением вернулась она к безмолвным мужчине и женщине. Глаза их жгли ее, говорили что-то... Если бы она только могла понять!

И вдруг глаза обоих стали закрываться. Глубочайшая отрешенность появилась на лицах. Исмей непроизвольно отдернула руку, чтобы змейка оказалась на виду, и вновь заглянула в ее золотистые глаза.

Глаза увеличивались... увеличивались... наконец словно желтый шар возник перед ней, окруженный голубоватыми отблесками. На сей раз шар не показывал, он говорил, что-то шептал ей. Понимала девушка, как это важно, и пыталась уловить звуки, связать их в слова, но напрасно. Шепот смолк...

Она пошатнулась. Ноги и спина болели, голова разламывалась. Не только усилия тела утомили их, но и непосильная духовная нагрузка. Исмей со вздохом уронила онемевшую руку.

Теперь глаза заточенной в столбах пары оставались открытыми, но потускнели. Не было-в них больше яростной устремленности. Казалось, все испробовали они, и все тщетно.

Но оставить их Исмей не могла. Нож не помог, слова расслышать не удалось. Со смутной надеждой она вернулась назад, к столам, стоявшим у входа.

Не были они заставлены утварью, как внизу. Но на одном столе... То, что было на нем, вызвало в ней омерзение!

Там стояла чаша на янтарной ножке, потемневшей, потрескавшейся и мутной. Сама чаша была из чего-то серо-белого. Внутренность ее была покрыта пятнами. Рядом с чашей острием вверх стоял нож с рукоятью из того же бело-серого материала, а лезвие... Исмей отшатнулась... По нему струйками алой крови скользили, изменяясь, какие-то руны, слагаясь в слова запретного языка... То появлялись они, то исчезали и вновь струились по клинку.

Рядом лежала открытая книга. Пожелтевшие страницы ее были густо испещрены жирными черными буквами, подобных которым она никогда не видала. Каждая страница начиналась с заглавной буквы, но не веселые венки из цветов окружали эти буквы, как в старинных хрониках, а картинки, непристойные настолько, что краска залила ей лицо. Отвернулась она, но изгнать их из памяти не могла; торжествуя, насмехались над нею мерзкие рисунки. Рядом на изогнутой стойке поблескивал светлый колокольчик, а под ним лежал молоток. Был там еще подсвечник, но форма его опять заставила девушку покраснеть. Из него торчала какая-то гнусная свеча, начинавшаяся как единое целое, а потом разделявшаяся на пять свечей разной длины.

Черным облаком опутывало этот стол зло. Исмей казалось, что к нему можно даже прикоснуться. С омерзением отступив назад, подошла она к другому столу. Там было другое: неровные куски янтаря, еще не совсем отмытые от глины. Показалось ей, что это те камни, которые видела она в руках брата в Аппсдейле у залежи. Их было очень немного. Что значили они рядом с колоссальным богатством колонн!

Эти мерзостные вещи... Исмей не сомневалась, что все на столе — принадлежности черного мага... необработанный янтарь... Понятно было, чем занимался здесь Хилле, и с ним-то связана она клятвой!

О подобных ему рассказывали недоброе. Кое-кто из людей, бывало, связывал себя с древними силами. Значит, и Куэйт из тех страшных мест, где властвуют Древние.

В панике Исмей вытащила амулет Гунноры. Древние силы несли с собой разрушение и смерть, но Гуннора — это и свет, и жизнь. Может ли талисман защитить ее здесь, в обители зла, Исмей не знала, но от прикосновения к доброму янтарю ей полегчало.

Куски янтаря на столе, рядом гнусное капище зла, пленники в колоннах. И еще... Что теперь станет с ней, когда Хилле вернется? Она встревожилась, и на то были основания.

В эту ночь, таких четыре в году, даровалась свобода известным силам, а уж принесут они добро или зло — как распорядится судьба. Хилле отправился в путь в эту ночь. Что ищет он во мраке и холоде? Другую силу, помогущественнее тех, что вызывал он в этих стенах?

Исмей еще раз обернулась к двум звездчатым рядам колонн, к озарившим их синим цветом свечам. Здесь властвовали силы иного мира. Так почему же она свободно прошла сквозь все препоны, которые, конечно же, расставил повсюду Хилле? В таких местах всегда бывали стражи, и лучше было не связываться с ними людям.

Быть может, это ловушка, в которую ее заманили? Надо проверить! Взяв в руку амулет Гунноры, Исмей поспешила на лестницу, оставив таинственную пару в заточении. На первый этаж она слетела по лестнице без задержки... И замерла в ужасе. Теперь в зеркале отражалось нечто другое, не двигалось оно и не пыталось ни схватить ее, ни преградить ей путь к дверям.

Ужасен был вид этой твари, но теперь она видела, что не живое это существо, а высокая фигура демона, вырезанная из янтаря. Откуда только взялась она здесь? Ведь еще недавно ее не было.

Проскользнув мимо страшной фигуры, Исмей бросилась к двери, изо всех сил толкнула ее. К счастью, дверь легко подалась, холодный ночной воздух был подобен спасению.

Вновь вдоль стен прокралась она к двери собственной башни. Задыхаясь, скользнула внутрь, высматривая Нинкве или служанок. Никого... Тусклый отблеск углей в очаге слабо освещал пустую палату. Исмей взлетела по лестнице в свою спальню и бросилась к окну посмотреть на звездчатую башню. Сумел ли кто заметить ее следы? Едва ли, поземка уже замела все... Как вовремя началась метель!

Девушка села на постель и попыталась собраться с мыслями. Хилле говорил, что он астролог и алхимик. Комната в звездчатой башне с массой бутылей, труб и прочего свидетельствовала о занятиях алхимией. Эти познания были доступны людям, хотя в Долинах мало кто интересовался такими вещами.

Но иным занимался он в верхнем зале башни! Исмей яростно потерла глаза руками — все стоял перед ней первый столик: мерзкая книга и все остальное. Честными науками там и не пахло.

Прочие пленники в столбах казались безжизненными, она и не приглядывалась к ним. Но было ей ясно: женщину и мужчину сковали там грязным

заклятьем. Следовало подумать... Если Хилле способен на подобное, на что остается ей надеяться?

Убежать сейчас из Куэйта она, пожалуй, сумела бы. Убежать — и умереть неподалеку в снегу, не имея припасов, не зная дороги... Разве могла она вернуться в Долины из Куэйта? Побег сулил смерть... Но то, что грозило ей в Куэйте, было хуже смерти. И все же шанс оставался, а значит, придется рискнуть.

Повесив плащ, Исмей разделась, уложила одежду в ящик, чтобы не заметила Нинкве. Заползла в постель и задернула полог, в темноте на секунду ощутив себя в безопасности. Змейка обнимала ее запястье, а на шее был амулет Гунноры.

Быть может, она заснула, потом она не могла этого вспомнить. И вдруг подскочила, словно заслышав чей-то зов. Тьмы как не бывало, полог светился, фигурки на нем ожили.

Исмей прежде полагала, что они вышиты лишь с лицевой стороны и видны только снаружи. Но теперь было видно все, словно полустертые контуры высветил холодный и четкий свет звезд. Разное было там, но виднее всего было лицо той женщины, заточенной в колонне!

К удивлению и испугу Исмей, вышитые на ткани губы шевельнулись, слабые звуки сложились в слова:

— Змейка... ключ... ключ...

Свет померк, лицо женщины исчезло... Исмей сидела на кровати на скомканных одеялах, и змейка на запястье была горяча, словно от внутреннего огня.

— Ключ...— громко повторила Исмей. Но к чему? И где искать замок? Она отодвинула занавеску. Успеет ли она вернуться в звездчатую башню? Но за окном светало, близился рассвет, рассчитывать было не на что. Осмелиться снова вторгнуться в логово Хилле она могла только вечером.

Весь долгий день она изображала недомогание. Нинкве принесла праздничные кушанья и далеко не

отходила. Исмей тщательно обдумывала план действий. Она не собиралась вновь подсыпать трав в чашу Нинкве, эту женщину нельзя было недооценивать. Она неминуемо заподозрила бы неладное. А может быть, предупредительная, как обычно, Нинкве просто следила за ней сегодня?

Планам Исмей не было суждено осуществиться: под вечер Хилле с людьми возвратился в замок. Она глядела на них из окна, пытаясь взять себя в руки и невозмутимой предстать перед этим слугой тьмы.

К ее облегчению, спешившись, он не пошел к ней, а сразу же направился в звездчатую башню. Но минутное облегчение тут же уступило место страху, как только представилось ей, сколько явных для Хилле следов могла она оставить в башне. Достаточно вспомнить янтарную тварь перед зеркалом... Как она оказалась там? Значит, Исмей могли видеть?

Она прикоснулась к змейке. Это ключ! Но к чему? Словно невидимым мечом была змейка под ищущей его рукой Исмей.

Изо всех сил она пыталась успокоиться. Ей надобно быть спокойной, все должно быть, как обычно. Она спустилась в нижнюю палату, где Нинкве расставляла ужин.

— Вернулся мой господин,— Исмей сама удивилась твердости своего голоса. Нинкве подняла голову.

— Это так. Вы хотите пригласить его к своему столу, госпожа?

Исмей кивнула.

— Сегодня вечер праздничного пира. Если он не устал после путешествия, быть может, ему будет приятно провести вечер со мной. Пригласи его.

— Я сама схожу. Он захочет разделить ваш пир,— что-то властное послышалось в голосе Нинкве, словно могла она приказывать своему господину.

Стоя у очага лицом к двери, Исмей собирала силы для встречи. Странным он был всегда, и даже

благоговение вызывал когда-то. А теперь... теперь, когда она знала, кто он, сумеет ли она встретить Хилле, ничем не выдав себя?

Долго, очень долго ходила Нинкве. Не сняв плаща, мягким и словно обвиняющим голосом она объявила:

— Госпожа моя, лорд наш приготовил пир по вашему вкусу...

Она не договорила. Быстрым шагом вошел Хилле. На его плечах серебрился легкий снежок, в руках была накидка из шелковой ткани сочного янтарного цвета.

Он взмахнул перед Исмей плащом с янтарными застежками на горле и запястьях:

— Подарок для моей госпожи,— и словно кнутом хлестнул плащом по Исмей. — А, пир уже готов... что ж, будем веселиться по обычаю вашего народа.

Она не могла вырваться из его цепких рук, плащом словно сетью поймал он ее. Холодом пронзил ее страх, пересохло во рту. Зачем понадобилась она ему?.. Сейчас она узнает все, и нет путей к спасению!

Но пока он вел ее через двор, слова его были приветливы. Со стороны они и в самом деле могли показаться мужем и женой — закончилась разлука, счастливы они и могут наконец побыть вместе. Изо всех сил сдерживала Исмей страх, чтобы не отнял он те силы, что потребуются ей для отчаянной попытки спастись.

Они вошли в комнату с зеркалом, там было светлее, но резная фигура чудовища теперь стояла лицом к двери.

Хилле стиснул ее руку. Неужели она выдала себя, вздрогнув? Но перед этим демоном дрогнет каждый. Обхватив ее за плечи, Хилле вытянул вторую руку к чудовищу. Тварь шевельнулась, потянулась вперед, словно пошла к хозяйской руке, наконец пальцы его легли на иззубренный загривок. Но ведь это просто изваяние... не живое существо! Хилле негромко рассмеялся.

— Вы не испугались, госпожа моя? Разве я не предупреждал вас, что искушен в странных науках? Теперь вы видите, что и мои слуги тоже не вполне обыкновенные. Но пока я не дам ему свободу, пусть подождет и покараулит. Вперед!

Страх одолевал ее. Она могла ожидать от него только худшего из зол — в этом она не сомневалась. Но ведь была она из рода воинов, привыкших биться, защищать свою землю и не просить пощады у врага даже перед лицом смерти.

Под покровом плаща, которым Хилле окутал ее, нащупала она змейку. Ключ... к чему?

Но отбросила она пустые надежды, ведь Хилле вел ее все выше и выше, через мастерскую в зал с колоннами. Подойдя к двери, он произнес:

— Приветствую вас, госпожа моя, в сердце Куэйта. Тайно хотели вы разведать его секреты, а теперь узнаете все сами. Только понравятся ли они вам?

Он втолкнул ее в зал, силой провел в центр и развернул лицом к тем двоим.

— Ты называешь себя госпожой Куэйта, Исмей из Долин. Посмотри-ка на истинную госпожу Куэйта, Яал Далеко Замышляющую. Впрочем, где сейчас ее замыслы, сказать трудно, ведь только мысли ее могут теперь передвигаться. Из числа Великих она, и вы, выскочки, не можете даже в мыслях равняться с нею. Когда твои дикари-предки еще ковыряли корешки, она давно уже правила здесь.

И он поглядел на Яал с ненавистью и уважением. Исмей никогда не видела его столь возбужденным.

— Яал... Таких, как она, вы, невежды, не можете даже представить себе. Так же, как и Куэйт, каким он был и каким станет вновь... Теперь у меня хватит на это воли и умения.

И ты помогла мне в этом, девка, и благодари за это жалкую силенку, перед которой ты преклоняешь

голову. Иначе... Иначе словно блоху раздавил бы я тебя и бросил в огонь. Ты принесла мне семя, из которого вырастет многое. Слышите это, госпожа моя Яал? Вы думали — конец моей силе придет, если кончится янтарь? Но вы недооценивали меня и жадность этих варваров из Долин! У меня опять есть янтарь! И многими таинственными путями я умею использовать его. Слышите это, Яал?

И он поднес руку к столбу, но не дотронулся до него.

Глаза Яал были широко открыты, но Исмей не могла ничего прочесть в них, словно исчезла из глаз женщины искра жизни. Хилле расслабил руку. Подобрав плащ, Исмей склонилась в глубоком поклоне перед узницей в колонне.

— Что ты делаешь, девка? — заорал Хилле.

— Разве не сказали вы, господин мой, что женщина эта и есть госпожа этого замка? — Исмей сама не понимала, почему говорит эти слова, словно подсказывал их кто-то другой.— Тогда мне следует быть с ней почтительной. А он...— Она кивнула в сторону другой колонны,— если она госпожа, значит, он — господин здесь?

С перекосившимся от злобы лицом Хилле ударил ее с такой силой, что она не сумела устоять на ногах. Удар отбросил ее на пол, к колонне; цепляясь за нее руками, Исмей стала подниматься.

В руке Хилле теперь поблескивала золотая веревка. Со словами, бессмысленными для Исмей, он бросил ее, словно аркан. Петля скользнула на пол, окружив Исмей кольцом. Лицо Хилле вновь стало спокойным. Он взял себя в руки.

— Ну, а теперь, девка, я, пожалуй, получу удовольствие. Правда, это будет долгий процесс, теперь-то я позабочусь об этом.

Он вышел. Исмей была потрясена. Сверкающее кольцо вокруг нее, которое теперь она могла оглядеть,

состояло из янтарных бусинок, нанизанных на цепочку. Зачем оно Хилле, непонятно.

Но Хилле вышел, а раз змейка — ключ, она сама укажет ей замок. Исмей сделала шаг вперед и поняла, что не в силах поднять ногу над янтарным кольцом. Как в клетке вдруг оказалась она..

На мгновение страх сковал ей уста, но потом вернулись к ней силы, и она заставила себя думать, а не чувствовать. Ясно было, что великие силы служили Хилле. Эти двое были его пленниками, врагами, а значит, союзниками для нее. Если бы только они могли помочь ей...

Змейка — это ключ. Но как применить его? Исмей поглядела на женщину, потом на мужчину. Теперь она была ближе к мужчине. Облизнув губы, она думала о ключах и замках...

Обычного замка нигде не было видно, но ведь и змейка не была обычным ключом. Замок... Неужели люди заперты в колонне?.. Она отвернула рукав, протянула руку и головкой змейки прикоснулась к янтарной колонне.

Кольцо огня вдруг охватило ее руку, она вскрикнула от боли, но не отвела ее.

Янтарная колонна начала изменяться. Там, где ее коснулась головка змейки, она помутнела, потемнела, зазмеились трещины, посыпались на пол куски янтаря, становясь под ногами пылью.

Дрожь пробежала по телу освободившегося узника. Она увидела, как, задыхаясь в нахлынувшем воздухе, задышал он, трясущиеся руки потянулись к лицу, словно хотел он убедиться, что не изменилось оно.

Он не глядел на нее, только вышел из колонны и стоял, лишь головой вертел из стороны в сторону, будто бы зрение постепенно возвращалось к нему.

Если ему нужно было оружие, времени на поиски не было отпущено.

Отрывистое шипение раздалось с лестницы. Исмей закричала. Там стояло чудовище из нижнего зала, поводя ужасной головой, как змея перед броском.

Мужчина спокойно стоял перед чудовищем, и Исмей подумала, что ему не устоять. Но он поднял руки и что-то начертил в воздухе указательными пальцами.

Вслед за движением рук загорелись линии, они скрещивались, сливались в решетку, изменялись. А потом он поднес слегка сжатые кулаки ко рту, словно трубу, и пробормотал что-то.

Слов Исмей не разобрала, слышалось только повторяющееся бормотание. Чудовище топталось на месте, бронированный хвост беспомощно хлестал из стороны в сторону, шипы на загривке стояли дыбом. А мужчина вновь и вновь повторил три ноты.

Тогда...

В воздухе полыхнула синяя молния, столь же отталкивающая, как и свет свечей. Чудовище, ободрившись, двинулось вперед, мотая головой, словно под градом ударов.

Но не поколебался мужчина. Громче стал его шепот. У стены палаты что-то мелькнуло... Там, за свечами, кто-то крался вдоль стены.

Даже не разглядев черт бледного лица, Исмей поняла — Хилле! И крался он не к освободившемуся пленнику, а...

Стол! Стол, на котором лежали принадлежности черного мага. Похоже было, что бывший пленник еще не заметил его.

Исмей хотела крикнуть, но голос ей не повиновался. Должно быть, виной тому было кольцо вокруг ног. Но если раз она уже воспользовалась змейкой, то неужели не получится снова?

Она протянула руку и, естественно изогнувшись, попыталась дотянуться до окружавшего ее кольца. Вспышка адского синего огня ослепила ее. Девушка

закричала, закрывая руками лицо от яростного блеска. Не жаром веяло снизу — свирепый свет бил в глаза.

Она почти ничего не видела. Слезы текли по щекам, словно плотная вуаль легла на глаза. Хилле она более не могла разглядеть.

Поводя руками наугад, она нащупала гладкую поверхность второй колонны. Если змейка освободила мужчину, значит, она способна освободить и Яал?.. Исмей прикоснулась браслетом к янтарной тюрьме.

На сей раз результата своих действий она не видела, только слышала треск и стук падающих обломков. Пыль запорошила ей руки и одежду. Кто-то шевельнулся рядом. Чьи-то руки подхватили ее, поддержали, прислонили к чему-то. А потом руки исчезли. Яал шла к столу, Исмей ковыляла следом. Постепенно зрение возвращалось к ней.

Полыхали синие молнии. Чудовище подошло уже к первому ряду колонн, оно раскачивалось из стороны в сторону, ядовитая слюна стекала из пасти. Рука Исмей сжала амулет Гунноры.

Яал подошла к столу, Хилле был уже там. Они стояли лицом друг к другу. Ненависть и злоба мерзко исказили его лицо, губы расплющились в зверином оскале, словно бы за ними таились такие же ядовитые клыки.

Молниеносно рука его сомкнулась на рукоятке ножа. Он полоснул острым лезвием по ладони, кровь хлынула было из раны в подставленную чашу. Но Яал повела пальцем, и рана тут же зарубцевалась. Лишь одна-две капли оказались в чаше.

— Не так, Хилле,— тихо сказала она, но голос этот заглушил и шипение чудовища, и удерживающее его на месте заклинание мужчины.— Даже с помощью своей крови не смеешь ты...

— Мне лучше знать, что я могу, а что нет! — крикнул он.— Я — Хилле, повелитель!

Яал покачала головой.

— По небрежности нашей стал ты повелителем. Кончилось твое время, Хилле!

Не поворачивая головы к Исмей, она протянула к ней правую руку.

— Да грядет змей, — приказала она. Словно бы понимая, что следует делать, Исмей подняла руку и почувствовала, что браслет ожил. Скользнув по руке, змейка взвилась в воздух, упала в подставленную ладонь Яал и вновь молниеносно обхватила ее руку браслетом. Хилле дернулся, чтобы перехватить его, но опоздал.

— Теперь... — Яал подняла руку; свернувшаяся в кольцо браслета змейка жила, голова ее качалась, глаза горели желтым огнем:

Афар, проснись!
Стояла, явись!
Ворам, предстань!
Чашу пролей!
Корни развей!
Чары рассей!
Именем грозным...

Но если имя и было произнесено, оно потонуло в сотрясшем комнату страшном громе. Исмей съежилась и, крича, зажала уши руками.

Чаша на столе бешено закружилась, завертелась, заскакала. Хилле с криком рванулся, чтобы схватить ее. Нож вырвался из его руки и повис прямо перед его носом. Хилле попытался схватить его — нож ускользнул. Вновь и вновь пытался поймать его Хилле, и каждый раз нож, словно бы дразня его, отлетал все дальше. И тут Исмей поняла, что синие молнии погасли, а в заклинании мужчины слышится торжество!

В погоне за ножом Хилле отошел от стола к обломкам двух колонн. И тут только очнулся от овладевших им чар. В резком прыжке, согнувшись, словно мечник в смертельном поединке, обернулся он к ним.

— Нет! — протестующе крикнул он. Словно бы отмахнувшись от болтавшихся над ним чаши и ножа, вытянув вперед руку, неслышно и мягко ступая, шел он вперед, и во взгляде его была столь непомерная злоба, что Исмей отшатнулась назад, за столы. В этот раз он не пытался овладеть своими орудиями зла.

Руки его сомкнулись на кусках необработанного янтаря.

— Еще не все,— взвизгнул он. Схватив янтарь, он рванулся к лестнице. Никто не попытался остановить его. Напротив, Яал направилась к мерзкому столу. Чаша как ни в чем не бывало оказалась на столе, и нож лежал рядом с нею.

Яал внимательно смотрела, выставив руку со змейкой; головка той раскачивалась из стороны в сторону. Яал словно бы вспоминала что-то бесконечно важное. А потом, как будто бы решив судьбу Хилле, она повернулась.

Шум в зале затихал. Исмей огляделась. Решетка, сотканная из лучей, таяла. Чудовище шипело и сопело уже на лестнице. Яал подошла к собрату по несчастью.

— Да будет ум его закрыт для меня. И конец может быть лишь один, мы знали его давно.

Он отвел руку от губ и кивнул:

— Он сделал выбор, и да будут они теперь вместе!

Но Яал с видимым смущением оглядывалась по сторонам.

— Есть ведь еще кое-что,— медленно сказала она.— Не так ли, Брок?

Он поднял голову, словно принюхиваясь, его ноздри жадно втянули воздух.

— Да, она! — Впервые он глянул на Исмей, как на что-то реальное, живое.

Теперь и Яал смотрела на нее.

— Она не связана с ним, она носила змейку на руке. А это иная сила. Чары Хилле — это смерть или жизнь во смерти. А она принадлежит жизни. Что за амулет держишь ты, девушка?

Язык не повиновался Исмей, и она в ответ лишь разжала ладонь, на которой лежал амулет Гунноры. Яал глянула на него и шепнула:

— Ох, как давно ничего подобного не видели стены Куэйта. Покровительство Ратонны... Да, Хилле не хватало только этого.

Речь вернулась к девушке:

— Почему же он просто не отобрал его у меня?

Яал покачала головой.

— Такой знак власти можно только подарить. Если попытаться забрать его силой... Вся власть амулета обратится против насильника. С Ратонной нельзя шутить.

— Но мне незнакомо это имя. Это же амулет Гунноры!

— Что есть имя? — спросила Яал.— Иначе называют одни и те же сущности разные народы. В старину не отворачивала она своего лика от нас и охотно помогала просившим... И если Хилле осмелился бы попытаться использовать ее...

Вмешался Брок:

— Ты знаешь Хилле, он или считает себя всесильным, или пытается перехитрить соперника. Сейчас он думает. Яал, мы не должны давать ему время на это!

— Звезды совершили полный оборот, змей готов к броску. Сомневаюсь, чтобы он сумел сегодня что-то придумать. И все же пробил его час.

Они пошли на лестницу, Исмей увязалась следом: ни за что не осталась бы она в этом дьявольском месте без спутников.

Чудовище зашипело, припав к полу, кровавые глаза его были обращены на идущих. Брок поднял

руку, и в ней оказался меч, темный, как ночь, ни одной искорки не отражалось от него.

Лезвия не было, красно-бурый клинок словно был вырезан из дерева. Но, увидев его, чудовище дрогнуло. Шипя и отплевываясь, отступало оно. Так пришли, они в мастерскую Хилле. Ядовитый и отвратительный дым клубился в воздухе.

В центре, в облицованной камнем яме пылал огонь. Над очагом на перекладине висел гигантский котел, в который Хилле что-то швырял горстями с ближайшей скамьи. Он читал нараспев заклинания и не обращал внимания на вошедших.

— Что у него, в голове помутилось? — спросил Брок. — Ведь должен бы знать он, что теперь ничего у него не получится.

— Нет, получится...— Яал подняла руку. Желтые глаза змеи загорелись, стали расти, расти, слились в огненно-желтый шар, солнцем заблиставший в темной комнате.

Чудовище жалобно забулькало, взвизгнуло...

И бросилось вперед... но не в сторону лестницы, где стояли трое вошедших, а к своему господину. Пламенем .полыхал амулет в ладони Исмей, зеленый огонь потек к яме, затопил ее, но пламя не погасло, языки огня взвились к потолку... Пламя стало зеленым.

Голос Хилле прервался, он взвизгнул, увидев рядом чудовище, попытался отбросить его, но, сцепились в отчаянной схватке, оба они пошатнулись и упали в бурлящий котел.

Сразу же огненный шар погас, зеленое пламя потухло. Жидкость в котле поднялась вдруг до самых краев и спокойно застыла, и под ней ничего не было видно.

Светало. Близился новый день. Исмей привалилась к стене звездчатой башни. И надышаться не могла холодным зимним воздухом после всей мерзкой

вони и дьявольской злобы, царившей в башне черного мага. Чудом перенесла она эту ночь. На какое-то мгновение эта мысль вытеснила все остальное.

Потом ладонь Яал легла на ее руку, оба они стояли рядом с Исмей во дворе замка в предутренних сумерках.

— Как печально изменился Куэйт,— сказала Яал.— Таким он никогда не был и не мог быть раньше!

— Он может вновь измениться,— отрывисто сказал Брок.— Сгинул червь, поедавший его сердцевину. Теперь у нас есть будущее.

«Что же теперь станет со мной? — подумала Исмей. Я не госпожа Куэйта и никогда не была ею. Возвращаться опять в Долину к новым, еще большим, унижениям?»

— Я была женой Хилле,— медленно проговорила она.— И явилась сюда по своей воле, хоть и не знала, какой Хилле на самом деле, но не противилась я судьбе, приведшей меня сюда.

— Чтобы спасти и нас, и себя,— глянул на нее Брок. Сходство его лица с Хилле чем-то глубоко тронуло ее, но чем — она не понимала. Нет... он не был похож на Хилле. Именно таким-то и казался Хилле неопытной девчонке.— И ты не была его женой,— продолжал он,— нет у тебя ничего общего с ним. Если бы это было не так, не смогла бы ты носить змея и встать в эту ночь рядом с нами.

— Не жена Хилле ты, а дочь Ратонны! — словно бы одернула ее Яал.— Причудливы бесчисленные нити судьбы. Мы, люди Куэйта,— Древняя Раса, и знания дают нам такие силы, что невежественный люд считает нас полубогами. Но мы во многом остались людьми. Потому-то изредка встречаются среди нас и такие, как Хилле. Увы, одной мы с ним крови. Хилле хотел повелевать силами, с которыми не следует и соприкасаться.

— Не только этого хотел он,— вступил в разговор Брок.— Он хотел и...

— Меня? Быть может, но более, чем меня, хотел он того, что думал узнать от меня, и тогда, давно, был он силен, очень силен, пусть и не думали мы, что...

— ...как подколодная тварь затаился он? — перебила ее Исмей.

— Почти. Долгим было ожидание наше, дочь Ратонны, пока не пришла сюда ты. Ты говоришь, что не владычица ты в Куэйте, но это не так! Хилле хотел получить от тебя истинный янтарь, на который мог нарастить свой, поддельный, дьявольский! Ведь любая ложь растет из зернышка истины. Он хотел использовать тебя, но не сумел. Радуйся и гордись, дочь Ратонны!

— И добро пожаловать в Куэйт,— добавил Брок,— на этот раз истинно добро пожаловать, не сомневайся!

И более не сомневалась в этом Исмей ни тогда, ни потом. Хоть и удивлялась иногда, осталась ли в ней хоть частичка той Исмей из Аппсдейла, в ней, преображенной волей судьбы. Так ли важно было это?.. Ведь тепла в Куэйте теперь хватало и на нее.

Только никогда более не входила она в заброшенную башню, где в глыбе грубого янтаря человек и чудовище сплелись в бесконечном объятии, как в ту страшную ночь.

История Колдовского Мира

ДРЕВНЯЯ РАСА

Это *первоначальные* или вторые по возрасту жители Колдовского мира (после людей Тора из Торовых топей). По мере того, как росло могущество Древней Расы и в ее среде появились адепты, некоторые из Древних изменились по сути, или были изменены своими прародителями, — так что они уже перестали походить на своих предков-людей.

1. Древняя Раса в Эскоре

Древняя Раса едва не уничтожила сама себя в великой войне древних адептов. Тогда существовало несколько городов и множество усадеб. Адепты стали крупными землевладельцами, и построили множество крепостей и башен. Иные, вроде Лоскиты, просто создавали таким образом убежище для себя — там, где они могли жить среди существ, к которым чувствовали расположение. К тому времени, когда в Эскор прибыла семья Саймона Трегарта, там уже оставалось очень мало представителей Древней расы (чистокровных). Даже люди Долины Зеленого Безмолвия (Зеленого Дола) отчасти смешали свою кровь с кровью других родов. Восстановление Хэй-Харка, вместе с иммиграцией ряда семей из Карстена, помогло оживить Древнюю Расу.

2. Древняя Раса в Эсткарпе

Похоже, большинство представителей Древней Расы Эскора ушло через горы, чтобы осесть в стране, известной ныне как Эсткарп. Многие из них вернулись к своему прежнему образу жизни, создав фермы и ранчо. Но они построили и несколько городов, крупнейшим из которых был Эс. Пожалуй, самым древним из городов Эсткарпа можно считать Лормт, расположенный

поблизости от ныне забытой границы. Постепенно семьи Древней Расы мигрировали на юг, перебрались через горы и осели в землях, позже ставших Карстеном. Древняя Раса в Эсткарпе доброжелательно встретила новых людей, поселившихся в Горме и Карстене, — людей, не имевших в крови дара, и постепенно начавших бояться колдуний.

Именно колдуньи Эсткарпа спасли остатки Древней Расы. Первым великим деянием колдуний было возведение гор между Эсткарпом и Эскором. А при Великом Повороте, уничтожившем армию Пагара, герцога Карстена, выступившую на север, против Эсткарпа, многие из первых колдуний полностью истратили свою Силу. Но они создали Место Мудрости, убежище, где они могли жить в уединении и подготавливать новых колдуний. Старшая из колдуний правила в Эсткарпе как Верховная Владычица, командуя армией солдат, по мере надобности защищавших границы, в то время как колдуньи охраняли народ Эсткарпа от других опасностей.

Согласно «Магическому Камню», который представляет собой совместный труд с Мэри Х. Шауб, Лормт был основан адептами Эскора, постигшими Свет. Там не упоминаются колдуньи, но история, похоже, имеет целью объяснить, как адепты погубили себя в тщетной попытке открыть огромные врата, и таким образом оставили Эсткарп под защитой колдуний. Все это не согласуется с тем, что нам рассказано в «Трое против Колдовского мира», где предполагается, что близкий друг Каттеи узнает всю историю возвышения и падения Эскора и рассказывает ее детям Трегарта.

Колдуньи утверждали, что для того, чтобы владеть Силой, они должны отказаться от физических контактов. Поскольку они тщательно выявляли проявления дара у девушек Древней Расы, это естественным образом привело к тому, что даром перестали владеть люди Эсткарпа. И хотя мужчины Древней Расы тоже могли обладать даром, колдуньи, похоже, подавляли эти проявления в мужчинах Эсткарпа и Карстена, потому что адепты, погубившие Эскор, были в основном мужчинами.

Во время их путешествия через Карстен Саймон и Корис обсуждали историю Древней Расы (насколько Корис ее знал). Вырождение Древней Расы в Карстене ускорилось, поскольку колдуньи сохраняли чистоту рода, в то время как в Эсткарпе Древняя Раса отчасти смешалась с сулкарами, — сулкары оказались единственными в Колдовском Мире, кто мог породить потомство в этих смешанных браках (без вмешательства ма-

гии). Конечно, отпрыски таких семей могли наследовать только кровь сулкаров, но об этом ничего не говорится.

3. Древняя Раса в Арвоне

Так же, как в Эскоре, люди Древней Расы в Арвоне глубоко исследовали возможности Силы, и некоторые из них избрали путь Тьмы, что привело к большим беспорядкам, едва не погубившим людей Древней Расы и их создания. Но до бегства людей Древней Расы из Арвона дело не дошло. В войне были свои выигравшие и проигравшие, и многие из потерпевших поражение были вынуждены отправиться в изгнание, в то время как Четыре Клана сохранили немалую власть над своими землями. Со временем некоторым из полукровок, вроде Всадников-Оборотней, было позволено вернуться, и постепенно в Арвоне стал устанавливаться новый общественный порядок, благодаря которому могущественные существа могли вернуться в свои прежние владения.

СУЛКАР

1. Сулкаркип — единственный город, о котором когда-либо упоминали сулкары. Он был построен с помощью и при благословении колдуний Эсткарпа примерно за сто лет до того, как Саймон Трегарт очутился в Колдовском Мире. Сулкаркип был не просто городом, а крепостью, предназначенной защищать семьи морских торговцев и воинов в дни больших опасностей. Порт мог вместить множество кораблей, на которых обычно и жили сулкары. Сулкаркип был захвачен колдерами и уничтожен сулкарами, не желавшими попасть в руки врага.

Сулкары на своих кораблях пришли из другого мира. Они предпочли бежать от расы пришельцев, открывших ворота в их мир, чтобы избежать некоей катастрофы. Сулкары, видимо, пытались изгнать пришельцев, но те оказались сильнее. Лишь нескольким кораблям с помощью адептов удалось бежать в Колдовской Мир.

2. Морские рейдеры Эскора

Каттея Трегарт увидела сходство этих варваров с союзниками Эсткарпа, сулкарами, когда встретилась с ними на далеком восточном побережье Эскора. Сулкары поначалу проникли в Колдовской Мир через врата в дальних северных морях, но, похоже, отдельные их группы растеряли друг друга. Морские

рейдеры Эскора были куда примитивнее и воинственнее людей Магнуса Осберика, и при этом едва ли вообще обладали технологией Сулкаркипа.

Поскольку было совершенно неизвестно, откуда взялись эти морские разбойники, или какое они могут иметь отношение к сулкарам, можно предположить, что они произошли от тех, кто был изгнан из общества сулкаров, или же когда-то был унесен штормом и не сумел отыскать путь обратно,— конечно, это должно было случиться давно, когда в Колдовском Мире жило лишь первое или второе поколение сулкаров, проникших сюда через врата.

СОКОЛЬНИЧЬИ

1. Люди Сальзарата

Эта раса тоже пришла в Колдовской Мир через некие врата, убегая от опасности. Они основали город или страну Сальзарат, где адепт или почти адепт, женщина, обладающая огромной Силой, поработила всех их. Некий мужчина сумел остановить действие ее чар на достаточно долгое время, и сокольничьи заточили эту женщину в темницу и бежали, оставив многих своих соратников под властью колдовства. Из страха перед женщиной-адептом сокольничьи превратили своих собственных женщин в рабынь, годных лишь для произведения потомства.

2. Соколиное Гнездо и женские деревни (буквально — «деревни размножения»)

Спасшиеся из Сальзарата бежали на кораблях сулкаров и осели в горах между Эсткарпом и Карстеном. Их женщины и дети поселились в надежно охраняемых деревнях. Каждый год тщательно отобранные мужчины отправлялись из крепости сокольничьих, Соколиного Гнезда, в эти деревни, чтобы зачать потомство, но они не могли за такое короткое время привязаться к женщинам. Дети, рожденные после этих встреч, тщательно обследовались, и если у них находили какие-то дефекты, их убивали. Когда мальчики подрастали, их забирали у матерей и растили в Соколином Гнезде, огромном сооружении внутри горы. Сокольничьи куда больше были привязаны к своим охотничьим птицам, чем к своим женщинам. Тем не менее, они заключили договор с колдуньями Эсткарпа, и охраняли границы Эсткарпа, защищая колдуний от угрозы со стороны не владеющих магией врагов.

3. Сокольничьи в Верхнем Холлеке

После Великого Поворота, в результате которого между Эсткарпом и Карстеном встали горы, уничтожившие армию Пагара, сокольничьи вновь превратились в беженцев.

Общественный порядок в Эсткарпе рухнул из-за того, что колдуньи потеряли политическую власть и возникла угроза общественному строю сокольничьих. Часть их поселилась в Верхнем Холлеке, смешавшись с людьми из двух долин, которым угрожали их соседи. В результате смешения крови и культур возникла новая общность, и сокольничим пришлось пересмотреть их прежние страхи и предубеждения.

ЛЮДИ (ЖИТЕЛИ) ДОЛИН, ВЕРХНИЙ ХОЛЛЕК

Люди Долин попали в Колдовской Мир через свои врата. Они явились целыми кланами, и им предшествовали воины, именуемые Братством Меча. Кланы некоторое время продвигались вдоль побережья на север, удаляясь от ворот, сквозь которые они прошли, и от всей горечи прошлой жизни. Братство Меча (в которое входило и несколько женщин) изучило Долины, составив карты и отметив районы, показавшиеся опасными,— в основном это были места, где располагались развалины поселений людей Арвона. Кланы договорились о разделе земель, но результат раздела удовлетворил не всех. Некоторые семьи стали обмениваться с другими. Кое-кто получил те участки, которые вполне соответствовали их нуждам.

Когда люди Долин устроились на новом месте, они построили города и монастыри. Их вера была сосредоточена на Свете, чем бы он ни был. Но постепенно эта вера смешалась с другими верованиями, так что лишь настоятельницы монастырей хранили старую традицию. «Язычество», должно быть, просачивалось благодаря тем познаниям, которые добывались в развалинах поселений Древней Расы, или благодаря встречам с представителями этой Расы.

1. Северные Долины

2. Южные Долины

3. Торговые города

Существовало по меньшей мере пять или шесть торговых городов, и три, видимо, располагались на побережье: Хэндельсбург, Веннеспорт и Джорби. Комм-Хай был торговым центром на севе-

ре Верхнего Холлека, неподалеку от Нордендейла, и, возможно, рядом с Гриммердейлом. Тревампер был городом на острове, неподалеку от Джорби (который также называли Джурби).

4. Монастыри.

Один из монастырей находился в Литендейле. Был также монастырь Норстед, расположенный на севере Верхнего Холлека. Настоятельница Вирта говорит Элис, что когда-то она служила в Доме Дважды Рожденной Кансы, но не упоминает название местности. Монастыри служили убежищем для жен и дочерей лордов Долин, — тех, что выжили после вторжения Ализона.

Настоятельница Вирта сказала Элис: «Еще Дважды Рожденная Канса в свое время обладала Древним Знанием, и ее дочери тоже, хотя теперь они находятся в разных монастырях».

ПРОЧИЕ

1. Охотничьи (Гончие) Псы Ализона

Охотничьи Псы пришли в Колдовской Мир через врата, как и другие расы. Очевидно, их общественный строй походил на собачью стаю, если говорить о детях одних родителей как о детенышах одного собачьего помета, и их обычаи и структура семьи в своей основе были похожи на собачьи.

Из «Магического Камня» мы знаем, что ализонцы состояли в кланах, а управляли ими бароны, выбиравшие из своей среды Барона-Лорда, который председательствовал на советах и в той или иной мере правил всем народом. Каждый из баронов растил собственных охотничьих собак и уделял им большое внимание. Ализонцы тщательно следили за своим происхождением, и семьи (стаи) группировались по линиям, ведущим начало от тех, кто пришел с исконной родины (где, предположительно, осталась бóльшая часть расы, которой предстояло пережить эпоху оледенения).

Одна из семей, род Кревонеля, на деле происходила от адепта Эскора, Эльсенара, и через его потомков ализонцы оказались генетически связанными с Древней Расой. Кое-кто из них унаследовал дар Эльсенара, хотя дар этот и дремал в течение многих поколений.

2. Люди Тора из Торовых топей

Это, возможно, старейшие обитатели земель к западу от Эскора, если не самые древние жители всего Колдовского Мира.

3. Люди Горма и Карстена

Корис из Горма рассказывал Саймону Трегарту, что его народ пересек моря, чтобы поселиться на побережье, уже после того, как Древняя Раса основала то, что позже стало Эсткарпом. Упоминается и другая страна, Вар, — к югу от Карстена.

Древняя Раса Карстена ушла к востоку, к горам, не столько из-за конфликта со вновь пришедшими людьми, сколько из нежелания иметь с ними дело. Через века среди карстенцев появились полководцы, сражавшиеся друг с другом до тех пор, пока не было наконец создано герцогство, возможно, благодаря победе одного из военачальников. Сила герцогов пошла на убыль из-за того, что стало расти могущество военачальников, либо уже завоевавших автономию, либо приближавшихся к этому.

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ИСТОРИИ КОЛДОВСКОГО МИРА

Эскор, Эсткарп, Карстен, Горм, Ализон, Сальзарат, Тор

1. Золотой Век Эскора.
2. Эльсенар и Шоррош доставляют Ализ на вересковые пустоши на северо-западе Эскора.
3. Война адептов.
4. На западной границе Эскора заложен Лормт.
5. Поражение Древней Расы.
6. Бегство Древней Расы.
7. Возведение горного хребта между Эсткарпом и Эскором.
8. Адепты Света уничтожают себя в Лормте.
9. Колдуньи основывают Эсткарп.
10. В Эсткарпе основан город Эс.
11. Поселенцы из Эсткарпа переходят через южные горы и основывают Карстен.
12. В Эсткарп приходят первые корабли Сулкара.
13. Варвары создают королевство на острове Горм.
14. Варвары селятся вдоль побережий Карстена и Вара.
15. Герцоги варваров завладевают Карстеном.
16. Построен Сулкаркип — на северном берегу полуострова между Эсткарпом и Карстеном.
17. Сокольничьи покидают Сальзарат (далеко на юге) и устраиваются в Соколином Гнезде, находящемся в горах между Эсткарпом и Карстеном.
18. В Колдовском Мире впервые появляются колдеры.

19. Хильдер становится лордом Горма.
20. Рождается Корис, сын Хильдера, — наполовину тор.
21. Хильдер женится на Орне.
22. Рождается Урьян, сын Хильдера и Орны.
23. Ивьян, герцог Карстена, объединяет силы.
24. Смерть Хильдера.
25. По призыву Урьяна колдеры вторгаются в Горм. Бегство Кориса.
26. Колдеры строят город Айль — на южном берегу полуострова между Эсткарпом и Карстеном.
27. Колдеры нападают на Эсткарп. Корис принимает командование над Гвардией. Ализон атакует Эсткарп.
28. В Колдовской Мир является Саймон Трегарт.

Арвон, Верхний Холлек

1. Золотой век Арвона.
2. Война адептов.
3. Малерон, маркграф Хайтса, вызван своей единокровной сестрой Сильвией, которая доказала, что он избрал темный путь. Начинается рост горных хребтов.
4. Четыре Клана захватывают власть над Арвоном.
5. «Средние» существа, включая Всадников-оборотней, изгнаны из Арвона.
6. Древняя Раса уходит с побережий, кроме Куэйта.
7. Люди Долин приходят в Колдовской Мир и основывают Верхний Холлек.
8. Приходят первые корабли сулкаров.
9. Ализон нападает на Верхний Холлек.
10. Труан и Альмондия, беженцы из Эсткарпа, поселяются в Верхнем Холлеке.
11. Четыре Лорда объединяют силы юга Верхнего Холлека.
12. Четыре Лорда призывают бывших Всадников на войну с Ализоном.
13. Ализон перестает получать помощь от колдеров.

ОСОБЫЕ ГОДЫ В ИСТОРИИ КОЛДОВСКОГО МИРА

1. Синерогий Баран

Упоминание: «Магический камень».

Год рождения Мерета, за 70 лет до года Рогатой Гончей.

2. Плюющаяся Жаба

Упоминание: «Хрустальный Грифон».

В этом году Керован и Джойсана обручились на топоре. Возможно, в этом году родилась Джиллан.

3. Саламандра

Упоминание: «Заклятье Колдовского Мира».

Труан и Альмондия прибыли в Варк (Верхний Холлек) после побега из Эсткарпа на корабле сулкаров. Это произошло через три года после года Плюющейся Жабы.

4. Морской Змей

Упоминание: «Заклятье Колдовского Мира».

Рождение у Труана и Альмондии близнецов, Элина и Элис.

Этот год следует за годом Саламандры.

5. Коронованный Лебедь

Упоминание: «Хрустальный Грифон».

Этого год наступил через три года после Года Морского Змея, отмечая 14-й год жизни Джойсаны. Восстает единокровный брат Пагара из Джина (ныне герцога Карстена).

6. Мшанка

Этот год следует за Годом Коронованного Лебедя.

7. Огненный Тролль

Упоминание: «Хрустальный Грифон».

Этот год следует за годом Моховой Женщины. В этом году Ализон нападает на Верхний Холлек.

8. Леопард

Упоминание: «Год Единорога».

Фриза и Джиллан добираются до монастыря Норстед. Этот год наступает через три года после года Огненного Тролля.

9. Грифон

Упоминание: «Хрустальный Грифон».

Битва за форт Ингра в Верхнем Холлеке, — в этом сражении люди Долин были разбиты ализонцами. Взяты Итдейл и Ульмсдейл. Этот год наступает через два года после года Леопарда.

10. Огненный Селезень

Упоминание: «Трое против Колдовского Мира».

Пагар покоряет Карстен. Битва за Милосердный перевал в Верхнем Холлеке,— и в ней гибнет Дом Нордендейл. Ализон прекращает снабжение своих сил в Верхнем Холлеке. Этот год наступает через два или три года после года Грифона.

11. Шершень

Упоминание: «Год Единорога».

Война в Верхнем Холлеке заканчивается. Этот год наступает, видимо, через два года после года Огненного Селезня.

12. Единорог

Упоминание: «Год Единорога».

Джиллан и еще двенадцать девушек Долин становятся невестами Всадников-оборотней и отправляются с ними в Арвон. Колдуньи из Эсткарпа забирают к себе Каттею. Этот год следует за годом Шершня.

13. Красный Хряк

Упоминание: «Оборотень».

Этот год наступает через два года (или больше) после года Единорога. В этом году родились Кетан и Айлинн, и были подменены Урсиллой в Храме Нив.

14. Ведьма

Упоминание: «Оборотень».

15. Химера

Упоминание: «Оборотень».

16. Гарпия

Упоминание: «Оборотень».

17. Дельфин

Упоминание: «Оборотень»

18. Оборотень

Упоминание: «Оборотень».

Кетан говорит: «Я как раз подошел к возрасту возмужания, мое отрочество кончилось. Это тоже было в год Оборотня...»

Похоже, ему тогда было от двенадцати до шестнадцати лет.

19. Рогатый Кот
Упоминание: «Оборотень».
Этот год следует за годом Оборотня.

20. Гном
По свидетельству Мерет («Магический Камень»), это был год Великого Поворота, за два года до года Рогатой Гончей.

21. Рогатая Гончая
«Магический Камень» начинается именно в этом году.

22. Ведьма
Следует за годом Рогатой Гончей.

КАЛЕНДАРЬ КОЛДОВСКОГО МИРА

В «Магическом Камне», написанном совместно с Мэри Х. Шауб, упомянуты месяц Огненного Торна (по календарю Долин), а также месяц Махровой Фиалки и месяц Ивового Карпа. Есть также упоминание о месяце Ободранного Дерева (за два месяца до Огненного Торна). В целом похоже, что существуют два календаря, один в Эскоре-Эсткарпе, второй — в Долинах (возможно, включая Арвон).

ГОДЫ ПО ПОРЯДКУ — В СООТВЕТСТВИИ С ОСНОВАНИЕМ ЭСТКАРПА

Подсчет приблизительный. Хронология Ализона начинается с *Предательства*, — видимо, это тот момент, когда Эльсенар закрыл ворота.

Приблизительно — 45: Эльсенар и Шоррош открыли ворота в Ализ. Основан Ализон.
1: Основан Эсткарп.
725: Герцоги варваров захватывают Карстен.
860: Построен Сулкаркип.
878: Сокольничьи основывают Соколиное Гнездо.
968: Ивьян становится герцогом Карстена.
978: Саймон Трегарт приходит в Колдовской Мир. Разрушен Сулкаркип. Смерть Ивьяна.

979: Саймон женится на колдунье Джелите. Они уничтожают колдеров.

980: Рождение Киллана, Кемока и Каттеи Трегарт. Пагар из Джина наносит поражение объединившимся лордам Карстена.

981: Пагар становится герцогом Карстена и предпринимает приграничные набеги на Эсткарп. Хосторвул ведет 20 кораблей сулкаров вверх по реке и нападает на Карс.

982: Единокровный брат Пагара восстает.

986: Киллан и Кемок начинают обучаться воинскому делу.

992: После массированного нападения Карстена на Эсткарп (пятью соединениями) Киллан и Кемок присоединяются к Хранителям Границ.

994: Саймон и Джелита пропадают в море.

997: Киллан и Кемок сражаются на перевале. Каттею забирают колдуньи.

999: Кемок ранен и уходит с границы. Он отправляется в Лормт.

1000: Великая Перемена. Многие колдуньи Эсткарпа умерли. Киллан, Кемок и Каттея являются в Эскор.

1001: Эсткарп прекращает войну с Карстеном и Ализоном.

1002: Саймон, Джелита, Каттея и Хиларион возвращаются в Колдовской Мир.

АРВОН, ВЕРХНИЙ ХОЛЛЕК

966: Рождение Керована, сына Ульрика, лорда Ульмсдейла.

968: Рождение Джойсаны, дочери лорда Итдейла.

975: Джойсана и Керован обручаются на топоре.

978: Труан и Альмондия прибывают в Варк.

979: Рождение Элина и Элис.

982: Четырнадцатый день рождения Джойсаны.

984: Ализон вторгается в Верхний Холлек.

987: Джиллан и Фриза прибывают в монастырь Норстед.

989: Битва за форт Ингра. Ульмсдейл и Итдейл опустошены.

993: Сражение на Милосердном перевале. Ализон прекращает снабжение сил, вторгшихся в Верхний Холлек.

995: Конец войны в Верхнем Холлеке.

996: Всадники-оборотни забирают своих невест и возвращаются в Арвон.

АДЕПТЫ КОЛДОВСКОГО МИРА

В «Трое против Колдовского Мира» сказано, что Древней Расе предшествовали более древние и сильные существа, и что они практически были равны богам Колдовского Мира, — в том смысле, что они были могущественнее Мастера адептов и тех адептов, которые в своих войнах едва не погубили Колдовской Мир.

АДЕПТЫ ЭСКОРА

1. Алон

Алон возникает перед нами в «Берегись ястреба»: там ему двенадцать, и он блуждает по Эскору в поисках судьбы, пока не встречается с Хиларионом и Каттеей, которые начинают воспитывать его и от которых он узнает о Силе столько, что к восемнадцати годам становится полным адептом («Сказительница»).

2. Эльсенар

Эльсенар вместе с Шорошем привел Ализ в Колдовской Мир, чтобы сохранить их расу, но он слишком поздно обнаружил, что Шоррош был адептом Тьмы, желавшим использовать их в своих целях. Хотя он запечатал ворота в родной мир Ализ, Эльсенар не сумел полностью объяснить им роль Шорроша, и они постепенно стали смертельными врагами Древней Расы, несмотря на то, что среди их баронов были потомки Кревонеля. Кревонель был сыном Эльсенара и знатной ализонки, Килайны. Эльсенар, похоже, оказался последним Мастером адептов Эскора, жившим в Эсткарпе. Но его там не было, когда другие погубили себя в попытке открыть широкие врата в Лормте.

3. Хиларион

Хиларион был тем самым адептом, который открыл врата в своей крепости на восточном побережье моря и прошел через них. Его захватил в плен и использовал как источник силы некий Зандур — человек, принадлежавший к расе, связанной с колдерами. Зандур участвовал в древней войне, опустошившей его мир и чуть не приведшей к полной гибели его собственной расы. Хилариона спасла Каттея Трегарт, вместе с которой (а также с Саймоном и Джелит) он через свои врата вернулся в Эскор. Узнав о том, что Эскор разрушен, Хиларион помог Трегартам и

их союзникам уничтожить большую часть зла, все еще державшего Эскор под своей властью. После этого Хиларион и Каттея устроились в его крепости, где со временем вырастили Алона и научили его путям Силы.

4. Ючар, дух Хэй-Харка

В «Трех мечах» Урик и Йонан воззвали к этой древней Силе, чтобы развернуть время,— им нужно было вернуться назад, к моменту проигранной битвы за Хэй-Харк, и сразиться с Тарги, судьбой Урика.

5. Лоскита, охранительница Мшанок

Лоскита была то ли той, кто создал Мшанок, или, возможно, одной из них, овладевшей Силой и ставшей достаточно могущественной, чтобы защитить этих созданий от слуг Тьмы в Эскоре. Она помогла Кемоку Трегарту в поисках Каттеи после того, как ту забрал в Темную Башню Динзил — «Чародей Колдовского Мира».

6. Нинутра, Госпожа Огня

Нинутра была первым адептом, открывшим врата в другой мир и покинувшим Эскор, но она каким-то образом сохранила связь с Эскором через некую усыпальницу или храм, посвященный ею ей же самой. Лайдан называла ее «Госпожа Огня», но она ассоциируется с птицами. Нинутра то ли сама согласилась, то ли была призвана служить Крите, девушке Древней Расы из Карстена.

7. Шоррош

Шоррош начал понемногу осваивать методы Тьмы еще до того, как он и Эльсенар открыли ворота, чтобы спасти Ализ, чей мир был погублен оледенением. Шоррош, очевидно, заключил союз с другими адептами Тьмы из Эскора, погубившими Древнюю Расу, и их союзниками,— на время недолгой, стремительной кампании, в результате которой все оставшиеся в живых «добрые люди» Эскора бежали на запад. Самого Шорроша поймал в ловушку Эльсенар (в Ализе), после того как этот последний адепт узнал о подлинной натуре Шорроша.

8. Ситри

Я не совсем уверен в том, что это имя адепта. Кемок Трегарт нашел в подземной пещере его меч, и оказавшийся весьма мощным талисманом Света. Орсия из Крогана обладала рогом едино-

рога из хранилища Ситри. Ситри, похоже, был одним из тех, кто в древности открывал врата, и кто сохранил какую-то связь с Эскором — достаточную для того, чтобы не раз помочь Кемоку.

9. Вольт, учитель людей

Вольт, видимо, был одним из тех более древних существ, которые учили Древнюю Расу. Он явно был радушно принят варварами, осевшими на морских побережьях, и даровал им и защиту, и мудрость. Корис из Горма, Саймон Трегарт и несколько сулкаров и солдат Эсткарпа нашли останки Вольта (похоже, до тех пор охранявшиеся его духом), — в пещере в Верлейне. Корис взял огромный топор Вольта и много лет использовал его в сражениях. Вольту явно поклонялись жители Торовых топей, и, должно быть, с ними он был связан куда сильнее, чем с другими людьми.

ЭСКОР

Хотя эта страница по замыслу посвящена адептам, было еще и несколько воинов, достаточно сильных и храбрых, чтобы бросить вызов адептам. Были также второстепенные маги, никогда не достигавшие того уровня Силы, которым обладали адепты. Этот список невелик.

1. Динзил

Динзил — отпрыск одного из немногих кланов Древней Расы, которые остались в Эскоре. Динзила обучал некий адепт или почти адепт, сохранивший верность Свету и желавший лишь защищать свой народ. Но Динзил сознательно разыскал тех, кто владел темной Силой и учился у них, желая стать адептом и мастером великой Силы. Динзил и его союзники были уничтожены, когда Кемок Трегарт призвал Ситри.

2. Лайдан

Лайдан была проявлением Тьмы, созданным Тарги с помощниками. У нее было некое убежище, где она могла прятаться, — но когда Тарги была убита Уриком и Йонаном, Лайдан стала слабеть. Со временем ее одолела Нинутра.

3. Тарги

Тарги, видимо, был военачальником древнего Эскора, приблизившимся к уровню адепта во владении Силой. Он руководил

или направлял нападение на Хэй-Харк, при котором Урик был взят в плен, а Толар смертельно ранен. Тарги не сумел предотвратить смерть собственного тела, но его дух жил в сохранившемся сердце, пока Урик и Йонан не вернулись для нового сражения. Тарги вторично потерпел поражение, Урик убил его.

4. Толар

Толар был военачальником Эскора, связанным с Уриком. Он также был обладателем Ледяного Жала,— одного из четырех великих оружий, служивших Свету в древних битвах Эскора. Но Ледяное Жало изменилось от неправильного употребления и стало служить дурным предзнаменованием. Толар был смертельно ранен в битве за Хэй-Харк, и, сопротивляясь смерти, в последнем усилии сломал лезвие Ледяного Жала, чтобы оно не могло быть использовано слугами Тьмы. Дух Толара, похоже, был связан с Йонаном, наполовину сулкаром, наполовину представителем Древней Расы, воином Карстена, пришедшим в Эскор как солдат на службе Херона,— это был первый глава клана Древней Расы, последовавший на восток за Килланом Трегартом.

5. Урик

Урик говорил Киллану, что когда-то он был «главой города: я вверг эти области в войну». Он, похоже, был лидером Братства Хэй-Харка, города-крепости Эскора, противостоявшего адептам Тьмы до тех пор, пока не был разрушен холм, на котором стоял Хэй-Харк. Урик упоминает о «Знаменах Эрка» и «Знаменах Эфта», когда говорит о союзниках, так же, как и о силах Клингхельда,— видимо, это те, кто откликнулся на его призыв защитить эти земли. Топор Урика назывался «Крушитель Шлемов», и он был способен отбивать вспышки Силы, которую Тарги использовал в сражении.

АДЕПТЫ АРВОНА

1. Марелон

Марелон был маркграфом Хайтса в Арвоне, видимо, перед или во время великой войны адептов. Он свернул на пути Тьмы, и когда ему бросила вызов его единокровная сестра Сильвия, попытался убить ее, чтобы скрыть свой проступок. Он вызвал из другого мира четырех гончих, чтобы преследовать Сильвию, но Сильвия обратилась к Нив за защитой. Марелон, его гончие и Сильвия

стали Теми, Которые Перешли Горы, и возвращались в свою крепость Кар Ре Доган каждую ночь, даже когда их семья исчезла, а сама крепость превратилась в руины. Со временем Марелона освободил от чар Нив шаман по имени Найду из кайогов. После того, как Ландисл убедил Марелона в том, что тот подпал под влияние зла, Марелон добровольно сдался Гвардейцам, и мирно умер, избежав окончательного падения.

2. Ландисл

Ландисл был одним из «Небесных» адептов, состоявших в некоем родстве с крылатыми существами. Ему служил грифон Телфер. Вместе с Матром, Йоэром и Рлленом Ландисл однажды сумел победить адепта Тьмы Галкура, однако Галкур, похоже, не погиб, зато Ландисл был погружен в Долгий Сон, от которого его пробудили Керован и Джойсана. Во время сна Ландисл обнаружил и изменил чары Галкура, что привело к созданию Керована, нерожденного ребенка. После финальной схватки с Галкуром Ландисл ушел через свои врата, но сохранил некую связь с Керованом, который отчасти был его духовным (и физическим) сыном.

Ландисл по материнской линии как-то сродни Сильвии, единокровной сестре Марелона.

3. Нивор

Нивор, видимо, является одним из последних оставшихся в живых адептов Арвона, тайно странствовавшим по разным краям после великой войны и присматривавшим за порядком, и, возможно, служившим советником выживших адептов и глав кланов, — в его намерения входило сохранение некоего равновесия между наличествующими силами. Свою подлинную силу он проявил в последней схватке с Галкуром.

4. Матр

Один из «Небесных», который помог в первом поражении Галкура; но ко времени пробуждения Ландисла он то ли уже умер, то ли находился очень далеко от Арвона, так что призвать адепта на помощь не удалось.

5. Йоер

Тоже из «Небесных», и тоже в первой схватке участвовал в поражении Галкура, но ко времени пробуждения Ландисла он то ли умер, то ли находился слишком далеко от Арвона, и призыва не услышал.

6. Ррлен

Один из «Небесных», помогших нанести поражение Галкуру, и тоже ко времени пробуждения Ландисла то ли умерший, то ли бывший вдали от Арвона.

7. Гуннора

Гуннора, наверное, была одной из наиболее могущественных среди адептов Арвона (и Эскора). Ее почитали как божество, и она явно могла взаимодействовать с людьми, призывавшими ее через века, и помогать им. Она была очень чувственной и преданной жизни, действуя ради сохранения всего живого. Мы встречаемся с Гуннорой в «Рогатом Венце», но она упоминается и во многих других историях.

8. Нив

Нив была другим чрезвычайно могущественным адептом, и, как и Гуннора, посвятила себя жизни.

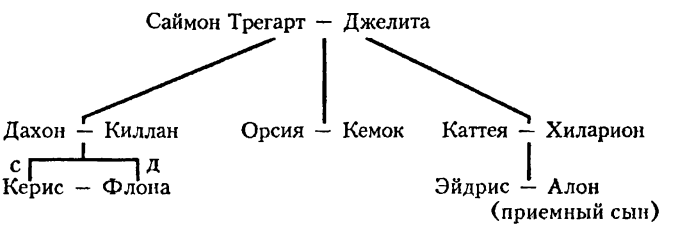
В Арвоне был храм Нив, куда женщины могли прийти рожать, если боялись трудных родов. Похоже, Нив в последующие века поклонялись как богине (как и Гунноре).

9. Галкур

Возможно, это один из наиболее сильных адептов Тьмы. Во время войны адептов Галкур потерпел поражение от «Небесных», но не был уничтожен, и, похоже, должен был получить нечто вроде платы за это по условиям некоего Закона, признанного адептами. Восстанавливая свои силы, Галкур заключал сделку с матерью Керована, Тефаной из Палтендейла,— она надеялась благодаря этому договору обрести большую Силу, а Галкур рассчитывал приобрести инструмент, нужный для его собственных целей. Но Ландисл, несмотря на то, что был погружен в Долгий Сон, раскрыл план Галкура и изменил его. Годом позже, когда Галкур попытался заявить права на Керована, Ландисл и Нивор вмешались и в последний раз сразились с Галкуром, явно уничтожив его в титанической буре Первичной Силы.

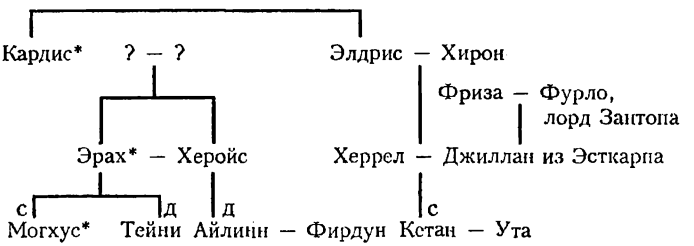
ГЕНЕАЛОГИЯ

Род Трегарта



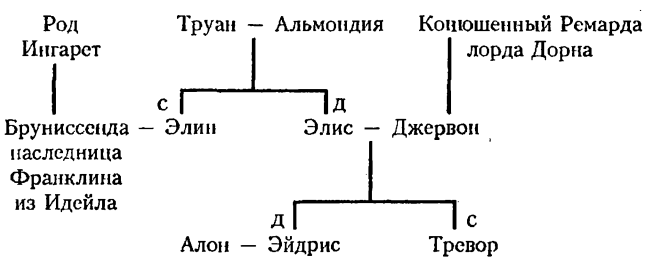
Семьи Верлейна и Горма

Потомки Госпожи Элдрис
из Кар До Праун клана Красных Плащей из Арвона

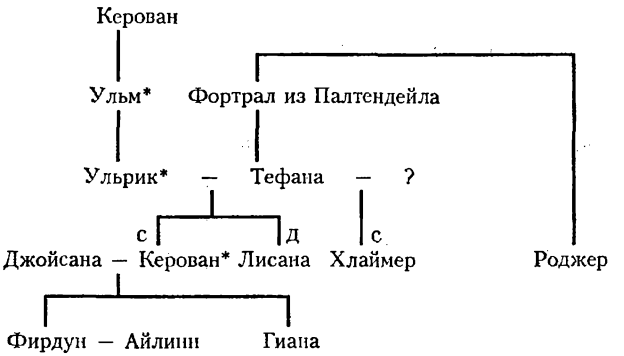


* Упомянутые лорды Кар До Праун из клана Красных Плащей

Наследники Труана и Альмондии,
бежавшие из Эсткарпа

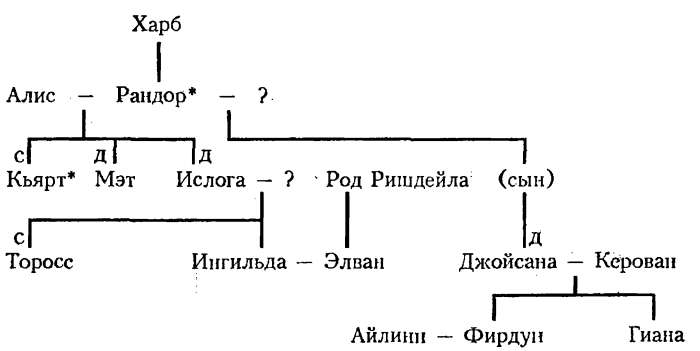


Дом Ульмсдейл



* Упомянутые законные лорды Ульмсдейла

Дом Харба, лорды Итдейла



* Упомянутые законные лорды Итдейла

ГЛОССАРИЙ

Алвин
Житель долин из Верхнего Холлека. Сын Алвина и Мартины, родившийся после того, как Мартина и другие бежали из разрушенного Итдейла («Хрустальный Грифон»).

Алдит
Женщина из Верхнего Холлека. Она была одной из невест Всадников-Оборотней, происходила из семьи с юга. Ее фамильным гербом была саламандра, извивающаяся среди языков пламени («Год Единорога»).

Алдис
Женщина из Карстена. Возлюбленная Ивьяна. Она пыталась оказать помощь Мудрым, чтобы обеспечить себе верность Ивьяна после его венчания на топоре, но стала при этом марионеткой в руках Джелиты. Она превратилась в агента Колдера, и, сбежав из замка Карса с Лойз, организовала всеобщий хаос, ловко пустив слух, что кто-то из доверенных лиц герцога Ивьяна — предатель («Колдовской Мир», «Паутина Колдовского Мира»).

Ализ
Главный порт и город Ализона, столицы государства («Колдовской Мир», «Магический Камень», «Стража Колдовского Мира»).

Ализон
Страна на севере Эсткарпа, находящаяся на западном побережье. Холодная и суровая земля. Ализонцы были приведены через

ворота двумя адептами Эскора, обнаружившими, что их собственный мир близок к гибели. Общество ализонцев организовано на манер стай их злобных гончих собак. Ализонская знать — люди, склонные к зависти и интригам; после того, как ворота закрылись (прежде, чем сквозь них успели пройти все), ализонцы стали сторониться тех, кто владеет Силой. Они начали войну с Эсткарпом, объединившись с колдерами. Используя машины колдеров, ализонцы вторглись в Верхний Холлек,— но когда они начали проигрывать в войне с Эсткарпом, им пришлось бросить на произвол судьбы экспедиционные силы. Потомок Эльсенара, один из адептов, приведших ализонцев в Колдовской Мир, сумел установить контакт с Эсткарпом через Лормт и начал налаживать ситуацию. Ализ — крупнейший город Ализона, одновременно и столица, и морской порт («Колдовской Мир», «Магический Камень», «Стража Колдовского Мира» и другие книги).

Алис

Женщина из Верхнего Холлека, жена Рэндора. Она родила ему четверых детей, первый из которых оказался мертворожденным. Кьярт — их второй ребенок, Мэт — третий, четвертая — Ислога («Хрустальный Грифон»).

Алавин

Моряк, служащий на «Рассекающем волны» («Паутина Колдовского Мира»).

Алоузан

Женщина из Верхнего Холлека, госпожа Норстеда. Она обладала даром исцеления и знанием трав («Год Единорога», «Хрустальный Грифон»).

Ангарл

Человек из Верхнего Холлека. Он был воином из долины Торосса, и пришел в Итдейл с Тороссом, Ислогой и Ингильдой («Хрустальный Грифон»).

Аннет

Женщина долин из Верхнего Холлека, жена Джиреда. Она была дочерью Уриана из Лангсдейла. После войны с Ализоном Аннет стала владычицей имения Джиреда в Аппсдейле, заменив его сестру Исмей, которой явно завидовала. Аннет не умела выращивать травы («Заклятье Колдовского Мира»).

Ан-Як
Владение Зарстора в большем Арвоне, проклятое Бэйном. Когда Бриксия превратила Бэйн в талисман силы, освободив духи Зарстора и Элдора, Марбон уничтожил проклятие, и бывшие земли Ан-Яка возродились («Сокровище Зарстора»).

Аппсдейл
Долина на севере Верхнего Холлека. За сорок лет до войны с Ализоном в Аппсдейле были разработки янтаря, но их закрыло оползнем. Рудник затем вошел в наследство дочерей Дома Аппсдейла, хотя, казалось, он уже не представлял ценности. Хилле Узурпатор (из Куэйта) женился на Исмэй и снова открыл рудник. См. также Сарвон, Исмей, Хилле, Куэйт, Лангсдейл («Заклятье Колдовского Мира»).

Арнар
Человек из Верхнего Холлека. Старший сын Бросона, кузнец Гхилла («Заклятье Колдовского Мира»).

Арчан
Человек из Верхнего Холлека. Помощник Кьярта в Итдейле. Он создал изображение Джойсаны, которое было послано Керовану («Хрустальный Грифон»).

Беженцы из Арвона
Представители Древней Расы, высланные из Арвона после Великой Битвы, в результате которой в исконных землях Древней Расы был восстановлен мир. Многие из беженцев перебрались в Варк, но некоторые задержались рядом с морем, в развалинах Мест Древних, где жили арвонцы до того, как отыскали Путь Памяти назад, в Арвон. Кое-кто из беженцев вступил в брак (или хотя бы просто завязал дружеские отношения) с людьми Долин Верхнего Холлека («Хрустальный Грифон», «Год Единорога», «Оборотень»).

Бертора
Женщина из Карстена. Агент колдеров в Карсе, заманившая Лойз в ловушку, расставленную колдерами («Паутина Колдовского Мира»).

Бетрис
Женщина из Карстена. Возлюбленная Фалька. Она, похоже, явилась с побережья Верлейна, и рыскала в поисках об-

ломков кораблекрушений, пока не обратила на себя внимания Фалька и не попала к нему в постель («Колдовской Мир»).

Болдре
Город в Верхнем Холлеке, возможно, управляемый Вескисом, до войны с Ализоном («Заклятье Колдовского Мира»).

Борстал
Человек из Верхнего Холлека, лесничий Итдейла. Он вывел из долины одну группу выживших («Хрустальный Грифон»).

Брайант
Имя, которое взяла Лойз во время побега из Верлейна; она изображала из себя наемника («Колдовской Мир»).

Братство
Религиозная организация в Карстене. Сирик явно состоял в ней («Колдовской Мир»).

Бриксия
Женщина из Верхнего Холлека. Из рода Торгуса, на юге Верхнего Холлека; Бриксия избежала гибели во время войны с Ализоном. Мать Бриксии умерла во время родов, а ее отец погиб в одном из первых сражений в войне с Ализоном («Сокровище Зарстора»).

Брок
Человек Древней Расы, лорд Куэйта. Брок был свергнут и взят в плен Хилле Узурпатором. Исмей освободила Брока и Яал, его даму, и они вернули Куэйту прежнюю красоту. Брок пригласил Исмэй остаться с ним и Яал, когда Хилле был разбит («Заклятье Колдовского Мира»).

Бросон
Житель Долин, из Верхнего Холлека. Он был кузнецом в Гхилле во времена Вескуса («Заклятье Колдовского Мира»).

Валдис
Человек Древней Расы, из Карстена. В юности он служил в доме Ингвальда, затем бежал из Карстена и стал пограничником под командой Саймона Трегарта. Он вместе с Саймоном Трегартом и Корисом отправился на Горм, спасать Лойз («Колдовской Мир», «Паутина Колдовского Мира»).

Варк
Долина Верхнего Холлека, расположенная на побережье и подчиненная Вестдейлу. Труан и Альмондия поселились там после бегства из Эсткарпа («Заклятье Колдовского Мира»).

Вар
Владение Элдора, расположенное в землях, покинутых Арвоном и ставших частью Пустыни («Проклятие Зарстора»).

Васскот-Кип
Владение Сольфинны, одной из тринадцати невест Всадников-оборотней. Очевидно, долина Васскотов была расположена на севере Верхнего Холлека, поскольку для нее выйти замуж за южного лорда означало то же, что вообще покинуть Верхний Холлек: она могла никогда больше не увидеть своих родных («Год Единорога»).

Великая Звезда
Эмблема силы, используемая при обращении к одной из величайших Сил («Хрустальный Грифон»).

Верлейн
Прибрежная область Карстена, разбогатевшая за счет морских грабежей. Фальк посредством брака стал править Верлейном и решил распространить свою власть на весь Карстен, выдав свою дочь Лойз за герцога Ивьяна («Колдовской Мир», «Паутина Колдовского Мира»).

Вескус
Лорд Верхнего Холлека. До войны с Ализоном он правил несколькими долинами. (Заклятье Колдовского Мира).

Вестдейл
Долина Верхнего Холлека. Видимо, располагалась в середине северного побережья. Вестдейл также называли Вастдейлом, и в нем находился Джорби, один из главных торговых городов Верхнего Холлека. Вестдейл был захвачен ализонцами в числе первых. Варк был подчиненной долиной, им управляли лорды Вестдейла («Хрустальный Грифон», «Заклятье Колдовского Мира»).

Владение Фалька
Это название в книгах не используется. Крепость Фалька упоминается как владение. Крепость стояла на вершине утеса.

Между владением и краем утеса был выгон, где Фальк держал своих лошадей. Одна или несколько тропинок вели вниз, на каменистый берег, где люди Фалька после штормов подбирали обломки кораблекрушений («Колдовской Мир»).

Волны Аспера

Моряки Сулкара ругаются этими словами. Возможно, это название их родного мира, давно забытого, и сохранившегося только в проклятиях и божбе («Паутина Колдовского Мира»).

Вольт

Последний представитель дочеловеческой расы Колдовского Мира. Он пожалел примитивных людей Древней Расы и дал им мудрость и знания. Вольт обладал великой силой, и он воевал с теми человеческими племенами или народами, которых считал носителями зла. Местом его успокоения стала пещера на севере Верлейна, где его и нашли Саймон и Корис. Оружием Вольта был топор, и Корис, найдя сохранившееся оружие Вольта, взял его себе («Колдовской Мир»).

Вортгин

Человек Древней Расы. Слуга или солдат лорда Вортимера, посла Эсткарпа в Карстене. Вортимер послал Вортгина предупредить Джелиту о том, что рог протрубил трижды. Вортгин присоединился к Джелите, Саймону, Корису и Лойз, отправившись с ними на север, в Карс. Он помог поднять Древнюю Расу на борьбу против Карстена («Колдовской Мир»).

Вортимер

Человек Древней Расы, из Эсткарпа. Представитель древнего знатного рода, Вортимер был последним послом Эсткарпа в Карстене. Когда Ивьян узнал, что именно люди Эсткарпа лишили его невесты и убили его друзей, он приказал трижды протрубить в рог перед всеми представителями Древней Расы Эсткарпа в Карстене. Вортимер собрал всех, кого смог, в башне, служившей посольством, а потом взорвал башню («Колдовской Мир»).

Высший Охранитель

Мистическая сила, упомянутая Джелитой, когда она говорила Саймону: «...наши линии жизни сведены вместе Рукой Высшего Охранителя». Возможно, это эвфемизм обозначающий Бога, высшее существо («Колдовской Мир»).

Галера

Тип корабля, используемый колдерами или союзниками колдеров для походов в Карстен за рабами («Колдовской Мир»).

Гвардия

Солдаты Эсткарпа, в основном из представителей Древней Расы. Хотя их главный штаб находился в Эсе, они также создали линию укреплений (фортов) вдоль границ с Ализоном и Карстеном. Особые подразделения Гвардии назывались пограничниками, и здесь в основном служили беженцы из Карстена,— они патрулировали на приграничных с Эсткарпом и Карстеном землях. Гвардейцы были храбрыми воинами, зачастую сражавшимися с врагом до конца. Стратегию их действий определяли колдуньи, но командовал ими Капитан,— и одним из последних Капитанов был Корис из Горма. Гвардейцы носили кольчуги и сражались мечами, но они также имели особые метательные ружья, чрезвычайно опасные. В схватках с врагами они нередко действовали вместе с сокольничими (которые обычно вели разведку) или сулкарами («Колдовской Мир», «Паутина Колдовского Мира», «Трое против Колдовского Мира», «Чародей колдовского Мира»).

Горм

Остров в большом заливе, напротив Эсткарпа. Люди поселились там через несколько веков после того, как Древняя Раса основала Эсткарп. Это были моряки, рыбаки и торговцы. Сиппар — самый большой город и столица Горма. Там жил Лорд-Защитник, правивший народом. Когда Хильдер, последний Лорд-Защитник Горма, умер, его вдова Орна призвала колдеров, чтобы укрепить свою власть, но вместо этого они поработили всех жителей и использовали их как подобных зомби слуг и солдат в войне против Эсткарпа («Колдовской Мир»).

Гралия

Женщина из Верхнего Холлека. Замужем за лордом Джерретом. Она была сестрой Килдас, одной из невест Всадников-оборотней, и устроила так, что Килдас оказалась включенной в число невест,— чтобы Джеррет не флиртовал с ней («Год Единорога»).

Гратулда

Настоятельница Святыни — видимо, Аббатства Пламени (Огня, Света). Гратулда была подругой и наставницей Исмэй («Заклятье Колдовского Мира»).

Грифон, Прыгающий
Герб Ульмсдейла. В качестве герба Грифон изображался на зеленом поле («Хрустальный Грифон»).

Грэйфорд
Город или монастырь в Верхнем Холлеке,— возможно, город в Лангсдейле или поблизости от него. Аннет говорит Джирерду, что госпожи из Грейфорда носят у сердца янтарные амулеты («Заклятье Колдовского Мира»).

Гуннора
Госпожа Древней Расы, адепт Арвона. Ее также называют Ратонной, Матерью урожая и Дженнорой Урожайной. Гуннора — подательница жизни, и ей поклонялись девушки и матери. Мужчины боялись обнажать оружие в тех местах, где присутствовала ее Сила. Амулеты Гунноры часто использовались как талисманы. Женщины призывали Гуннору при трудных родах. Видимо, крестьяне просили Мудрых обращаться к Гунноре во время сева, и один из ее амулетов изготовлялся из зерен («Заклятье Колдовского Мира», «Рогатый Венец», «Грифон», «Оборотень», «Заклятье Зарстора»).

Гунольд
Человек из Карстена. Наемник Ивьяна. Главнокомандующий Карстена, под руководством Ивьяна. Он был одним из трех посланников Ивьяна в Верлейн, для проведения церемонии брака на топоре с Лойз. Джелита вынудила его покончить с собой, застрелиться из его собственного метательного ружья («Колдовской Мир»).

Гутторм
Сокольничий, который командовал передовыми силами Эсткарпа во время атаки цитадели Карса со стороны северных ворот города («Паутина Колдовского Мира»).

Гхилл
Город в одной из долин Вескиса («Заклятье Колдовского Мира»).

Гьянтс Фист (Кулак титана, великана)
Скалистый утес на юге Ульмсдейла («Хрустальный Грифон»).

Дагэйл
Житель долин из Верхнего Холлека, командир мени Кьярта. Кьярт оставил его защищать Итдейл с небольшой горсткой людей, и он пожертвовал собой, чтобы спасти Джойсану и других беженцев, когда ализонцы атаковали Иткрипт («Хрустальный Грифон»).

Дайрини
Женщина из Верхнего Холлека, дочь лорда Марчпойнта. Она ненадолго подружилась с Исмей из Аппсдейла, когда направлялась на ярмарку в Финдейле, через пять лет после войны с Ализоном. Родители Дайрини встретились на ярмарке в Ульмпспорте («Заклятье Колдовского Мира»).

Дальновидение
Колдовской метод, которым не владели поклонники Огня, но который использовали Мудрые, колдуньи, адепты и другие, владеющие Силой («Хрустальный Грифон» и другие книги).

Дважды Рожденная Канса
Некий персонаж, исторический или мифический, по имени которого назван один из монастырей Огня. Скорее всего это имя традиционное, принесенное людьми Долин из их родного мира.

Двед
Человек из Верхнего Холлека. Сын маршала Итсфорда. Его семья состояла в родстве с матерью Марбона, и они владели небольшой приграничной сторожевой башней. Двед был третьим сыном. Марбон взял его на службу. После того, как Марбон лишился ума, Двед привел его обратно в Эггерсдейл («Сокровище Зарстора»).

Демоны
Существа, которых боятся жители Колдовского Мира. Харб победил демона Ирр Васт. Джиллан объясняла Херрелу, как можно справиться с демонами. Когда созданный Джелитой иллюзорный флот растаял на берегу Верлейна, простые люди тех мест решили, что это был флот демонов («Колдовской Мир», «Год Единорога», «Хрустальный Грифон»).

День Имени
Личный праздник в Верхнем Холлеке, видимо, отмечающий тот день, когда ребенку было дано имя. Было в обычае

(по крайней мере, в знатных семьях) в этот день дарить любимым подарки («Хрустальный Грифон»).

Джаго
Человек из Верхнего Холлека, служивший у Ульрика из Ульмсдейла, до его ранения. На Джаго была возложена обязанность обучения и охраны Керована в годы его юности («Хрустальный Грифон»).

Джаппон
Человек из Карстена. Шеф-повар Ивьяна, владевший искусством приготовления борова в красном вине, любимого блюда Ивьяна («Паутина Колдовского Мира»).

Джартар
Житель Долин, из Верхнего Холлека, сводный брат Марбона. Он пал в битве за перевал Унго. Возможно, он был смешанной крови, и явно был Мудрым («Сокровище Зарстора»).

Джасинда
Госпожа из Верхнего Холлека, дочь Вескиса («Заклятье Колдовского Мира»).

Джелита Трегарт
Женщина Древней Расы, из Эсткарпа. Колдунья, в свое время одна из наиболее могущественных в Эсткарпе. Джелита предприняла опасную миссию против врагов Эсткарпа, и когда ее преследовали Гончие Ализона, встретила Саймона. Позже, когда колдуньи начали действия против Горма и колдеров, Джелита вместе с Саймоном отправилась в Карстен, Горм и в Гнездо Колдеров. Джелита со временем решила оставить колдовство и выйти замуж за Саймона. Колдуньи в ответ отказались от нее и лишили ее своего уважения.

Джелита родила тройню: Киллана, Кемока и Каттею, предсказав их судьбу (воин, чародей, колдунья). Прежде чем дети подросли, Джелита последовала за Саймоном в другой мир. Впоследствии они снова встретились с уже взрослой Каттеей, бежавшей от колдуний, и вернулись с ней и адептом Хиларионом в Колдовской Мир. Джелита и Саймон ненадолго задержались в Эскоре, чтобы помочь в войне с восставшей Тьмой, а затем вернулись в Эсткарп. Там они участвовали в последней попытке закрыть все врата.

Джелита была высокой, стройной, с длинными, шелковистыми черными волосами («Колдовской Мир», «Паутина Колдовского Мира», «Трое против Колдовского Мира», «Заклятье Колдовского Мира», «Магический Камень», «Стража Колдовского Мира»).

Дживин

Гвардеец Эсткарпа. Корис называл его блестящим наездником. Он отправился вместе с Корисом в Сулкаркип и сражался там, а затем вместе с Корисом и Саймоном очутился в Соколином Гнезде. Оттуда он с Танстоном вернулся в Эсткарп. Дживин умел ловить рыбу голыми руками («Колдовской Мир»).

Джиллан

Женщина Древней Расы, родом из Эсткарпа. В детстве была увезена из Эсткарпа Гончими Ализона; по неясной причине очутилась в главном порту Верхнего Холлека, куда Гончие Ализона доставляли свои припасы. Фурло из Зантопа обнаружил ее во время нападения на ализонцев, и под охраной отправил к своей жене, Фризе. Когда Зантоп был разгромлен, Фриза и Джиллан бежали в монастырь Норстед, в нижние долины. После смерти Фризы Джиллан осталась под присмотром монахинь, а затем согласилась стать одной из Тринадцати Невест Всадников-оборотней. Она выбрала Херрела и последовала за ним в Арвон, где им пришлось сражаться за ее жизнь и свободу. Джиллан и Херрел затем поселились в Рисе, в Звездной Башне, стоящей среди лесов Арвона, неподалеку от земель клана Красных Плащей. Джиллан родила Херрелу сына, Кетана, которого забрали у нее сразу после рождения. Айлинн, девочка, рожденная сводной сестрой Херрела, заменила Кетана, и Джиллан с Херрелом вырастили ее, как свою дочь («Год Единорога», «Оборотень»).

Джойсана

Женщина из Верхнего Холлека и Арвона. Племянница Кьярта из Итдейла (дочь его младшего единокровного брата); Джойсана венчалась на топоре с Керованом из Ульмсдейла («Хрустальный Грифон», «Гнездо Грифона», «Стража Колдовского Мира»).

Джокуль

Неизвестно, из какой страны этот человек. Это моряк, служивший на «Рассекающем волны». Маленького роста, сутулый

(или горбатый), с темным, загорелым и обветренным лицом,— именно к нему обращался капитан Койтой Стимир, чтобы подтвердить направление, которым шел корабль («Паутина Колдовского Мира»).

Джотен

Человек из Карстена. Один из воинов Гунольда. Он участвовал в захвате в плен Джелиты («Колдовской Мир»).

Димдейл

Долина Верхнего Холлека. На севере граничит с Хокердейлом. Кастербрук располагался в северной части Димдейла («Год Единорога»).

Диски (круги) Вагера

Похожие на монетки предметы со светящимися метками; использовались в Карстене для игры. Если метка обращалась от того, кто бросал диск, это повышало цену. После того, как игрок устанавливал стоимость своего диска, диск переходил к следующему игроку. Тот, кто набирал наибольшую сумму, выигрывал все ставки. Фальк и Гунольд использовали Диски Вагера, чтобы разыграть невинность Джелиты («Колдовской Мир»).

Дом Дважды Рожденной Кансы, аббатство Огня в Верхнем Холлеке

Это аббатство было захвачено ализонцами во время войны. Госпожа Вирта — из этого монастыря (см. Ульрика) («Заклятье Колдовского Мира»).

Дом Ингарета

Наследники (потомки) Ингарета, первого лорда Идейла. Франклин и его дочь Бруниссенда (жена Элина) принадлежали к Дому Ингарета. Один из лордов Идейла был женат на женщине Древней Расы, но отверг ее. В отместку она прокляла его Дом, и многие из этого рода из поколения в поколения были обречены на страшную гибель («Заклятье Колдовского Мира»).

Дом Ришдейла

Лорды Ришдейла. Их эмблемой был змей («Хрустальный Грифон»).

Дом Торгуса
Потомки Торгуса. Лорды Мурачдейла, маленькой долины на юге Верхнего Холлека. Похоже, вся эта семья, кроме Бриксии, погибла в войне с Ализоном («Проклятие Зарстора»).

Дом Ульма
Лорды Ульмсдейла, основанного Ульмом, который, видимо, был младшим сыном древнего знатного рода. Их эмблемой был Грифон на зеленом поле («Хрустальный Грифон»).

Доннар
Человек из Карстена. Телохранитель госпожи Алдис («Колдовской Мир»).

Дуарт
Человек из Карстена. Дуарт, принадлежащий к старой знатной семье, был одним из тех трех посланников, которые были направлены Ивьяном в Верлейн для совершения церемонии венчания на топоре, когда он решил жениться на Лойз. Похоже, его род — старейший знатный род в Карстене. Дуарт, видимо, был убит Фальком после того, как Лойз сбежала вместе с Джелитой («Колдовской Мир»).

Дурстан
Человек Древней Расы, из Карстена. Пограничник, из подчиненных Саймона Трегарта. Его отряд, в котором состояло двадцать солдат, предположительно патрулировал в холмах поблизости от Саускипа в тот самый день, когда Лойз Верлейнская была похищена колдерами. Вместе с Саймоном Трегартом они поспешили ей на помощь, но смогли лишь выяснить, что ее посадили на корабль, отправившийся в Карс («Паутина Колдовского Мира»).

Жители приграничной полосы (или пограничники, или приграничники)
Люди Долин с северо-запада Верхнего Холлека, о которых говорится, что они смешанной крови («Хрустальный Грифон»).

Житель Долин, из Верхнего Холлека, пастырь Итдейла
Он бежал, когда в долину вторглись враги, но был ранен («Хрустальный Грифон»).

Зантоп

Долина Верхнего Холлека. Зантоп был маленькой прибрежной долиной, перед войной с Ализоном управляемой Фурло. Он торговал с Сулкаром. Зантор, видимо, был захвачен ализонцами («Год Единорога»).

Зарстор

Житель долин, предок лордов Эггерсдейла. Прежде он был лордом Ан-Яка, но женился на женщине Древней Расы и осел в Эггерсдейле. Но Зарстор вызвал гнев своего сводного брата Элдора, призвавшего проклятие Силы Тьмы на Зарстора и всех его потомков. Зарстор обладал могущественным мечом, который был против него же и использован. Когда Зарстор узнал, что Элдор интригует против него, он выступил против своего сводного брата. Ан-Як был проклят, и Зарстор, видимо, бежал в Верхний Холлек, но его дух оказался неразрывно связан с духом Элдора («Сокровище Зарстора»).

Зимний Пир (Праздник)

Праздник в Верхнем Холлеке. Иногда во время этого праздника заключались помолвки («Заклятье Колдовского Мира»).

Ибикус

Человек Древней Расы, из Арвона. Обладатель Силы, адепт или почти адепт, служивший Голосам Арвона и старавшийся установить равновесие между силами Света и Тьмы, или добиться перевеса сил Света. В Верхнем Холлеке он был известен как Нивор, и именно там он встретился с Керованом и предостерег его («Хрустальный Грифон»).

Ивьян

Человек из Карстена. Видимо, сирота; он начал карьеру как наемник, а закончил тем, что захватил власть над Карстеном и провозгласил себя герцогом. В течение десяти лет Ивьян боролся с оскорбленной знатью, и наконец договорился о женитьбе на Лойз Верлейнской. Ее род по материнской линии был древним и уважаемым, и Ивьян надеялся посредством брака укрепить свое положение. Он также рассчитывал построить в Верлейне порт, чтобы начать самостоятельную торговлю на севере, в качестве конкурента сулкаров. Он был убит Корисом.

У Ивьяна был крупный выступающий подбородок и светлые густые брови («Колдовской Мир», «Паутина Колдовского Мира»).

Ингвальд
Человек Древней Расы, из Карстена. Он был вельможей, но ушел служить на границу, под началом Саймона Трегарта, став со временем помощником или лейтенантом Саймона. Благодаря сведениям Ингвальда Саймон обнаружил проникновение чужаков в среду командиров Карстена. Отец и брат Ингвальда были убиты в Карстене. Ингвальд вместе с Саймоном отправился спасать Лойз от герцога Ивьяна («Колдовской Мир», «Паутина Колдовского Мира»).

Иль
Город колдеров, расположенный в южной части полуострова, отделявшего Эсткарп от Карстена. После поражения Сиппара город был окружен силовым полем. Хотя он был построен из природного эсткарпианского камня, а не из металла, он каким-то образом был отделен от земли, на которой стоял,— это почувствовал Саймон Трегарт («Паутина Колдовского Мира»).

Имгри
Житель Долин, из Верхнего Холлека. Один из Четырех Лордов с юга Верхнего Холлека, возглавивших сопротивление Долин Ализону. Имгри был честолюбив, и со временем, после войны, стал наиболее могущественным из лордов Долин. Узнав о хитрой уловке Джиллан, с помощью которой она стала одной из невест Всадников-оборотней, он согласился на это с большой неохотой (она выдала себя за Маримме, племянницу Имгри) («Год Единорога», «Хрустальный Грифон»).

Ингарет
Первый лорд Идейла («Заклятье Колдовского Мира»).

Ингильда
Женщина из Верхнего Холлека. Дочь младшей сетры Кьярта, Ислоги. Она была замужем за Элваном из Ришдейла. После захвата Ришдейла ализонцами она впала в полную нищету («Хрустальный Грифон»).

Инглин
Человек из Сулкара. Молодой моряк, служивший на «Рассекающем волны»,— он вместе с Сигродом участвовал в доставке Джелиты на островную базу колдеров («Паутина Колдовского Мира»).

Инсфар Непобедимый
Прозвище Ивьяна, правителя Карстена («Паутина Колдовского Мира»).

Ислога
Женщина из Верхнего Холлека. Младшая сестра Кьярта. Она вышла замуж за лорда Долин и родила ему двоих детей, Торосса и Ингильду. Хотя в книгах не названы ни муж Ислоги, ни его долина, они явно жили достаточно близко от Ульмсдейла, чтобы знать легенды, которые рассказывали о Доме Ульма («Хрустальный Грифон»).

Исмей
Женщина из Верхнего Холлека, из Аппсдейла, сестра Джирерда и Эвальда. Исмей наследовала янтарный амулет и янтарный рудник Аппсдейла. Она правила Аппсдейлом во время войны с Ализоном, но потом вернулся Джирерд вместе с женой Аннет, и Исмей была низведена до роли незначительной помощницы Аннет. Исмей занималась травным садом крепости, потому что только она умела правильно выращивать травы. Через пять лет она вышла замуж за Хилле Узурпатора из Куэйта, и уехала к нему,— но впоследствии освободила Брока и Яал, законных правителей Куэйта. Исмей осталась с Броком и Яал после того, как Хилле погиб («Заклятье Колдовского Мира»).

Источник Силы
Источник света и тепла в Сулкаркипе, и то средство, благодаря которому Магнис Осберик разрушил город. Очевидно, это был некий аккумулятор чистой энергии, или нечто, испускающее энергию («Колдовской Мир»).

Итдейл
Долина Верхнего Холлека, расположенная в середине или в нижней части северных земель. Итдейл был основан Харбом; эта долина была милым и процветающим местом, пока в нее не вторглись ализонцы. Жители долины бежали и рассеялись по Верхнему Холлеку. Итдейл располагался близко к Тревамперу, и, видимо, выходил либо к морю, либо имел на своей территории судоходную реку. Видимо, Итдейл немного южнее Вестдейла, куда пришел Ульрик до того, как добрался до Кьярта, чтобы предупредить Верхний Холлек о подходе ализонцев («Хрустальный Грифон»).

Итондейл
Самая западная из долин, управляемая Вескисом («Заклятье Колдовского Мира»).

Итсфорд
Долина Верхнего Холлека, захваченная во время войны ализонцами. Отец Дведа был маршалом Итсфорда («Сокровище Зарстора»).

Йонан
Лорд одной из южных долин Верхнего Холлека («Заклятье Колдовского Мира»).

Калдер
Река на юге Верхнего Холлека. Керован именно неподалеку от нее обнаружил приближающихся ализонцев, когда выполнял последнее задание для лорда Имгри («Хрустальный Грифон»).

Калуф
Человек Древней Расы, из Карстена. Он после побега из Карстена присоединился к пограничникам, которыми командовал Саймон Трегарт («Колдовской Мир»).

Камень Энгиса
Талисман или древняя святыня, которую упоминает Калуф, когда клянется Саймону, что уверен в своих словах («Колдовской Мир»).

«Карго Боттом» (буквально — грузовое судно)
Корабль сулкаров, построенный для перевозки грузов или дальних плаваний («Колдовской Мир»).

Карн
Человек Древней Расы, из Карстена. Он после бегства из Карстена присоединился к пограничникам, которыми командовал Саймон Трегарт, и стал одним из лучших разведчиков Саймона («Колдовской Мир»).

Карнит
Человек из Карстена. Вельможа; он и его брат были кровными братьями Ренстона. Они пытались помочь ему

бежать из Карстена, но были захвачены людьми Ивьяна. Карнит и его брат были проданы колдерам («Колдовской Мир»).

Картхолм

Город в Карстене, стоящий на берегу реки, в двух днях плавания от Карса. Саймон и Корис проходили через него по пути в Карс из Соколиного Гнезда («Колдовской Мир»).

Карс

Самый крупный город и столица Карстена, расположенный на реке Карс. В городе имелся порт для кораблей, поднимавшихся вверх по реке («Колдовской Мир»).

Кастербрук

Город или долина Верхнего Холлека, похоже, на границе с Димдейлом, на севере. Северная часть Кастербрука лежит возле ущелья (теснины) Равенсвелл, отмечая северную границу Верхнего Холлека («Год Единорога»).

Керован

Житель Долин, из Верхнего Холлека, воин того рода, из которого произошли Ульм и его наследники. Он получил имя в честь Керована, сына Ульрика (или просто был тезкой) («Хрустальный Грифон»).

Керован

Житель Долин, из Верхнего Холлека и Арвона, последний законный лорд Ульмсдейла из дома Ульма. Он был проклят по обеим линиям, отцовской и материнской; у него были янтарные глаза и раздвоенные копыта (а может быть, раздвоенная ступня). Керован перед войной с Ализоном венчался на топоре с Джойсаной из Иткрипта. Обучившись у искусного то ли оружейника, то ли воина Джаго, Керован подружился с Ривалом, авантюристом, связанным с главным лесником Ульрика, и тот часто брал Керована с собой в Васт. Керован участвовал в войне, заслужив уважение лорда Имгри. Когда Ульрик умер, Керован вернулся в Ульмсдейл, но был свергнут Тефаной, Хлаймером и их кровным родственником Рождером из Палтендейла. Керован отправился спасать Джойсану, и поначалу делал вид, что он один из Древних. Со временем он завоевал

ее любовь и открыл ей свое подлинное происхождение. Они поехали в Арвон, где встретили Элис и Джервона, оживили Ландисла и выступили с Ибикусом против Тьмы («Хрустальный Грифон», «Гнездо Грифона», «Стража Колдовского Мира»).

Килдас

Женщина из Верхнего Холлека, сестра Гралии. Послана к Всадникам-оборотням в качестве одной из невест. Она вышла замуж за Харла («Год Единорога»).

Клятва Меча и Щита, Крови и Хлеба

Клятва, которую произносит Корис, чтобы добиться гостеприимства сокольничьих. Это, очевидно, клятва воинов-союзников или друзей («Колдовской Мир»).

Койтой Стимир

Человек из Сулкара, капитан «Рассекающего волны». Высокий, хорошо сложенный, широкоплечий и светловолосый, он молод, но уже опытен в своем деле. Он согласился последовать за подводной лодкой колдеров, на которой увезли из Верлейна Саймона и Лойз («Паутина Колдовского Мира»).

Колдуньи

Женщины, как правило из Древней Расы, обладающие даром. Колдуньи Эсткарпа объединились в древний орден, созданный после того, как адепты Эскора едва не уничтожили и самих себя, и всех остальных в своей безумной войне. Колдуньи обвинили адептов-мужчин в том, что они развязали войну, и запретили мужчинам развивать или использовать дар. Потом они использовали свою немалую Силу для того, чтобы воздвигнуть горы между Эсткарпом и Эскором, а также наложить на память своего народа запрет, чтобы люди не могли думать о Востоке и о древности. Колдуньи создали убежище, Место Мудрости, где они обучали молодых девушек Древней Расы. Поскольку колдуньи были обязаны сохранять невинность, в Эсткарпе количество женщин Древней Расы, обладающих даром, постепенно уменьшалось. Они получили поддержку в лице беженцев из Карстена, но когда им начало грозить вторжение с юга, колдуньи использовали свою силу для того, чтобы еще раз поднять горы и уничтожить армию Пагара. Но это усилие истощило колдуний, многие из них умерли или по-

теряли способность использовать Силу. Лишенные дара, колдуньи потеряли власть над Эсткарпом, она перешла к Корису из Горма, их Сенешалю, который принял на себя обязанность заботиться об Эсткарпе. Колдуньи медленно восстанавливали свои ряды, и новое поколение владычиц собиралось в Месте Мудрости, чтобы вместе с Хиларионом, Саймоном и Джелитой Трегарт и другими обладателями Силы помочь закрыть врата. Колдуньи Эсткарпа считались грозным противником, и были прославлены по всему Колдовскому Миру благодаря их дару. Они заключили союз с сокольничими и сулкарами, что дало выгоды и Эсткарпу, и дружественным ему народам, в особенности когда выяснилось, что Древняя Раса лишь в браке с сулкарами может производить потомство («Колдовской Мир», «Паутина Колдовского Мира», «Трое против Колдовского Мира», «Чародей Колдовского Мира», «Заклятье Колдовского Мира», «Колдовской Мир: Великая Перемена, Магический Камень, Стража Колдовского Мира»).

Коллард

Человек из Верхнего Холлека. Младший сын Бросона, кузнец Гхилла («Заклятье Колдовского Мира»).

Комб Фром

Башня или крепость, возможно, в Идейле («Заклятье Колдовского Мира»).

Корис

Человек из Горма. Командир Гвардейцев, маршал и сенешаль Эсткарпа. Сын Хильдера от женщины из племени торов, Корис из-за мачехи Орны не смог стать наследником своего отца. Вместо этого он едва ушел живым из Горма, когда явились колдеры, чтобы захватить его землю. Корис добрался до Эсткарпа, поступил на слубу в Гвардию и стал Капитаном. Он подружился с Саймоном Трегартом и взял Саймона с собой, когда отправился в Сулкаркип, чтобы защищать крепость от колдеров. После гибели Сулкаркипа Корис и его люди вместе с Саймоном и Джелит сели на корабль, но их судно попало в сильный шторм и было унесено к северному побережью Верлейна в Карстене. Там Корис нашел и взял Топор Вольта, могучее оружие и талисман. Он также встретился с Лойз, дочерью Фалька, лорда Верлейна. Лойз отправилась в путь вместе с Корисом, Саймоном и Джелитой, а впоследствии вышла

замуж на Кориса. У них был один сын, Саймонд. После того, как Саймон и Джелита исчезли из Эсткарпа, Корис и Лойз взяли на себя заботу об их детях, не позволив колдуньям увести Каттею в Место Мудрости. Но потом Корис был ранен, Лойз отправилась к нему,— и колдуньи захватили Каттею. Корис оправился от ран, но он уже не мог носить Топор Вольта. В Эсткарпе верили, что Корис должен специально поехать в Верлейн и вернуть Топор на могилу Вольта. Корис затем возвратился в Эсткарп, снова стал командовать Гвардией, и постепенно восстановил порядок в Эсткарпе — после того, как колдуньи едва не погубили себя, совершая Великую Перемену. Корис впоследствии стал хорошим правителем Эсткарпа, и он помог установить хорошие отношения с Эскором, Ализоном, Верхним Холлеком и Арвоном. Корис созвал большой Совет, который решил уничтожить все врата, и он лично наблюдал за деятельностью всех посланников города Эса («Колдовской Мир», «Паутина Колдовского Мира», «Трое против Колдовского Мира», «Стража Колдовского Мира»).

Кроффкип

Горный форт Верхнего Холлека, находящийся возле границы с Пустыней; почти все люди из него ушли воевать с Ализоном. Кроффкип, возможно, находится в или рядом с Хокердейлом или Димдейлом («Год Единорога»).

Куниггод

Женщина из Верхнего Холлека, нянька Бриксии. После смерти матери Бриксии Куниггод управляла домом лорда Мурачдейла, и правила всей долиной после смерти самого лорда. Когда Мурачдейл не устоял перед ализонцами, Куниггод была тяжело больна, но все же они с Бриксией бежали из крепости Торгуса до того, как она была разрушена. Куниггод, видимо, принадлежала к Мудрым, знавшим некоторые Места Древних в Мурачдейле или поблизости от него. Она умерла вскоре после того, как привела Бриксию в безопасное убежище («Сокровище Зарстора»).

Куэйт

Прибрежная область на севере Верхнего Холлека, очевидно, остатки древней культуры Арвона. Брок и Яал управляли Куэйтом до тех пор, пока Хилле не заманил их в ловушку и не завладел их Силой. После возвращения Исмей Хилле был

побежден Исмей, Броком и Яалом (которых освободила Исмей) («Заклятье Колдовского Мира»).

Кьярт

Житель Долин, лорд Итдейла до войны с Ализоном. Кьярт не имел прямых наследников и организовал брак своей племянницы Джойсаны с Керованом из Ульмсдейла. Кьярт явно с большим уважением относился к Ульрику из Ульмсдейла, — настолько, что поддерживал его политику, и при этом смотрел сквозь пальцы на родню Ульрика. Кьярт был убит во время войны с Ализоном. Кьярт с самого младенчества обладал даром предвидения. Если его пророческие видения представали перед ним дважды, он еще мог обмануть судьбу, но если то же самое видение возникало в третий раз, он уже ничего не мог изменить. Кьярт предвидел смерть своей жены, но он находился тогда далеко на юге Итдейла, и, хотя загнал коня, пытаясь добраться до дома вовремя, он все же прибыл слишком поздно, и спасти жену не смог («Хрустальный Грифон»).

Мальвинна

Женщина из Верхнего Холлека. Прежде была настоятельницей Норстеда. Она знала пути Силы и продемонстрировала Джойсане Дальновидение. Она также дружила с Джиллан, и догадывалась о наследии Джиллан, — но умерла за три года до года Единорога («Хрустальный Грифон»).

Мамер

Житель Долин, из Верхнего Холлека, купец, продававший эль на ярмарке Финдейла через пять лет после войны с Ализоном («Заклятье Колдовского Мира»).

Марбон

Житель Долин, из Верхнего Холлека, последний лорд Эгерсдейла. Марбон наследовал некоторую силу от Древней Расы, и мог разговаривать с птицами, успокаивать лошадей и погружать в сон раненых («Сокровище Зарстора»).

Маримме

Женщина из Верхнего Холлека, племянница лорда Имгри. Она была включена в число Тринадцати Невест Всадников-оборотней, но Сассия и Джиллан устроили так, что ее место заняла Джиллан («Год Единорога»).

Марк
Человек из Карстена. Один из воинов Гунольда. Он участвовал в захвате в плен Джелиты («Колдовской Мир»).

Мартина
Женщина из Верхнего Холлека. Она была замужем за Алвином, сыном старосты деревни Иткрипта,— за год до вторжения в Итдейл. Она родила сына вскоре после бегства («Хрустальный Грифон»).

Марчпойнт
Город или долина на севере Верхнего Холлека, неподалеку от Аппсдейла и Финдейла, возможно, к западу от них («Заклятье Колдовского Мира»).

Мастер Трейдер
Звание, принятое у сулкаров. Магнис Осберик носил этот титул, но возможно, что он был вообще единственным Торговым Главой («Колдовской Мир»).

Медовуха
Это название в книгах не используется. Деревенские жители Верлейна варили ликер из меда и трав, настолько крепкий, что даже такие закаленные люди, как Фальк, засыпали после третьей кружки («Колдовской Мир»).

Метательное ружье
Оружие, видимо, двух размеров, большое и маленькое, используемое солдатами Колдовского Мира. Спусковой механизм этого оружия, похоже, был достаточно мощным, чтобы выбрасывать стрелу или дротик с огромной силой.

Мидир
Человек из Горма, один из тех, кого знал Корис. Мидир стал одним из телохранителей Лорда-Защитника Горма, когда на остров вторглись колдеры. Он был превращен колдерами в воина-зомби и участвовал в нападении на Магниса, Кориса, Саймона и Джелиты на их пути в Сулкаркип. Корис добил его тело («Колдовской Мир»).

Мир Торговым Путям
Обычай, благодаря которым купцы сулкаров свободно и без опасений проезжали через чужие земли. Мирные

Пути пролегали в основном через такие государства, как Эсткарп и, возможно, Верхний Холлек, но относительно Ализона и Карстена в этом меньше уверенности («Колдовской Мир»).

Мойкрофт

Долина на севере Верхнего Холлека. Мойкрофт был покинут жителями во время войны с Ализоном из-за недостатка воинов («Заклятье Колдовского Мира»).

Мудрая из Карса

Так именовалась Джелита во время ее миссии в Карсе. Она сняла большой дом в старой части города, продавала любовное зелье и ворожила, чтобы иметь возможность встречаться с людьми, приносившими нужные ей известия. В этом обличье Джелита встретилась с госпожой Алдис, возлюбленной герцога Ивьяна.

Мурачдейл

Долина Верхнего Холлека, расположенная на юге. Ею до войны с Ализоном правил род Торгуса, а затем долина была захвачена врагом. Хотя Мурачдейл и располагался на юге, он был достаточно близко к Норсдейлу, чтобы Куниггод могла дважды в год ездить в аббатство («Сокровище Зарстора»).

Мыс Черных Ветров

Мыс между Вестдейлом и Алмспортом («Хрустальный Грифон»).

Мэт

Женщина из Верхнего Холлека. Сестра Кьярта, лорда Итдейла. Она в юности венчалась на топоре с лордом южных Долин, однако он умер еще до того, как они встретились. Затем Мэт поступила в монастырь Норстед, но прежде, чем она приняла последние обеты, умерла жена Кьярта. Мэт вернулась в Итдейл, чтобы стать хозяйкой имения. Она руководила образованием Джойсаны («Хрустальный Грифон»).

Налда

Женщина из Верхнего Холлека. Жена Старка, мельника Итдейла. Она бежала с небольшой группой спасшихся, когда Итдейл подвергся нападению («Хрустальный Грифон»).

Налин
Сокольничий. Он был караульным на границе между землями Соколиного Гнезда и Карстена, и именно он встретил Кориса, Саймона, Дживина и Танстона, дав им возможность безопасно пройти к Соколиному Гнезду («Колдовской Мир»).

Нивор
См. Ибикус.

Никала
Женщина из Верхнего Холлека, жена Арнара («Заклятье Колдовского Мира»).

Нинкве
Женщина Древней Расы, колдунья из Куэйта, союзница и слуга Хилле («Заклятье Колдовского Мира»).

Нолон
Человек из Верхнего Холлека. Видимо, знатен, но его дом не упоминается. Он служил Ульрику из Ульмсдейла, организовывал брак Керована и Джойсаны и выступал в качестве доверенного лица Керована при венчании на топоре («Хрустальный Грифон»).

Норсдейл
Долина Верхнего Холлека. Была расположена к западу от Итдейла, в пяти днях пути, к востоку от Фалтингдейла, на севере граничила с Хэрроудейлом. Северную границу отмечала голая скала Арм оф Спарн (Рука Спарна или Герб Спарна). Аббатство Норстед находилось именно в этой долине. Многие беженцы из прибрежных долин устремились в Норсдейл и в аббатство Норстед во время войны с Ализоном («Год Единорога», «Хрустальный Грифон»).

Норсдейл, деревня
Безымянная деревня с гостиницей, где останавливались люди, приезжающие в аббатство Норстед («Год Единорога»).

Норстед
Аббатство Огня в Верхнем Холлеке. Возможно, самое большое и известное из аббатств. Будучи удаленным от моря,

Норстед приютил многих жен и дочерей из знатных семей Верхнего Холлека. Лорд Имгри собрал там Тринадцать Невест, предназначенных для Всадников-оборотней в уплату за их выступление против Ализона («Год Единорога», «Хрустальный Грифон»).

Общее Собрание

Джиллан предполагает, что дядя Маримме (лорд Имгри) может взять ее на следующее Собрание, сразу после войны, — чтобы найти ей мужа («Год Единорога»).

Огненная Клятва

Священная клятва Верхнего Холлека, — предполагается, что она нерушима («Хрустальный Грифон»).

Окстора Клыки...

Упоминаются в проклятии или клятве. Возможно, это демон, реальный или мистический. Присутствует в фольклоре Верхнего Холлека («Сокровище Зарстора»).

Орна

Женщина из Горма. Вторая жена Хильдера, мать Урьяна. Она, решив лишить наследства Кориса и поставить на место Лорда-Защитника Урьяна, сговорилась с вельможами Горма. Поскольку Урьян был еще ребенком, когда Орна стала править Гормом, она могла диктовать всем свою волю, но со временем увидела, что нуждается в могущественных союзниках, и призвала колдеров поддержать ее. В результате она и ее народ были порабощены колдерами («Колдовской Мир»).

Осберик Аннер

Человек из Сулкара. Глава сулкарцев после смерти его отца, Магниса, который погиб, защищая Сулкаркип («Паутина Колдовского Мира»).

Осберик Магнис

Человек из Сулкара. Торговый Глава, лидер сулкаров и лорд Сулкаркипа в то время, когда Саймон Трегарт появился в Колдовском Мире. Магнис отправился в Эсткарп, чтобы просить помощи у колдуний, но когда он вернулся в Сулкаркип, колдеры напали на крепость с воздуха. Магнис приказал своим людям бежать. Он взорвал крепость, не позволив

колдерам устроить в ней базу для нападения на Эсткарп («Колдовской Мир»).

Остров Дельта

Остров в устье реки Карс (в книгах такое название не используется). Ивьян посылал туда людей, которые должны были стать рабами колдеров («Колдовской Мир»).

Палтендейл

Долина на северо-западе Верхнего Холлека, место жительства людей смешанной крови (см. пограничники, или приграничники). Другие жители Верхнего Холлека зачастую избегали людей из этой долины («Хрустальный Грифон»).

Песня Торгуса

Песня, прославляющая подвиг победы Торгуса над Силой Камня Ллапа («Сокровище Зарстора»).

Плывущая трава

Водоросли, которые растут на поверхности теплых морей поблизости от Потерянной Тропы. Колдеры использовали мутировавшую Плывущую траву в качестве первой линии обороны своей базы. Одно лишь прикосновение к красновато-коричневым растениям вызывало быстро распространяющийся ожог и как следствие — мучительную смерть. Водоросли-мутанты сами цеплялись за корабли и разрастались вокруг них. Они также образовывали большие плавающие острова, преграждающие путь, и только подводные лодки колдеров могли миновать их, пока Джелита и капитан Койтой Стимир не обнаружили, что водоросли можно сжечь («Паутина Колдовского Мира»).

Пограничники

Солдаты Эсткарпа, охранявшие земли, граничащие с Карстеном и Ализоном. Многие из них принадлежали к Древней Расе, бежавшей из Карстена в Эсткарп. Сначала пограничниками командовал Корис из Горма, а Саймон был его лейтенантом, но Кориса отозвали в Эсткарп, и Саймон остался командовать все увеличивавшимися силами. Со временем Саймон стал Капитаном пограничников («Колдовской Мир», «Паутина Колдовского Мира», «Трое против Колдовского Мира» и др.).

«Подруга моряка»
Корабль сулкаров, который доставил провизию с юга в Эспорт, для армии Эсткарпа. Койтой Стимир имел на борту «Рассекающего волны» часть этого груза, когда принял предложение Джелиты преследовать субмарину колдеров, увезшую Саймона Трегарта и Лойз («Паутина Колдовского Мира»).

Поклонение Очищающему Огню
Вера монахинь Верхнего Холлека. Эта религиозная традиция, очевидно, была принесена жителями Долин из их родного мира, и ее приверженцы, под влиянием беженцев из Арвона, часто расходились во взглядах со сторонниками верований простых людей («Хрустальный Грифон»).

Порт Эс
Маленький городок на побережье, в устье реки Эс. Корабли сулкаров собирались здесь для торговли. Аннер Осберик организовал здесь поселение сулкаров после того, как Сулкаркип был уничтожен его отцом, Магнисом Осбериком («Паутина Колдовского Мира»).

Предупреждение
Сигналы тревоги в центральном Эсткарпе, которые передавались колдуньями-связными, мысленно связывавшимися со своими сестрами в городе Эсе. В юго-западной части страны, слишком удаленной от центра, использовались световые сигналы, передаваемые с наблюдательных башен, установленных на вершинах холмов («Паутина Колдовского Мира»).

«Пустой Щит» (или свободный)
Так называли наемников или других воинов, чьи лорды были убиты. Видимо, в обычае солдат было закрашивать гербы лордов на своих щитах. Эсткарп нанимал свободные щиты, когда его собственные силы ослабевали или их было просто недостаточно для срочных нужд («Колдовской Мир»).

Пустыня
Запретная территория на западе Верхнего Холлека, к югу от Арвона. Большая часть Пустыни представляла собой безводные или поросшие мелким кустарником земли, но кое-где в Пустыне попадались небольшие рощицы. Когда-то там жила Древняя Раса и другие народы, и, похоже, возникла Пустыня в

результате давней войны адептов. В Пустыне жили разные преступники и искатели приключений, а также некоторые беженцы из Арвона («Хрустальный Грифон», «Год Единорога», другие книги).

Рандор

Человек из Верхнего Холлека, лорд Итдейла. Он был отцом Кьярта, Мэт, Ислоги. Он укрыл Мудрую, проходившую через Аст, и заставил людей Итдейла подчиниться. Когда Рандор отправился в Тревампер, его люди попытались сжечь Мудрую, но он вернулся вовремя, чтобы спасти ее. В благодарность она наградила будущего ребенка Рандора (Кьярта) силой предвидения, чтобы в свое время он мог уберечься от опасности («Хрустальный Грифон»).

Раннер

Тип корабля сулкаров, очевидно, используемый для скоростных плаваний. Такие корабли могли быть вооружены или не вооружены, и, без сомнения, при возможности использовались для целей торговли («Колдовской Мир»).

«Рассекающий волны»

Корабль сулкаров, быстрый и маневренный, капитаном которого был Койтой Стимир. «Рассекающий волны» последовал за подводной лодкой колдеров, которая увезла из Верлейна Саймона Трегарта и Лойз, и это был первый корабль, нашедший способ миновать Плывущую траву, окружавшую Гнездо Колдеров («Паутина Колдовского Мира»).

Раткас

Конь Всадника-оборотня; подарен Херрелом Джиллан («Год Единорога»).

Рейнджеры (лесничие)

Люди из Карстена, слуги Фалька. Их обязанности не ясны, но им требовались лошади («Колдовской Мир»).

Река Карс

Большая река, протекавшая через Карстен на запад, к морю. Вдоль реки шла большая часть торговых путей, по крайней мере тех, что пролегали между городом Карсом и морем («Колдовской Мир»).

Ренстон
Человек Древней Расы, из Карстена. Он был в кровном братстве с Карнитом и его братом. Они были захвачены людьми Ивьяна, командир которых убил Ренстона, так как его нельзя было продать в рабство колдерам («Колдовской Мир»).

Ривал
Житель Долин, из Верхнего Холлека. Мудрый из Ульмсдейла, Ривал состоял в родстве с главным лесничим Ульрика. Ривал выращивал травы и помогал крестьянам Ульмсдейла получать хорошие урожаи. Местные жители шли к нему со всеми своими бедами и болезнями, поскольку он был знатоком травного дела. Он подружился с Керованом и взял его в Васт, где впоследствии Кероваи отыскал Хрустального Грифона («Хрустальный Грифон»).

Ришдейл
Долина Верхнего Холлека, видимо, в южных горах, — ее называли верхней долиной. Ришдейл производил шерсть. Ришдейл стал одной из первых долин, захваченных ализонцами («Хрустальный Грифон»).

Роджер
Человек из Верхнего Холлека. Из Дома Палтендейла, Роджер был помолвлен с Лисаной, младшей дочерью Ульрика. Он вместе с Тефаной замыслил захватить власть над Ульмсдейлом, убив Керована и женившись на Лисане. После того, как при сопротивлении Ализону был разрушен Ульмспорт, Роджер с Тефаной и другими отправились к Джойсане. Роджер выдавал себя за Керована, но Кероваи разоблачил его. Захватив Джойсану, Роджер вернулся к своим родным, но погиб, пытаясь одолеть Керована («Хрустальный Грифон»).

Ромсгарт
Маленький городок в Эсткарпе, с рынком для окрестных жителей. Расположен в нескольких милях от пещеры, где швартовались корабли колдеров (на один из них попала Лойз) («Паутина Колдовского Мира»).

Рошан
Конь Всадника-оборотня, скакун Херрела («Год Единорога»).

Рудо
Житель Долин, из Верхнего Холлека. Он был солдатом из долины Торосса, и пришел в Итдейл вместе Тороссом, Ислогой и Ингильдой («Хрустальный Грифон»).

Рыба-меч
Видимо, большая и опасная рыба, водившаяся поблизости от Горма. Она представляла угрозу для людей, или, по крайней мере, с ней рискованно было сталкиваться тем, у кого на вооружении имелся только нож («Колдовской Мир»).

Саврон
Житель Долин, из Верхнего Холлека, лорд Аппсдейла в дни Ульрика. Он, возможно, был отцом Джирерда, Эвальда и Исмей. Саврон получал сообщения Ульрика об ализонцах и занялся вооружением Керована,— заодно организовав встречу лордов севера так, что это не возбудило подозрений ализонских шпионов. Саврон был убит во время войны («Хрустальный Грифон»).

Саймон Трегарт
Человек с Земли. Его семья была родом из Корнуолла, однако Трегарт родился в Пенсильвании, в Матахаме. Во время Второй мировой войны он служил в американской армии, стал подполковником, но был отправлен в отставку за операции на черном рынке в военное время. Саймон работал на человека по имени Хансон,— видимо, это была уголовная организация,— однако затем разошелся с ним и был вынужден бежать, спасая свою жизнь. Он встретился с Джорджем Петрониусом, хранителем Места Силы, и воспользовался этим устройством для того, чтобы открыть путь в Колдовской Мир.

Трегарт попал в Эсткарп через врата на юге Ализона, неподалеку от границы. Он поступил на службу к колдуньям Эсткарпа и боролся с колдерами, отправившись в Горм, Карстен, а затем на остров, где находилось Гнездо Колдеров. Саймон женился на колдунье Джелите, родившей ему троих детей: Киллана, Кемока и Каттею.

Трегарт стал командиром пограничников, особых частей, охраняющих границы с Карстеном. Со временем Саймон покинул Эсткарп, чтобы проверить слухи относительно базы колдеров. Поскольку от Саймона не было известий, Джелита последовала за ним. Они прошли в другой мир, и там встретились со своей уже взрослой дочерью Каттеей, которая отправи-

лась с адептом Хиларионом в некий технологический мир, опустошенный ужасающей войной. Саймон, Джелита, Каттея и Хиларион вернулись в Колдовской Мир через врата Хилариона. Там они оказались втянутыми в древнюю войну Эскора, но с помощью Хилариона сумели повернуть события в пользу Света, и затем Саймон и Джелита вернулись в Эскарп.

Когда из Колдовского Мира исчез Магический Камень и врата начали открываться во всю ширь, Саймон и Джелита помогли закрыть несколько Врат («Колдовской Мир», «Паутина Колдовского Мира», «Трое против Колдовского Мира», «Заклятье Колдовского Мира», «Магический Камень», «Стража Колдовского Мира»)

Самья

Магнис Осберик упоминает «ожерелье в стиле Самья», находящееся среди сокровищ сулкаров. Возможно, Самья — это название расы или народа, с которым торговали сулкары («Колдовской Мир»).

Санту

Человек Древней Расы, из Карстена. Он после бегства из Карстена стал пограничником под командой Саймона Трегарта («Колдовской Мир»)

Сассия

Женщина из Верхнего Холлека, последняя представительница своего рода. Поместье Сассии располагалось на побережье, и оказалось среди первых, захваченных ализонцами. Она укрылась в аббатстве Норстед, но в конце войны те ее родственники, что остались в живых, организовали ее помолвку, чтобы Сассия не оказалась в числе невест Всадников-оборотней. («Год Единорога»).

Саускип

Крепость, штаб-квартира пограничников на юге,— обиталище Саймона Трегарта и его жены Джелиты. В Саускипе располагался главный гарнизон пограничников, набираемых в основном из людей Древней Расы, бежавших из Карстена («Паутина Колдовского Мира»).

Святилище или Обитель

Видимо, аббатство Огня, в Аппсдейле или поблизости от него («Заклятье Колдовского Мира»).

Сигрод
Человек из Сулкара. Моряк, служивший на «Рассекающем волны»; он вместе со своим помощником Инглином доставил Джелиту на остров, где находилась база колдеров («Паутина Колдовского Мира»).

Сим
Город в Верхнем Холлеке, возможно, до войны с Ализоном управляемый Вескисом («Заклятье Колдовского Мира»).

Сиппар
Самый большой город и столица Горма. В Сиппаре был крупный порт и множество складов, и в этом городе жил в своем дворце Лорд-Защитник («Колдовской Мир»).

Сирик
Человек из Карстена, жрец Храма Судьбы в городе Карсе. Сирик был одним из тех троих, кого Ивьян послал для заключения брака на топоре с Лойз. Сирик, видимо, был убит Фальком после бегства Лойз и Джелиты («Колдовской Мир»).

Скиркар
Один из Четырех Лордов, объединивших жителей Верхнего Холлека для борьбы с ализонцами. Поскольку Четыре Лорда прищли с юга, он явно был лордом одной из южных долин («Заклятье Колдовского Мира»).

Сломанный Меч
Эмблема Итдейла и Дома Харба («Хрустальный Грифон»).

Сокольничьи
Люди, служившие на кораблях сулкаров как наемники, или сражавшиеся на стороне Эсткарпа. Их раса происходит из Сальзарата, — страны, лежащей, похоже, где-то далеко к югу от Карстена. Корис говорит Саймону, что сокольничьи явились в Эсткарп из-за моря после того, как их земли захватили варвары, 2000 сокольничьих (2/3 из них — мужчины) бежали на кораблях сулкаров. Когда они устроились в Эсткарпе, их обычай селить женщин в отдельных деревнях оскорбил колдуний, и потому сокольничьи перебрались в горные области к югу от Эсткарпа, к северу от Карстена. Там они построили Соколи-

ное Гнездо и новые деревни для своих женщин и детей. Каждый год сокольничьи отбирали молодых людей, чтобы те отправились в деревни и соединились с женщинами. Слабых детей убивали. Когда мальчики достигали определенного возраста, их забирали в Соколиное Гнездо и обучали искусству воинов. Герцоги Карстена в течение ста лет перед появлением в Колдовском Мире Саймона Трегарта трижды пытались разбить сокольничьих, но сокольничьи выиграли все три войны. Главу Соколиного Гнезда называли Повелителем Крыльев. Хотя колдуньи Эсткарпа избегали официальных отношений с Соколиным Гнездом, они не слишком вникали в отношения между гвардейцами и сокольничими. И этот непризнанный союз служил всем на пользу. Когда же колдуньи воздвигли горы, чтобы остановить армию герцога Пагара, сокольничьих радушно приняли в Эсткарпе. Однако их культура была слишком чужда Эсткарпу. Многие женщины сокольничьих покинули свои деревни, чтобы обеспечить сохранность расы. Некоторые из них осели в Верхнем Холлеке, где со временем объединились с людьми Долин, согласившись принять некоторые из местных обычаев. Сокольничьи обладали тесной связью со своими охотничьими птицами, благодаря чему и возникло название их племени. С птицами им было легче общаться, чем с другими людьми. В горах они ездили на выносливых пони, способных нести двух человек. У сокольничьих рыжие волосы и желтовато-карие глаза («Колдовской Мир», «Колдовской Мир: Великая Перемена»).

Сольфинна

Женщина из Верхнего Холлека, из крепости Васскот. Она была родом из обедневшей семьи, затем завоевала благосклонность лорда Имгри, став одной из невест Всадников-Оборотней. Сольфинна имела по меньшей мере двух сестер. Она вышла замуж за Всадника-Оборотня Хайзина («Год Единорога»).

Старк

Житель Долин, из Верхнего Холлека. Мельник Итдейла. Видимо, убит при захвате долины ализонцами («Хрустальный Грифон»).

Странное Место

Подземная пещера в утесе, на котором стоит крепость Фалька в Верлейне. Джелита определила его как место Силы,

где тысячу или более лет назад люди поклонялись древним богам («Колдовской Мир»).

Сул

Это имя выкрикивают воины-сулкары, идя в битву («Колдовской Мир», «Паутина Колдовского Мира»).

Сулкар

Морской народ, пришедший в Колдовской Мир через врата в северных морях. Их собственный мир стал прибежищем расы настолько чуждой сулкарам, что сулкары попытались уничтожить пришельцев. Однако чужаки оказались слишком сильны, и сулкары сами едва не погибли. Некий адепт Колдовского Мира открыл врата для небольшого флота сулкарских кораблей, и они смогли бежать. Затем сулкары утвердились в Колдовском Мире в качестве торговцев, завоевав своей честностью и храбростью уважение и доброе имя, и вступили в союз с сокольничими, Древней Расой Эсткарпа и людьми Долин из Верхнего Холлека. Часть сулкаров, похоже, вернулась в состояние варварства или полудикости,— видимо, из-за того, что они оказались отрезаны от основной массы беженцев. Возможно, именно они опустошили набегами восточное побережье Эскора. Сулкары со временем построили Сулкаркип — на полуострове к западу от Эсткарпа, и оттуда они торговали со всем миром. Когда Сулкаркип был разрушен, кое-кто из сулкаров отправился в другие земли, но основная их часть, видимо, осела в Эс-порте, под предводительством Аннера Осберика. Сулкары помогали отыскивать врата и уничтожать их («Колдовской Мир», «Паутина Колдовского Мира», «Стража Колдовского Мира», другие книги).

Сулкаркип

Большой город-крепость, расположенный на полуострове к западу от Эсткарпа,— построен в дни прапрадедушки Магниса Осберика, чтобы стать приютом сулкаров и их кораблей во время штормов и войн. Сулкаркип был сооружен из надежного камня, и при его постройке использовались естественные очертания мыса, выступающего в море. По периметру крепости располагались особые сигнальные гонги, чтобы во время тумана предупреждать корабли о близкой опасности. В Сулкаркипе находилось множество складов, и Магнис хвастал, что каждый пират и мелкий лорд Колдовского Мира мечтает о том, чтобы ограбить его город. В крепости всегда нахо-

дился гарнизон, однако и Источник Силы тоже был наготове, на случай, если понадобится уничтожить Сулкаркип. И так оно и случилось во время войны сулкаров с колдерами. Магнис Осберик взорвал Сулкаркип, когда колдеры захватили его («Колдовской Мир»).

Талисман колдеров
Устройство, которое использовала Алдис для того, чтобы поймать в ловушку Лойз и управлять ее мыслями («Паутина Колдовского Мира»)

Тандис
Сокольничий. Он пять лет служил матросом на кораблях сулкаров. Во время войны с колдерами он сопровождал Фальтера на побережье, и был захвачен теми же колдерами, которые взяли в плен Саймона Трегарта («Колдовской Мир»).

Танстон
Человек Древней Расы, из Эсткарпа. Помощник Кориса, второй командир гвардейцев Эсткарпа. Он отправился с Корисом в Сулкаркип, уцелел в битве за город, затем вместе с Корисом и Саймоном очутился в Соколином Гнезде. Оттуда он с Дживином вернулся в Эсткарп. Танстон затем участвовал в атаке на Горм, и был одним из тех двадцати гвардейцев, которые сопровождали Саймона Трегарта в крепость Сиппар («Колдовской Мир»).

Твайфорд
Город или место торговли в землях Вескиса. Возможно, порт («Заклятье Колдовского Мира»).

Те, Что Зажигают Пламя
Некие Силы в Верхнем Холлеке, определяемые как источник священных Огней («Год Единорога»).

Тефана
Женщина из Верхнего Холлека, третья жена Ульрика. Тефана остерегалась Керована, своего второго сына и первого ребенка Ульрика, из-за его копыт. Она обратилась к адепту Тьмы Галкуру за помощью, желая осуществить свои честолюбивые планы, но слишком поздно поняла, что в дело вмешались Гуннора и Ландисл. Она родила Ульрику второго ребенка, дочь Лисану.

Тефана замышляла захватить власть над Ульмсдейлом в пользу своего кровного родственника Роджера, но вторжение Ализона нарушило ее планы. Тефана помогла победе над флотом ализонцев, угрожавшим Ульмсдейлу, но при этом был разрушен Ульмспорт. Тефана погибла, когда призвала Силы Тьмы, чтобы убить Керована («Хрустальный Грифон»).

Тимон

Человек из Верхнего Холлека. Сын Налды и Старка. Он бежал, когда Итдейл был захвачен Ализоном («Хрустальный Грифон»).

То, Что Ждет

Некая сила или силы, к которым обращается Джиллан, чтобы узнать, по какому пути будущее направит людей («Год Единорога»).

Толфана

Женщина из Верхнего Холлека. Она укрывалась в аббатстве Норстед во время войны с Ализоном («Год Единорога»).

Торгус

Житель Долин, вероятно, из Верхнего Холлека. Прародитель Бриксии. Он разрушил Силу Камня Ллана, что бы это ни было такое («Сокровище Зарстора»).

Торосс

Житель Долин, из Верхнего Холлека. Сын Ислоги. Он осенью приезжал в Итдейл, помогая в строительстве зимних хранилищ для Иткрипта. Он подружился с Джойсаной и хотел занять место лорда Итдейла. Торосс был убит в войне с Ализоном. О нем говорится, что он был очень хорош собой и нравился молодым женщинам («Хрустальный Грифон»).

Тревампер

Город или столица на севере Верхнего Холлека. Купцы каждый год устраивали там ярмарки, на которые съезжались люди из северных долин. Тревампер был расположен на пересечении большого тракта и водного пути. Река, протекающая возле Тревампера, была судоходной, и это привлекало морских купцов Сулкара («Заклятье Колдовского Мира», «Хрустальный Грифон»).

Трижды протрубить в рог

Смертный приговор, дающий любому право убить того, относительно кого он произнесен. Герцог Ивьян трижды протрубил в рог перед Древней Расой, мстя за потерю невесты. Возможно, его подтолкнули к этому колдеры («Колдовской Мир»).

Уинтоф

Житель Долин, из Верхнего Холлека, лорд Флатингдейла в дни Ульрика. Он позаботился о вооружении Керована («Хрустальный Грифон»).

Ульм

Житель Долин, основатель и лорд Ульмсдейла. Отец Ульрика. Ульм грабил Места Древних, добывая там сокровища. Он и все его люди в одной из таких экспедиций подхватили некую болезнь, и большинство из них умерли. Ульм имел дела с морскими скитальцами, основавшими Ульмспорт, — видимо, это были купцы, нуждавшиеся в собственном городе-порте («Хрустальный Грифон»).

Ульмсдейл

Долина в северной части Верхнего Холлека, к северу от Вестдейла, к востоку от Финдейла, к югу от Флатингдейла. Ульмсдейл был первым поселением, основанным Ульмом, прадедом Керована. Главным городом был Ульмспорт, который быстро стал важным торговым центром. Ульмсдейл до войны посещали ализонские корабли, и Мудрая из Ульмсдейла обнаружила, что ализонцы задумали вторжение в Верхний Холлек. Во время войны с Ализоном Ульмсдейл был захвачен врагами, и Тефана безуспешно пыталась одолеть их с помощью темной Силы. Ульмсдейл, наверное, снова был заселен после окончания войны с Ализоном («Грифон», «Заклятье Колдовского Мира»).

Ульмсдейл-Кип

Крепость в Ульмсдейле, обитель лордов Ульмсдейла («Хрустальный Грифон»).

Ульмспорт

Город на севере Верхнего Холлека, столица Ульмсдейла. Основана Ульмом примерно за пятьдесят лет до войны с Ализоном. Ульмспорт был разрушен во время этой войны. До войны в

Ульмспорте проводились ярмарки. Лорд Марчпойнта (отец Дайрини) встретился со своей будущей женой именно на ярмарке в Ульмспорте. Ульмспорт, возможно, был заново отстроен после войны («Заклятье Колдовского Мира», «Хрустальный Грифон»).

Ульрик

Человек из Верхнего Холлека, лорд Ульмсдейла. Он был сыном Ульма. Все дети Ульрика от его двух первых жен были либо мертворожденными, либо умерли в младенчестве. Наконец Ульрик женился на Тефане из Палтендейла, за девятнадцать лет до войны с Ализоном (он был уже в зрелом возрасте). Их сыном был Керован, названный по имени кого-то из предков. Ульрик пытался предостеречь лордов Верхнего Холлека о грозящем им вторжении ализонцев, и пытался сам остановить это вторжение, но не сумел собрать достаточных сил. Ульрик был убит во время вторжения («Хрустальный Грифон»).

Ульрика

Мудрая из Верхнего Холлека. Она служила в Доме Кансы Дважды Рожденной, одном из аббатств Огня. Ее также называли госпожой Виртой («Заклятье Колдовского Мира»).

Унго, перевал (или ущелье)

Место в Верхнем Холлеке, где во время войны с Ализоном разразилась большая битва.

Ункар

Сокольничий. Он сопровождал Саймона Трегарта и Кориса, когда они захватили Фалька из Верлейна («Паутина Колдовского Мира»).

Урьян

Один из лордов долин Верхнего Холлека — лорд Лангсдейла. Во время войны он сражался с ализонцами; свою дочь Аннет он выдал замуж за Джиерда из Аппсдейла («Заклятье Колдовского Мира»).

Урьян

Человек из Горма. Младший сын Хильдера, единственный ребенок Орны. Урьян был поставлен Орной на место его старшего брата после смерти Хильдера, но он не сумел прожить достаточно долго, чтобы насладиться властью («Колдовской Мир»).

Ута
Кошка, подруга Бриксии. Это та же самая Ута, которую освободил Кетан, и на которой он женился («Сокровище Зарстора», «Стража Колдовского Мира»).

Фалтингдейл
Долина Верхнего Холлека, расположенная к западу от Норсдейла. В Фалтингдейле много густых лесов («Год Единорога»).

Фальк
Человек из Карстена. Второй сын Фартома. Он стал лордом Верлейна благодаря женитьбе, но имел лишь одного ребенка, дочь Лойз. Фальк был прибрежным бароном в иерархии Карстена, не слишком значимым на взгляд Лойз. Фальк грабил корабли, потерпевшие крушение у берегов Верлейна, рассчитывая увеличить свое богатство и власть. Фальк, видимо, также нападал на земли своих соседей, и Лойз втайне надеялась, что во время одного из таких походов его убьют. Он устроил брак Лойз с герцогом Ивьяном (брак на топоре), властителем Карстена, — но затем был убит Саймоном, Джелитой и Корисом («Колдовской Мир»).

Фалькон-Фист
Гора за востоке Норсдейла («Год Единорога»).

Фальтер
Сокольничий. Пост — у южных ворот Соколиного Гнезда. Он встретил Кориса, Саймона, Джелиту и Лойз и позволил Саймону и Корису встретиться с Повелителем Крыльев, после того, как они показали ему фальшивого сокола, явно изготовленного колдерами и служившего им. Позже Повелитель Крыльев послал Фальтера проверить сообщение о кораблях, спрятанных в пещерах поблизости от владений Соколиного Гнезда, и Фальтер вместе с его людьми был захвачен колдерами («Колдовской Мир»).

Фартом
Человек из Карстена. Лорд, отец Фалька. Владения Фартома располагались среди холмов, к северу от Карстена, — очевидно, неподалеку от границы с Эсткарпом («Колдовской Мир»).

Фаст Ридж
Гора или цепь гор, видимых со сторожевой башни аббатства (монастыря) Норстед («Год Единорога»).

Финдейл
Долина Верхнего Холлека, расположенная к югу от Аппсдейла. До войны с Ализоном в Финдейле каждый год проводились небольшие ярмарки; через пять лет после войны этот обычай восстановился.

Фирте
Женщина из Карстена. Горничная госпожи Алдис. Она приходила в дом Джелиты в Карсе и убедила Алдис, что Мудрая из Карса сумеет помочь той удержать Ивьяна («Колдовской Мир»).

Флатингдейл
Долина Верхнего Холлека, к северу от Ульмсдейла («Хрустальный Грифон»).

Фортал
Человек из Верхнего Холлека, лорд Палтендейла до войны с Ализоном. Он был отцом Тефаны, вышедшей замуж за Ульрика из Ульмсдейла после того, как ее первый муж умер («Хрустальный Грифон»).

Фриза
Женщина Долин, из Верхнего Холлека, жена Фурло. Она стала приемной матерью Джиллан и во время войны с Ализоном бежала вместе с ней в аббатство Норстед, за восемь лет до Года Единорога. Фриза умерла в этом монастыре. («Год Единорога»).

Фурло
Человек из Верхнего Холлека, лорд Зантопа. Он воспитал Джиллан. Фурло погиб в войне с Ализоном («Год Единорога»).

Хазарт
Житель Долин, из Верхнего Холлека, брат Гвеннана («Заклятье Колдовского Мира»).

Хирон
Всадник-оборотень. Капитан, отец Херрела. Тотемом Хирона был орел («Год Единорога»).

Хилле
Человек Древней Расы, захвативший Куэйт. Он был астрологом и алхимиком, использовавшим янтарь для общения с Тьмой. Он, видимо, пылал страстью к Яал, владычице Куэйта, и потому заключил в темницу ее и Брока, ее лорда. Затем Хилле подчинил себе Куэйт. Он рискнул пробраться в Верхний Холлек после войны с Ализоном, в поисках новых источников янтаря. Он женился на Исмей из Аппсдейла, узнав, что закрытые уже разработки янтаря входят в ее приданое. Хилле вернулся в Куэйт, но впоследствии был разбит Исмей, Броком и Яал («Заклятье Колдовского Мира»).

Хлаймер
Человек из Верхнего Холлека, старший сын Тефаны. Он пытался убить Керована, когда тот вернулся в Ульмсдейл после смерти Ульрика. Хлаймер был убит, когда Тефана обратилась к Силам Тьмы, чтобы остановить Керована («Хрустальный Грифон»).

Хокердейл
Долина Верхнего Холлека. На севере граничит с Хэрроудейл. Через долину протекает ручей или маленькая речка. Лорд Имгри установил сторожевой пост в этой долине в конце войны с Ализоном («Год Единорога»).

Храм Судьбы
Храм в городе Карсе («Колдовской Мир»).

Хранитель Границы на юге
Одно из высших воинских званий в Эсткарпе, кроме Капитана Гвардейцев и Маршала. В обязанности Хранителя входила защита южной границы Эсткарпа от нападений Карстена. Саймон Трегарт был Хранителем Границы на юге («Паутина Колдовского Мира»).

Хранительница, или Владычица, или Настоятельница
Старшая среди колдуний Эсткарпа, традиционно — глава Совета колдуний; в течение многих веков именно та, которая занимала это место, была правительницей Эсткарпа. Будучи колдуньями, женщины никогда не открывали своих имен простым людям, и их знали только по титулу («Колдовской Мир», «Паутина Колдовского Мира», другие книги).

Хьюлор
Всадник-оборотень («Год Единорога»).

Час Великого Молчания
Отметка времени в монастыре Норстед («Год Единорога»).

Час Последнего Луча
Отметка времени в монастыре Норстед («Год Единорога»).

Час Пятой Вспышки (или Пятого Огня)
Отметка времени в монастыре Норстед («Год Единорога»).

Чаша и Пламя
Религиозный обряд в Верхнем Холлеке, связанный с браком («Хрустальный Грифон»).

Шавер
Житель Верхнего Холлека. Возможно, кровный родственник или соперник лорда Марбона («Сокровище Зарстора»).

Шарвана
Мудрая из Верхнего Холлека. Жила в Гхилле во времена Вескуса («Заклятье Колдоаского Мира»).

Эвальд
Житель Долин из Верхнего Холлека, брат Джирерда. Эвальд был убит во время войны с Ализоном. Их отец, возможно, Сарвон («Заклятье Колдовского Мира»).

Эггерсдейл
Долина Верхнего Холлека, расположенная неподалеку от Пустыни, где-то среди верхних долин. В Эггерсдейле имелась крепость с деревней из двадцати домов. Дорога вела мимо крепости к низинам («Сокровище Зарстора»).

Элван
Житель Долин, лорд Ришдейла. Средних лет, то ли овдовевший, то ли разведенный к тому времени, когда он решил жениться на Ингильде, дочери Ислоги. Элван был убит во время войны с Ализоном, когда он отступал к своей крепости, пытаясь сопротивляться военным машинам («Хрустальный Грифон»).

Элдор

Человек Древней Расы, из Арвона, лорд Вара. Он был сводным братом Зарстора, и, видимо, намеревался овладеть Силой или стать адептом Тьмы. Души их обоих попали в ловушку, когда Зарстор столкнулся с Элдором («Сокровище Зарстора»).

Энкер

Подземная река, пересекающая Торовы Топи,— по ней продвигались подводные лодки колдеров, чтобы добраться до деревни торов и забрать Саймона Трегарта и Лойз Верлейнскую. Устье этой реки располагается к северу от города Эса («Паутина Колдовского Мира»).

Эс

Столица Эсткарпа. Самый крупный город Эсткарпа. Эс был окружен высокими стенами, а его самым большим строением был замок Эс, цитадель, где находилась база Гвардейцев Эсткарпа. Эс был оживленным торговым центром и сердцем всего Эсткарпа («Колдовской Мир», «Паутина Колдовского Мира», «Стража Колдовского Мира»).

Эсткарп

Владение Древней Расы на восточном континенте. Эсткарп был основан беженцами из Эскора, семьями Древней Расы, которые спасались от опустошающей войны, развязанной адептами Тьмы. Поначалу Древняя Раса в Эсткарпе находилась под защитой немногих оставшихся адептов Света, но после того, как адепты погибли по собственной неосторожности (или бесследно сгинули в огромных вратах в Лормте, которые они пытались открыть), Древняя Раса осталась беззащитной. Из ее остатков возникли колдуньи, и попытались навести порядок, воздвигнув высокую горную цепь между Эсткарпом и Эскором. Постепенно Древняя Раса забыла о своих корнях и создала новую культуру. Столицей этого народа был город Эс, на реке Эс, и именно эти люди построили могучую цитадель. Они установили границу с Ализоном и землями торов, и постепенно некоторые кланы перебрались на юг, чтобы осесть в землях, позже ставших известными как Карстен. Когда впервые пришли корабли сулкаров, Древняя Раса Эсткарпа приветствовала их, впустив корабли в портовые города, такие, как Эс, расположенный в устье реки. Со временем Эсткарп оказался втянутым в

войну с безрассудно смелыми Гончими Ализона, но, выстояв благодаря силе колдуний и мужеству собственных воинов, Древняя Раса постепенно стала главенствовать на западных побережьях, торгуя с молодыми народами Горма, Карстена и Вара. Однако постепенно в Колдовской Мир проникли колдеры, и, осознав угрозу, Древняя Раса попыталась уничтожить их. Корм и Карстен выступили против Эсткарпа, когда Ализон начал новую войну. Когда Карстен обернулся против собственных кланов Древней Расы, Эсткарп приютил гонимых, а затем колдуньи одолели армию Карстена, воздвигнув горы между двумя странами. Сокольничьи, союзники Эсткарпа, основавшиеся в этих горах, какое-то время оставались в Эсткарпе, однако их обычаи были слишком чужды и неприемлемы для Древней Расы, чтобы эти два народа могли по-настоящему сблизиться. Некоторые сокольничьи все же устроились в Эсткарпе после того, как их крепость, Сулкаркип, была разрушена в войне с колдерами. После того, как колдуньи потеряли большую часть своей силы, Корис из Горма стал мудрым правителем Эсткарпа. Он вел страну к тому, чтобы восстановить ее влияние и наладить новые связи с Ализоном, после того, как молодой лорд ализонцев прошел через врата в Лормте. Лормт был старейшим городом Эсткарпа, основанным адептами Света еще до того, как возник собственно Эсткарп. В Лормте частично или полностью сохранились многие древние рукописи, и через тысячи лет маленькая группа ученых принялась разбираться в тайниках Лормта, отыскивая ключи к своему прошлому и источники Силы, благодаря которой их раса когда-то владела миром («Колдовской Мир», «Паутина Колдовского Мира», «Трое против Колдовского Мира», «Заклятье Колдовского Мира», «Колдовской Мир: Великая Перемена», «Магический Камень», «Стража Колдовского Мира»).

Южные Хребты (Южная Гряда)

Холмы или годы на юге Верхнего Холлека, где находились железные рудники. Саврон из Аппсдейла советовался с шахтером с Южной Гряды относительно возможности открытия заново разработок янтаря в Аппсдейле («Заклятье Колдовского Мира»).

Юлианна

Женщина из Верхнего Холлека. Монахиня из аббатства Норстед, преемница Мальвинны в качестве настоятельницы. Она

руководила монастырем в год Единорога и без возражений позволила Джиллан отправиться с невестами Всадников-оборотней («Год Единорога»).

Яал

Госпожа Древней Расы, из Куэйта. Ее внимания добивался Хилле, но Яал была верна Броку, своему мужу. Хилле захватил ее в плен вместе с Броком, но Яал спрятала в крепости змеиный талисман, который нашла Исмэй и использовала для освобождения супругов. После уничтожения Хилле Яал приняла Исмэй как духовную сестру («Заклятье Колдовского Мира»).

Яруго

Житель Долин, из Верхнего Холлека, маршал Ульмсдейла. Он был преемником Джаго, и отправился на войну вместе с Керованом, когда Ульрик послал силы на помощь южным долинам («Хрустальный Грифон»).

СОДЕРЖАНИЕ

СКАЗИТЕЛЬНИЦА 5

ДРАКОНЬЯ ЧАША 333

КУЗНЕЦ ВИДЕНИЙ 417

ЯНТАРЬ ИЗ КУЭЙТА 439

ИСТОРИЯ КОЛДОВСКОГО МИРА 505

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81 (магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Нортон Андрэ

Сказительница

Фантастический роман

Сказания Колдовского Мира

Повесть

Рассказы

Ответственный редактор О.Ю. Клокова
Выпускающий редактор С.Н. Абовская
Редактор О.К. Юрьева
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор С.Б. Валишин
Корректоры Ю.О. Голубева, А.А. Сурнин

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома «Корвус».
Лицензия ЛР № 066477. 190121,
Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1/44 «Б».
Электронные адреса: WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Андрэ Нортон — одна из самых популярных писательниц за всю историю мировой фантастики, более того, один из тех редких авторов, таланту которых в равной степени подвластны как жанр научной фантастики, так и жанр фэнтези, первая и пока единственная женщина, удостоенная Американской ассоциацией писателей-фантастов высокого титула Великого Мастера.

Однако в ряды классиков фантастической литературы нашего столетия Нортон вошла именно благодаря фэнтези — благодаря своей знаменитой эпической саге о Колдовском мире, мире могучих героев и могущественных волшебников, уникальном, бесконечно оригинальном мире, полюбившемся миллионам читателей...

Перед вами — новые произведения цикла. Прочтите!

ISBN 5-17-011020-0